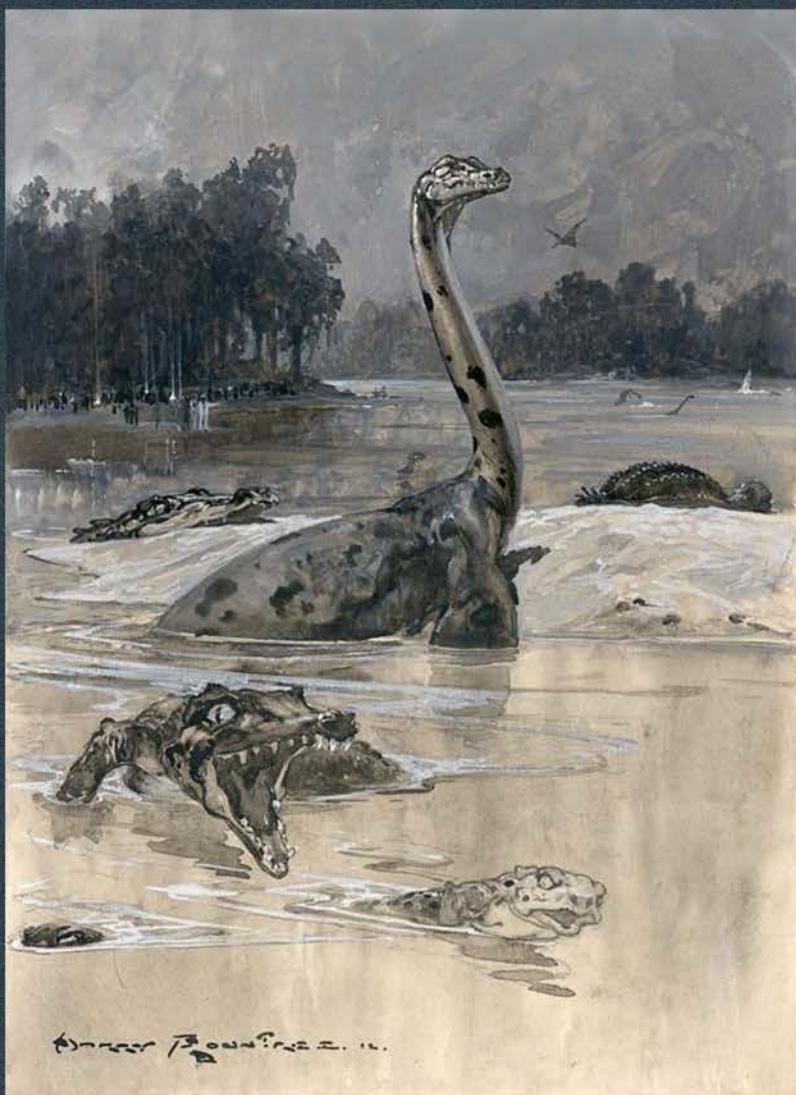

[Polaris]

АРТУР
КОНАН ДОЙЛЬ

ПОГИБШИЙ
МИР

Забытая палеонтологическая фантастика

Том XV

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXLIX

Salamandra P.V.V.

Артур
КОНАН ДОЙЛЬ

ПОГИБШИЙ
МИР

Факсимильное воспроизведение
изданий 1913 г.

Забытая палеонтологическая
фантастика

Том XV

Salamandra P.V.V.

Конан Дойль А.

Погибший мир: Рассказ об изумительных приключениях профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Соммерли и м-ра Э. Д. Мэлона из «Ежедневной газеты». С прил. повести «Отравленный пояс». Пер. З. Журавской. Илл. Г. Раундри. Факсимильное воспроизведение изданий 1913 г. (Забытая палеонтологическая фантастика. Том XV). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. – 105 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXLIX).

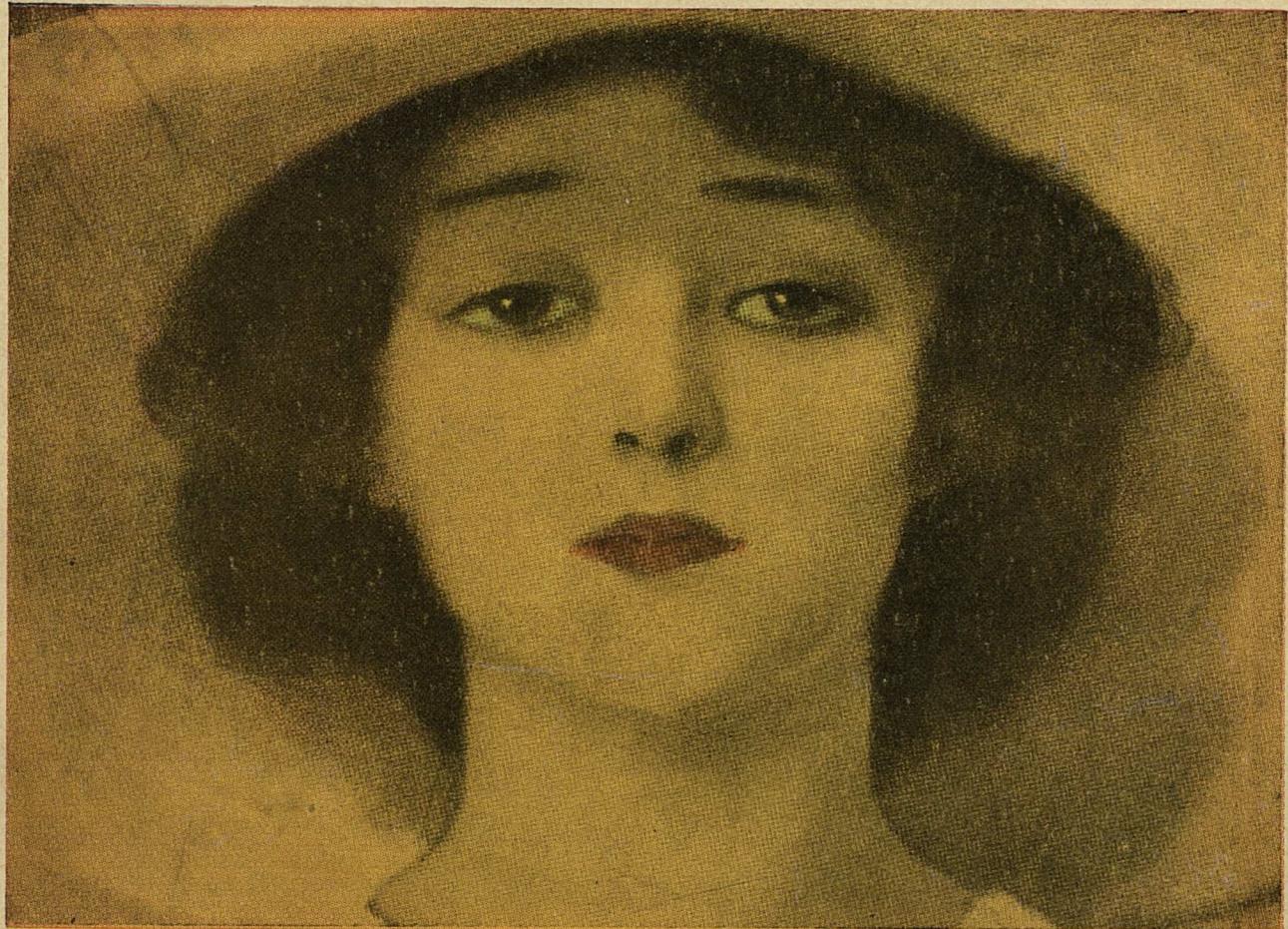
Палеонтологическая фантастика — это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это — захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это — повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

В книге представлено факсимильное воспроизведение одного из первых русских переводов романа А. Конан Дойля «The Lost World», вышедшего в 1913 г., с приложением изданного в том же году перевода повести «Отравленный пояс». Читатели этого издания смогут совершить своеобразное путешествие во времени и увидеть лучший палеофантастический роман мира таким, каким он впервые предстал перед их предками более 100 лет назад.

ПОГИБШИЙ
МИР

Бесплатное приложение ко II изданию „ГАЗЕТЫ-КОПЬЕКИ“

ВОЛНЫ

МАРТЪ.

№ 4.

Издание Товарищества Издательского Дѣла „КОПЬЕКА“.

1913.
С.-Петербургъ.

ПОГИБШІЙ МІРЪ.

Рассказъ объ изумительныхъ приключеніяхъ профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Роктона, профессора Соммерли и м-ра Э. Д. Мэлона изъ «Ежедневной Газеты». Артура Конанъ-Дойля.

Глава I.

Для героя на свѣтѣ мѣста много—
только оглядитесь вокругъ.

М-ръ Хенджертонъ, отецъ миссъ Глэдисъ,—поистинѣ бестактнѣйшее существо, похожее больше на взъерошеннаго, нахолившагося попугая, чѣмъ на человѣка,—въ сущности, очень добродушное, но цѣликомъ сосредоточенное на самомъ себѣ. Если что-нибудь могло бы оттолкнуть меня отъ Глэдисъ, такъ это—перспектива имѣть подобнаго тестя. Я убѣжденъ, что онъ въ душѣ былъ искренно увѣренъ, что яхожу къ нимъ три раза въ недѣлю исключительно ради удовольствія быть въ его обществѣ и слушать его разсужденія о биметаллизмѣ—кстати, по этому вопросу съ дѣйствительно сливть авторитетомъ.

Въ тотъ вечеръ я больше часа слушалъ его монотонное шебетанье о паденіи курса, о томъ, что легковѣсная монета выѣспляетъ старинную пеиновѣсную и т. под.

— Ну, представьте себѣ,—воскликнула съ, пѣтупась,—что все кредиторы въ мірѣ потребовали бы одновременно отъ своихъ должниковъ, чтобы имъ безотлагательно были возвращены полностью взятые у нихъ взаймы деньги. Какъ вы полагаете, что бы изъ этого вышло?

Само собой, я отвѣтилъ, что лично я разорился бы. М-ръ Хенджертонъ вскочилъ со стула, накинулъся на меня съ упреками за мое легкомысліе, не позволяющее говорить со мной ни на какую серьезную тему, и бомбой вылетѣлъ изъ комнаты—впрочемъ, больше потому, что ему пора былоѣхать на масонскій митингъ.

Наконецъ, я остался наединѣ съ Глэдисъ. Насталь рѣшительный моментъ. Весь этотъ вечеръ я чувствовалъ себя, какъ солдатъ, ожидающій сигнала къ бою, отчаянному, почти безнадежному.

Ея гордый и нѣжный профиль такъ красиво вырисовывался на фонѣ красной портьеры. Какъ она была прекрасна! Но и какъ надменна! Мы были съ ею большими друзьями, но эта дружба не шла дальше товарищескихъ отношеній,—словно это была не молодая, красавая дѣвушка, а товарищъ, репортеръ изъ «Ежедневной газеты»—отношеній искреннихъ, простыхъ, дружественныхъ и совершенно безполыхъ. Я, вообще, не терплю, когда женщина со мною слишкомъ искрена и никако не смущается. Это не похвала мужчинѣ. Какъ только женщина начинаетъ при вѣсъ чувствовать себя женственной, она становится недовѣрчивой и ребячкой—наслѣдіе старыхъ временъ, когда любовь и насилие перѣдко шли рука обь руку. Склоненная голова, потушленный взоръ, слабыющій голось, краска въ лицѣ—всѣ признаки страсти, а не спокойный, открытый взоръ и прямые отвѣты. Я не такъ давно живу на свѣтѣ, но этому все же успѣлъ научиться—или же унаследовалъ ту память расы, которую мы зовемъ истиинктомъ.

Глэдисъ обладала всѣми тѣми достоинствами, которыемы цѣнимъ въ женщинахъ. Нѣкоторые находили ее холодной и жестокой, но это было совершенно несправедливо. Нѣжная, смуглая котка, почти какъ у женщинъ востока,

чёрные, какъ смоль волосы, огромные, съ влажнымъ блескомъ глаза, полны, но очаровательно очерченный ротъ—все говорило о томъ, что натура у нея пылкая, страстная. Но вызвать наружу эту страсть миѣ до сихъ порѣ не удавалось и, какъ это сдѣлать, я не зналъ. И все-же ждти дольше я былъ не въ состояніи. Ну, что-жъ—пусть откажется миѣ: лучше быть отвергнутымъ влюбленнымъ, чѣмъ просто братомъ и товарищемъ.

Я уже готовъ былъ нарушить долгое и довольно иловкое молчаніе, когда пара темныхъ глазъ глянула на меня съ укоромъ и гордое лицо неодобрительно улыбнулось.

— Я уже чувствую, что вы хотите миѣ сдѣлать предложеніе, Недъ. Не надо, голубчикъ; такъ, какъ есть, гораздо лучше.

Я приблизился къ ней ближе и съ неподѣльнымъ удивленіемъ спросилъ:

— Откуда вы знаете, что я собираюсь сдѣлать вамъ предложеніе?

— Женщина всегда это знаетъ. Неужели вы думаете, что хотѣть какую-нибудь женщину можно въ этомъ смыслѣ захватить врасплохъ? Ну, зачѣмъ вамъ это, Недъ? У насъ установились такія славныя, дружескія отношенія. Неужели вамъ не жаль испортить ихъ? Неужели вы не чувствуете, какъ это чудесно, когда молодой человѣкъ и молодая женщина могутъ, оставаясь наединѣ, говорить такъ просто, какъ это было у насъ?

— Не знаю, Глэдисъ. Видите-ли, такъ разговаривать я могу и—и съ кондукторомъ.—Я ужъ не знаю, какимъ образомъ миѣ подвернулось именно это слово, но я вынашивалъ его, и невольно мы оба расхохотались.—Этого миѣ мало,—продолжалъ я.—Миѣ надо, чтобы я могъ обнять васъ, чтобы ваша головка лежала у меня на груди; я хочу, о, Глэдисъ!...

Замѣтилъ, что я желаю продемонстрировать наглядно, чего именно я хочу, она поспѣшило вскочила со стула.

— Ну вотъ! Все и испортили! А было такъ хорошо и просто. И вотъ такъ всегда бываетъ. Какая жалость! Неужели вы не можете сдержать себя?

— Да вѣдь я же не выдумываю—я, правда, люблю васъ.

— Видите ли, еслибы мы оба любили, можетъ быть, я и относилась бы къ этому иначе, но чувство любви миѣ совершенно незнакомо.

— Ну, вѣдь это же возмутительно!—Съ вашей красотой, съ вашей душой! О, Глэдисъ, вы созданы для любви. И вы должны любить!

— Можетъ быть, когда-нибудь и полюблю. Чѣмъ же я виновата, что любовь не приходитъ?

— Ну, почему же вы не можете полюбить меня, Глэдисъ? Что вѣсъ отталкиваетъ—моя вѣнѣнность, или что-нибудь другое?

Она немного отодвинулась, протянула руку—такимъ красивымъ, граціознымъ движениемъ,—закинула назадъ мою голову и съ грустной улыбкой взглядалась въ мое приподнятое лицо.

— Нѣть, не въ томъ дѣло. Вы не фатъ и потому я сказ-

«Почему же вы не можете полюбить меня, Глэдись?»

— Ну прямо: ваша внешность скорей привлекает меня. Нет, тут нечто другое, более глубокое.

— Мой характер?

Она строго кивнула головкой.

— Что же я должен делать, чтобы угодить вам? Ну, давайте же сядем и поговорим толком. Нет, нет, я не могу говорить, если вы не сядете.

Она посмотрела на меня удивленно и как будто подозрительно, но это мне было больше по вкусу, чем прежнее ее спокойствие и полная доверчивость. Когда напишешь это черным по белому, выходить ужасно грубо и примитивно, но на дьял... Впрочем, может быть, это только я один так чувствую... Как бы то ни было, она села.

— Ну, теперь скажите мне, что вам во мне не нравится?

— Я влюблена в другого.

Теперь я, в свой черед, вскочил со стула.

— Не в определенного какогонибудь человека, — сказала она, смеясь над испуганным выражением моего лица, — а в идеал. Такого человека я еще никогда не встречала.

— Расскажите же мне, какой он. Как выглядит?

— О, по внешности он очень похож на вас.

— Как это мало с вашей стороны! Но что же он умеет делать, чего я не умею? Вы только скажите, что он такое — вегетарианец, воздухоплаватель, теософ, сверхчеловек — вы только скажите мне, Глэдись, и я постараюсь сдаться таким, — чтобы угодить вам.

Она засмеялась.

— Однако, как вы эластичны! Ну вот: прежде всего, мой идеал не стал бы так говорить, как вы говорите. Это должен быть человек серьезный, с твердым характером, не склонный подчиняться глупым девичьим капризам. Это должен быть человек добра, энергии, способный без страха глядеть в лицо и самой Смерти — человека великих подвигов и необычных переживаний. Мне кажется, я никогда не могла бы полюбить самого человека, но только славу, добытую им, потому что отблеск этой славы падал бы и на меня. Вот я понимаю любовь жены Нансена, или леди Стэнли. Вы читали последнюю заключительную главу этой удивительной книги, которую она написала о своем муже? Вот такого чело-

века женщина может обожать, преклоняться перед ним и в то же время чувствовать и себя великой, чистой целимь миром, какъ вдохновительницу благородныхъ дѣлъ.

Она была такъ прекрасна въ своемъ энтузиазмѣ, что я едва не схватилъ ее въ свои объятия, но во время сдержался и отвѣтилъ:

— Не всѣмъ же быть Нансенами и Стэнли. Да и случая несть. По крайней мѣрѣ, у меня случая не было. Подвернувшись онъ, я бы схватился за него.

— Слuchaевъ сколько угодно. Такие люди, о которыхъ я говорю, сами создаютъ случаи. Ихъ ужъ не удержишь. Я лично такого человека никогда не встрѣчала, но мнѣ кажется, что я превосходно знаю его. Возможностей проявить героизмъ сколько угодно вокругъ насъ. Дѣло мужчины — найти ихъ; дѣло женщины — наградить его за это свою любовью. Вотъ, помните этого молодого француза, который полетѣлъ на воздушномъ шарѣ въ страшный вѣтеръ потому только, что онъ не хотѣлъ отмѣнить назначеннаго полета? Пролетѣлъ въ 24 часа полторы тысячи миль и упалъ въ центрѣ Россіи. Вотъ это одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ я говорю. Подумайте, какъ должна была гордиться имъ женщина, которую онъ любить, и какъ другія женщины должны были завидовать ей! Вотъ я хотѣла бы, чтобы другія женщины завидовали мнѣ, что у меня такой мужъ.

— Я бы сдѣлалъ это въ угоду вамъ.

— Нетъ, не только въ угоду мнѣ, а потому что этого требовала бы ваша натура. Ну вотъ, напримѣръ, прошлый мѣсяцъ, когда вы описывали взрывъ въ угольной шахтѣ, развѣ вы не могли спуститься туда и помочь спасти погибающихъ, не боясь задохнуться?

— Я такъ и сдѣлалъ...

— Этого вы мнѣ не сказали.

— Да чѣмъ же тутъ особенно хвастать?

— Не знаю. — Она посмотрѣла на меня съ большимъ интересомъ. — Это былъ мужественный поступокъ.

— Нельзя было иначе. Для того, чтобы хорошо описать что-нибудь, надо видѣть это своими глазами.

— Какой прозаический мотивъ! Но, все-таки, я рада, что вы это сдѣлали. — Она протянула мнѣ руку, но съ такимъ достоинствомъ, что я могъ только нагнуться и поцѣловать ее. — Должно быть, я только глупенькая фантазерка. Но это до такой степени вѣилось въ меня, до такой степени стало частью меня самой, что я не могу не считаться съ этимъ. Если я выйду замужъ, я выйду только за человека, сумѣвшаго прославиться.

— Да развѣ-же это такъ трудно? — воскликнулъ я. — Вы именно такая женщина, которая можетъ воодушевить мужчину и толкнуть его на подвигъ. Вы уже воодушевили меня. Дайте мнѣ только случай, вы увидите, какъ я схвачусь за него. Я заставлю говорить о себѣ.

Глэдись засмеялась.

— Почему же и чѣмъ? У васъ есть все, что нужно для этого — молодость, здоровье, сила, энергія, образование. Мне было досадно, когда вы начали говорить, но то иеръ я такъ рада — такъ рада...

— И если я...

Ея рука, какъ мягкий бархатъ, легла на мои губы.

— Ни слова болѣе. Вамъ уже полчаса тому назадъ сдѣлало быть въ редакціи, но у меня не хватало духу напоминать вамъ обѣ этомъ. Когда-нибудь, когда вы завоуете себѣ място въ мірѣ, мы, можетъ быть, и возобновимъ этотъ разговоръ...

И вотъ почему, въ этотъ туманный ноябрьский вечеръ я мчался быстрѣе вѣтра, дожигая трамвай, и сердце мое пылало рѣшимостью совершилъ подвигъ, достойный любимой дѣвушки, и притомъ, какъ можно скорѣе. Но развѣ могъ я тогда предполагать, въ какую невѣроятную форму облечется этотъ подвигъ, и какимъ страннымъ путемъ я дойду до него?..

Читателю может показаться, что эта вступительная глава не иметь ничего общего с рассказом; а, между тем, без нея не было бы и самого рассказа, ибо только человекъ, воодушевленный каждой геройской подвига, может порвать съ обычной жизнью и ринуться въ волшебную, загадочную область великихъ приключений и великихъ наградъ. Въ редакціи «Ежедневной газеты» я былъ можно сказать, последней спицей въ колеснице, но шель я туда въ этотъ вечеръ съ твердой решимостью найти себѣ дѣло, достойное моей Глэдись. Зачѣмъ ей нужно было непремѣнно, чтобы я рисковалъ жизнью во славу ея? Не было ли это съ стороны эгоизма, честности души? Такія мысли могутъ являться у человека среднихъ лѣтъ, но не у пылкаго 23-лѣтняго юноши, охваченнаго горячкой первой любви.

Глава II.

Попытайтъ счастья у профессора Чалленджера.

Мнѣ всегда былъ симпатиченъ Мак-Ардль, напрѣвѣдующій хроникой, полный, рыжий, ворчливый, съ согнутой спиной отъ вѣчнаго сидѣнья надъ газетой. Разумѣется, настоящей звѣздой редакціи былъ Бьюмондъ, но онъ обиталъ на высотахъ Олимпа, откуда онъ и не могъ различить ничего менѣе крупнаго, чѣмъ международный кризисъ, или же расколъ въ кабинетѣ министровъ. Порой мы видѣли его шествующимъ въ одинокомъ величіи въ свое святилище—кабинетъ, гдѣ онъ часами сидѣлъ, глядя въ пространство и витая мыслью надъ Балканами и Персидскимъ заливомъ. По отношенію къ намъ, онъ стоялъ на недосягаемой высотѣ, и намъ приходилось имѣть дѣло только съ его старшимъ помощникомъ, Мак-Ардемъ.

Старикъ кивнулъ мнѣ, когда я вошелъ въ комнату, и сдвинулъ очки на лобъ.

— Ну-съ, м-ръ Мэлонъ, ваши дѣла, повидимому, идутъ отлично.

Я поблагодарилъ его.

— Взрывъ въ шахтѣ былъ описанъ превосходно; точно такъ же, какъ и пожаръ въ Саузвортѣ. У васъ врожденный талантъ къ описаніямъ. По какому поводу вы хотѣли видѣть меня?

— Чтобы попросить у васъ милости.

Онъ видимо встревожился.

— Что такое? въ чѣмъ дѣло?

— Не думаете ли вы, сэръ, что вы могли бы дать мнѣ какое-нибудь отвѣтственное порученіе для газеты? Я бы приложилъ всѣ старанія...

— Т. е., о какомъ, собственно, порученіи вы говорите?

— Мнѣ все равно какое, только бы рискованное и опасное. И чѣмъ труднѣе, тѣмъ лучше.

— Вы очень торопитесь разстаться съ жизнью.

— Вѣрнѣе, оправдать свое существование.

— Боже мой, м-ръ Мэлонъ, какъ вы экзальтированы!

Боюсь, что подобные эксперименты уже отжили свой вѣкъ. Специальные командировки обходятся обыкновенно очень дорого и рѣдко оправдываютъ расходы; и во всякомъ случаѣ подобное порученіе мы могли бы дать развѣ только человѣку опытному, человѣку съ именемъ, пользующемуся довѣріемъ публики. Пустыя мѣста на глобусѣ теперь уже всѣ заполнены и романтизму въ наши дни неѣтъ мѣста. Впрочемъ, погодите!—Онъ неожиданно улыбнулся.—Что вы скажете о такой задачѣ: вывести на свѣжую воду современаго Мюнхгаузена, изобличить его обманъ и вышутить его публично. А вѣдь это было бы недурно! Какъ вы полагаете?

— Что хотите, куда хотите—мнѣ все равно.

На минуту Мак-Ардль задумался.

— Я только не знаю, удастся ли вамъ поговорить по душамъ—и можно ли вообще разговаривать по человѣчески съ этимъ господиномъ. Впрочемъ, у васъ талантъ заводить сношения съ людьми и внушать имъ симпатію—ужъ не

знаю, что это: или животный магнетизмъ—или, можетъ быть, просто ваша молодость. Я и на себѣ это испытываю.

— Вы очень добры, сэръ.

— Собственно говоря, почему бы вамъ не попытать счастья у профессора Чалленджера?

Признаться, я немного удивился.

— Чалленджеръ? Профессоръ Чалленджеръ, знаменитый зоологъ? Это тотъ самый, который проломилъ че́репъ Бленделю изъ «Телеграфа»?

Завѣдующій хроникой усмѣхнулся.

— Бойтесь? А вы же говорили, что ищете приключений.

— Если это необходимо для дѣла...

— Въ данномъ случаѣ необходимо. Не всегда же онъ такой свирѣпый. Блендель, должно быть, попался ему подъ сердитую руку или же не сумѣлъ подойти къ нему. Вы можете оказаться счастливѣе его, или тактичнѣе. Я думаю, что какъ разъ у него вы могли бы найти желаемое, и «Газета» взялась бы за такое дѣло.

— По правдѣ говоря, я ничего о немъ не знаю,—только имя мнѣ запомнилось изъ судебной хроники, въ связи съ побоями, нанесенными Бленделю.

— У меня есть кой-какія замѣтки, которыя я могу дать вамъ для руководства, м-ръ Мэлонъ. Я уже давнѣнко слѣжу за этимъ чудакомъ.—Онъ вынулъ изъ ящика нѣсколько стола листокъ бумаги, на которомъ вкратцѣ было написано слѣдующее:

«Чалленджеръ, Джоржъ Эдуардъ. Родился въ Ларгсѣ, въ 1863 году. Образование получилъ въ Ларгской школѣ и въ Эдинбургскомъ университѣтѣ. Въ 1892 году назначенъ ассистентомъ въ Британскій музей. Въ 1893—завѣдующимъ отдѣломъ сравнительной антропологии. Въ томъ же году оставилъ мѣсто, послѣ довольно рѣзкой переписки съ начальствомъ. Имѣть Крейстонову медаль за зоологическія изысканія. Членъ ученыхъ обществъ—бельгійского, американской Академіи Наукъ, Зоологического общества въ Ля-Платѣ (слѣдовали двѣ строчки петитомъ); экс-президентъ Палеонтологического Общества и т. д., и т. д.—Научные труды: «Нѣсколько наблюдений надъ черепами кальмыковъ»; «Очерки эволюціи позвоночныхъ» и множество брошюръ, изъ которыхъ одна, заключающая въ себѣ критику извѣстной теоріи Вейсмана, вызвала жаркія пренія на Вѣнскомъ конгрессѣ зоологовъ. Развлечения: долгія прогулки, лазанье по горамъ. Адресъ: Энморъ-паркъ, Кенсингтонъ».

— Возьмите это съ собой. Пока я ничего больше не могу сообщить вамъ интереснаго.

Я спряталъ бумажку въ карманъ.

— Одну минуту, сэръ!—взмолился я, замѣтивъ, что передо мной уже не красное лицо, а розовая лысина.—Для меня все-таки неясно, зачѣмъ именно мнѣ надо интервьюировать этого господина? Что онъ сдѣлалъ замѣчательнаго?

Мак-Ардль снова повернулся ко мнѣ лицомъ.

— Два года назадъ онъѣздили въ Южную Америку, одинъ. Пробыли тамъ цѣлый годъ. Быть, несомнѣнно, въ Южной Америкѣ, но гдѣ именно—въ точности не указывается и, когда у него начали вышѣтывать, онъ замкнулся въ себѣ, какъ устрица. Или онъ просто врѣтъ—что всего правдоподобнѣе—или же съ нимъ, дѣйствительно, случилось тамъ нѣчто изумительное. Обидчивъ до того, что, какъ только его начинаютъ разспрашивать, лѣзть драться, а репортеровъ просто на просто спускается съ лѣстницы. На мой взглядъ это, вѣрнѣе всего, манія величія на научной подкладкѣ. Вотъ онъ каковъ, вашъ профессоръ Чалленджеръ. Поехжайте, попробуйте, можетъ быть что-нибудь изъ него и вытянете. Вы ужъ не маленький, пяпекъ вамъ не нужно. Не хотите—неѣзжите. Если приключится съ вами непріятность какая, денежно, вы знаете,—отвѣтчаетъ редакція.

Багровое лицо слова скрылось, уступив место ровватой лысине, обрамленной сиримь пункомъ. Разговоръ былъ оконченъ.

Я направился было къ Клубу Дикихъ, но вместо того, чтобы зайти туда, усѣлся на террасѣ Адельфи и долго за-думчиво смотрѣлъ на темную, лоснящуюся, словно масломъ смазанную, поверхность рѣки. На сѣжѣмъ воздухѣ у меня всегда и голова свѣжѣй, и легче думать. Я взялъ списокъ подвиговъ профессора Чалленджера и снова перечиталъ его при свѣтѣ электрической лампочки. И вдругъ у меня явилось—я не могу назвать это иначе, какъ вдохновеніемъ. Я чувствовалъ, что, въ качествѣ представителя печати мнѣ не добраться до этого сварливаго профессора. Но его сварливость, по видимому, означала только, что онъ фанатикъ своей науки. Нельзя ли подступиться къ нему съ этой стороны. Попробуемъ.

Я вошелъ въ клубъ. Былъ уже двѣнадцатый часъ и въ большой гостиной было уже довольно людно, хотя толкотни еще не было. Въ креслѣ у камина сидѣлъ высокій, тошній, угловатый господинъ. Когда я придинулъ къ нему свой стулъ, онъ повернулся ко мнѣ лицомъ. Это былъ именно тотъ, кого мнѣ нужно было—Тарнъ Генри изъ «Природы»—сухой, тошній, кожа да кости, но со всѣми, кто зналъ его,—добрый и ласковый. Я приступилъ прямо къ дѣлу.

— Что вы знаете о профессорѣ Чалленджерѣ?

— О Чалленджерѣ?—Онъ сдвинулъ брови.—Это тотъ, который вырѣзъ какая-то небылицы изъ Южной Америки?

— Какія небылицы?

— Да про какихъ-то необыкновенныхъ животныхъ, которыхъ онъ будто бы видѣлъ тамъ. Впрочемъ, онъ, кажется, теперь и самъ уже отказался отъ своихъ словъ. Послѣ того, какъ было опубликовано его интервью съ корреспондентомъ Рейтера, противъ него поднялась такая травля, что онъ самъ увидѣлъ, что это лучше оставить. Два-три человѣка, правда, были склонны отнестись къ этому съ полной серьезностью, но онъ и ихъ скоро оттолкнулъ отъ себя.

— Чѣмъ-же?

— Своей несѣроятной грубостью. Напримѣръ, бѣдный старикъ Ваддлай изъ Зоологического Института, послалъ ему такого рода записку: «Директоръ Зоологического Института свидѣтельствуетъ свое почтеніе профессору Чалленджеру и сочтетъ за личное одолженіе, если профессоръ окажетъ Институту честь своимъ присутствіемъ на слѣдующемъ засѣданіи».—Отвѣтъ былъ непечатаный.

— Что вы говорите?

— Въ болѣе приличной версіи онъ гласилъ слѣдующее: «Профессоръ Чалленджеръ свидѣтельствуетъ свое почтеніе директору Зоологического Института и сочтетъ за личное одолженіе, если тотъ уберется къ дѣволу».

— Господи помилуй!

— Бѣдный старикъ прямо взывалъ. «Я—говорить—бо лѣтъ работаю и никогда...» Очень огорчился бѣдняга.

— А еще что вы знаете о Чалленджерѣ?

— Видите-ли, я, вѣдь, бактериологъ. Я живу около своего микроскопа и почти не обращаю вниманія на то, что можно видѣть невооруженнымъ глазомъ. Я стою на грани-цѣ познаваемаго и чувствую себя совершенно не въ своей тарелкѣ, когда мнѣ случается бросать свою работу и входить въ соприкосновеніе съ большими, грубыми двуногами. Держусь я особнякомъ и сплетеніе не слушаю, не о Чалленджерѣ все-таки кое-что слышалъ, такъ какъ онъ изъ тѣхъ людей, которыхъ нельзя не знать. Онъ несомнѣнно умень, талантливъ; сила и жизнеспособность огромны, но при этомъ сварливъ, озлобленъ и недобросовѣстенъ. Говорить, что эти фотографіи его, которыхъ онъ будто бы вывезъ изъ Южной Америки, подѣльныя.

— Словомъ выходить, онъ большой чудакъ. Въ чѣмъ же заключается его чудачество?

— О, у него ихъ тысячи. Послѣднее время онъ воюетъ съ Вейсманомъ и его теоріей эволюціи. Какъ онъ ополчился на того на вѣнскомъ конгрессѣ!..

— За что именно? вы не можете мнѣ сказать?

— Въ此刻ъ моментъ нѣть, но у насъ въ клубной библиотекѣ имѣется переводъ протоколовъ засѣданій этого конгресса. Хотите пройти въ библиотеку?

— Очень хочу. Мнѣ это необходимо. Я послѣднѣй интервьюировалъ этого господина и мнѣ нужна какая-нибудь руководящая нить. Спасибо вамъ, вы очень добры. Если только не поздно, я сейчасъ же пройду съ вами въ библиотеку.

Полчаса спустя я сидѣлъ у себя въ редакціи надъ толстой книгой, раскрытої на статьѣ: «Вейсманъ противъ Дарвина». Мое научное образованіе было не особенно блестяще и мнѣ трудно было усвоить себѣ всю сущность преній, но очевидно было, что англійскій профессоръ и со своими коллегами на сѣянѣ обопѣлся почти такъ же, какъ у себя дома съ репортёрами. Отчетъ о засѣданіи такъ и нестрѣль по мѣтками: «Протесты», «Общее негодованіе», «Просьба предсѣдателю остановить оратора» и пр., и пр. Но о чёмъ собственно шелъ споръ, это было для меня также неизпятно, какъ если бы отчетъ былъ написанъ по-китайски.

— Что, еслиъ вы перевели это для меня на англійскій языкъ?—взмолился я къ м-ру Генри.

— Да, вѣдь, это же и есть переводъ.

— Тогда не попытайся ли мнѣ перевести это обратно на нѣмецкій? Можетъ быть, тогда оно будетъ понятіе?

— Да, для непосвященнаго человѣка это дѣйствительно немножко трудно.

— Если-бы хоть одну фразу выловить, которая была бы мнѣ вполнѣ понятна. Ага! нашелъ. Кажется, даже понимаю въ чѣмъ дѣло. Надо выписать.

— Могу я вамъ и еще чѣмънибудь быть полезенъ?

— О да, я хочу написать ему. Если вы разрѣшите мнѣ поставить здѣшній штемпель и написать вашъ адресъ, это придастъ письму больше солидности.

— Ну да, а потому онъ явится сюда, нашумитъ и переломаетъ всю мебель.

— Нѣть, нѣть, я дамъ вамъ прочесть письмо—ничего подобнаго, увѣрлю васъ.

— Ну хорошо, вотъ мой письменный столъ—садитесь, на немъ есть и бумага, и конвертъ. Только все-таки я прочту ваше письмо прежде, чѣмъ вы его отправите.

Надѣялся письмомъ я таки не мало потрудился, но зато остался имъ доволенъ и не безъ гордости прочелъ его своему строгому критику:

«Любезный профессоръ Чалленджеръ! Въ качествѣ скромнаго натуралиста я всегда съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ за Вашими спекулятивными выводами относительно различій между Дарвиномъ и Вейсманомъ. На дняхъ мнѣ представился случай освѣжить свою память, перечитавъ....

— Вотъ врѣтъ-то!—пробормоталъ Тарнъ Генри.

—перечитавъ Вашъ блестящій докладъ на вѣнскомъ конгрессѣ. По исполнѣи, по удивительной точности наложенія, онъ является послѣднимъ словомъ въ этой области. И все же, въ немъ есть одна фраза, а именно: «Я рѣшительно протестую противъ непримѣнаго и догматического утверждения, будто всякий отдельный индивидъ есть микрососьмь, обладающій исторической архитектурой, которая медленно вырабатывалась на протяженіи цѣлаго ряда поколѣній»,—по поводу которой я желалъ бы съ Вами побѣдовать. Не думаете ли Вы, что она слишкомъ категорична и, въ виду новѣйшихъ изысканій, Вы могли бы нѣсколько измѣнить ее? Если Вы ничего не имѣете противъ, я прошуъ бы, какъ милости, разрѣшнія повидаться съ Вами, такъ какъ эта тема чрезвычайно меня интересуетъ и у меня

есть некоторые свои мысли по этому поводу, которых я мог бы разрешить только в личной беседе. С Вашего разрешения, я позволю себе иметь честь заглянуть к Вам в 11 час. утра послезавтра (в среду).

«Свидетельствуя Вам свое глубокое уважение, честь имѣю быть искренне преданным Вам Эдуардом Мэлонъ».

— Ну, какъ вы находите?

— Что-жъ, если ваша совѣсть допускает....

— До сихъ поръ мои совѣсти никогда еще не бунтовали.

— Но, что же вы намѣрены дѣлать?

— Бѣхать къ нему. Минѣ бы только попасть въ его кабинетъ, а тамъ ужъ я сообразжу. Можетъ быть, мнѣ даже удастся заставить его выложить все на чистоту. Если онъ спортсменъ, ему это покажется занятіемъ.

— Занятіемъ? Смотрите, какъ бы онъ васъ съ лѣстницы не спустилъ. Рекомендую вамъ надѣть на себя кольчугу или по крайней мѣрѣ американский костюмъ для футбола. Ну, прощайте! Зайдите сюда за отвѣтомъ въ среду утромъ,—если только онъ удостоитъ отвѣтить вамъ. Это опасный человѣкъ, сварливый, вспыльчивый, непавидимый всѣми, кто съ нимъ сталкивался и мишенъ насыпшись студентовъ, поскольку они позволяютъ себѣ съ нимъ вольности. Можетъ быть, лучше было бы для васъ, еслибы вы никогда не слыхали о немъ.

Глава III.

Это совершенно невозможный человѣкъ.

Опасеніемъ или надеждами моего друга не суждено было осуществиться. Когда я зашелъ въ среду въ клубъ, тамъ уже лежалъ отѣтъ изъ западнаго Кенсингтона съ моимъ именемъ на конвертѣ, выведенными словно не перомъ, а зубчатой проволокой. Онъ гласилъ слѣдующее:

«Энморъ-паркъ.

М. Г.!

Я получилъ Ваше письмо, въ которомъ Вы претендуете на сочувствіе моимъ взглядамъ, хотя я не думаю, чтобы они пуждались въ сочувствіи Вашемъ или чѣмъ бы то ни было. Вы осмѣлились употребить слово «спекулятивный» въ связи съ моими утверждѣніями относительно дарвинизма. Обращаю Ваше вниманіе на тотъ фактъ, что подобное слово здѣсь неумѣстно и даже до извѣстной степени оскорбительно. Но весь контекстъ убѣждаетъ меня, что Вамъ подсказала его скрѣпѣ Ваша безтактность, чѣмъ злая воля, и потому я только вскользь упомянулъ обѣ этимъ. Вы цитируете отдельную фразу изъ моего доклада. Повидимому, Вамъ она не совсѣмъ посвѣтна. Мнеъ казалось бы, что только позади разг҃да умъ не въ состояніи сразу взять въ толкъ ея значеніе; но если, дѣйствительно, ее нужно развить и дополнить, я согласенъ принять Васъ въ назначенный Вами день и часъ, хотя, вообще, терпѣть не могу визитовъ и визитеровъ. Что касается Вашего предложенія, что я могу измѣнить свое мнѣніе, да будетъ Вамъ извѣстно, что я не имѣю привычки дѣлать это послѣ того, какъ я, все обдумавъ и взвѣшивъ, публично изложилъ свои взгляды. Будьте любезны показать конвертъ этого письма моему слугѣ Аустину, такъ какъ ему поручено всячески оберегать меня отъ вторженія наглыхъ негодяевъ, именующихъ себя журналистами.

Преданный Вамъ Джоржъ Эдуардъ Чалленджеръ.

Вотъ каковъ былъ отвѣтъ профессора. Когда я прощалъ его м-ру Генри, тѣтъ сказала только:

— Вы бы зашли въ аптеку справиться—есть какое-то новое средство отъ ушибовъ—лучше арники. Сейчасъ не вспомню, какъ оно зовется.

— У некоторыхъ людей странная манера шутить.

Было уже почти половина одиннадцатаго, когда я прощалъ это письмо; тѣмъ не менѣе таксомоторъ во-время доставилъ меня на мѣсто. Онъ остановился передъ большимъ,

солидной вѣнчаности домомъ, съ красивымъ портикомъ и тяжелыми гардинами на окнахъ, указывавшими на зажиточность хозяина. Дверь отворяло какое-то странное, темнокожее, высокое существо неопределенного возраста, въ темной матросской курткѣ и въ коричневыхъ кожаныхъ гетрахъ. Потомъ я узналъ, что это былъ шофферъ, систематически исполнявший обязанности швейцара и буфетчика, обыкновенно черезъ три дня послѣ поступления сбѣгавшихъ. Онъ огляделъ меня съ ногъ до головы пытливыми светло-голубыми глазами.

— Васъ ожидаютъ?—спросилъ онъ.

— Да, мнѣ назначено.

— Письмо съ вами?

Я показалъ ему конвертъ.

— Правильно.

Повидимому, онъ былъ не любитель разговаривать. Я пошелъ за нимъ по коридору, но неожиданно былъ остановленъ маленькаго роста женщиной, вышедшей, какъ потомъ оказалось, изъ дверей столовой. Это была живая, темноглазая женщина, по типу скорѣй француженка, чѣмъ англичанка.

— Одну минуту!—сказала она.—Подождите здѣсь, Аустинъ. Войдите сюда, сэръ. Позвольте васъ спросить: вы раньше когда-нибудь встречались съ моимъ мужемъ?

— Нѣтъ, сударыня, не имѣль чести.

— Въ такомъ случаѣ я заранѣе извиняюсь передъ Вами. Я должна васъ предупредить, что это совершенно невозможный человѣкъ, прямъ таки невозможный. Я нарочно васъ предупреждаю, чтобы вы были снисходительны.

— Это очень любезно съ вашей стороны.

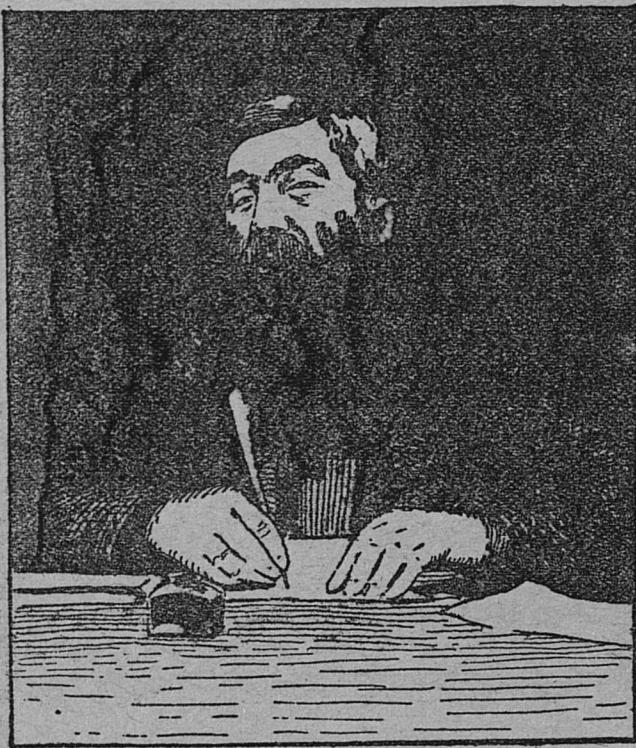
— Если вы замѣтите, что онъ сердится, скорѣй уходите. Не вступайте съ нимъ въ споръ. Нѣсколько человѣкъ уже пострадали изъ-за этого. А потомъ это кончается обыкновенно скандаломъ, который бросаетъ тѣнь и на меня, и на всѣхъ настѣ. Я надѣюсь, вы не о Южной Америкѣ собираетесь разговаривать съ нимъ.

Я не могъ солгать женщинѣ и отвѣтилъ правду.

— Ахъ ты, Господи! такъ вѣдь это самая опасная тема. Вы, конечно, не повѣрите ни единому слову изъ того, что онъ вамъ будетъ рассказывать, и меня это чѣмъ-то не удивитъ. Но вы только этого не говорите, потому что его это страшно сердитъ. Сдѣлайте видъ, будто вы ему вѣрите, и тогда, можетъ быть, все обойдется благополучно. Помните, что самъ онъ искренно вѣрить въ свое открытие. Онъ—честнѣйший человѣкъ. Ну, теперь идите, а то онъ, чего доброго, заподозритъ, что я предупредила васъ. Если онъ вѣрить покажется опаснымъ—прямъ таки *спасибо*—вы позвоните и постарайтесь сдержать его до тѣхъ поръ, пока я приду. Даже, когда онъ очень сердитъ, мнѣ обыкновенно удастся сдерживать его.

Подбодривъ меня такимъ образомъ, маленькая женщина сдала меня съ рукъ на руки молчаливому Аустину, который ждалъ, недвижный, какъ бронзовая статуя, пока мы разговаривали и затѣмъ повѣль меня дальше. Дойдя до конца коридора, онъ постучалъ въ дверь. За дверью раздался собачий лай, дверь отворилась и я очутился лицомъ къ лицу съ профессоромъ.

Онъ сидѣлъ въ вертящемся креслѣ за большими столомъ, покрытымъ книгами, картами и диаграммами. Когда я вошелъ, онъ повернулся ко мнѣ лицомъ. Признаюсь, у меня духъ захватило. Я ожидалъ видѣть передъ собой нѣчто странное, но не до такой же степени. Прежде всего поражали гигантскіе размѣры его тѣла. Такой огромной головы у человѣка я еще никогда не видѣлъ. Я уѣрѣнъ, что, еслибы я надѣлъ его шляпу, она покрыла бы меня до плечъ. Лицо у него было широкое, извѣтное, а борода лопатой, изсиня-черная, совсѣмъ ассирийская, и ниспадающая до половины груди. Волосы спереди длинной извилистой прядью спускались на лобъ. И глаза подъ густыми кустистыми чер-

Проф. Чалленджеръ за работой.

ными бровями были сбро-голубые, ясные, зоркие, съ властнымъ взглядомъ. Надъ столомъ виднѣлись только могучія плечи и выпуклая, боченкомъ, грудь, да дѣвъ огромныя руки, покрытыя длинными черными волосами. Поразилъ меня и голосъ его, больше похожій на раскаты грома, или рыканіе льва, чѣмъ на обыкновенный человѣческий голосъ.

— Ну, — рявкнулъ онъ, предерзко уставившись на меня, — что скажетъ?

Очевидно нужно было поддержать обманъ; иначе напрѣвью закончилось бы на первой же фразѣ.

— Вы были такъ любезны, что разрѣшили прѣѣхать къ вамъ, сэръ, — смириенно началъ я, вынимая конвертъ.

Онъ взялъ со стола письмо и разложилъ его передъ собой.

— Ахъ, это вы тотъ молодой человѣкъ, который не понимаетъ, когда съ нимъ говорять по-англійски? Мои общіе выводы, на сколько я могу понять, вы изволите одобрять?

— Всепѣло, сэръ, всепѣло! — съ пафосомъ воскликнулъ я.

— Такъ-съ; это, разумѣется, большая честь для меня. Вашъ возрастъ и ваша внѣшность, разумѣется, дѣлаютъ вашу поддержку еще болѣе цѣнной, — не такъ-ли? Ну что жъ, во всякомъ случаѣ, вы лучше этого стада свиней, въ Вѣнѣ, хотя ихъ совмѣстное хрюканье не болѣе пугаетъ меня, чѣмъ отдельные голоса нашихъ британскихъ свиней. — Онъ посмотрѣлъ на меня такими глазами, какъ-будто я явился къ нему представителемъ отъ всей свиной породы.

— Мнѣ ихъ поведеніе представляется гнуснымъ, — сказалъ я.

— Смѣю васъ уѣврить, что я и самъ умѣю постоять за себя и въ вашемъ сочувствіи ничуть не нуждаюсь. Такъ что это мы оставимъ. Мнѣ нужно только одно, — чтобы никто ко мнѣ не лѣзъ и не трогалъ меня. Ну-съ, а затѣмъ, постараемся сократить вашъ визитъ, который едва ли можетъ быть пріятель вами и невыразимо тѣгостенъ для меня. Повидимому, вы желаете сдѣлать какія-то дополненія къ тому положенію, которое я выставилъ въ своеемъ докладѣ.

На такой прямой натискъ отвѣтить уклончиво было немыслимо. Приходилось тянуть игру. Я взмолился къ сво-

ей ирландской находчивости. А онъ смотрѣлъ на меня острыми, какъ сталь, глазами и ворчалъ: «Ну, ну, вѣкладывайте, что тамъ у васъ».

— Разумѣется, я не ученый... — началъ я съ фатвой улыбкой. — Я просто, такъ сказать, любитель, дилетантъ. Мнѣ показалось, что вы — что вы немножко слишкомъ строги къ Вейсману. Развѣ вы не находите, что новѣйшія научные изслѣдованія до извѣстной степени, — какъ бы это выразиться, — подтверждаютъ его теорію?

— О какихъ изслѣдованіяхъ вы говорите? — Въ его спокойномъ голосѣ чувствовалась угроза.

— Разумѣется, *васъ* они не убѣдятъ. Я имѣлъ въ виду, такъ сказать, общее направлѣніе современной научной мысли — такъ сказать, общенаучную точку зреія, если можно такъ выразиться.

Онъ нагнулся впередъ и началъ допрашивать меня, одинъ за другимъ загибая пальцы.

— Я полагаю, вамъ извѣстно, что зародышевая спазма не то же самое, что патеногенетическое яйцо?

— Ну разумѣется! — воскликнулъ я, самъ удивляясь своей наглости.

— Ну что же это доказываетъ? — продолжалъ онъ ласково, даже вкрадчиво.

— И въ самомъ дѣлѣ, что же это доказываетъ? — пролепеталъ я.

— Сказать вамъ?

— Пожалуйста.

— Это доказываетъ, — вдругъ свирѣпо заревѣлъ онъ, — что вы — наглый обманщикъ — подлый пресмыкающійся журналистъ, который имѣть такъ же мало понятія о наукахъ, какъ и о благопристойности.

Онъ вскочилъ на ноги. Глаза его метали искры. Даже въ эту минуту, когда мнѣ было не до наблюденій, я не могъ не изумиться, увидѣвъ, что онъ былъ человѣкъ совсѣмъ не большого роста, едва доходившій головою мнѣ до плеча. Вся его сила, очевидно, ушла въ ширину и въ глубину — на развитие мозга.

— Да вѣдь я *по-тарабарски* съ вами говорилъ! — кричалъ онъ, барабаю пальцами по стволу, — а вы и уши развѣсили, думали, что это научные термины. А! Вы хотѣли меня провести? Вы думали перехитрить меня? — меня! Это съ вашими-то куриными мозгами! Ахъ вы проклятые писаки! — Вы думаете, вамъ все позволено? Вы думаете, что вашей похвалой и порицаніемъ вы можете погубить человѣка? Что мы всѣ должны преклоняться передъ вами, добиваться, какъ милости, которыхъ похвалъ? Знаю я васъ, тварей ползучихъ! Очень ужъ вы вазнались. Въ прежнее время вамъ просто на-просто рѣзали уши. Раздулись, какъ мыльные пузыри. Вотъ я васъ осажу. Не на таковскаго напали, сударь. Не знаете вы Д. Э. Ч. — онъ вамъ покажетъ! Онъ васъ предупреждалъ, но вы все-таки полѣзли — пеньяте на себя. Я съ васъ стребую пеню, голубчикъ. Отъ меня не отвертиться. Вы играли со мной въ опасную игру — и проиграли.

— Послушайте, — возразилъ я, пытаясь къ двери и отворяя ее, — ругаться вы можете, сколько угодно, но, вѣдь, всему же есть границы. Ударить меня вы не рѣшились.

— Неужели? Такъ таки и не рѣшусь?

Онъ медленно подходилъ ко мнѣ съ угрожающимъ видомъ, но при этихъ словахъ остановился и засунулъ свои огромныя лапищи въ боковые карманы какой-то гимназической куртки, которая была на немъ надѣта.

— У меня съ вами братомъ расправа короткая. Я ужъ не первого васъ спущу съ лѣстницы, а пятаго или шестаго. За каждого штрафу три съ половиной фунта — цѣна извѣстная. Дорогонько, конечно, но что же дѣлать, когда нельзѧ иначе! Почему же и вамъ не послѣдовать за вашими коллегами? И вы отправитесь туда же.

И онъ опять пошелъ на меня, на ципочкахъ, точно балетный танцоръ.

Я могъ бы повернуться и удрать раньше, чѣмъ онъ спустить меня съ лѣстницы, но это было бы уже слишкомъ позорно. Вдѣвавокъ я обозлился. До тѣхъ поръ я самъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ нимъ; но теперь, когда онъ грозилъ мнѣ, правота была уже на моей сторонѣ.

— Руки прочь, сударь мой! Этого я не потерплю.

— Ска-ажите, пожалуйста!—Черные усы вздыбились, обнаживъ два бѣлыхъ острыхъ клыка.—Такъ не потерпите?

— Не дурачтесь, профессоръ!—воскликнулъ я.—На что вы разсчитываете? Я вѣшу пять пудовъ съ лишнимъ, крѣпокъ, здоровъ, въ боксъ искусенъ и....

Не успѣлъ я договорить, какъ онъ ринулся на меня.

«Мы оба кубаремъ слетѣли съ лѣстницы и выкатились на улицу».

Счастье еще, что я отворилъ дверь и мы оба кубаремъ слетѣли съ лѣстницы и выкатились на улицу, увлекая за собою стулъ, захваченный нами при паденіи. Руки и ноги наши переплелись, его борода набилась мнѣ въ ротъ, а треклятый стулъ запутался въ ногахъ у обоихъ. Вдѣтійный Аустинъ распахнулъ настежь дверь швейцарской и мы покатились дальше по входной лѣстницѣ и докатились такимъ образомъ до канавы. Профессоръ первый вскочилъ на ноги, потрясая кулаками и пыхтя, какъ человѣкъ, страдающей астмой.

— Ну что? будѣтъ съ васъ? Получили свое?

— Проклятый драчунъ!—крикнулъ я въ отвѣтъ, въ свою очередь подымаясь на ноги.

Вѣроятно, мы опять вступили бы въ драку, такъ какъ оба были въ достаточной степени разгорячены, но изъ этого идиотскаго положенія вывѣль меня полисменъ, подошедший къ намъ, съ записной книжкой въ рукѣ.

— Что это такое? Какъ вамъ не стыдно, господа?—крикнулъ онъ намъ,—и это было первое разумное слово, которое я услыхалъ въ Энморъ-паркѣ.—Ну, изъ-за чего вы подрались?

Опѣ смотрѣлъ на меня.

— Этотъ человѣкъ первый напалъ на меня,—отвѣтилъ я.

— Это правда, что вы напали на него?—обратился полицейскій къ профессору.

Тотъ только пыхтѣлъ и отдувался не говоря ни слова.

Полицейскій строго покачалъ головой.

— Вѣдь это уже не въ первый разъ. И прошлой мѣсяцъ у васъ были непрѣятности изъ-за того же. Смотрите, какой вы молодому человѣку фонарь наставили подъ глазомъ.—Вы, конечно, подадите на него въ судъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—не желаю.

— Почему же такъ?

— Я самъ виноватъ. Я ворвался къ нему въ домъ. Онъ добропровѣдно предупреждалъ меня.

Полицейскій спряталъ записную книжку.

— Пожалуйста, чтобы на будущее время у васъ этого не было. Расходитесь, господа, расходитесь.—Это относилось уже не къ намъ, а къ мальчишкамъ изъ булочной, двумъ горшичнымъ и нѣсколькимъ праздношатаямъ, сбѣжавшимся на шумъ. Полицейскій, стуча сапогами, шагалъ по тротуару, гоня передъ собою зѣвакъ. Профессоръ посмотрѣлъ на меня; въ глубинѣ его глазъ свѣтился юморъ.

— Войдите,—сказалъ онъ,—нашъ разговоръ еще не конченъ.

Это звучало довольно зловѣщѣ, но, тѣмъ не менѣе, я послѣдовалъ за нимъ и вошелъ. Аустинъ, равнодушный, какъ деревянная статуя, заперъ за нами дверь.

ГЛАВА IV.

Самое огромное на свѣтѣ.

Какъ только дверь затворилась, изъ столовой выскочила г-жа Чалленджеръ. Маленькая женщина была страшно разсержена. Она заступила дорогу своему мужу и наскакивала на него, какъ распѣтущившійся цыпленокъ на бульдога. Она, видимо, видѣла мой выходъ изъ этого дома, но не замѣтила моего возвращенія.

— Какой ты злой и грубый, Джорджъ!—воскликнула она.—Ты изувѣчилъ этого милаго юношу.

Онъ слегка отодвинулся.

— Успокойся, вотъ онъ, здравъ и невредимъ, стоять позади меня.

Она сконфузилась.

— Простите, я не замѣтила васъ.

— Увѣрлю васъ, сударыня, что ничего ужаснаго не случилось.

— А все таки, онъ вами испортилъ лицо, бѣдняжка! Ахъ, Джорджъ, какъ ты скотъ. Изодня въ день только скандалы. Всѣ тебѣ ненавидятъ, всѣ потѣшаются надъ тобой. Я не могу такъ больше. Мое терпѣніе лопнуло.

— Нечего перемывать грязное бѣлье при постороннихъ,—буркнулъ онъ.

— Да, вѣдь, это же не секрѣтъ. Вся улица знаетъ, весь Лондонъ... Уходите, Аустинъ; вы намъ тутъ совсѣмъ не нужны.—Я не знаю, кто только не говорить о тебѣ. Гдѣ твоё уваженіе къ себѣ? гдѣ твоё достоинство? Ты, которому слѣдовало бы стоять во главѣ цѣлаго университета съ тысячей студентовъ, которые бы всѣ богохватали тебя. Какъ ты мало уважаешь себя, Джорджъ!

— А ты меня—много уважаешь?

— Ты слишкомъ испытываешь мое терпѣніе. Крикливый, вздорный драчунъ.—обыкновеннѣйший забѣяка,—вотъ во что ты превратился.

— Ну, будешь, Джесси.

— Накидывается на людей, какъ звѣрь какой, какъ бѣшеная собака!

— Нѣтъ, это уже слишкомъ. Ты должна быть наказана. Въ уголъ.

Къ величайшему моему изумлению, опь нагнулся, поднялъ ее на руки и посадилъ на высокую черную мраморную тумбу, стоявшую въ углу передней. Тумба была вышинаю въ цѣлую сажень и такъ тонка, что наказанная едва умѣщалась на ней. Болѣе испѣнаго зрѣлища, чѣмъ эта молодая женщина на этой тумбѣ, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ, съ болтающимися по воздуху ногами и тѣломъ, недвижимымъ отъ страха упастъ,—я не могу себѣ представить.

— Спусти меня!—кричала она.
— Попроси хорошенъко.
— Гадкій, злой! Сейчасъ же спусти меня.
— Пожалуйте въ кабинетъ, м-ръ Мэлонъ.
— Но какъ же, сэръ?..—началь я, указывая взглѣдомъ на его жену.

— Ну, вотъ, м-ръ Мэлонъ просить за тебя, Джесси. Скали «пожалуйста» и я сниму тебѣ.

— Вотъ безсовѣстный. Ну, пожалуйста!

Опь снялъ ее, какъ канарейку съ жердочки.

— Надо быть сдержаннѣе, дорогая. М-ръ Мэлонъ—представитель печати. Вотъ опь завтра въ своей тряпичкѣ напечатаетъ все это и лишнюю дюжину экземпляровъ купить наши сестры. И заглавіе хорошее м-жно придумать: «Курьезное семейство» или «Картина изъ жизни высшаго общества». А вѣдь ты, дѣйствительно, была *высоко* вознесена, когда сидѣла на этомъ пьедесталѣ. А м-ру Мэлону только того и надо. Онъ, вѣдь, падалью питается: онъ коршуни стервятникъ, какъ и вся его братія—*rogus ex gregge diaboli*—свинья изъ чортова стада. Что, Мэлонъ, развѣ не такъ?

— Вы, положительно, нестерпимы!—сердито воскликнулъ я.

Опь покатился со смѣху.

— Ну, мы сейчасъ помиримся.—Опь хотѣлъ, поглядывая то на жену, то на меня, и выставляя впередъ могу-чую грудь. Затѣмъ, неожиданно измѣнившись тономъ выговорилъ:—Простите, м-ръ Мэлонъ. Я просилъ васъ вернуться не для того, конечно, чтобы впутывать васъ въ наши маленькия семейныя распри, а для болѣе серьезной цѣли. Ну, малютка, бѣги къ себѣ и не волнуйся.—Опь положилъ на плечи женѣ свои огромныя руки.—Все, что ты говоришь, истинна правда. Я былъ бы гораздо лучшимъ человѣкомъ, еслибы слушался твоихъ соѣтствъ, но я не былъ бы вполнѣ самимъ собой. Хорошихъ людей на свѣтѣ сколько угодно, милая моя, а Джоржъ Эдуардъ Чалленджеръ—только одинъ. И надо брать его такимъ, каковъ онъ есть.—Опь неожиданно громко чмокнулъ ее въ щеку, и этотъ поцѣлуй смущилъ меня еще больше, чѣмъ все предыдущее.—А теперь, м-ръ Мэлонъ,—продолжалъ опь съ большимъ достоинствомъ,—я попрошу васъ сюда.

Мы снова вошли въ ту же комнату, изъ которой такъ стремительно вылетѣли десять минутъ тому назадъ. Профессоръ тщательно притворилъ за нами дверь, указалъ мнѣ рукою на кресло и подтолкнулъ ко мнѣ ящикъ съ сигарами, пояснивъ:

— Настоящія испанскія: Санть Хуанъ Колорадо. Раздражительными людьми, вродѣ васъ, полезны наркотики. Господи! да не грызите же! Срѣзывать надо кончикъ и при томъ осторожно, почтительно. Ну-съ, теперь усаживайтесь поудобнѣе и слушайте внимательно то, что мнѣ угодно будетъ вамъ сообщить. Если вамъ подвернется па языку какое-нибудь замѣчаніе по этому поводу, приберегите его для болѣе удобнаго времени.

— Прежде всего, по поводу вашего возвращенія въ мой домъ послѣ вашего вновь заслуженнаго изгнанія. —Опь выставилъ впередъ бороду и уставилъ на меня съ вызывающимъ видомъ:—Повторю—*сполна заслуженнаго*. Причина этому—вашъ отвѣтъ услугливому полисмену, въ которомъ мнѣ почудился проблескъ добрая чу-

ства, мало свойственного людямъ вашей профессіи—по крайней мѣрѣ, по моему, мало свойственнаго. Признавъ себя самого виновникомъ происшедшаго, вы обнаружили извѣстное безпредѣстіе и искру взглядовъ, которыя подкупили меня. До сихъ поръ разновидность человѣческой породы, къ которой вы имѣете несчастіе принадлежать, всегда была ниже моего умственнаго горизонта. Вы же своими словами подняли себѣ подъ нимъ и заставили меня обратить на васъ серьезное вниманіе. Потому-то я и просилъ васъ вернуться ко мнѣ, что мнѣ захотѣлось ближе познакомиться съ вами. Пепель, пожалуйста, сбрасывайте въ маленький японскій подносикъ на бамбуковомъ стѣлѣ, который стоитъ по лѣвой руку отъ васъ.

Онъ говорилъ, точно профессоръ на лекціи. Свое вертящееся кресло онъ повернулъ такъ, чтобы сидѣть лицомъ ко мнѣ, и въ этой позѣ, коротенькой, съ бочкообразной грудью, очень напоминаль лягушку изъ басни, которая раздувалась, сопричай съ воломъ; голова его была закинута назадъ, вѣки полуопущены, прикрывая глаза. Неожиданно, опь повернулся бокомъ ко мнѣ, и теперь я видѣлъ только его косматую гриву и торчащее красное ухо. Онъ порылся въ кучкѣ бумагъ на своемъ письменномъ столѣ и, снова повернувшись лицомъ ко мнѣ, показалъ мнѣ довольно потрепанную записную книжку.

— Я разскажу вамъ объ Южной Америкѣ. Только, пожалуйста, безъ вопросовъ и безъ комментарій. Прежде всего, поймите, что ни одного слова моего вы не вправѣ будете повторить публично, не получивъ на то моего разрѣшенія. А такого разрѣшенія, по всѣмъ вѣроятіямъ, я вамъ никогда не дамъ. Поняли?

— Это очень жестоко съ вашей стороны. Ужъ во всѣмъ случаѣ, добросовѣстный отчѣтъ...

Опь положилъ записную книжку на столъ.

— Достаточно. Желаю вамъ доброго утра.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ я.—Я покоряюсь. Я согласенъ *и* всѣ условия. Развѣ у меня нѣть выбора...

— Никакого.

— Ну, такъ я обѣщаю.

— Честное слово?

— Честное слово.

Опь смотрѣлъ на меня съ сомнѣніемъ, которое было обиднымъ.

— Въ сущности, что я знаю о васъ, чтобы довѣриться вашей чести?..

— Ну, знаете, сэръ,—сердито воскликнулъ я,—вы ужъ слишкомъ много себѣ позволяете, въ жизнь мою никто меня тѣль не оскорблялъ!

Моя вспышка, повидимому, болѣе заинтересовала, чѣмъ обидѣла его.

— Круглоголовый,—пробормоталъ опь,—брахицефаль, сироглазый, черноволосый, чуточку курчавый. Вы, должно быть, кельтическаго происхожденія?

— Я—ирландецъ, сэръ.

— Чистокровный?

— Да.

— Ну, тогда все понятно. Позвольте, такъ вы, значитъ, даете мнѣ слово, что все, сказанное мною, останется между нами? Я вамъ, разумѣется, не все открою. Но все же готовъ дать вамъ нѣсколько указаний, не безынтересныхъ. Прежде всего, вы, вѣроятно, уже знаете, что два года тому назадъ я совершилъ путешествіе въ Южную Америку, которое останется незабвеннымъ въ научныхъ лѣтописяхъ міра. Цѣлью моего путешествія было проѣхать вѣдомыя утверждѣнія Уоллеса и Бетса, что можно было сдѣлать только на мѣстѣ. Еслибы мое путешествіе и не дало другихъ результатовъ, оно все же было бы достойно вниманія. Но со мной приключился курьезный инцидентъ, толкнувший меня на совершенно новый путь изслѣдованій.

Вамъ, конечно, извѣстно,—а можетъ быть и неизвѣ-

стно: въдь въ наше время образованныхъ людей мало,—что иѣкоторыя мѣстности, лежащія по берегамъ Амазонки, до сихъ поръ изслѣдованы только отчасти и что у этой рѣки множество притоковъ, изъ которыхъ иные даже не написаны на карту. Я и поставилъ себѣ задачей посѣтить эти мало изслѣдованные мѣстности, чтобы изучить ихъ фауну и собрать новый материалъ для своего огромнаго труда по зоологии, который долженъ быть оправданіемъ моей жизни. Выполнивъ эту задачу, я уже возвращался обратно; и вотъ, на обратномъ пути мнѣ случилось переночевать въ одной индійской деревушкѣ, лежащей какъ разъ при впаденіи въ Амазонку одного изъ ея притоковъ — о его названіи и географическомъ положеніи я пока умолчу. Мѣстность эта населена индійцами племени Кукама, симпатичное, но выродившееся племя, по умственному развитию стоящее почти не выше средняго уровня лондонца. Проѣздомъ черезъ эту мѣстность въ первый разъ я иѣсколькихъ индійцевъ вылечилъ и, вообще, своей личностью произвѣлъ на нихъ сильное впечатлѣніе, такъ что они съ нетерпѣніемъ ждали, когда я поѣду обратно. Знаками они дали мнѣ понять, что среди нихъ есть человѣкъ, весьма нуждающейся въ медицинской помощи, и вскорѣ племени повѣль меня въ одну изъ хижинъ. Но, пока я дошелъ, больной, къ которому меня звали, успѣлъ умереть. Еѣ больному моему изумлѣнію, онъ оказался не индійцемъ, но бѣльмъ, и даже можно сказать, очень бѣльмъ, такъ какъ у него были волосы льнянаго цвѣта и бѣлки глазъ красные, какъ у альбиноса. Онъ былъ одѣтъ въ лохмотья, очень истощенъ и, видимо, долгое время терпѣлъ всяческія лишенія. Насколько я могъ понять изъ разговоровъ туземцевъ, для нихъ онъ былъ совсѣмъ чужой человѣкъ и принесъ въ ихъ селеніе изъ большого лѣса одинъ и въ послѣдній степени истощеній.

Всѣль этого человѣка лежалъ его походный раций, который я, конечно, изслѣдоваль. Внутри было написано его имя: Мэйль Уайтъ, Лекъ Авеню, Детруа, Митиганъ. Передъ этимъ именемъ я всегда готовъ снять шляпу. Я не преувеличу, если скажу, что оно будетъ стоять рядомъ съ моимъ собственнымъ, когда сдѣланное пами будетъ, наконецъ, надлежащимъ образомъ описано.

Содержаніе этого ранца ясно говорило о томъ, что человѣкъ это художникъ и поэтъ. Здѣсь были стихи. Я не судя въ этихъ вещахъ, не мнѣ они показались очень плохими. Было здѣсь также иѣсколько довольно заурядныхъ пейзажей, видовъ рѣки, ящики съ красками, другой ящики съ цвѣтными карандашами, иѣсколько кистей, вотъ эта кость, которая лежитъ на крышѣ моей чернильницы, томикъ Бакстера «Моли и бабочки», дешевенький револьверъ и иѣсколько патроновъ. Изъ одежды у него ничего не было или онъ все растерялъ въ пути.

Я уже кончилъ осмотръ и хотѣлъ уходить, когда замѣтилъ, что изъ кармана его изорванной куртки что-то торчитъ. То была вотъ эта самая записная книжка, и тогда такая же потрепанная, какой вы видите ее сейчасъ. И однако-же, смѣю васъ увѣрить, даже первое изданіе Шекспира я не хранилъ бы такъ бережно, какъ эту реликвию съ тѣхъ поръ, какъ она попала мнѣ въ руки. Возьмите ее и пересмотрите по порядку всѣ страницы.

Онъ закурилъ сигару и, откинувшись на спинку кресла, уставился на меня, слѣдя за тѣмъ, какое впечатлѣніе произведетъ на меня этотъ документъ.

Съ трепетнымъ ожиданіемъ я раскрылъ эту книгу, хоть не могъ себѣ представить ясно, чего именно надо мнѣ ждать. Однако, первая страница разочаровала меня. На ней ничего не было, кроме изображенія очень толстаго человѣка въ матросской курткѣ. Далѣе слѣдовало иѣсколько страницъ съ изображеніями индійцевъ и ихъ вигвамовъ; слѣдующая страница изображала жирнаго, веселаго патера въ широкополой шляпѣ, а напротивъ него — очень тощаго англичанина; внизу стояла надпись: «Завтракъ съ

фра Кристоферо въ Розаріо». Еще иѣсколько страницъ были заняты изображеніями женщинъ и дѣтей; далѣе шелъ непрерывный рядъ изображеній животныхъ съ такими подписями, какъ: «Ламантий на песчаной отмели», «Черепахи и ихъ яйца», «Черный Аджути подъ пальмою Мирити»; этотъ послѣдній рисунокъ изображалъ собою какое-то животное вродѣ свиньи; наконецъ, на послѣдніхъ страницахъ были два рисунка длинномордыхъ и очень непривлекательныхъ огромныхъ ящерицъ. Изъ всего этого я ничего не понялъ, и такъ и сказалъ профессору.

— Позвольте, да вѣдь это всего только крокодилы.

— Аллигаторы! Аллигаторы. Настоящихъ крокодиловъ въ Южной Америкѣ нѣть. Различіе между ними....

— Я хотѣлъ сказать, что я не вижу тутъ ничего необычайшаго —ничего, оправдывающаго ваши предупрежденія.

Онъ ясно улыбнулся.

— Переверните страницу.

Но и тутъ я не нашелъ ничего замѣчательнаго. Всю страницу занималъ ландшафтъ, грубо намазанный красками — вродѣ тѣхъ набросковъ, которые дѣлаютъ художники, чтобы затѣмъ разработать ихъ въ настоящую картину. На переднемъ планѣ былъ какой-то блѣдно-зеленый откосъ, поднимавшійся отъ края края, заканчивался линіей утесовъ темнокраснаго цвѣта, напоминающихъ тѣ базальтовыя формаций, какія мы доводилось видѣть. Утесы эти тянулись непрерывной стѣной направо, поперекъ задняго плана. Въ одномъ мѣстѣ высился изолированный пирамидальныи утесъ, увѣнчанный большими деревомъ и отдѣленный какъ бы пронастью отъ главнаго хребта. Надъ всѣмъ этимъ раскинулось голубое тропическое небо. На вершинѣ стѣны тянулась тонкая зеленая линія растительности.

— Ну? — спросилъ онъ.

— Бѣзъ сомнѣнія, это любопытная формаций, — сказа-

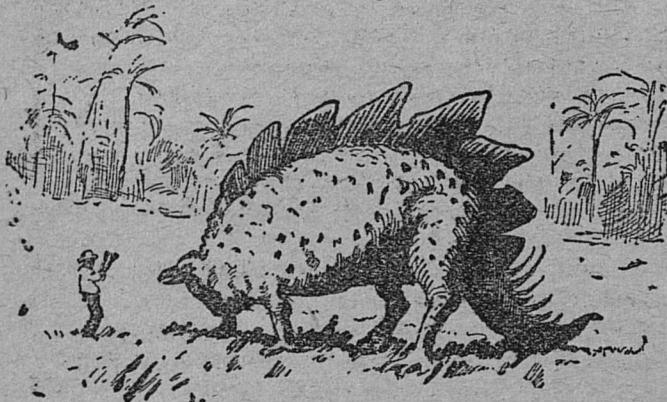
«Утесы тянулись непрерывной стѣной темнокраснаго цвѣта»...

заль я, но я не достаточно знаю геологию, чтобы утверждать, что она невозможна.

— Невозможна! невероятна! Никто на свѣтѣ не сместь сказать, что она возможна. Ну, теперь смотрите дальше.

Я перевернула страницу и невольно вскрикнула от изумления. Слѣдующий рисунок изображалъ совершенно необыкновенное существо, которое могло привидѣться только въ сонныхъ грезахъ курильщику опiumа. Голова у него была птичья; тѣло, словно у раздувшейся ящерицы; хвостъ, тянувшийся къ землѣ, усаженъ обращенными кверху острыми иглами, а выгнутая спина покрыта высокую, разорванную гривой, походившей на рядъ посаженныхъ одинъ около другого пѣтуньихъ гребней.

Передъ этимъ страннымъ существомъ стоялъ до нелѣпости крохотный человѣчекъ, какъ-будто карликъ, и смотрѣлъ на него, не отрываясь.

«Передъ этимъ чудовищемъ стоялъ до нелѣпости крохотный человѣчекъ».

— Ну? что вы обѣ этомъ думаете?—воскликнула профессоръ, потирая руки съ видомъ торжества.

— Чудовищно! необычайно!

— Но, какъ вы думаете, почему онъ нарисовалъ такое животное?

— Должно быть спыня,—такъ я полагаю.

— Ничего умнѣй вы не придумали?

— А вы какъ это объясняете?

— Очень просто. Тѣмъ, что это животное существуетъ. Оно, очевидно, срисовано съ натуры.

Я бы расхохотался, еслибы мнѣ не представилось, что мы съ нимъ опять катимся, сѣжившись колесомъ, по лѣстницѣ.

— Безъ сомнѣнія,—сказала я—безъ сомнѣнія...—какъ говорятъ, потакая полоумному.—Однако, сознаюсь, что эта крохотная человѣческая фигурка ставитъ меня втупикъ. Будь это еще индѣецъ, можно было бы принять его за какого-нибудь пигмей, какіе водятся въ Америкѣ, но это, повидимому, европеецъ, судя по шляпѣ.

Профессоръ сопѣлъ и фыркаль, какъ разсерженный буйволъ.

— Нѣтъ, вы положительно переходите всякия границы. Я и не подозрѣвалъ существованія подобной тупости. Это какой-то паралич мозга. Умственная инерція. Изумительно!—Онъ былъ слишкомъ нѣтѣпъ, чтобы я могъ сердиться на него. Да это и бесполезно было, такъ какъ тогда пришло бы все время сердиться. Я удовольствовался тѣмъ, что устало улыбнулся.—Меня поразилъ крохотный ростъ этого человѣка,—пояснила я.

— Взгляните сюда!—воскликнула онъ, тыча въ картину огромнымъ волосатымъ пальцемъ, толстымъ, какъ сосиска.—Вы видите это растеніе, позади животнаго? На вѣрное, вы прияли его за одуванчикъ или брюссельскую капусту...—Такъ. Ну-съ, такъ имѣйте въ виду, что это—пальма—одна изъ тѣхъ, которыя въ Южной Америкѣ до-

стигаютъ вышины 50 или 60 футовъ. Развѣ вы не понимаете, что человѣкъ поставленъ здѣсь нарочно? Онъ, конечно, не могъ стоять передъ этимъ животнымъ и рисовать его. Оно бы моментально его уничтожило. Онъ нарисовалъ себя нарочно, для того, чтобы вы могли имѣть понятіе о размѣрахъ этого животнаго. Въ человѣкѣ было росту нѣ, скажемъ, футовъ 5, не менѣе. Дерево надо полагать въ 10 разъ больше...

— Боже мой!—воскликнула я.—Значить, вы думаете, что животное было... Да, вѣдь, этакое чудище не умѣстилось и на Чарингъ-Кросскомъ вокзалѣ!

— Вы, разумѣется, преувеличиваете, но, во всякомъ случаѣ, экземпляръ очень крупный,—снисходительно согласился профессоръ.

— Но,—воскликнула я,—вѣдь, нельзѧ же отвергать весь опытъ человѣчества изъ-за одного только рисунка—я перевернула слѣдующую страницу и удостовѣрился, что больше рисунковъ въ этой книжкѣ нѣть,—изъ за одного рисунка, сдѣланнаго какимъ-то бродячимъ американскимъ художникомъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ гашиша, или въ лихорадочномъ бреду, или же просто ради того, чтобы потешить свое причудливое воображеніе. Какъ человѣкъ науки, вы не можете основываться на подобныхъ данныхъ.

Вместо отвѣта профессоръ взялъ съ полки книгу.

— Вотъ превосходная монографія моего талантливаго друга Рэя Ланкастера. Здѣсь есть рисунокъ, который несомнѣнно заинтересуетъ васъ. Ахъ да, вотъ онъ. Надпись подъ нимъ гласить: «Вѣроятный видъ при жизни Динозавра Стегозавра Юрскаго периода. Ну-съ, что вы скажете обѣ этомъ?»

Онъ подалъ мнѣ раскрытую книгу. Я заглянула въ нее и вздрогнула. Въ рисункѣ, изображающемъ одно изъ животныхъ погибшаго міра, несомнѣнно, было огромное сходство съ рисункомъ певѣдомаго художника.

— Это, дѣйствительно, необычайно,—сказалъ я.

— Но все-таки, васъ это не убѣждаетъ окончательно?

— Вѣдь это можетъ быть совпаденіемъ; возможно, что этотъ американецъ видѣлъ подобный же рисунокъ и запомнилъ его, а затѣмъ въ бреду зарисовалъ.

— Очень хорошо,—снисходительно сказалъ профессоръ,—пока оставимъ это. Теперь я попрошу васъ взглянуть на эту кость.—Онъ протянулъ мнѣ кость, о которой уже говорилъ, что нашелъ ее въ раницѣ умершаго. Она имѣла около шести дюймовъ длины, была толще моего большого пальца: на одномъ концѣ ся видѣлись остатки засохшихъ хрящей.

— Какъ вы думаете, какому извѣстному вамъ животному можетъ принадлежать эта кость?—спросилъ профессоръ.

Я внимательно разматривала ее, пытаясь оживить въ памяти своей полузыбтыя знанія по зоологии.

— Можетъ быть, это человѣческая ключица,—высказалъ я предположеніе.

Профессоръ презрительно махнулъ рукой.

— Человѣческая ключица изогнута. А эта кость—прямая. На ея поверхности есть выемка, показывающая, что поперекъ нея шло большое сухожиліе,—а на ключицѣ никакихъ сухожилій нѣть.

— Въ такомъ случаѣ, должны сознаться, что я не знала, что это за кость.

— Вамъ нечего стыдиться своего невѣжества. Не думало, чтобы среди всѣхъ профессоровъ Южнаго Кенсингтона нашелся такой, который сумѣлъ бы назвать эту кость.

Онъ вынулъ изъ маленькой коробочки другую, маленькую косточку, величиною съ бобъ.

— Насколько я могу судить, эта человѣческая кость аналогична той, которую вы держите въ рукѣ. Это даетъ вамъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ существа, которому она принадлежитъ. Вы видите, хрящи еще не успѣли ис-

тлѣть—это значить, что кость взята не отъ ископаемаго животнаго, но отъ недавно убитаго. Что вы скажете на это?

— Разумѣется, у слона....

Профессоръ взвизгнулъ словно отъ боли.

— Молчите, какіе слоны въ Южной Америкѣ! Даже въ начальной школѣ учать...

— Ну, тогда это кость какого-нибудь другого большого животнаго—напримѣръ, тапира.

— Молодой человѣкъ, ужь вы положитесь на меня. Я знаю свое дѣло. Не можетъ эта кость принадлежать ни тапиру, ни какому-либо иному существу, извѣстному зоологамъ. Она принадлежитъ очень большому, очень сильному, и, по всей вѣроятности, очень свирѣпому животному, которое существуетъ на поверхности земли, но до сихъ поръ еще не изучено и не замѣчено наукой. Все еще не убѣдились?

— Во всякомъ случаѣ, я глубоко заинтересованъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы не совсѣмъ безнадежны. Вы, конечно, легко представляете себѣ, что я не могъ уѣхать съ береговъ Амазонки, не попытавшись разслѣдовать эту загадку. По нѣкоторымъ признакамъ я могъ опредѣлить, откуда пришелъ въ селеніе умершій путешественникъ. Среди прибрежныхъ индѣйцевъ ходили слухи о необычайной и странной области, лежащей неподалеку. Вы, безъ сомнѣнія, слыхали о Курупурѣ?

— Никогда.

— Курупурѣ—это духъ лѣсовъ—нѣчто ужасное и очень недобroe, чего слѣдуетъ избѣгать. Никто не видѣлъ его и не можетъ сказать, какой онъ съ виду, но онъ нагоняетъ ужасъ на всѣ племена, живущія по берегамъ Амазонки. И, когда спросишь, гдѣ же обитаетъ этотъ злой духъ?—всѣ указываютъ въ одну и ту-же сторону—ту самую, откуда пришелъ американецъ. Очевидно, въ этомъ направлении находится что-то ужасное. Я рѣшилъ разслѣдовать, что именно.

— Что же вы слѣдѣли?—Мое равнодушіе сразу исчезло. Къ этому человѣку нельзя было относиться безъ вниманія и—уваженія.

— Мнѣ удалось преодолѣть нежеланіе туземцевъ даже говорить на эту тему; уговорами и подарками и даже, долженъ признаться, угрозами мнѣ удалось добиться того, что двое изъ нихъ согласились идти со мною, въ качествѣ проводниковъ. Послѣ многихъ приключений, которыхъ я не стану вамъ описывать, какъ не стану говорить и отомъ, въ какомъ направлѣніи мы шли и какое разстояніе прошли,—мы, наконецъ, очутились въ такой области, которая еще донынѣ никогда не была описана и въ которую даже и не попадалъ никто, кромѣ моего несчастнаго предшественника. Будьте любезны взглянуть на это.

Онъ подалъ мнѣ осколокъ разбитаго фотографическаго негатива.

— Дѣло въ томъ, что когда мы спускались внизъ по рѣкѣ, лодка наша опрокинулась и ящикъ съ негативами разбился. Почти всѣ пластики погибли.—Это ужасная исправимая потеря. Но нѣкоторыя пластики все же отчасти сохранились. Вотъ—снимокъ съ негатива, который вы держите въ рукахъ. Говорили о подлогѣ, о подѣлѣ. Сейчасъ я не въ такомъ настроеніи, чтобы разговаривать обѣ этомъ или оправдываться...

Снимокъ былъ, дѣйствительно, очень безцвѣтный, и, при желаніи, это легко истолковать въ дурную сторону. Онъ изображалъ мутно-серый ландшафтъ, детали котораго выяснялись для меня постепенно, по мѣрѣ того, какъ я вглядывался въ него. На немъ видѣлась длинная и несоразмѣрно высокая линія утесовъ, походившая издали на огромный водопадъ; на переднемъ планѣ была покатая, поросшая деревьями равнина.

— Мнѣ кажется, это то же мѣсто, которое изображено на рисункѣ въ записной книжкѣ,—сказалъ я.

— Это, несомнѣнно, то же самое мѣсто,—подтвердилъ профессоръ.—Я нашелъ слѣды становища моего предшественника. Теперь—взгляните на это.

Второй снимокъ изображалъ тотъ-же пейзажъ, по вблизи. Несмотря на большие недочеты, я отчетливо различилъ острый утесъ съ деревомъ на вершинѣ, отдѣленный отъ главнаго хребта.

— Теперь я уже не сомнѣваюсь,—сказалъ я.

— Ну что-жъ, кое чего мы, значитъ, добились. Мы идемъ впередъ, не правда-ли? Теперь, будьте любезны взглянуть на вершину этой отдельной скалы. Что вы тамъ видите?

— Огромное дерево.

— А на деревѣ?

— Огромную птицу.

Онъ подалъ мнѣ увеличительное стекло.—Приглядитесь внимательнѣе.

— Такъ,—продолжалъ я, глядя въ луну.—На деревѣ стоять огромная птица. Повидимому, у нея очень большой клювъ. Я сказалъ-бы, что это пеликанъ.

— Не могу похвалить васъ за догадливость,—замѣтилъ профессоръ.—Это не пеликанъ, да и не птица вовсе. Если это васъ интересуетъ, могу вамъ сообщить, что мнѣ удалось застѣлить эту птицу, какъ вы ее называете. Это—единственное, неопровергнутое доказательство, которое мнѣ удалось увезти съ собою.

— Такъ она у васъ?—Я самъ обрадовался неопровергнутое доказательству.

— Она была у меня. Къ несчастью, она погибла во время того же инцидента съ опрокинутой лодкой, который погубилъ и мои фотографіи. Я схватился за нее, когда се уносило течениемъ, и въ руки у меня осталась только часть крыла. Самъ я былъ выброшенъ волнами на берегъ въ безчувственномъ состояніи, но не выпустилъ изъ рукъ этого жалкаго остатка моего великолѣпнаго приобрѣтенія. Сейчасъ вы увидите.

Изъ ящика письменнаго стола онъ досталъ, какъ мнѣ показалось, часть крыла огромной летучей мыши. Оно имѣло, по крайней мѣрѣ, два фута въ длину, изогнутую кость и прикрепленную къ ней, какъ бы перепонку.

— Чудовищной величины летучая мышь?—высказалъ я предположеніе.

— Ничего подобнаго,—строго сказалъ профессоръ.—Поразительно, до какой степени обыватели мало знакомы даже съ начальными зоологіями!.. Возможно ли, чтобы у васъ не было даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по сравнительной анатоміи, чтобы вы не знали, что птичье крыло—то же самое, что у человѣка предплечіе, тогда какъ крыло летучей мыши состоять изъ трехъ удлиненныхъ пальцевъ, соединенныхъ перепонкой. Но, если это не птица и не летучая мышь, то что же это такое?

Я уже истощилъ весь свой запасъ свѣдѣній и могъ отвѣтить только:

— Я, право, не зпаю.

Онъ опять раскрылъ ту самую книгу, на которую уже однажды ссыпался.—Вотъ, сказалъ онъ, указывая на изображеніе какого-то необыкновенного крылатаго чудовища,—вотъ прекрасное изображеніе диморфодона или шеродактиля, крылатаго пресмыкающагося Юрскаго периода. На слѣдующей страницѣ помѣщена диаграмма устройства его крыльевъ. Будьте любезны, сравните ее съ тѣмъ образчикомъ, который вы держите въ руки.

Я смотрѣлъ и съ каждой минутой все больше дивился и въ то же время окончательно убѣжался. Записная книжка, фотографическіе снимки, разсказъ Чалленджа и остатокъ крыла, сохранившійся у него—все это составляло цѣль доказательствъ, вполнѣ убѣдительныхъ и неопровергнуемыхъ. Очевидно, недовѣріе, которое дѣ сихъ первыя выказывали профессору, было совершенно незаслуженнымъ.

Я счел долгомъ заявить объ этомъ и съ большой горячностью, какъ видѣлъ передъ собой обиженнаго человѣка. Чалленджера, видимо, радовалъ этотъ неожиданный проблескъ доброго отношения.

— Колossalно! необычайно!—воскликнулъ я, восторгаясь, какъ истый журналистъ.—Вы—Колумбъ науки, открывшій мѣрь, который считали погибшимъ. Мнѣ очень совсѣмъ, что я вначалѣ немного сомнѣвался. Все это такъ трудно было допустить... но я не могу не вѣрить очевидности, а такія доказательства могутъ убѣдить хоть кого.

Професоръ готовъ былъ замурлыкать отъ удовольствія.

— А затѣмъ, сэръ? что же вы предприняли затѣмъ?

— Наступила пора дождей, м-ръ Мэлонъ; а запасы наши истощились. Я изслѣдовалъ часть вотъ этого большого утеса, но не нашелъ никакого способа взобраться на его вершину? Та другая, пирамидальная скала, на которой я увидѣлъ и застрѣлилъ птеродактиля, оказалась болѣе доступной. Я выросъ въ гористой мѣстности и потому безъ особенного труда взобрался на первый уступъ. Отсюда я могъ получить лучшее представление о плато, покрывавшемъ гряду утесовъ. Оноказалось очень большимъ; ни съ востока, ни съ запада я не видѣлъ конца ровной зеленой поверхности. Внизу мѣстность болотистая, поросшая дѣственными лѣсомъ, кишаща змѣями, всевозможными насѣкомыми и лихорадкой. Это какъ бы естественный оплотъ, преградающій доступъ въ эту необычайную страну.

— И никакихъ другихъ признаковъ жизни вы не замѣтили?

— Нѣтъ, не замѣтилъ; но, въ теченіе той недѣли, что мы стояли лагеремъ у подножья утеса, сверху до насъ доносились очень странные шумы.

— А тотъ звѣрь, котораго зарисовалъ американецъ? Гдѣ же онъ могъ видѣть этого звѣря?

— Мы можемъ только предположить, что онъ, должно быть, добрался до вершины и что, слѣдовательно, туда есть дорога. Очевидно также, что путь туда—очень затруднительный, иначе животныхъ, обитающихъ на плато, спустились бы внизъ и наводнили бы сосѣднія области. Кажется, ясно.

— Но какъ же они попали туда наверхъ?

— Тутъ можетъ быть одно только объясненіе. Южная Америка, какъ вы, быть можетъ, слыхали, представляетъ себѣ гранитный материкъ. Это плато, очевидно, еще въ стародавнія времена было неожиданно поднято кверху дѣствіемъ могучихъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ земли вулканическихъ силъ. Замѣчу кстати, что утесы, о которыхъ я говорю, базальтовые, то есть именно такие, какіе образуются при остываніи расплавленныхъ породъ. Площадь, размѣрами не менѣе Суссекса, была сразу поднята на большую высоту, вмѣстѣ со всѣми живыми организмами, обитавшими на ней, и отрѣзана отъ остального материка глубокими пронастями, крутыми обрывами, совершенно обособившими ее отъ остального міра. Какой же получился результатъ? Дѣствіе обычныхъ законовъ природы было нарушено, прервано. Борьба за существование ослаблена или же видоизмѣнена. И организмы, въ другихъ мѣстахъ исчезнувшіе, здѣсь продолжали жить. Птеродактиль и Стегозавръ оба принадлежатъ Юрскому періоду, т. е. одному изъ наиболѣе позднихъ періодовъ жизни земного шара. Они были сохранены искусственно, благодаря странному сочетанію исключительныхъ обстоятельствъ.

— Я совершенно убѣжденъ. Мнѣ кажется, вамъ надо генеръ представить только всѣ эти доказательства надлежащимъ авторитетамъ...

— Такъ и я въ простотѣ души вообразилъ себѣ,—съ горечью всхрипѣлъ професоръ.—Могу только сказать вамъ, что вышло совсѣмъ иначе. На каждомъ шагу я наталкивался на недовѣріе, пораждаемое отчасти глупостью,

отчасти завистью. Не въ моей натурѣ, сэръ, пресмыкаться, раболѣпствовать, или же представлять доказательства, когда мнѣ не вѣрятъ на слово. Послѣ первой же неудачи я отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ, не удостоивъ даже представить тѣ доказательства, которыхъ имѣются въ моемъ распоряженіи. Мнѣ стало противно даже говорить объ этомъ. Когда журналисты вродѣ васъ, представители нравстваго любопытства толпы, брвались въ мой домъ, чтобы интервьюировать меня, это до того возмущало меня, что я не въ состояніи былъ встрѣтить ихъ съ подобающей сдержанностью. Сознаюсь, по натурѣ я нѣсколько вспышчивъ, а, если меня разозлить, могу быть и очень грубымъ. Боюсь что вы убѣдились въ этомъ на опыѣ.

Я невольно провелъ пальцемъ по своему подбитому глазу.

— Моя жена постоянно читаетъ мнѣ нотаціи по этому поводу, но я думаю, что каждый честный человѣкъ на моемъ мѣстѣ бѣсился бы такъ же. Сегодня вечеромъ, однажды, я намѣренъ показать, что я при случаѣ умѣю держать себя въ узѣ. Приглашаю васъ быть свидѣтелемъ.—Онъ взялъ со стола печатный пригласительный билетъ и подалъ мнѣ его.—Какъ видите, сегодня вечеромъ, въ половинѣ девятаго, въ залѣ Зоологического Института, м-ръ Персиваль Уольдронъ, довольно извѣстный натуралистъ, читаетъ публичную лекцію подъ названіемъ: «Рекордъ Вѣковъ». Я приглашаю присутствовать на этой лекціи и отъ лица всѣхъ выразить благодарность лектору. При этомъ я попробую, чрезвычайно тактично и деликатно, вставить нѣсколько замѣчаній, которыхъ, можетъ быть, и заинтересуютъ публику, а въ нѣкоторыхъ изъ слушателей возбудятъ желаніе поглубже вникнуть въ суть дѣла. Вы понимаете?—не придираясь, не нарываясь, но лишь давая понять, что вопросъ глубже, чѣмъ это можетъ показаться съ первого взгляда. Я буду держать себя въ ежовыѣхъ рукавицахъ.—Посмотримъ, будетъ ли какой-нибудь прокъ отъ этой моей сдержанности.

— И мнѣ можно присутствовать на этой лекціи?—поспѣшилъ я освѣдомиться.

— Ну, разумѣется!—сердечно отвѣтилъ онъ. Этотъ человѣкъ, при всей своей грубоcти, могъ быть необычайно милымъ и ласковымъ; когда онъ улыбался, щеки его превращались въ два румяныхъ лблока между полуоткрытыми глазами и черной большой бородой.—Непремѣнно приходите. Для меня будетъ утѣшениемъ знать, что въ публикѣ все же есть хоть одинъ сочувствующій мнѣ, хоть и мало свѣдѣющий и совсѣмъ не авторитетный. Я полагаю, народу сберется много, т. к. Уольдронъ, хоть и шарлатантъ, но лекторъ весьма популярный.—Ну-съ, м-ръ Мэлонъ, я удѣлилъ вамъ гораздо больше времени, чѣмъ намѣревался. Одному человѣку не слѣдуетъ монополизировать то, что принадлежитъ всему міру. Радъ буду увидать васъ вечеромъ на лекціи. А пока—вы понимаете, что материалы, которыхъ я далъ вамъ, никоимъ образомъ не могутъ быть использованы для печати.

— Но м-ръ Макъ-Ардль—мой завѣдующій хроникой—вѣдь онъ же захочетъ узнать, будетъ разспрашивать...

— Скажите ему, что хотите. Между прочимъ, можете сказать, что, если онъ пошлетъ сюда еще кого-нибудь, я самъ затѣду къ нему и избью его хлыстомъ. Словомъ, ваше дѣло позаботиться о томъ, чтобы въ печати ничего этого не появилось. Отлично! Итакъ, до вечера—въ Зоологическомъ Институтѣ, ровно въ половинѣ девятаго..

Еще разъ передо мной мелькнули красные щеки, из-синя-черная борода и сверлящіе, какъ буравы, глаза—и професоръ махнулъ мнѣ рукой, чтобы я уходилъ.

Съ апгл. З. Журавской.

(Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ).

ПОГИБШІЙ МІРЪ.

Разсказъ объ изумительныхъ приключеніяхъ профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Соммерли и м-ра Э. Д. Мэлона изъ «Ежедневной Газеты». Артура Конанъ-Дойля.

Глава V.

,Это еще вопросъ“.

На улицу я вышелъ нѣсколько, такъ сказать, деморализованный, и физическимъ сотрясеніемъ, полученнымъ при первой встрѣчѣ съ профессоромъ Чалленджеромъ, и тѣмъ волненіемъ, которое я испыталъ при разговорѣ съ нимъ. У меня болѣла голова, и въ ней упорно билась мысль, что въ разсказѣ этого человѣка, несомнѣнно, есть правда и, что еслиъ только онъ позволилъ мнѣ опубликовать свой матеріалъ, я могъ бы написать для «Газеты» сенсаціоннѣшую статью. Къ счастью, по пути мнѣ попался таксомоторъ; я прыгнулъ въ него и покатилъ въ редакцію. Макъ-Ардль, какъ всегда, былъ на своемъ посту.

— Ну, — съ живостью повернулся онъ ко мнѣ, — что скажете? О-го! молодой человѣкъ, какъ вы потрепаны, точно на войнѣ побывали. Неужто онъ исколотилъ васъ?

— Да, вначалѣ у насъ вышла маленькая стычка.

— Что за человѣкъ?! Ну, а потомъ?

— Потомъ онъ немножко успокоился и мы побесѣдовали. Но мнѣ ничего не удалось изъ него вытянуть — то есть для печати ничего.

— Я бы не сказалъ этого. У васъ фонарь подъ глазомъ — этого достаточно, чтобы пропечатать его. Мы живемъ не во времена террора, м-ръ Мэлонъ. Надо осадить этого господина. Вотъ я завтра тисну о немъ замѣтку и вы увидите какой шумъ подымется. Вы только разскажите мнѣ, какъ было дѣло, а ужъ я его такъ отѣлаю, что онъ своихъ не узнаетъ. «Профессоръ Мюнхгаузенъ» — недурно для заглавія, какъ вы находите? Мы ему напомнимъ и Каліостро, и всѣхъ историческихъ фокусниковъ. Я выведу все его вранье на чистую воду.

— Я бы не дѣлалъ этого на вашемъ мѣстѣ, сэръ.

— Почему?

— Да потому, что это вовсе не вранье.

— Что такое?! — загремѣлъ Макъ-Ардль. — Да неужто же вы вѣрите во всѣхъ этихъ мамонтовъ, mastodontovъ, морскихъ змѣевъ и тому подобную чепуху?

— На счетъ мамонтовъ я не знаю, обѣ этомъ онъ, кажется, ничего не говорилъ. Но, я думаю, что онъ, дѣйствительно, открылъ что-то новое.

— Такъ, Господи, чего же вы медлите! Садитесь и пишите.

— У меня у самого руки чешутся написать, но все, что я знаю объ этомъ, онъ мнѣ довѣрилъ по секрету и подъ условіемъ не опубликовывать этого.

Я въ нѣсколькохъ словахъ передалъ ему содержаніе разсказа профессора. — Вотъ какъ обстоитъ дѣло.

Макъ-Ардль слушалъ меня съ глубокимъ недовѣріемъ.

— Ну хорошо, — сказалъ онъ наконецъ, — но вѣдь обѣ этомъ ученомъ собраний, которое сегодня состоится, можно, вѣдь, писать? Вѣдь, этого никто намъ запретить не можетъ. Едва-ли въ другихъ газетахъ будутъ отчеты обѣ этомъ собраний, такъ какъ о лекціяхъ Уолдрона уже сто разъ писали, а что тамъ Чалленджеръ будетъ выступать, этого никто не знаетъ. Если намъ повезетъ, мы можемъ оказаться единственными. Какъ бы то ни было, вы будете на этомъ со-

браниіи и дадите полный отчетъ. Я приберегу для васъ свободное мѣстечко.

Въ этотъ день у меня было много дѣла и я наскоро забѣжалъ въ клубъ «Дикихъ» пообѣдать. Моимъ сосѣдомъ оказался Тарпъ Генри, которому я и рассказалъ обо всѣхъ моихъ приключеніяхъ. Онъ слушалъ меня съ недовѣрчивой усмѣшкой и покатился со смѣху, когда я сказалъ, что профессоръ убѣдилъ меня.

— Голубчикъ мой! Такія вещи бываютъ только въ романахъ. Въ жизни этого не бываетъ, чтобы люди дѣлали геніальныя открытия и потомъ теряли всѣ вещественные доказательства. Этотъ субъектъ хитеръ, какъ всѣ обезьяны въ Зоологическомъ саду, вмѣстѣ взятые. Все это вздоръ, вранье и чепуха!

— А тѣтъ поэтъ-американецъ?

— Да его никогда и на свѣтѣ не было.

— Какъ не было, когда я видѣлъ его дорожный альбомъ?

— Это не его альбомъ, а Чалленджера.

— Вы думаете, что онъ самъ нарисовалъ это животное?

— Ну, разумѣется, онъ. Кто же еще?

— А фотографії?

— Фотографій никакихъ и не было. Вы же сами говорите, что видѣли всего одну птицу.

— Птеродактиль

— Да, это онъ говоритъ. Это онъ увѣрилъ васъ, что это птеродактиль.

— Ну, а кости?

— Первая — самая обыкновенная кость изъ бульона, вторая — сѣбакрована специальномъ для этого случая. Человѣкъ умѣлый и знающій отлично сумѣть поддѣлать кость, точно такъ же какъ и фотографіческій снимокъ.

Я начиналъ чувствовать себя неловко. Можеть быть, я и въ самомъ дѣлѣ былъ слишкомъ легковѣръ. Вдругъ, мнѣ пришла счастливая мысль.

— А вы пойдете на это собрание?

Тарпъ Генри задумался.

— Онъ не очень популяренъ, вашъ геніальный Чалленджеръ. Многіе воспользуются случаемъ свести съ нимъ счеты. Вѣдь его въ Лондонѣ прямо таки ненавидятъ. Если туда придутъ студенты-медици, — скандаловъ не оберешься. Я до нихъ не охотникъ.

— Ну, ужъ могли бы вы, все-таки, въ интересахъ спра-ведливости, выслушать его доводы изъ его собственныхъ устъ.

— Да, пожалуй, это было бы добросовѣстнѣе. Хорошо, я приду. Заходите за мною.

Публики оказалось больше, чѣмъ мы предполагали. У подъѣзда стоялъ цѣлый рядъ электрическихъ моторовъ, вы-саживавшихъ свой легкій грузъ — сѣдобородыхъ профессоровъ; темный потокъ болѣе скромныхъ слушателей, при-шедшихъ пѣшкомъ, уже заливавшій высокія сводчатыя сѣни, свидѣтельствовалъ о томъ, что ни лекціи будуть не только ученымъ міръ, но и много просто обывателей. Не успѣли мы усѣсться на свои мѣста, какъ для насъ стало очевиднымъ, что въ залѣ преобладаетъ молодежь, особенъ но на хорахъ и въ задніхъ мѣстахъ.

Оглядываясь назадъ, я видѣлъ цѣлые ряды лицъ знакомаго мнѣ типа студентовъ-медиковъ. Повидимому, всѣ большии госпитали прислали сюда чутъ не весь свой персоналъ служащихъ. Настроеніе публики, пока было какъ-будто добродушное, но какое-то коварное. Стъ времени до времени студенты хоромъ затягивали популярныи пѣсеньки, что было довольно страннымъ вступленіемъ къ научной лекціи, и обнаруживали склонность къ частнымъ разговорамъ, не предѣвшавшую ничего добра.

Такъ, напримѣръ, когда на эстрадѣ появился старый докторъ Мельдрумъ, въ своемъ, всѣмъ давно приглядѣвшемся, старомъ, порыжѣломъ цилиндрѣ, сотня голосовъ привѣтствовала его вопросомъ: «Гдѣ вы раздобыли эту шляпенцию?» Постѣ чего старикъ поспѣшилъ освободиться отъ своего головного убора и спѣ ятать его подъ стулъ. Пока старый подагрикъ, профессоръ Уэйтей, прихрамывая, ковылялъ къ своему кѣсту, со всѣхъ коцовъ залы ссыались участливыи вопросы о томъ, въ какомъ состояніи сегодня его бѣдный большой палецъ на правой ногѣ, и это явно смущало бѣднагу. Но самую шумную демонстрацію устроили профессору Чалленджеру, когда онъ взошелъ на эстраду и усѣлся на свое мѣсто, крайнее въ переднемъ ряду. Какъ только показалась въ виду его густая черная борода, студенты подняли такой гвалтъ, что я началъ бояться, какъ-бы Тарпъ Генри не оказался правъ въ своемъ предположеніи, что вся эта публика собралась не ради лекціи, а потому, что она прослышила, что въ преніяхъ приметъ участіе знаменитый Чалленджеръ.

Въ переднихъ рядахъ, гдѣ сидѣли болѣе шикарные зрители, эта демонстрація вызвала сочувственный смѣхъ и, повидимому, не была имъ непріятна, хотя студенты ревѣли и выли, какъ звѣри въ клѣткѣ, когда они заслышили издали шаги уборщика. Въ этомъ крикѣ и воѣ, несомнѣнно, было что-то осокорбительное, и все же, мнѣ показалось, что въ общемъ, это было просто шумный приемъ, устроенный публикой человѣку, который интересуетъ и забавляетъ ее, но не вызываетъ въ ней чувствъ непріятнѣи или презрѣнія. Чалленджеръ улыбался усталою снисходительною и презрительною улыбкой, — улыбкой добродушнаго человѣка, на котораго накинулась съ лаемъ стая щенятъ. Онъ, не спѣша, усѣлся, выставивъ грудь впередъ, пригладилъ свою бороду и изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ надменно посмотрѣлъ на публику. Еще не совсѣмъ затихли крики студентовъ, какъ на эстрадѣ появились предсѣдатель, профессоръ Рональдъ Муррей, и лекторъ Уолдронъ, и черезъ минуту собрание объявлено было открытымъ.

Профессоръ Муррей, безъ сомнѣнія, извинитъ меня, если я скажу, что у него, какъ у автора, есть недостатокъ, свойственный большинству англичанъ, — говорить такъ, что его никто не слышитъ. И почему это люди, у которыхъ есть, что сказать, не даютъ себѣ труда научиться говорить, это такъ, чтобы ихъ слышали? — Для меня это навсегда останется загадкой. Они поступаютъ такъ-же неразумно, какъ человѣкъ, который вздумалъ бы накачивать въ резервуаръ драгоценную жидкость черезъ наглухо закрытую трубку, когда ее ничего не стоитъ открыть. Профессоръ Муррей сдѣлалъ нѣсколько, вѣроятно, очень глубокомысленныхъ замѣчаній по адресу своего собственнаго галстука и графина съ водой стоявшаго на столѣ, все время юмористически подмигивая серебряному подсвѣчнику, поставленному справа отъ него. Затѣмъ онъ сѣлъ, и поднялся м-ръ Уолдронъ, извѣстный и популярный лекторъ. По залѣ прошелъ одобрительный ропотъ. Онъ былъ высокій, худой, съ суровымъ лицомъ, рѣзкимъ голосомъ и воинственными манерами, но зато обладавшій умѣньемъ усваивать себѣ чужія мысли и передавать ихъ понятно и даже интересно для непосвѣщенныхъ; вдобавокъ, онъ умѣлъ говорить забавно о самыхъ, казалось бы, неподходящихъ вещахъ, даже о равноденствіяхъ и позвоночныхъ.

Онъ, такъ сказать, съ высоты птичьего полета обозрѣлъ всѣ твореніе и въ ясной, понятной, даже иногда живописной рѣчи развернулъ передъ нами картину созданія міра. Онъ рассказалъ намъ, какъ въ пространствѣ носился огненный шаръ — огромная масса пылающаго газа. Потомъ описалъ, какъ эта масса постепенно сгущалась, остыла, покрывалась корою, какъ на корѣ этой образовывались трещины и выступы — горы, какъ паръ превращался въ воду, какъ постепенно подготовлялась арена, на которой затѣмъ суждено было разыграться неразгаданной драмѣ жизни. О происходженіи самой жизни огъ говорилъ осторожно и туманно. Что зародыши ея врядъ ли могли пережить первоначальную стадію расплавленаго состоянія, — это, по его мнѣнію, было несомнѣнно. Слѣдовательно, жизнь на землѣ появилась впослѣдствіи. Но откуда же она возникла? — Изъ охлажденныхъ виброгеническихъ элементовъ? Весьма возможно. Быть можетъ эти зародыши были занесены извѣдь какимъ-нибудь метеоромъ? Это врядъ-ли допустимо. Впрочемъ, въ такихъ вопросахъ неблагоразумно утверждать что-нибудь категорически. Намъ не удалось — или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не удавалось создать въ нашихъ лабораторіяхъ органическую жизнь изъ неорганическихъ материаловъ. Черезъ пропасть между мертвымъ и живымъ нашими химикамъ до сихъ поръ не удалось перекинуть моста. Но природа — болѣе тонкій, болѣе геніальный химикъ и великии силы природы, работая на протяженіи многихъ и долгихъ эпохъ, могли достигнуть результатовъ, недостижимыхъ для насъ. А потому этого вопроса лучше не касаться.

Это вступленіе привело лектора къ великой лѣстницѣ животной жизни, начиная съ самаго низу, отъ моллюсковъ, и морскихъ звѣздъ, потомъ все выше, выше, переходя отъ пресмыкающихся и отъ рыбъ къ кенгуровой крысѣ, которая производить на свѣтъ своихъ дѣтенышь живыми и такимъ образомъ является непосредственной предшественницей и прародительницей всѣхъ млекопитающихъ, а, слѣдовательно, надо полагать, и всѣхъ присутствующихъ въ этой залѣ. («Нѣть, нѣть, не правда!» донеслось откуда-то изъ дальнихъ рядовъ). Если молодой человѣкъ въ красномъ галстука, который сейчасъ крикнулъ: «Нѣть, неправда!» и, по всей вѣроятности, хочетъ насть увѣрить, что самъ онъ вылупился изъ яйца, дождется меня послѣ лекціи, я буду радъ взглянуть на такую рѣдкость (смѣхъ). Странно, конечно, думать, что всѣ эти творческие процессы, вѣками происходившіе въ природѣ, привели только къ тому, чтобы создать вотъ этого молодого человѣка въ красномъ галстука. Но развѣ творческий процессъ уже завершеннъ? Развѣ этого джентльмена слѣдуетъ признать законченнымъ типомъ и вѣнцомъ творенія? Лекторъ выразилъ надежду, что онъ не оскорбить чувствъ молодого человѣка въ красномъ галстука, если позволить себѣ заявить, что, какія бы добродѣтели ни проявлялъ этотъ молодой человѣкъ въ своей частной жизни, великий процессъ творчества не могъ бы найти себѣ полнаго оправданія, еслибы онъ завершился только созданіемъ этого типа. Но эволюція не закончена, она еще въ полномъ ходу и суть намъ болѣе великия достижениія.

Отщелкавъ такимъ образомъ злополучнаго студента, который осмѣялся прервать его, лекторъ вернулся опять къ картинѣ минувшаго — описалъ, какъ высыхали моря, какъ возникали песчаныи отмели, какъ на извилистыхъ берегахъ возникала медлительная, но цѣпкая жизнь, какъ изъ переполненныхъ лагунъ спасались морскія животныи сюда, гдѣ ихъ ждало изобилие пищи, и оттого достигали огромныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, милостивыи государыни и милостивыи государи, и выросла страшная порода зверей, которые и понынѣ пугаютъ нашъ взоръ, когда намъ показываютъ ихъ ископаемыи скелеты, но которые, къ счастью, вымерли всѣ задолго до появления человѣка на этой планетѣ.

— Это еще вопросъ,—раздался голосъ съ эстрады.

Лекторъ былъ опытный ораторъ, колючий и остроумный, какъ мы это уже имѣли случай наблюдать при столкновеніи съ молодымъ человѣкомъ въ красномъ галстуке, и прерывать его было рискованно. Но это воскликаніе показалось ему такимъ нелѣпымъ, что онъ растерялся и не нашелъ, что возразить. Такъ растерялся бы астрономъ, которому кто-нибудь неожиданно крикнулъ бы, что земля не кругла, а плоска. Онъ помедлилъ минутку и затѣмъ, возвывшись голосъ, повторилъ медленно и подчеркивая слова: «Которыя вымерли задолго до появленія ч. ловѣка на нашей планѣтѣ».

— Это еще вопросъ,—снова буркнулъ тотъ же голосъ.

Уолдронъ съ изумленіемъ обвелъ взглядомъ профессоръ, сидѣвшихъ на эстрадѣ и остановилъ его на лицѣ Чалленджера, который сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, съ закрытыми глазами и какъ будто улыбаясь во снѣ.

— Ахъ, вотъ что!—Уолдронъ пожалъ плечами.—Это мой другъ, профессоръ Чалленджеръ!—И среди всеобщаго смѣха, онъ продолжалъ прерванныю лекцію, какъ будто объяснять больше было нечего.

Но инцидентъ былъ далеко не исчерпанъ. По какой бы тропинкѣ ни направилъ стопы свои лекторъ, пробираясь сквозь дебри далекаго прошлаго, она неизмѣнно приводила его къ упоминанію о вымершихъ доисторическихъ животныхъ, а такое упоминаніе, въ свою очередь, вызывало новый отпоръ со стороны Чалленджера. Публика каждый разъ уже ждала этого, и, когда ожиданія ея оправдывались, она ревѣла отъ восторга, и въ первую голову студенты-медики. Стоило Чалленджеру раскрыть ротъ, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ произнести хоть слово, по залѣ уже несся крикъ: «Это еще вопросъ!», вызывавшій, въ свою очередь, другие крики: «Какъ не стыдно!», «Замолчите!» и т. под. Несмотря на свою опытность и выдержку, лекторъ растерялся, началъ повторяться, запутался въ длинной фразѣ и, наконецъ, свирѣпо повернулся къ виновнику всѣхъ своихъ напастей.

— Это прямо таки невыносимо,—крикнулъ онъ черезъ всю эстраду. — Я долженъ попросить васъ, профессоръ Чалленджеръ, не перебивать меня больше такими невѣжественными и невѣжливыми возгласами.

По залѣ пошелъ шепотъ; студенты замерли отъ восторга, видя, что олимпійцы ссорятся между собою. Чалленджеръ медленно вынулся изъ кресла свое грузное тѣло.

— Я, въ свою очередь, попросилъ бы васъ, м-ръ Уолдронъ, прекратить утвержденія, не вполнѣ согласующіяся съ фактами, добытыми наукой.

Слова эти вызвали шкѣльную бурю криковъ: «Молчать!» «Стыдно, стыдно!» «Выслушайте его!» «Дадайте же ему сказать!» «Долой его, вонъ!» «Давайте его сюда на эстраду!» «Пусть объяснится на чистоту!» Однихъ это возмущало, другихъ забавляло. Предсѣдатель все время стоялъ, отчаянно хлопая въ ладоши и крича что-то, чего никто не слышалъ. Прорывались только отдельныя слова: «Профессоръ Чалленджеръ—личные взгляды—потомъ» Чалленджеръ поклонился, усмѣхнулся, погладилъ бороду и снова залѣзъ въ свое кресло. Уолдронъ, весь красный и обозленный, продолжалъ лекцію. Отъ времени до времени, высказывая какое-нибудь утвержденіе, онъ бросалъ ядовитый взглядъ на своего противника, повидимому, дремавшаго съ той же широкой счастливой улыбкой на лицѣ. Наконецъ, лекторъ кончилъ и, должно быть, раньше чѣмъ намѣревался, такъ какъ подъ конецъ онъ говорилъ торопливо и довольно безсвязно. Доводы его казались теперь уже не убѣдительными; публика волновалась и ждала. Уолдронъ сѣлъ, а профессоръ Чалленджеръ, вызванный предсѣдателемъ, всталъ и вышелъ на край эстрады. Въ интересахъ своей газеты, я записалъ его рѣчь отъ слова до слова.

— Лэди и джентльмены!—началь онъ, и сейчасъ же на заднихъ скамьяхъ среди студентовъ поднялся шумъ.—Прошу извиненія, я случайно забылъ упомянуть еще объ одной весьма значительной части аудиторіи.—Лэди, джентльмены и дѣти! (снова шумъ, въ продолженіе котораго профессоръ стоялъ съ поднятой рукой, сочувственно кивая своей огромной косматой головой, словно Папа, благословляющій толпу). По порученію совета профессоровъ, я имѣю честь предложить вамъ выразить благодарность лектору за весьма живописную и свидѣтельствующую о сильно развитомъ воображеніи лекцію, которую мы только что выслушали. Съ нѣкоторыми пунктами ся я не согласенъ и скрѣль своимъ долгомъ каждый разъ отмѣтить это, но, тѣмъ не менѣе, м-ръ Уолдронъ прекрасно выполнилъ свою задачу, такъ какъ задачей его было по возможности просто и интересно изложить то, что онъ считаетъ исторіей нашей планѣты. Популярныя лекціи, конечно, доступнѣ публикѣ, чѣмъ научные труды, но м-ръ Уолдронъ (онъ съ сияющей улыбкой подмигнулъ оппоненту, м-ръ Уолдронъ извинить меня, если я скажу, что такія лекціи по необходимости должны быть поверхности и вводить въ заблужденіе слушателей, такъ какъ лекторъ все время примѣняется къ пониманію невѣжественной аудиторіи. (Ироническія рукоплесканія)—Популярныя лекторы, по природѣ своей, паразиты (гнѣвный жестъ протеста со стороны м-ра Уолдрона); ради славы или ради выгоды, они эксплоатируютъ то, что было сдѣлано ихъ бѣдными и безвѣстными братьями. Одинъ, самый крохотный новый фактъ, добытый въ лабораторіи, одинъ кирпичъ, вложенный въ стѣны храма науки, несравненно цѣнѣнѣ всякаго такого изложенія изъ вторыхъ рукъ, которое можно выслушать отъ нечего дѣлать, но которое не можетъ дать никакихъ полезныхъ результатовъ. Это очевидно, и я говорю объ этомъ не для того, чтобы дискредитировать именно данного лектора, но для того, чтобы вы не теряли чувства пропорциональности и не принимали церковнаго прислужника за верховнаго жреца науки.

Въ этомъ мѣстѣ м-ръ Уолдронъ что-то шепнулъ предсѣдателю, который приподнялся и что-то строго сказалъ графину съ водой, стоявшему на столѣ.

— Но довольно объ этомъ (громкіе и продолжительные аплодисменты). Позвольте мнѣ перейти къ темѣ, болѣе широкой и болѣе интересной. На какомъ именно основаніи я, въ качествѣ оригинального изслѣдователя, позволилъ себѣ упрекнуть нашего лектора въ неточности? Рѣчь шла о продолжительности существованія на землѣ нѣкоторыхъ типовъ животной жизни. Я говорю объ этомъ предметѣ не какъ любитель и позволю себѣ прибавить: не какъ популярный лекторъ, но какъ ученый, совсѣмъ котораго обязываетъ его строго держаться фактовъ. И я повторяю, что м-ръ Уолдронъ весьма ошибается, предполагая, будто такъ называемыя доисторическія животныя болѣе не существуютъ, потому только, что самъ онъ никогда не видалъ ихъ. Они, дѣйствительно, какъ онъ выразился, наши прародители, но въ то же время, если можно такъ выразиться, наши современныя намъ прародители, которыхъ мы и сейчасъ можемъ найти, со всѣми ихъ характерными чертами, колоссальностью размѣровъ и ужасающимъ видомъ,—если только у насъ хватитъ энергии и отваги разыскать ихъ пристанище. Животныя, какъ предполагается, существовавшія толикъ въ Юрскій періодъ, чудовища, которыхъ безъ труда сожрали и истребили бы всѣхъ нашихъ большихъ и самыхъ свирѣпыхъ млекопитающихъ, существуютъ и понынѣ. (Крики: «Вздоръ», «Докажите! Вы то откуда знаете?» «Это еще вопросъ!»)—Вы спрашиваете, откуда я знаю. Я знаю потому, что я посѣтилъ тайное ихъ пристанище. Я знаю потому, что нѣкоторыхъ изъ нихъ я видѣлъ своими глазами. (Аплодисменты, шумъ и отдельный возгласъ: «Вы лжете!»—Такъ я, по вашему, лгу? (Искренній, шумный, утвердительный от-

вѣтъ). Если не ошибаюсь, кто то крикнулъ: «Вы лжете!» Не будь ли назвавшій меня лжецомъ такъ любезенъ встать, чтобы я могъ взглянуть ему въ лицо. (Голосъ: «Вотъ онъ»,

... И надъ группой студентовъ появляется какой-то безобидный маленький человѣчекъ въ очкахъ, который отбивается руками и ногами отъ всѣхъ, кто держитъ его.

и надъ группой студентовъ появляется какой-то безобидный маленький человѣчекъ въ очкахъ, который отбивается руками и ногами отъ всѣхъ, кто держитъ его). Это вы осмѣлились назвать меня лжецомъ? («Нѣтъ, нѣтъ, сэръ это не я»—кричить обвиняемый и мгновенно ныряетъ въ толпу)—Если кто-нибудь въ этой залѣ позволить себѣ усомниться въ моей правдивости, я буду радъ обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами по окончаніи лекціи (снова возгласъ: «Враль!»). Кто это крикнулъ?

Снова въ воздухѣ мелькаетъ поднятая на рукахъ фигура безобиднаго маленькаго человѣка.—Если я самъ прійду посмотрѣть... (Студенты хоромъ затягиваютъ: «Приди приди, любовь моя!», въ залѣ поднимается невообразимый шумъ; предсѣдатель стоитъ и размахиваетъ руками, словно дирижируя хоромъ. Профессоръ, весь багровый, съ раздувающимися ноздрями, съ взъерошенной бородой, словно готовъ ринуться на публику)—Всѣ великие изслѣдователи наталкивались на такое же недовѣріе—поколѣнія глушовъ всегда отмѣчены особой печатью, они лишены интуиціи, воображенія, которое помогло бы имъ понять, когда имъ показываютъ великие факты. Они умѣютъ только бросать грязью въ людей, которые рисковали своей жизнью ради того, чтобы открыть новыя поприща для науки. Они всегда гнали пророковъ. Галилей, Дарвинъ и я... (шумные аплодисменты и крики, не позволяющіе продолжать).

Все это лишь торопливы замѣтки, набросанные наскоро и не дающія полнаго понятія о томъ хаосѣ, который подъ конецъ царилъ въ этомъ собраніи. Публика такъ орала, такъ неистовствовала, что изъ дамъ нѣкоторыя поспѣшили

уѣхать. Почтенные пожилые люди кричали чуть не громче студентовъ, и я самъ видѣлъ сѣдобородыхъ старцевъ, грозившихъ кулаками дерзкому профессору. Аудиторія шипѣла и кипѣла, какъ горшокъ съ кипящей водой. Чалленджеръ нагнулся впередъ и поднялъ вверхъ обѣ руки. Было что-то такое сильное, мужественное и требующее уваженія къ себѣ въ этой фигурѣ, что болтовня и крики постепенно смолкли подъ его властнымъ взглядомъ. У него былъ такой видъ, какъ будто сейчасъ онъ скажетъ что-то рѣшительное. И каждому захотѣлось узнать, что именно.

— Я не стану задерживать васъ,—сказалъ онъ.—Не стоить того. Истина есть истина, и крики безразсудной молодежи,—къ которой, къ сожалѣнію, примкнули и старшіе, не менѣе безразсудные—не могутъ измѣнить существа дѣла. Я утверждало, что я открылъ новое поприще для научныхъ изслѣдований. Вы оспариваете это ... (рукоплесканія). Предлагаю вамъ провѣрить меня. Не желаете ли вы уполномочить одного или нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей среды отправиться туда въ качествѣ вашихъ представителей, и провѣрить мои утвержденія.

Поднялась высокая тонкая фигура м-ра Соммерли, заслуженнаго профессора анатоміи, съ желчнымъ озлобленнымъ и засохшимъ лицомъ богослова. Онъ желалъ бы знать, не были ли тѣ результаты, о которыхъ упоминалъ профессоръ Чалленджеръ, добты имъ во время его путешествія къ истокамъ Амазонки, совершенного имъ два года назадъ.

Профессоръ Чалленджеръ отвѣтилъ утвердительно.

Далѣ, м-ръ Соммерли желалъ знать, какимъ образомъ профессоръ Чалленджеръ претендуетъ на новыя открытия въ такихъ мѣстностяхъ, которыя уже были тщательно изслѣдованы Уоллесомъ, Бэтсомъ и другими изслѣдователями, пользующимися заслуженной извѣстностью въ наукѣ.

Профессоръ Чалленджеръ возразилъ, что м-ръ Соммерли, повидимому, смѣшиваетъ Амазонку съ Темзой; что, въ действительности, Амазонка нѣсколько больше Темзы; можетъ быть, м-ру Соммерли не безынтересно будетъ узнатъ, что вмѣстѣ съ рѣкой Ориноко, которая сливается съ ней, рѣка эта орошає пространство въ 50.000 квадратныхъ миль и что на такомъ огромномъ пространствѣ вполнѣ возможно одному человѣку найти то, что пропустилъ или не замѣтилъ другой.

М-ръ Соммерли возразилъ ядовитой улыбкой, что онъ вполнѣ оцѣниваетъ разницу между Темзой и Амазонкой, заключающуюся уже въ томъ фактѣ, что всякое утвержденіе относительно первой можно провѣрить, относительно же второй—пельзя. Онъ былъ бы очень обязанъ профессору Чалленджеру, еслибы тотъ точнѣе указалъ на этой мѣстности градусы широты и долготы, подъ которыми вѣдятся и нынѣ доисторическія животныя.

Профессоръ Чалленджеръ отвѣтилъ, что до сихъ поръ онъ имѣлъ полное основаніе никому такихъ свѣдѣній не давать, но на извѣстныхъ условіяхъ готовъ дать ихъ комиссіи, избранной даннымъ собраніемъ. Можетъ быть, м-ръ Соммерли возьметъ на себя организовать такую комиссію и лично провѣрить его утвержденіе.

М-ръ Соммерли:—Да, я готовъ (громъ аплодисментовъ).

Профессоръ Чалленджеръ:—Въ такомъ случаѣ, я гарантирую, что въ вашихъ рукахъ будутъ сосредоточены всѣ необходимыя указанія для того, чтобы найти дорогу. Но такъ какъ м-ръ Соммерли пойдеть съ цѣлью именно опровергнуть мое утвержденіе, то было бы только справедливо, чтобы съ нимъ поѣхали еще два-три человѣка, которые можетъ-быть окажутся на моей сторонѣ. Не скрою отъ васъ, что путь и труденъ, и опасенъ. М-ръ Соммерли понадобятся спутники болѣе молодые. Предлагаю желающимъ назвать себя.

Вотъ какъ неожиданно наступаютъ иногда въ человѣ-

ческой жизни великие кризисы. Думалъ ли я, входя въ эту залу, что впутаюсь въ такую рискованную авантюру, какая мнѣ и во снѣ не снилась? Но Глэдись—вѣдь она именно этого и хотѣла. Глэдись, конечно, бы сказала мнѣ: «Поѣзжай». Я вскочилъ на ноги и прежде чѣмъ обдумалъ, что скажу, уже услыхалъ мой голосъ. Мой сосѣдъ, Тарпъ Генри, дергалъ меня за фалды, шепча:—Садитесь, Мелонъ. Не валяйте публично дурака!—Одновременно со мной поднялся высокій худой человѣкъ съ темными съ просѣдью волосами, сидѣвшій впереди меня. Онъ съ досадой обернулся ко мнѣ, но я совсѣмъ не желалъ уступить ему очередь.

— Я желаюѣ щѣхать, г. предсѣдатель,—кричалъ я.

— Имя, имя, назовите себя!—кричала публика.

— Мое имя Эдуардъ Мелонъ. Я сотрудникъ «Ежедневной газеты». Даю слово быть вполнѣ безпредвѣстнымъ!

— А ваше имя, сэръ?—обратился предсѣдатель къ моему конкуренту.

— Лордъ Джонъ Рокстонъ. Я уже бывалъ на Амазонкѣ, знаю эту мѣстность и имѣю особыя квалификаціи для того, чтобы мнѣ поручена была провѣрка.

Лордъ Джонъ Рокстонъ, какъ спортсменъ и путешественникъ, пользуется, разумѣется, всемирной извѣстностью,—сказалъ предсѣдатель,—но въ то же время и участіе представителя печати въ подобной экспедиціи было бы весьма желательно.

— Въ такомъ случаѣ я предлагаю,—вмѣшался профессоръ Чалленджеръ,—избрать обоихъ этихъ джентльменовъ въ качествѣ представителей данного собранія и поручить имъ сопровождать профессора Соммерли въ его путешествіи, съ цѣлью разслѣдованія на мѣстѣ и провѣрки правдивости моихъ утвержденій.

Такимъ образомъ, участіе наша была рѣшена и нѣсколько минут спустя, совершенно ошеломленный такъ неожиданно открывшимися передо мной новыми перспективами, я очутился въ самомъ центрѣ человѣческаго потока, уносившаго меня къ выходу. На тротуарѣ я увидѣлъ толпу ходившихъ студентовъ, среди которыхъ быстро поднималась и опускалась рука, размахивающая тяжелымъ зонтикомъ. Провожаемый смѣхомъ и криками, профессоръ Чалленджеръ укатилъ въ свое моторѣ, а я очутился на Риджент-стритѣ съ головой, полной мыслей о Глэдись и о своемъ загадочномъ будущемъ.

Неожиданно кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулся и увидалъ насыщливое лицо высокаго худого человѣка, который добровольно вызвался быть моимъ спутникомъ въ этомъ странномъ путешествіи.

— М-ръ Мелонъ, если не ошибаюсь? Мы ёдемъ вмѣстѣ, не правда ли? Я живу тутъ неподалеку. Можетъ быть, вы будете такъ добры удѣлить мнѣ полчасика—мнѣ очень хотѣлось бы кой о чѣмъ переговорить съ вами.

Глава VI.

„Бичъ Божій“.

Лордъ Джонъ Рокстонъ и я прошли всю улицу Віго и очутились подъ грязнымъ порталомъ знаменитаго приюта аристократической молодежи. Дойдя до конца длиннаго темнаго коридора, мой новый знакомый толкнулъ незаперту дверь и повернулъ выключатель. Нѣсколько мгновенно вспыхнувшихъ лампъ подъ цѣѣтными абажурами зажгли красноватымъ свѣтомъ большую комнату. Стоя у дверей, я озирался вокругъ; общее впечатлѣніе было впечатлѣніемъ необычайной комфортабельности и изящества, въ соединеніи съ атмосферой жилища настоящаго мужчины. Всюду я видѣлъ смѣсь роскоши, вкуса и небрежной неряшливости холостяка. На полу были разбросаны роскошные мѣха и красивыя восточные цыпковки, переливающіяся всевозможными отблѣсками. На стѣнахъ висѣли картины и гравюры, даже на мой неопытный взглядъ, очень пѣнныя и

рѣдкія. Портреты знаменитыхъ боксеровъ и балеринъ, а также скаковыхъ лошадей, чередовались съ чувственнымъ Фрагонаромъ, воинственнымъ Жирафардѣ и мечтательнымъ Тернеромъ. Но, рядомъ съ этими картинами, были трофеи, сразу напомнившие мнѣ, что лордъ Джонъ Рокстонъ пользовался огромной извѣстностью, какъ спортсменъ и атлетъ. Надъ каминомъ висѣли крестъ-на-крестъ, какъ шпаги, два весла, темно-голубое и вишнево-алое—призы, взятые на гребныхъ гонкахъ; рарики и перчатки для бокса, висѣвшія надъ ними и подъ ними, говорили о томъ, что хозяинъ ихъ блестящѣ владѣть и этимъ оружіемъ. Вокругъ всей комнаты тянулась линія великолѣпныхъ звѣриныхъ головъ, лучшіхъ въ своемъ родѣ, изъ разныхъ частей свѣта, въ томъ числѣ и голова рѣдчайшаго носорога съ нависшой верхней губой.

Посерединѣ комнаты, на роскошномъ красномъ коврѣ, стоялъ чернаго дерева съ золотомъ прелестный столъ Луи XV, очаровательная старинная вещь, святотатственно оскверненная слѣдами отъ стакановъ и сигарныхъ окурковъ. На столѣ стоялъ серебряный подносъ съ приборомъ для куренія и вороненаго серебра стойка для бутылокъ.

Мой хозяинъ молча выпилъ одну изъ нихъ и налилъ полстакана себѣ и мнѣ, доливъ водой изъ сифона. Затѣмъ, указавъ мнѣ на кресло и придвигнувъ ко мнѣ мой стаканъ, протянулъ мнѣ длинную тонкую гаванну; самъ усѣлся противъ меня и долго пристально смотрѣлъ на меня своими, все время мигавшими, беспокойными глазами, свѣтлыми и холодными, какъ горное озеро.

Сквозь легкій вуалъ сигарного дыма я разглядывалъ въ деталяхъ это лицо, уже знакомое мнѣ по фотографіямъ—горбатый носъ, впалыя щеки, темные съ рыхеватымъ отѣнкомъ волосы, порѣдѣвшіе на макушкѣ, воинственно закрученные кверху усы, небольшой задорный кустикъ во льсе на выдавшемся впереди подбородкѣ. Было въ немъ сходство и съ Наполеономъ III, и съ Донъ-Кихотомъ, и въ то же время это было типичное лицо англійскаго помѣщика, смѣлага, ловкаго, полъ-жизни провѣдшаго на открытомъ воздухѣ, любителя лошадей и собакъ. Лицо у него было красное, обѣгнутое, загорѣлое. Брови, кустистыя и на висціяхъ, придавали почти свирѣпый видъ отъ природы холднѣмъ глазамъ, и впечатлѣніе это еще усиливалъ могучій, изрытый морщинами, лобъ. Тѣломъ онъ былъ худъ, но крѣпко сложенъ; свою выносливость онъ доказалъ уже не однажды и въ этомъ отношеніи немногіе въ Англіи могли соперничать съ нимъ. Ростомъ онъ былъ немного болѣе шести футовъ, но казался ниже, изъ-за нѣкоторой сутуности плечъ. Таковъ былъ знаменитый лордъ Джонъ Рокстонъ, сидѣвшій въ данный моментъ противъ меня, затягиваясь сигарнымъ дымомъ и пристально вглядываясь въ мое лицо среди продолжительного и нѣсколько тягостнаго молчанія.

— Ну, что, братецъ ты мой, выходить, мы оба вломились? И вы, и я—очертя голову! Я полагаю, что когда вышли на это собраніе, у васъ и въ мысляхъ ничего такого не было, а?

— Ничего подобнаго.

— И у меня тоже. А выпло такъ, что мы оба сѣли въ калошу. Вѣдь я всего только три недѣли, какъ вернулся изъ Уганды и взялъ мѣсто въ Шотландіи, даже контрактъ подписанъ. Не дурно, а? И вы, навѣрное, тоже влетѣли?

— Видите ли, это, вѣдь, входить въ мою профессію. Я—журналистъ, сотрудникъ газеты.

— Да, конечно, вы давеча говорили. Кстати, у меня есть маленькая работа для васъ, если вы согласны помочь мнѣ.

— Съ удовольствіемъ.

— Риска, вѣдь, вы не боитесь?

— Въ чѣмъ же рискъ?

— Да въ Баллінгерѣ. Вы слыхали о немъ?

— Нѣтъ!

— Къкъ? Юноша, да вы гдѣ живете? Сэръ Джонъ Баллингеръ—первый ъздокъ у нась изъ съвера. Я могъ его въ пять минутъ положить на обѣ лопатки, но ъздить онъ куда лучше меня. Ну-съ, а затѣмъ, всѣмъ извѣстно, что, когда ему не нужно тренировать себя, онъ запиваеть—для соблюденія пропорцій, какъ отъ выражается. Въ этотъ вторникъ онъ зѣбѣть бѣлой горячкой и съ тѣхъ порь все время въ бреду. Свирипствуетъ ужасно. Его комната какъ разъ надъ этой. Врачи говорятъ, что для бѣднаги все кончено, если его не заставлять пойти, но, такъ какъ онъ лежитъ въ постели съ револьверомъ въ рукахъ и клянется, и божится, что онъ всѣ шесть пуль выпустить въ первого, кто подойдетъ къ нему, то прислуга забастовала и подойти къ нему не рѣшается. Онъ, вѣдь, крутенекъ, нашъ Джекъ, и стрѣлять отлично. Но нельзя же оставить первого ъздока въ Англіи умирать, какъ собаку, а, что?

— Я такъ думаю, что мы съ вами могли бы рискнуть. Быть можетъ, онъ задремалъ; ну, въ крайнемъ случаѣ, подстрѣлить одного изъ насъ, а другой все-таки справится съ нимъ. Если скрутить ему руки полотенцемъ и затѣмъ телефонировать въ аптеку, чтобы принесли зондъ—можно заставить его поужинать насильно.

Это неожиданное предложеніе было не изъ пріятныхъ. Особенно храбрымъ я себя не считалъ. У меня, какъ у большинства ирландцевъ, богатое воображеніе, которое рисуетъ все неѣдомое и неиспробованное не болѣе страшнымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Съ другой стороны, меня всегда учили презирать трусость, и упрекъ въ трусости для меня былъ бы позорнымъ клеймомъ. Скажу больше, я способенъ перескочить черезъ пропасть, какъ исторический гуннъ, если бы кто-нибудь усумнился въ моемъ мужествѣ, но сдѣлай бы это не столько изъ храбрости, сколько изъ гордости и страха. И потому, хотя всѣ мои нервы ходуномъ ходили при мысли о сумасшедшемъ лицѣ алкоголика въ приступѣ бѣлой горячки, которое я рисовалъ себѣ въ сосѣдней комнатѣ, я отвѣтилъ по возможности равнодушнымъ тономъ, что я готовъ. Дальнѣйшія замѣчанія лорда Рокстона касательно опасности предпринимаемаго нами только раздражали меня.

— Отъ разговоровъ ея не убавится,—сказалъ я.—Идемте.—И поднялся съ кресла. Онъ тоже. Затѣмъ, съ легкимъ смѣшкомъ, онъ конфиденциально потрепалъ меня раза два по плечу и снова толкнулъ въ кресло.

— Хорошо, сынокъ—вы годитесь.

Я съ удивленіемъ воззрѣлся на него.

— Съ Джекомъ Баллингеромъ я нынче утромъ сладилъ съмь. Онъ прострѣлилъ полу моего халата. Хорошо, что рука у него уже старая и отъ пьянства дрогнула,—но мы все-таки надѣли на него смирительную куртку и черезъ нѣсколько дней онъ будетъ здоровъ. Послушайте юноша, вы не разсердились на меня—а? Видите-ли, между нами—только обѣ этомъ молчокъ—я считаю, что эта наша поѣздка въ Южную Америку—штука очень серьезная и, если уже мнѣ брать съ собой товарища, то такого, на котораго можно положиться, и потому я устроилъ вамъ маленькое испытаніе и долженъ сказать, что вы вышли изъ него съ честью. Вѣдь, дѣлать то все придется намъ съ вами, такъ какъ этому старикашкѣ Соммерли самому нужна нянька. Кстати, вы случайно не тотъ ли Мэлонъ, на котораго надѣяются, что онъ возьметъ ирландскій призъ на состязаніе въ бѣгѣ въ Регбі?

— Ну, я не знаю, возьму ли я его.

— То-то мнѣ показалось знакомымъ ваше лицо. Ну, разумѣется! Я вѣдь былъ тамъ, когда у васъ было пробное состязаніе съ Ричмондомъ—славная была пробѣжка! Я никогда не пропускаю такихъ вещей... Впрочемъ, я позвалъ васъ не для того, чтобы толковать о спорѣ. У нась еще много дѣлъ. Вотъ расписаніе пароходовъ на первой страницѣ «Гаймса». Лучшій отходить въ среду на будущей недѣлѣ,

и если вы и профессоръ къ этому времени справитесь, я думаю, мы могли бы выѣхать съ нимъ,—что? Хорошо. Я уговорюсь съ нимъ! Ну, а какъ у васъ насчетъ денегъ?

— Обѣ этомъ позаботится редакція.

— Стрѣлять вы умѣете?

— Какъ всякий средній англичанинъ.

— Боже мой, такъ скверно? Чему только вѣсъ учать въ школахъ? Всѣ вы—точно пчелы съ выдернутыми жалами: за ульемъ смотрѣть умѣете, а, приди кто-нибудь забрать у васъ медъ, вамъ и куснуть нечѣмъ. Но въ Южной Америкѣ вамъ придется не разставаться съ ружьемъ, такъ какъ, если только напиши другъ Чалленджеръ не сумасшедшій и не вральманъ, мы увидимъ тамъ кое-что незаурядное. У васъ какое ружье?

Онъ подошелъ къ дубовому шкафу, стоявшему у противоположной стѣны и, когда распахнуль дверцы его, передо мною мелькнуль рядъ блестящихъ ружейныхъ стволовъ, словно трубы органа.

— Посмотримъ, что я могу уѣхать вами изъ моего запаса.

Одну за другой онъ вынималъ изъ шкафа чудеснѣйшія винтовки, открывалъ ихъ, щелкалъ замкомъ и потомъ, погладивъ ихъ, клалъ на мѣсто такъ же бережно, какъ мать кладетъ ребенка.

— Это Бландъ. 577. Изъ него я уложилъ вотъ это чудище.—Онъ указалъ на голову бѣлого носорога.—Лишнихъ десять ярдовъ, и онъ включилъ бы меня въ свою коллекцію. А вотъ это тоже недурная игрушка. 470, двухствольное, бѣть безъ промаха. Съ нимъ сражался три года тому назадъ противъ перуанскихъ торговцевъ невольниками. Въ тѣхъ мѣстахъ мнѣ дали прозваніе «Бичъ Божій». И, дѣйствительно, я былъ для нихъ бичемъ Божіемъ, хоть обо мнѣ и не упоминается ни въ какой Синей Книгѣ. Бывають, юноша, такія положенія, когда каждому изъ нась приходится постоять за человѣческія права и справедливость—иначе, запятнаете себя навсегда. Такъ и мнѣ пришлось одному вѣсти войну противъ многихъ. Я самъ ее объявилъ, самъ вѣль, самъ и кончилъ. Вотъ эти зарубки на стволѣ—это счетъ, сколько я ихъ укокошилъ, этихъ подлыхъ негроторговцевъ,—ихъ тутъ не мало...

— Вотъ эти зарубки на стволѣ—это счетъ, сколько я ихъ укокошилъ, этихъ подлыхъ негроторговцевъ,—ихъ тутъ не мало...

ихъ тутъ немало—что? Вотъ эта, большая—это въ памя ь Педро Лопеса, ихъ царя и предводителя, котораго я застѣлилъ на одномъ изъ шлюзовъ рѣки Путомайо. А вотъ это пожалуй, можно будетъ дать вамъ.—Онъ вынужъ чудесное коричневое ружье съ серебряною настѣчкою.—Это тоже надежное ружье. Ему смѣло можно вѣрить свою жизнь. Онъ протянулъ его мнѣ и заперъ дубовый шкафъ.—Кстати, продолжалъ онъ, снова усаживаясь на свое кресло.—что вы знаете о профессорѣ Чалленджерѣ?

— До сегодняшняго дня я не видаль его.

— И я не видаль. Курьезно, однако, что мы ёдемъ, такъ сказать, везя съ собой запечатанный приказъ отъ человѣка, котораго мы даже не знаемъ. Этотъ старый филинъ, повидимому, таки порядочно воображаетъ о себѣ. И не особенно любимъ учеными собратьями. Какъ это вышло, что вы заинтересовались всей этой исторіей?

Я вкратцѣ рассказалъ ему свои утреннія приключения. Онъ выслушалъ внимательно. Затѣмъ, вынувъ изъ ящика карту Южной Америки и разложилъ ее на столѣ.

— Я увѣренъ, что все, что онъ разсказывалъ вамъ,—правда, отъ слова до слова,—серъезно выговорилъ онъ,—и, замѣтите, я имѣю нѣкоторое основаніе такъ говорить. Южная Америка—славная страна: я ее люблю и, если пройти ее поперекъ, отъ Даріена до Фузго,—это самый богатый, самый грандіозный, самый удивительный кусокъ земли на всей нашей планетѣ. Люди еще не знаютъ этого и не соображаютъ, что изъ него можно сдѣлать. Я изъ конца въ конецъ проѣхалъ ее и выдержалъ тамъ два сезона засухи—какъ разъ, когда мнѣ пришлось вести войну съ негроторговцами. И мнѣ тоже доводилось слышать такого же рода рассказы,—конечно, это были индѣйскія легенды и т. под. Но въ нихъ, несомнѣнно, есть и доля правды. Чѣмъ больше вы знакомитесь съ этой страной, тѣмъ больше убѣждаетесь, что тамъ все возможно—все. Путешественники знаютъ только рѣки и узенькую полоску вдоль ихъ, вѣнѣ же этого тамъ—совершенно неизвѣданная область. Вотъ здѣсь, въ Матто Гроссо,—онъ ткнулъ концомъ сигары въ одну точку на картѣ,—или же вотъ въ этомъ углу, гдѣ сходятся три страны, ничего не удивило бы меня. Онъ вѣрно говорить: эти двѣ рѣки орошаютъ пространство въ пятьдесятъ тысячъ миль, покрытое дѣственнымъ лѣсомъ и размѣрами приблизительно равное всей Европѣ. Мы съ вами можемъ бродить въ одномъ и томъ же бразильскомъ лѣсу и въ то же время находиться другъ отъ друга такъ же далеко, какъ Шотландія отъ Константиноополя. Человѣкъ только проложилъ туда слѣдъ, только успѣлъ заглянуть въ этотъ лабиринтъ. Вѣдь половина этой мѣстности—непроходимое болото. Почему же не допустить, что въ такой странѣ можетъ оказаться нѣчто новое и необычайное? И почему не допустить, что намъ удастся открыть его? И притомъ,—добавилъ онъ, весь сияя отъ удовольствія,—въ такой экспедиціи риска и опасностей не оберешься. Я, батюшка, на свое вѣку видаль всякие виды; съ меня, какъ съ старого крокетнаго шара, краска давно ужъ облѣзла и меня жизнь сколько ни колоти, слѣдовъ не остается. Но спортивный рискъ, юноша—это соль и приправа существованія. Ради этого одного стоить жить. Всѣ мы порядкомъ избаловались, изнѣжили себя, пріучили къ удобствамъ, и оттого скучаемъ. А дайте намъ дикия страны, просторъ, ружье за плечами и что-нибудь въ перспективѣ, чего стоить поискать—мы сразу преобразимся. Я много уже перепробовалъ—и войну, и гонки, и авиацію, и эта охота на кошмарныхъ животныхъ, которыя могутъ только во снѣ присниться послѣ ужина съ омарами—это будетъ совсѣмъ новое ощущеніе.—Онъ захлебывался отъ радости.

Можеть быть, я слишкомъ распространяюсь объ этомъ моемъ новомъ знакомомъ, но, вѣдь, онъ будетъ моимъ товарищемъ и спутникомъ въ теченіе многихъ дней и потому я, какъ умѣль, попробовалъ изобразить его, со всѣми ку-

рьезными особенностями его фигуры рѣчи и манеръ. Я даже неохотно уходилъ отъ него,—такъ онъ заинтересовалъ меня, и ушелъ только потому, что мнѣ надо было еще дать отчетъ о собраніи. Я оставилъ его, въ красномъ свѣтѣ своихъ абажуровъ, смазывающимъ замокъ своего любимаго ружья и улыбающимъ себѣ подъ носъ, при мысли объ ожидающихъ насъ новыхъ заманчивыхъ приключеніяхъ. Для меня было ясно, что, если насъ ждуть опасности, въ то же время болѣе храбраго человѣка, чѣмъ лордъ Джонъ Рокстонъ. Лучшаго спутника нельзѧ было и желать.

Несмотря на усталость, естественную послѣ столькихъ чудесныхъ событий, я въ этотъ вечеръ далѣко за полночь сидѣлъ съ Макъ-Ардлемъ, завѣдующимъ хроникой, объясняемъ ему всѣ детали положенія, которое онъ счелъ достаточно серьезнымъ, чтобы завтра дожлить обо всемъ сэръ Джорджу Бьюмонту, издателю и главному редактору. Мы условились, что я буду давать полные отчеты обо всѣхъ своихъ приключенияхъ, въ формѣ ряда писемъ къ Макъ-Ардлю, которыя будутъ печататься въ «Газетѣ», или же сохраниться для опубликованія впослѣдствіи, согласно желаніямъ профессора Чалленджера, такъ какъ, пока памъ еще неизвѣстно было, какія условія онъ поставить. Мы попробовали было запросить его по телефону, но въ отвѣтъ получили только громы и молніи по адресу прессы и подъ конецъ обѣщаніе, что, если мы увѣдомимъ его заблаговременно, съ какимъ пароходомъ мы ёдемъ, онъ доставить намъ къ моменту отплытія всѣ указанія, какія онъ сочтетъ необходимыми. На второй вопросъ мы и вовсе не получили отвѣта, кромѣ жалобы его жены, что мужъ ея и такъ очень сердитъ, и она надѣется, что мы ничѣмъ не ухудшимъ его настроенія. Третья попытка, учиненная нѣсколько позже, вызвала въ отвѣтъ страшный грохотъ, и послѣдующее увѣдомленіе съ центральной станціи, что у профессора Чалленджера аппаратъ разбитъ и не дѣйствуетъ. Дальнѣйшихъ попытокъ мы уже не дѣлали.

Отынѣ мой терпѣливый читатель, я уже не могу обращаться къ тебѣ лично. Начиная съ этого момента (если только до тебя когда-нибудь дойдетъ мой разсказъ) я могу держать тебя въ курсѣ дѣла лишь черезъ посредство газеты, въ которую я буду посыпать корреспонденціи. Въ редакціи будетъ храниться полный отчетъ о ходѣ одной изъ замѣчательнѣйшихъ экспедицій всѣхъ странъ и эпохъ, такъ что, если я не вернусь въ Англію, ты все-таки будешь знать, какъ это вышло, что я не вернулся. Пишу эти послѣднія строки въ салонѣ «Франциски»; лоцманъ свезетъ ихъ на берегъ и вручить Макъ-Ардлю. Прежде, чѣмъ я закрою свою записную книжку, позволь мнѣ нарисовать послѣднюю картину,—послѣднее воспоминаніе о родинѣ, которое я уношу съ собой. Сыре, туманное утро поздней весны; моросить мелкій, холодный дождикъ. По набережной молча шагаютъ три фигуры, закутанные въ блестящіе непромокаемые плащи, направляясь къ сходнямъ огромнаго океанскаго парохода, надъ которымъ развѣвается синій флагъ. Впереди ихъ носильщикъ толкаетъ передъ собою тележку, нагруженную пледами, чеподанами и оружиемъ. Профессоръ Соммерли, длинный и меланхоліческій, идетъ, волоча ноги и понуривъ голову, какъ будто уже глубоко жалѣть, зачѣмъ онъ впутался въ такую непріятную исторію. Лордъ Джонъ Рокстонъ шагаетъ бодро, и его тонкое, съ рѣзкими чертами лицо весело выглядываетъ изъ подъ кашюона его макинтоша. Я лично радъ уже и тому, что кончились суетливые дни сборовъ въ дорогу и муки прощанья, и не сомнѣваюсь, что это отражается на моемъ лицѣ и походкѣ. Неожиданно, какъ разъ, когда мы дошли до парохода, насъ окликаютъ сзади. Это профессоръ Чалленджеръ, который обѣщалъ пріѣхать насъ проводить. Онъ бѣжитъ за нами, запыхавшійся, красный, сердитый.

— Нѣть, благодарствуйте,—говорить онъ,—я предпо-

... Онъ бѣжитъ за нами, запыхавшійся, красный, сердитый.

читаю не всходить на бортъ. Мнѣ надо сказать вамъ всего нѣсколько словъ, и они отлично могутъ быть сказаны и тамъ, гдѣ мы стоимъ. Я хочу, чтобы вы поняли, что для меня совершенно безразлично, къ какимъ результатамъ вы придетѣ, и лично я себя не считаю никакіе ваши доводы не измѣнить этого, хотя они и могутъ возбудить интерес и любопытство кучи ничего не стоящихъ людей. Мои инструкціи и указанія находятся вотъ въ этомъ запечатанномъ конвертѣ, который вы вскроете, когда доберетесь до города Манаосъ, лежащаго на рѣкѣ Амазонкѣ, но не раньше дня и часа, указанныхъ на обложкѣ конверта. Вамъ понятно? Касательно строгаго соблюденія моихъ инструкцій, всецѣло относительно вашихъ корреспонденцій я никакихъ ограничений не ставлю, — разъ ужъ вы ѓдете для того, чтобы установить факты, я только требую, чтобы вы въ точности не указывали, куда именно вы ѓдете, и чтобы ни одно ваше письмо не было напечатано до вашего возвращенія. Прощайте, сэръ. Долженъ сознаться, что знакомство съ вами нѣсколько умѣрило мое отвращеніе къ презрительной профессіи, къ которой вы имѣете несчастіе принадлежать. — Прощайте, лордъ Джонъ. Для васъ, насколько я понимаю, наука — закрытая книга, но вы можете поздравить себя съ тѣмъ, что охота васъ ждѣть великолѣпная. Я не сомнѣваюсь, что вамъ представится случай описать въ вашемъ охотничемъ журнальѣ, какъ вы убивали диморфодона. И вамъ счастливаго пути, профессоръ Соммерли. Если вы еще способны совершенствоваться — въ чёмъ, я признаюсь, сомнѣваюсь, — вы, конечно, вернетесь въ Лондонъ умнѣй, чѣмъ уѣхали.

Онъ повернулся на каблукахъ, и минуту спустя я уже съ палубы «Франциски» видѣлъ его коротеньку, грунную фигуру, шагающую обратно къ поѣзду, который привезъ

его. Теперь, мы плывемъ уже по каналу. Письма всѣ уже сданы и съ лоцманомъ распрощались. Храни Боже всѣхъ, кто остался дома и дай намъ благополучно вернуться.

Глава VII.

„Завтра прыжокъ въ неизвѣстное“.

Я не стану удручать тѣхъ, кому попадется въ руки этотъ разсказъ, подробнымъ отчетомъ о нашемъ комфор-табельномъ путешествіи на океанскомъ пароходѣ, точно такъ же, какъ и о недѣлѣ, проведенной нами въ Парѣ (хоть и считаю себя обязаннымъ упомянуть о чрезвычайно любезномъ отношеніи къ намъ компании Переира-да-Пинта, оказавшей намъ посильную помощь въ нашей экспедиціѣ). Разскажу лишь вкратцѣ о плаваніи нашемъ по рѣкѣ, широкой, илистой и мутной, съ медленнымъ течениемъ, на пароходѣ, лишь немногимъ менѣе того, который перевѣрилъ насъ черезъ Атлантику. Наконецъ, мы перебрались черезъ Обидосскія ущелья и достигли города Манаосъ. Мѣстная гостиница не сулила ничего особенно привлекательнаго, но настъ выручилъ м-ръ Шортманъ, представитель Британской и Бразильянской торговой Компании. Въ его гостепрійной фасіонѣ мы дождались дня, когда намъ разрѣшено было вскрыть письмо, заключавшее въ себѣ инструкціи, данные намъ профессоромъ Чаллендженомъ. Но, прежде чѣмъ разсказать о сюрпризахъ, ожидавшихъ насъ въ этотъ памятный день, я желалъ бы нѣсколько подробнѣе обрисовать моихъ товарищѣ по экспедиціи и тѣхъ дорожныхъ спутниковъ, которыхъ мы пріобрѣли уже въ Южной Америкѣ. Буду говорить безъ стѣсненій, предоставляемъ вамъ, м-ръ Макъ-Ардль, использовать мой матеріалъ, какъ вы сочтете за лучшее, такъ какъ все равно отчѣть мой, прежде чѣмъ выйти въ свѣтъ, долженъ пройти черезъ ваши руки.

Научные заслуги профессора Соммерли достаточно всѣмъ извѣстны для того, чтобы мнѣ не утруждать себя перечисленіемъ ихъ. Для такого рода трудной экспедиціи онъ оказался болѣе подходящимъ человѣкомъ, чѣмъ это можно было предполагать съ первого взгляда. Его высокое, худое жилистое тѣло совершенно не знаетъ усталости; въ обращеніи онъ сухъ, насыщивъ и подчарствъ весьма несимпатичнъ, но зато всегда ровенъ и никакія перемѣны въ окружающемъ какъ будто не вліяютъ на него. Хотя ему уже шестьдесятъ шестой годъ, я ни разу не слыхалъ отъ него какого либо выраженія неудовольствія по поводу тѣхъ или другихъ неудобствъ, какія намъ иной разъ приходится переносить. Вначалѣ я думалъ, что въ нашей экспедиціи онъ будетъ только помѣхой, но теперь убѣдился, что выносливость его не менѣе моей. По характеру онъ желчный человѣкъ и скептикъ. Съ самаго начала онъ не скрывалъ своей увѣренности, что профессоръ Чаллендженъ — обманщикъ, что онъ все навралъ и мы ѓдемъ на охоту за какой-то сказочной Жар-птицей, которая не принесетъ намъ ничего, кромѣ разочарованія и опасностей въ Южной Америкѣ, а затѣмъ насыщимъ въ Англіи. Вотъ что онъ твердилъ намъ всю дорогу отъ Соузгемптона до Манаоса, растягивая въ ядовитую усмѣшку тонкій ротъ и мотая рѣдкою козлиною бородкой. Но, съ тѣхъ поръ, какъ мы высадились на берегъ, его нѣсколько утѣшаетъ красота и разнообразіе пернатыхъ и насѣкомыхъ, которыхъ мы здѣсь видимъ, такъ какъ онъ дѣйствительно всей душой преданъ наукѣ. Онъ цѣлые дни проводить въ лѣсу съ монте-кристо и сѣткой для ловли бабочекъ, а вечера — въ накалываніи этихъ бабочекъ на булакви и приготовленіи чучель для коллекціи. Къ числу его особенностей надо отнести еще то, что онъ небреженъ въ костюмѣ, довольно неопрятенъ, изумительно разсѣянъ и почти не выпускаетъ изо рта коротенькой трубочкѣ. Въ молодости своей онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ научныхъ экспедиціяхъ (между прочимъ, былъ

сь Робертсономъ въ Пануа) и бивачная жизнь въ шатрѣ и лодкѣ ему не въ новинку.

Лордъ Джонъ Рокстонъ имѣть кое-что общее съ профессоромъ Соммерли, но въ другихъ отношеніяхъ представлять собой полную ему противоположность. Онъ на двадцать лѣтъ моложе, но почти также худъ и тощъ. Внѣшность его я, помнится, уже описывалъ въ той части моего разсказа, которая осталась въ Лондонѣ. Въ привычкахъ своихъ онъ чрезвычайно чопоренъ и чистоплотенъ, одѣть всегда очень тщательно въ бѣлый суконный костомъ и высокіе сапоги коричневой кожи, защищающіе отъ москитовъ, и бреется, по крайней мѣрѣ, разъ въ день. Подобно большинству людей, которые больше дѣлаютъ, чѣмъ говорятъ, онъ немногорѣчивъ, говорить короткими фразами и часто занятъ собственными мыслями, но всегда готовъ отвѣтить на вопросъ или вмѣшаться въ разговоръ; манера говорить у него очень забавная; онъ остроуменъ и любить шутить. Онъ поражаетъ меня своимъ знаніемъ свѣта вообще и Южной Америки въ частности; въ успѣхъ нашей экспедиціи онъ вѣрить безусловно, ни мало не смущаясь издѣвательствами профессора Соммерли. У него приятный голосъ и спокойные манеры, но его холодные голубые глаза иной разъ вспыхиваютъ, и чувствуется, что этотъ человѣкъ способенъ на страшныя вспышки гнѣва и на беспощадную настойчивость въ достижениіи своихъ цѣлей, тѣмъ болѣе опасныя, что онъ умѣеть сдерживать себя. Онъ мало говорить о своихъ подвигахъ въ Бразиліи и Перу, но мѣстные жители при видѣ его приходить въ неистовый восторгъ, называя его своимъ «защитникомъ и покровителемъ», и это для меня было откровеніемъ. Среди нихъ создались уже цѣлья легенды о подвигахъ Краснаго Вождя, какъ они его называютъ, но, не говоря уже о легендахъ, и факты, поскольку они выяснились для меня, сами по себѣ достаточнѣ изумительны.

Факты эти таковы: нѣсколько лѣтъ тому назадъ лордъ Джонъ во время одного изъ своихъ путешествій очутился въ той никому не принадлежащей области, которая находится между Перу, Бразиліей и Колумбіей, какъ извѣстно, не имѣющими опредѣленныхъ границъ. Эта промежуточная область—довольно велика и въ ней произрастаетъ въ дикомъ видѣ каучуковое дерево, изъ котораго добывается драгоценная смола. Какъ и въ Конго, дерево это стало проклятіемъ для туземцевъ, которое можно приравнить только къ тому катаржному труду, который испанцы заставляютъ ихъ нести въ старыхъ серебряныхъ рудникахъ. Кучка ненадежевъ метисовъ завладѣла страной, вооруживъ тѣхъ индѣйцевъ, которые стали на ея сторону и обратили всѣхъ остальныхъ въ рабовъ подъ угрозой самыхъ жестокихъ нечеловѣческихъ пытокъ, заставляя ихъ добывать каучукъ, который затѣмъ сплавляютъ внизъ по рекѣ въ Перу. Лордъ Джонъ Рокстонъ вступилъ за несчастныхъ жертвъ, но не добился ничего, кромѣ угрозъ и оскорблений. Тогда онъ формально объявилъ войну Педро Лопесу, вождю рабовладѣльцевъ, набралъ отрядъ бѣглыхъ невольниковъ, вооружилъ ихъ на свой счетъ и успѣшино провелъ кампанію, закончившуюся тѣмъ, что онъ собственоручно застрѣлилъ вождя метисовъ, Педро Лопеса, и подорвалъ систему, которую тотъ хотѣлъ ввести.

Неудивительно, что вторичное появленіе этого человѣка на берегахъ Амазонки вызвало живѣйшій интересъ среди мѣстного населенія, хотя чувства, внушенія имъ, были разумѣются далеко не одинаковы, и признательность туземцевъ равнялась только злобѣ ихъ эксплоататоровъ. Однимъ изъ полезныхъ результатовъ прежнихъ путешествій лорда Джона было то, что онъ научился бѣгло говорить на языкѣ джераль—нарѣчіи на третью португальскомъ и на двѣ трети индійскомъ, которое въ ходу по всей Бразилии.

Я уже раньше говорилъ, что лордъ Джонъ Рокстонъ можно сказать, влюбленъ въ Южную Америку. Онъ не мо-

жетъ говорить безъ восторга обѣ этой странѣ и своимъ восторгомъ заразилъ меня, во всякомъ случаѣ, подстрекнувъ мое вниманіе и любопытство. Какъ жаль, что я не могу здѣсь передать всѣхъ его пламенныхъ рѣчей, смѣси тѣхъ съѣдѣній и пылкаго воображенія, придавшей имъ такое обаяніе, что даже съ лица профессора Соммерли постепенно сбѣгала его циническая и недовѣрчивая улыбка. Онъ захватывающе интересно рассказывалъ о великой рекѣ, вскорѣ изслѣдованной уже первыми завоевателями Перу и въ то же время такъ мало извѣстной.

— Ну, скажите мнѣ, что тамъ?—воскликнулъ онъ, указывая на сѣверъ.—Лѣса, болота, непроницаемыя дебри дѣственного лѣса. А кто знаетъ, что скрыто въ этомъ дѣственномъ лѣсу? А здѣсь, къ югу—тотъ же дикий лѣсъ и болото, гдѣ еще не ступала нога бѣлага. Куда ни кинешь взглѣдомъ—всюду невѣдомое, неизвѣданное. Болѣе или менѣе изслѣдованы только побережья рекъ. Ну, какъ же можно при такихъ обстоятельствахъ поручиться за то, что Чалленджеръ говорить неправду? Вѣдь въ такой странѣ все возможно!

Въ отвѣтъ на этотъ прямой вызовъ на лицѣ профессора Соммерли снова появлялось упрямое, насыщенное выраженіе и онъ, недовѣрчиво покачивая головой, погружался въ безмолвіе, окутавъ себя облаками дыма изъ своей неизвѣстной коротенькой трубочки.

Вотъ все, что я пока могу сказать о моихъ двухъ бѣлыхъ спутникахъ; ихъ характеры, качества и недостатки, точно такъ-же, какъ и мои, будутъ выясняться постепенно, по мѣрѣ развитія событий. Но по дорогѣ мы прихватили съ собой еще нѣсколькоихъ человѣкъ, которые въ дальнѣйшемъ будутъ играть не малую роль. Первый изъ нихъ—колоссального роста негръ, по имени Замбо,—черный Геркулесъ, послушный какъ лошадь и ума приблизительно такого же. Мы наняли его въ Парѣ по рекоменданіи Общества Судоходства, плавая на судахъ котораго, Замбо выучился довольно сносно говорить по-англійски.

Тамъ же, въ Парѣ, мы наняли Гомеца и Мануэля, двухъ метисовъ съ верховьевъ Амазонки, только что прибывшихъ съ грузомъ краснаго дерева. Оба они чернокожіе, бородатые, и свирѣпые, сильные и проворные, какъ пантеры. Оба всю жизнь прожили на верховьяхъ Амазонки, то есть вблизи той мѣстности, которую мы собираемся изслѣдовать.—Это-то и побудило лорда Джона остановить свой выборъ на нихъ. Одинъ изъ нихъ, Гомецъ, хороши еще тѣмъ, что превосходно говорить по-англійски. Всѣ трое согласились поступить къ намъ въ услуженіе, въ качествѣ поваровъ, гребцовъ и помощниковъ вообще, за 15 долларовъ въ мѣсяцъ жалованья. Кромѣ нихъ, мы наняли еще троихъ индѣйцевъ племени *моко* изъ Боливіи; изъ всѣхъ племенъ, живущихъ по берегамъ Амазонки, это племя наиболѣе искусно въ ловлѣ рыбы и въ управлѣніи лодкой. Старшаго изъ нихъ мы зовемъ *Моко*, по имени его племени, а двухъ другихъ—Хозе и Фернандо. Итакъ, трое бѣлыхъ, два метиса, одинъ негръ и трое индѣйцевъ—вотъ весь составъ маленькой экспедиціи, сдѣлавшей привалъ въ Манаосѣ, въ ожиданіи инструкцій, съ которыми ей предстоитъ пуститься въ путь.

Наконецъ, послѣ томительно скучной недѣли, насталъ желанный день и часъ. Представьте себѣ полуутемную, потому что занѣсы на окнахъ спущены, гостинную на фасціенѣ Сантіо Игнаціо, въ двухъ миляхъ отъ города Манаосъ. За окнами все залито мѣдно-желтымъ свѣтомъ; тѣни пальмъ также четки, какъ и очертанія самихъ стволовъ. Въ безвѣтренномъ воздухѣ гудятъ, жужжатъ рои насыщенныхъ, тропическій хоръ, состоящій изъ многихъ октавъ, отъ густого шимелинаго баса до высокаго тонкаго диксантаго москита. Подъ верандой большой расчищенный садъ съ оградой изъ колючаго кактуса и съ групшами цвѣтушихъ кустовъ, надъ которыми вѣются большие синіе мотыльки и крохотныя яркоцвѣтныя птич-

ки, сверкающая въ воздухѣ какъ искорки. Мы всѣ сидимъ за плетенымъ столомъ, на которомъ лежитъ запечатанный конвертъ. На конвертѣ надпись, неровнымъ почеркомъ, профессора Чалленджера:

«Инструкціи Лорду Джону Рокстону и его спутникамъ. Распечатать въ Манаосъ 15 июля ровно 12 часовъ пополудни».

Лордъ Джонъ положилъ на столъ рядомъ съ собой часы.

— Остается еще семь минутъ. Старичина очень точенъ въ своихъ указаніяхъ.

Профессоръ Соммерли кисло улыбнулся, протянувъ свою костлявую руку къ конверту.

— Не все ли равно, вскрыть его сейчасъ, или же черезъ семь минутъ? Все та же система надувательства и безмыслицы, которая, къ сожалѣнію, присуща автору этихъ инструкцій.

— Нѣть, ужъ играть надо честно, по правиламъ,—замѣтилъ лордъ Джонъ.—Вѣдь это Чалленджеръ затѣялъ всю исторію; это по его милости мы очутились здѣсь и было бы совсѣмъ ужъ некрасиво, еслибы мы не выполнили его инструкцій буквально.

— Нечего сказать, пріятная прогулка!—съ горечью воскликнулъ Соммерли.—Мнѣ и въ Лондонѣ она казалась сумасбродной и долженъ сказать, что, чѣмъ дальше, тѣмъ больше я убѣждаюсь въ этомъ. Не знаю, что въ этомъ конвертѣ, но, если тамъ нѣть чего-нибудь вполнѣ опредѣленнаго я, признаться, готовъ сѣсть на первый же обратный рѣчной пароходъ, чтобы захватить «Боливію» въ Парѣ. Бѣ концѣ концовъ, у меня есть болѣе серьезная работа, чѣмъ рыскать съ цѣлью опровергнуть бредни сумасшедшаго. Ну, Рокстонъ, наѣрное, теперь ужъ можно?

— Да, теперь пора,—сказалъ лордъ Рокстонъ,—можете давать свистокъ.—Онъ взялъ конвертъ, вскрылъ его перочиннымъ ножомъ и вынулъ оттуда листъ бумаги. Этотъ листъ онъ развернулъ и разложилъ на столѣ. Ни листъ ничего не было. Лордъ Джонъ перевернулъ его на другую сторону—и тамъ была чистая бумага, и только. Мы переглянулись, среди изумленнаго безмолвія, нарушенаго только взрывомъ иронического смѣха профессора Соммерли.

— Ну, вотъ видите! Чего же вамъ еще? Онъ самъ сопнается въ своемъ обманѣ. Намъ остается только вернуться домой и заклеймить его, какъ самаго безстыднаго лгуня.

— Можетъ быть, тамъ написано невидимыми чернилами?—въспомнилъ я предположеніе.

— Не думаю,—сказалъ лордъ Рокстонъ, держа бумагу противъ свѣта.—Нѣть, юноша,—что пользы обманывать себя? Я ручаюсь головой, что на этой бумагѣ никогда ничего не написано.

— Можно войти?—донасся чей-то голосъ съ веранды.

И тяжелая грунная фигура заслонила собой свѣтъ. Этотъ голосъ, эти чудовищныя массивныя плечи...

Всѣ мы отъ удивленія вскочили съ мѣста—передъ нами стоялъ Чалленджеръ, въ круглой, совсѣмъ дѣтской, соломенной шляпѣ съ цвѣтной ленточкой и парусиновыхъ башмакахъ. Заложивъ руки въ карманы и закинувъ голову назадъ, онъ стоялъ, какъ ни въ чёмъ не бывало, выставивъ впередъ свою ассирийскую бороду и устремивъ на насъ нестерпимо яркий взоръ.

— Воюсь,—сказалъ онъ вынимая часы,—что я опоздалъ на нѣсколько минутъ. Когда я давалъ вамъ этотъ конвертъ, сознаюсь, я совсѣмъ не разсчитывалъ, что вы его вскроете, такъ какъ думалъ нагнать васъ раньше назначеннаго дня и часа. Къ несчастью, намъ попался прескверный лоцманъ, и лодка наша съла на мель. Воюсь, что это дало поводъ моему коллегѣ, профессору Соммерли, въспоминать нѣсколько нелестныхъ замѣчаний по моему адресу.

— Я долженъ сознаться, сэръ,—не безъ строгости сказалъ лордъ Джонъ,—что ваше появленіе весьма утѣши-

— Можно войти?—и тяжелая грунная фигура заслонила собой свѣтъ.

тельно для насъ, такъ какъ мы уже готовы были счесть нашу миссію преждевременно законченной. Даже и теперь я, воля ваша, не могу понять что это у васъ за такие необычайные поступки.

Вмѣсто отвѣта, профессоръ Чалленджеръ вошелъ въ комнату, пожалъ руку мнѣ и лорду Джону, надменно и важно кивнулъ головой профессору Соммерли и опустился въ плетеное кресло, которое затрешало и согнулось подъ его тяжестью.

— Вы совсѣмъ готовы въ путь?—спросилъ онъ.

— Можемъ выѣхать хоть завтра.

— Значить, и выѣдете завтра. Пока вамъ никакихъ инструкцій не надо, такъ какъ самъ я буду съ вами, а это—преимущество неопѣненное. У меня съ самого начала было рѣшено, что я буду руководить вашими розысками. Согласитесь сами, что никакія, самыя подробныя, инструкціи не могли бы замѣнить моего совѣта и руководительства. Что же касается небольшой хитрости съ конвертомъ, къ которой я прибѣгнулъ, то вѣдь ясно, что, еслибы я сразу сообщилъ вамъ о своихъ намѣреніяхъ, мнѣ пришлось быѣхать вмѣстѣ съ вами, а это мнѣ было вовсе не желательно.

— Какъ и мнѣ,—искренно воскликнулъ профессоръ Соммерли.—По Атлантическому Океану можноѣхать на различныхъ судахъ.

Чалленджеръ отмахнулся отъ него своей большой волосатой рукой.

— Я увѣренъ, что собственный вашъ здравый смыслъ подскажетъ вамъ, что я былъ правъ и что лучше мнѣ былоѣхать одному и появиться только тогда, когда мое присутствіе окажется необходимымъ. Моментъ этотъ насталъ. Вы въ надежныхъ рукахъ. Теперь вы, несомнѣнно, доберетесь до мѣста назначенія. Съ этой минуты я принимаю на себя начальство надъ этой экспедиціей и попрошу вѣсть къ сегодняшнему вечеру закончить всѣ приготовленія, такъ чтобы мы могли выѣхать завтра рано утромъ. Я дорожу своимъ временемъ и вы всѣ, несомнѣнно, тоже, хотя ваше время можетъ быть и менѣе цѣнно. Поэтому я предлагаю всѣмъ вамъ времени не тратить даромъ, чтобы поскорѣй увидѣть то, что я собираюсь вамъ продемонстрировать.

Лордъ Джонъ Рокстонъ уже нанялъ большой паровой

баркасъ «Эсмеральда», на которомъ мы собирались плыть вверхъ по рѣкѣ. Въ смыслѣ климата, время, выбранное для экспедиціи, было почти безразлично, такъ какъ температура здѣсь и лѣтомъ, и зимой отъ 75—90 град. Цельзія.

Другое дѣло въ смыслѣ влажности. Съ декабря по май здѣсь почти сплошь идутъ дожди, и въ это время года уровень воды въ рѣкѣ постепенно подымается почти на сорокъ футовъ выше самаго низкаго своего уровня. Вода заливаетъ берега, разливается большими лагунами на огромное пространство и получается цѣлая область, которая на мѣстномъ нарѣчіи зовется Гапо, гдѣ нѣтъ въ это время года ни проходу, ни проѣзду—она слишкомъ болотиста для ходьбы и слишкомъ мелководна для того, чтобы плыть по ней въ лодкѣ. Съ июня вода начинаетъ убывать и къ октябрю или ноябрю совсѣмъ спадаетъ. Такимъ образомъ, наша экспедиція выѣхала какъ разъ во-время, въ сухую пору года, когда Амазонка и притоки ея сведены къ болѣе или менѣе нормальному уровню. Теченіе этой рѣки не быстрое, такъ какъ уклонъ ея не больше восьми дюймовъ на милю. Для навигаціи это чрезвычайно удобная рѣка, ибо господствующій вѣтеръ здѣсь—попутный, восточный, что особенно важно для барочныхъ судовъ. На нашемъ пароходѣ «Эсмеральда» машины были отличныя, мы могли не считаться съ медлительностью теченія и подвигались впередъ такъ же быстро, какъ еслибы мы плыли по озеру съ стоячей водой. Три дня мы уже плыли вверхъ по рѣкѣ на сѣверо-западъ и, хотя находились уже на тысячу миль отъ устья, Амазонка и здѣсь была такъ широка, что оба берега виднѣлись лишь темными полосами на далекомъ горизонтѣ. На четвертый день по выходѣ изъ Манаоса, мы свернули въ притокъ Амазонки, который близъ впаденія былъ не уже главной рѣки. Но постепенно онъ значительно сузился и черезъ два дня мы, по указанію Чалленджера, вышли на берегъ въ индійской деревушкѣ. Онъ же настоялъ на томъ, чтобы «Эсмеральда» мы отправили обратно въ Манаосъ, ибо дальше пойдутъ пороги, черезъ которые на пароходѣѣхать, все равно, невозможно. Конфиденціально онъ пояснилъ намъ, что отнынѣ мы вступаемъ въ неизвѣданную область и, чѣмъ менѣе лицъ будетъ посвящено въ нашу тайну, тѣмъ лучше. Онъ такъ заботился о сохраненіи этой тайны, что съ каждого изъ насъ взялъ честное слово, а со слугъ—торжественную клятву никому не давать никакихъ свѣдѣній относительно цѣли нашего путешествія. Поэтому я приужденъ въ своемъ разсказѣ ограничиваться лишь общими указаніями и предупреждаю читателя, что, если я даже приложу карту или диаграмму, онъ не сможетъ служить указаниемъ для разысканія данной мѣстности, такъ какъ, хотя соотношеніе частей и правильное, всѣ остальные показанія неѣрны. Я не знаю, почему именно профессоръ Чалленджеръ такъ настаиваетъ на сохраненіи тайны и есть ли у него на то достаточныя основанія, но у насъ нѣтъ иного выбора, какъ подчиниться ему, потому что иначе онъ броситъ насъ и вернется въ Англію.

Второго августа мы разорвали послѣднюю нашу связь съ вѣшнимъ міромъ, простившись съ «Эсмеральдой».

Съ тѣхъ поръ прошло четыре дня въ теченіе которыхъ мы успѣли заарендуовать у индійцевъ два большихъ членка, сдѣланныхъ изъ такого легкаго материала (бамбуковая рама, обтянутая кожей), что, если чтонибудь преградить намъ путь, мы безъ труда можемъ перенести ихъ на рукахъ. Въ эти членки мы погрузили весь нашъ багажъ и прихватили еще съ собой двухъ индійцевъ: Атака и Ипету—повидимому, тѣхъ самыхъ, которые сопровождали профессора Чалленджера въ его первой экспедиціи. Они пришли въ ужасъ при одной мысли о повтореніи такого опыта, но въ этихъ странахъ глава племени пользуется неограниченной властью и, если онъ относительно чегонибудь сковорится, племя повинуется, не разсуждая.

Итакъ, завтра мы сдѣляемъ прыжокъ въ невѣдомое.

Это письмо я посыпаю съ индійцемъ, который спустится внизъ по рѣкѣ. Быть можетъ, это послѣднее наше слово, обращенное къ тѣмъ, кто интересуется нашей участіемъ. Согласно нашему уговору, я адресую его вамъ, дорогой м-ръ Макъ-Ардль, предоставляемъ вамъ дѣлать какъ вы найдете нужными измѣненія и поправки.

У профессора Чалленджера тонъ такой увѣренный, что, несмотря на неослабывающій скептицизмъ профессора Соммерли, я не сомнѣваюсь, что слова его оправдаются, и мы, действительно, наканунѣ совершенно необычайныхъ переживаній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пер. З. Журавской.

Роковая ночь.

Разсказъ Филиппа Чэмпъонъ де-Креспини.

(Съ англійскаго).

— Да, много я видѣлъ на своемъ вѣку печальныхъ лицъ, но такого горестнаго лица, какъ у Джона Геслопа, я еще ни разу не встрѣчалъ; такой отпечатокъ глубокой скорби и отчаянія мнѣ приходится видѣть въ первый разъ!—замѣтилъ мой дядя, вытряхивая въ каминъ пепель изъ своей трубки и снова наполняя ее табакомъ.

Мы сидѣли вечеромъ, въ курительной комнатѣ, кромѣ меня и дяди, было еще два-три человѣка, и Геслопъ только что пожелалъ намъ доброй ночи и ушелъ спать. Онъ лишь недавно вернулся въ Англію изъ Африки, гдѣ три года занимался охотой на крупнаго звѣра, и мало было знакомъ съ остальными изъ нашей компании. Онъ всегда, и въ другіе дни, былъ нелюдимъ человѣкомъ, не искавшимъ знакомствъ и друзей, а за время своего добровольного изгнанія потерялъ и тѣхъ немногихъ, которые у него ранѣе были. Но со мной у него поддерживалась за время его отсутствія, — правда очень нерегулярная, — переписка, такъ что я не терялъ его изъ виду. По своему я любилъ его и жалѣлъ всей душою.

— Если бы вы знали исторію Геслопа, васъ не удивило бы мрачное выраженіе его лица, — сказалъ я, послѣ паузы.

— Что же съ нимъ было? — спросилъ кто-то.

Я былъ въ нерѣшимости.

— Впрочемъ, я не вижу основаній къ тому, чтобы не разскажать вамъ ее, — сказалъ я, наконецъ, — хотя связанные съ нею обстоятельства были весьма непріятны и тѣгостны и для меня самого, какъ его друга и очевидца слущая, близко касавшагося его.

Въ комнатѣ стало тихо и всѣ приготовились слушать меня.

Я бросилъ въ огонь окурокъ папироски и собравшись съ мыслями началъ:

— Это было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Я гостили, въ числѣ полдюжины другихъ, у генерала Ливингстона, въ снятомъ имъ на лѣто домѣ на Темзѣ. Съ нами были Дикъ Карей, Джонъ Геслопъ, Сибиль Ливингстонъ, племянница генерала, и еще нѣсколько человѣкъ.

Все дѣло началось какъ-то за чаемъ, когда мы сидѣли на лужайкѣ въ примыкавшемъ къ дому паркѣ. Сибиль сказала,

таго высокой водой камыши немилосердно терзали наши тѣла.

Это была труднѣйшая и опаснѣйшая часть нашего пути, и нѣсколько разъ мы проваливались на глубинѣ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ плыть было нельзя, гибкій же камышъ не могъ служить опорой...

И мы выбрались на берегъ, напрягая уже послѣднія силы.

Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ я пришелъ въ себя и взглянулъ на своего давешняго палача.

Онъ сидѣлъ потухшій и молчаливый, какъ до нашего путешествія въ лодкѣ, и дрожалъ. Тогда я разбудилъ спавшаго подъ телѣгой кучеренка, вытащилъ изъ подъ его головы свое верхнее платье, изъ котораго онъ устроилъ себѣ изголовье, и, ставивъ съ философа его мокрый костюмъ, одѣлъ его въ сухую одежду.

Это была моя послѣдняя жертва на алтарь нѣмецкой философіи.

П. Зайкинъ.

ПОГИБШІЙ МІРЪ.

Рассказъ объ изумительныхъ приключеніяхъ профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Соммерли и м-ра Э. Д. Мэлона изъ «Ежедневной Газеты».

Артура Конанъ-Дойля.

Глава VIII.

На аванпостахъ нового міра.

Пусть наши друзья тамтѣ, дома, порадуются вмѣстѣ съ нами — ибо мы уже у цѣли. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, всѣ указанія профессора Чалленджера оказывались совершенно вѣрными. Правда, мы еще не взобрались на плато, но оно высится передъ нами, и даже профессоръ Соммерли до извѣстной степени присмирѣлъ. Не то, чтобы онъ склоненъ былъ признать правоту своего соперника — нѣтъ, онъ сдается только передъ очевидностью — но теперь онъ уже не докучаетъ ему поминутно извѣстными замѣчаніями, а больше молчитъ и наблюдаетъ. Однако, я долженъ вернуться къ своему разсказу съ того мѣста, гдѣ прерваль его. Мы отсылаемъ обратно одного изъ нашихъ индѣйцевъ, повредившаго себѣ руку, и я поручаю ему отправить это письмо, хоть и сильно сомнѣваюсь, чтоѣ оно дошло по адресу.

Въ послѣдній разъ я писалъ вамъ передъ уходомъ изъ индѣйской деревушки, гдѣ покинула насъ «Эсмеральда». Приходится начать съ дурныхъ извѣстій, такъ какъ въ этоѣ вѣчерь произошла первая серьезная непріятность между членами нашей маленькой экспедиціи (не считая постоянной никировки между профессорами), которая могла имѣть трагическій исходъ. Я уже упоминалъ о взятомъ нами въ услугеніе метисѣ, Гомецѣ, говорящемъ по-англійски: онъ отличный работникъ и, вообще, малый усердливый, но, къ сожалѣнію, черезчуръ любопытенъ — недостатокъ, нерѣдко свойственный этого сорта людямъ. Въ послѣдній вѣчерь передъ уходомъ изъ деревни, онъ спрятался близъ хижины, гдѣ мы обсуждали наши планы; другой нашъ слуга, великанъ-негръ, Замбо, преданный намъ, какъ песь, замѣтилъ его и, со свойственной неграмъ ненавистью къ полукровкамъ, поспѣшилъ вытащить его изъ кустовъ и приволочь къ намъ — для должностнаго наказанія. Гомецъ выхватилъ изъ-за пояса ножъ и, еслибы не огромная сила Замбо, одной рукой обезоружившаго метиса, не сдѣлать бы ему. Дѣло кончилось строгимъ выговоромъ обоимъ; ихъ заставили помириться, пожать другъ другу руки, и надо надѣяться, что дальниѣ послѣдствія эта скора имѣть не будуть.

Что касается распри между нашими двумя учеными, она не прекращается. Надо сознаться, что Чалленджеръ можетъ разозлить хоть кого своей надменностью и дерзостью, но и у Соммерли язычекъ, какъ бритва, и онъ не упускаетъ случая допечь противника. Вчера, напримѣръ, Чалленджеръ говорить, что онъ терпѣть не можетъ гулять по берегу Темзы и смотрѣть вверхъ по теченію, потому что

непріятно, вѣдь, смотрѣть на собственную будущую гробницу. Онъ, разумѣется, убѣжденъ, что прахъ его будетъ покойиться въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ хоронятъ всѣхъ знаменитыхъ людей Англіи. Соммерли, съ кислой улыбкой, замѣчаетъ, что вѣдь, Мильбанская тюрьма, сколько ему извѣстно, находится внизъ, а не вверхъ по теченію Темзы. Чалленджеръ слишкомъ приспособленъ сознанія собственного превосходства, чтобы серьезно обидѣться на такое возраженіе; онъ только усмѣхнется себѣ въ бороду и молвилъ: «вѣдь самомъ дѣлъ?» — снисходительнымъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми. Да они и на самомъ дѣлѣ дѣти, оба — одинъ тощий и придирчивый, другой грузный и надменный, но оба съ такими мозгами, которые естественно выдвигаютъ ихъ въ первый рядъ ученыхъ. Но до чего они различны!

Профессоръ Чалленджеръ.

На другой день мы двинулись въ путь. Весь напѣт багажъ легко уложился въ двѣ лодки, куда усѣлись и мы сами, по шести человѣкъ въ каждую, причемъ профессоръ во избѣжаніе лишнихъ споровъ, посадили вързъ. Я сѣлъ съ Чалленджеромъ, который былъ въ чудеснѣшемъ расположении духа; каждая черта его лица выражала безмолвный экстазъ и благоволеніе. Но я уже видалъ его во всякихъ настроеніяхъ и ни мало не удивлюсь, если среди этого яспаго неба нежданно грянетъ громъ. Съ нимъ никогда нельзя быть спокойнымъ, но зато съ нимъ и не соскучишься никогда, такъ какъ никогда не знаешь, что онъ сдѣлать черезъ минуту.

Два дня мы плыли по рѣкѣ, шириной въ нѣсколько сотъ ярдовъ; вода въ ней темнаго цвѣта, но прозрачная, такъ что почти всюду видно дно. Такова половина притоковъ Амазонки; другая половина имѣть воду мутную и бѣловатую; разница зависитъ отъ того, въ какой мѣстности протекаютъ эти рѣки. Темная вода — признакъ гниющей растительности; мутная — глинистой почвы. Дважды намъ приходилось перенравляться черезъ пороги и съ полмили на рукахъ нести лодки. Какая торжественная тишина царила въ здѣшнихъ лѣсахъ! Никогда мнѣ не забыть этой тишины. Никогда я не видалъ этихъ высокихъ деревьевъ, такъ огромнойтолщины стволовъ, напоминающихъ колонны храма и, какъ колонны, возносящихъ ввысь, такъ высоко, что мы лишь смутно различаемъ мѣсто, гдѣ извилистыя вѣтви ихъ переплетались между собой, образуя надъ головою зеленый шатеръ, сквозь который лишь изрѣдка пробивался яркий лучъ свѣта. Ноги наши безшумно ступали по мягкому ковру гниющихъ листьевъ; кругомъ полумракъ, точно подъ сводами храма; мы невольно присмирѣли, и даже громовой басъ профессора Чалленджера понизился до шопота. Самъ я, конечно, не сумѣлъ бы различить и назвать всѣ эти гигантскія деревья, но наши ученые сразу отличали кедры, травянистый хлопчатникъ, красное дерево и др. Яркія орхидеи и мохъ всевозможныхъ яркихъ цвѣтовъ обивали темные стволы деревьевъ, и, когда лучъ свѣта падалъ на все это пестрое царство алламандъ, таксоній, иномей, мнѣ казалось, что я попалъ въ сказочную страну. Въ этихъ огромныхъ, какъ пустыни, лѣсахъ каждое растеніе, каждая травка тянется вверхъ, къ свѣту. У кого не хватаетъ силы самому добраться, тотъ обивается вокругъ болѣе сильныхъ братьевъ. Ползучія растенія здѣсь достигаютъ чудовищной величины и пышности, и даже тѣ, которые въ другихъ мѣстахъ не бываю послужими, какъ, напримѣръ, обыкновенная крапива и жасминъ, здѣсь обиваютъ стволы кедровъ и силятся достигнуть ихъ вершинъ.

Животной жизни подъ этими могучими сводами не было, но постоянный шорохъ и движение гдѣ нашими головами выдавали змѣй и обезьянъ, птицъ и лѣнивцевъ, которые, грѣясь на солнечнѣ тамъ, наверху, съ неизмѣримой высоты съ недоумѣніемъ взирали на маленькия темнѣя двуногія фігурки, пробирающіяся внизу, подъ деревьями. На зарѣ и на закатѣ солнца поднимали крикъ обезьяны и попугай пересмѣшики, но въ жаркіе полдневные часы воздухъ былъ наполненъ лишь гудѣніемъ и жужжаніемъ насѣкомыхъ, напоминающимъ рокотъ далекаго прибоя, и на стволахъ, уходящихъ круглыми колоннами ввысь, не замѣтно было никакого движенія. Разъ только что-то неуклюжее и косолапое, должно быть, медвѣдь или муравьѣдъ, грузно пробѣжало мимо насъ и скрылось во тьмѣ. Это было единственное живое существо, которое я видѣлъ близи въ дѣственномъ лѣсу на берегахъ Амазонки.

А, между тѣмъ, были признаки, указывавшіе, что вблизи этого дѣственного бора таится не только животная, но и человѣческая жизнь. На третій день пути, утромъ, мы услыхали какой-то странный звукъ, ритмический и мрачный, равномѣрно повторяющійся черезъ опредѣленные промежутки времени. Обѣ лодки неторопливо плыли на

небольшомъ разстояніи одна отъ другой. Индѣйцы наши вдругъ, словно по командѣ, перестали гресть и замерли на мѣстахъ, точно превратившись въ бронзовыя изваянія; лица ихъ выражали напряженное вниманіе и страхъ.

— Что это? — спросилъ я.

— Барабанная дробь, — беспечно откликнулся лѣсдѣль Джонъ. — Военные барабаны. Я уже слыхалъ ихъ раньше.

— Да, сэръ, военные барабаны, — подтвердилъ Гомецъ. — Дикии, индѣйцы, не осѣдлые, разбойники; они насы подстерегаютъ и убить, если смогутъ.

— Какимъ же образомъ, гдѣ они могутъ насъ подстерегать? — изумился я, взглѣдываясь въ недвижимый, темный боръ.

Метисъ покачалъ широкими плечами.

— Индѣйцы знаютъ. У нихъ свои способы. Они слѣдятъ за нами. Барабанами они переговариваются между собой. Если смогутъ, убить насъ.

Подъ вечеръ того же дня — въ моей записной книжкѣ отмѣченъ этотъ день: вторникъ, 18-го августа — мы слышали барабанный бой по крайней мѣрѣ съ шести-семи различныхъ сторонъ. Иногда это была торопливая, быстрая, мелкая дробь; иной разъ медленные, размѣренные удары; порой какъ будто вопросы и отвѣты; затрещѣть, напримѣръ, на востокѣ частая-частая дробь, потомъ пауза, потомъ откликается глухой рокотъ съ сѣвера. Удивительно жутко было слушать этотъ перемежающійся барабанный бой, въ музыку которого такъ удобно укладывались слова безъ конца поэторяямыя нашимъ метисомъ: «Мы убьемъ васъ, если сможемъ! Мы убьемъ васъ, если сможемъ!» Въ дремучемъ бору царили миръ и тишина; природа, казалось, мирно дремала, прикрывшись густымъ плащемъ растительности, а отъ человѣка къ человѣку неслась грозная вѣсть: «Мы убьемъ васъ, если сможемъ!»

Весь этотъ день барабаны то гремѣли, то шептали, и угроза ихъ темнила лица нашихъ темнокожихъ спутниковъ. Даже смѣльй, хвастливый метисъ пріоныль и присмирѣль. Зато, въ этотъ день я убѣдился, что оба наши ученые предводители надѣлены тѣмъ особымъ видомъ мужества, который зовется мужествомъ ученаго. Тѣмъ самымъ мужествомъ, которое поддерживало спокойствіе въ Дарвінѣ среди аргентинскихъ гаукосовъ и въ Уоллесѣ — на Малайскомъ Архипелагѣ, среди охотниковъ за черепами. Миллсъ-Реддъ-Природа устроила такъ, что человѣческій мозгъ не вмѣшаетъ больше одной мысли заразъ, и человѣкъ, цѣликомъ отдавшій себя науки, перестаетъ заботиться о себѣ самомъ, бояться за себя. Весь день, подъ непрерывной угрозой барабанныхъ сигналовъ наши оба профессора наблюдали птицъ, распознавая ихъ по оперенію, и препирались изъ-за каждого кустика на берегу, не чувствуя опасности и такъ же мало думая о ней, какъ если бы они сидѣли въ курительной своего клуба на Сентъ-Джемсъ-стритѣ. Одинъ лишь разъ они снизошли до обсужденія личности подающихъ эти сигналы.

— Людоѣды племени Мариха или Амахуака, — сказалъ Чалленджеръ, указывая толстымъ пальцемъ по направлению къ чаѣ лѣса.

— Безъ сомнѣнія, — поддержалъ Соммерли. — По всейѣроятности, монгольскаго типа и съ языкомъ, представляющимъ смѣсь всевозможныхъ нарѣчий.

— Насчетъ языка, согласенъ, — снисходительно замѣтилъ Чалленджеръ. — Иного типа языка и неѣть на этомъ континентѣ, хотя нарѣчій я одинъ отмѣтилъ до ста. Что же касается монгольскаго типа — это мнѣ весьма сомнительно.

— Казалось бы, въ этомъ легко убѣдиться, даже при ограниченномъ знаніи сравнительной анатоміи, — ядовито замѣтилъ Соммерли.

Чалленджеръ вызывающе вздернувъ подбородкомъ.

При ограниченномъ,—да, конечно. Но, при основательномъ знаніи ея, приходишь къ инымъ выводамъ.

Оба противника вызывающе уставились другъ на друга. А издали мелкой дробью песся зловѣштій шепотъ: « Мы убьемъ васъ, если сможемъ».

Въ эту ночь мы стояли на якорь посрединѣ рѣки, пригавъ къ нашимъ якорямъ тяжелые камни, и приготовились къ нападенію. Однако, ночь прошла спокойно, а съ зарею мы снова двинулись въ путь, и теперь барабаны грохотали уже за нами. Около трехъ часовъ пополудни мы наткнулись на очень крутой и высокий порогъ, съ милю длиной,—тотъ самый, на которомъ опрокинулась лодка профессора Чаллендера во время первого его путешествія. Сознаюсь, видѣ этого порога былъ милю утѣшителенъ, какъ первое наглядное, хотя и незначительное, доказательство правдивости его разсказа. Индѣйцы перенесли черезъ прибрежные кусты сперва наши лодки, а затѣмъ и багажъ; мы же, четверо бѣлыхъ, съ ружьями за плечами шли сбоку, охраняя ихъ отъ опасности, грозившей намъ изъ лѣсу. Къ вечеру мы миновали пороги и проѣхали еще около десяти миль дальше ихъ; тутъ и бросили якорь на ночь. По моему расчету, это было уже милю за сто отъ сліянія этого притока Амазонки съ главной рѣкой.

Слѣдующій день былъ началомъ великихъ открытий. Съ самаго утра профессоръ Чалленджеръ волновался, пристально вглядываясь то въ одинъ, то въ другой берегъ рѣки. Неожиданно онъ вскрикнулъ отъ радости, указывая на однокое дерево, подъ острымъ угломъ наклонившееся къ рѣкѣ.

— Какъ по вашему? Что это за дерево?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, пальма Ассай,—откликнулся Соммерли.

— Совершенно вѣрно. Это моя замѣта. Въ полумиль отъ этой пальмы, на другомъ берегу есть потайное отверстіе. Не смотрите на деревья—никакого просвѣта въ нихъ вы не увидите. Это-то и замѣчательно. А вонъ тамъ, гдѣ кончается темно-зеленая лѣсная поросль и начинаются свѣтло-зеленые камыши, между рощами хлопчатника, тамъ мой потайной ходъ въ невѣдомое. Доѣдемъ,—сами увидите и поймете.

Мѣсто было на рѣдкость красивое. Добравшись до линіи свѣтло-зеленыхъ тростниковъ, мы пѣкоторое время пробирались сквозь нихъ, раздвигая ихъ носами лодокъ, и затѣмъ неожиданно очутились въ неглубокой и тихой рѣчушкѣ, съ свѣтлой, прозрачной водой, съ песчанымъ дномъ, шириной не больше двадцати ярдовъ. Оба берега рѣчки были покрыты роскошнѣйшей растительностью. Тотъ, кто не обратилъ бы вниманія на то, что прибрежные кусты не-надолго уступаютъ мѣсто камышамъ, никогда и не догадался бы о существованіи этой рѣчки и волшебной страны, омысающей ею.

Ибо это, дѣйствительно, была волшебная страна, самая удивительная, какую только можетъ представить себѣ человѣческая фантазія. Пышная растительность сплеталась надъ нашими головами то въ естественной сводѣ, и черезъ этотъ зеленый тоннель, пронизанный затѣненными золотистымъ свѣтомъ, струилась зеленая, прозрачная рѣчка, поверхность которой переливала самыми фантастическими отсвѣтами. Чистая, какъ хрусталь, недвижная, какъ стекло, зеленоватая, какъ край пловучей льдины, тянулась она передъ нами, и каждый взмахъ веселъ разсыпалъ тысячи разноцвѣтныхъ брызгъ по ея спокойной поверхности. Это было достойное преддверіе къ странѣ чудесъ. Объ индѣйцахъ мы уже позабыли, но животная жизнь здѣсь кипѣла, и животныя не пугались насъ—очевидно, они никогда не видали охотника. Забавный, чернѣя, словно бархатныя обезьянки съ бѣлосѣжными и блестящими, насыщеными глазами что-то кричали намъ съ берега. Порою слышался тяжелый всплескъ каймана. Темный, неуклюжій тапиръ изумленно уставился на насъ и потомъ, тяжело ступая, побрѣзъ обратно въ лѣсъ; разъ въ кустахъ мелькнуло желтое, гибкое тѣло огромнаго пумы и зеленые злые глаза мрачно глянули

на насъ черезъ плечо. Птицъ здѣсь было множество, въ особенности, болотныхъ: аистовъ, цаплей, ибисовъ, бѣлыхъ, голубыхъ, ярко-красныхъ, стоявшихъ небольшими группами на каждомъ бревнѣ, свѣшивавшемся съ берега; прозрачная вода подъ ними кишила всевозможной рыбой.

... Никогда я не видалъ такихъ высокихъ деревьевъ, такой огромной толщины стволовъ, напоминающихъ колонны храма и, какъ колонны возносящихъ евы... Въ этихъ огромныхъ лѣсахъ каждое рѣстеніе, каждая травка тянется въ рѣк. къ свѣту. У кого не хватаетъ силы самому добраться, тотъ обвивается вокругъ [болѣе сильныхъ братъевъ]...

Три дня мы плыли этимъ туннелемъ, въ золотисто-зеленомъ полу-мракѣ, полу-свѣтѣ. Вдали трудно было даже различить, гдѣ кончалась вода и начинался зеленый сводъ. Глубокая тишина, царившая здѣсь, не нарушалась никакими признаками человѣческой жизни.

— Здѣсь пѣть индѣйцевъ. Боятся Курупури,—заявилъ Гомецъ.

— Курупури это духъ лѣсовъ,—пояснилъ лордъ Джонъ. — Это имя носятъ всѣ демоны. Бѣдные туземцы боятся, что

въ этомъ направлени можно наткнуться на что-то опасное, и потому не ъздить сюда.

На третій день стало очевиднымъ, что на лодкахъ ъхать нельзя; рѣка быстро мѣлѣла и мы уже два раза садились на дно. Кончилось тѣмъ, что мы вытащили лодки на берегъ, въ кусты, и провели ночь на сушѣ. Утромъ мы съ лордомъ Джономъ отправились на развѣдки, прошли мили двѣ параллельно течению и вернулись съ докладомъ, что дальше ни на какомъ челнокѣ не проѣхать. Чалленджеръ и раньше говорилъ намъ, что мы уже добрались до самаго высокаго мѣста, куда можно довести лодку вверхъ по течению. Поэтому мы спрятали наши лодки въ кустахъ, поставивъ замѣтку, чтобы найти ихъ—свѣже-срубленное дерево, которое мы свалили топорами, и пошли дальше, нагрузившись всей своей кладью: ружьями, боевыми запасами, порохомъ и пулями, одѣялами, палатками и пр. Начиналась самая трудная часть нашего путешествія.

Начало ея ознаменовалось открытойссорой между нашими двумя учеными. Чалленджеръ, съ первого же момента, какъ онъ присоединился къ намъ, взялъ на себя руководство экспеиціей, къ немалому неудовольствію Соммерли. Когда же Чалленджеръ осмѣлился дать и ему поклажу, хотя это былъ всего-навсего барометръ-анероидъ, старикъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Можно узнать, сэръ,—съ напускнымъ спокойствіемъ освѣдомился онъ,—по какому праву вы позволяете себѣ здѣсь распоряжаться?

Чалленджеръ вспыхнулъ и сразу ощетинился.

— По праву руководителя экспедиціи, профессоръ Соммерли.

— Считаю долгомъ заявить вамъ, что таковыми я вѣсъ не признаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? А что же я такое здѣсь, по вашему?

— Вы—человѣкъ, правдивость котораго подлежитъ сомнѣнію и провѣряется вотъ этимъ комитетомъ. Передъ вами, милостивый государь, ваши суды.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ, вы можете продолжать вѣсъ путь, а я пойду своимъ. Если я не вожатый вѣсъ, такъ и не ждите, чтобы я вѣсъ вѣсъ.

И Чалленджеръ усѣлся на бортъ лодки.

Счастье еще, что съ ними было двое здравомыслящихъ людей: лордъ Джонъ и я,—не то наши вѣзелепившися учены, чего добра, заставили бы насъ вернуться съ пустыми руками въ Лондонъ. Сколько времени и труда намъ пришлось положить на то, чтобы умилостивить и уговорить ихъ не портить дѣла! Наконецъ, Соммерли, съ неизмѣнной ядовитой усмѣшкой и неизмѣнной трубкой въ зубахъ, пошелъ впередъ, а Чалленджеръ, ворча и соня, зашагалъ сзади. Только и надежды было намъ, что на д-ра Иллингъ-вортъ, шотландскаго зоолога, котораго оба профессора однапаково ненавидѣли и презирали. Какъ только начинали спорить, мы спѣшили имъ подсунуть имъ этого ученаго и примирить ихъ на предметъ общей ненависти.

Идя гуськомъ вдоль берега рѣки, мы скоро убѣдились, что она съ каждымъ шагомъ становится все уже, постепенно превращаясь, наконецъ, въ маленький ручеекъ, теряющійся въ покрытомъ зеленою рясой болотѣ, поросшемъ губкообразнымъ мохомъ, въ который ноги наши уходили до колѣнь. Надъ болотомъ кружились несмѣтные рои москитовъ и прочихъ гнусныхъ пасѣкомыхъ, и мы были рады радехонки, когда выбрались, наконецъ, на твердую землю и очутились въ тѣни деревьевъ, обойдя стороной болото, которое такъ и гудѣло вдали.

На второй день послѣ того, какъ мы, оставивъ лодки, пошли пѣшкомъ, характеръ мѣстности совершенно измѣнился. Дорога все время шла въ гору и, по мѣрѣ того, какъ мы поднимались, лѣса становились менѣе густыми, теряя свою тропическую пышность. Высокія деревья Амазонской заливной равнинѣ уступили мѣсто финиковымъ и кокосо-

вымъ пальмамъ, растущимъ группами, съ промежутками, заполненными густыми кустарникомъ. Въ лощинахъ, болѣе сырьихъ, пальма Мауриція раскидывала вѣромѣтъ свои грациозно изогнутыя листья. Мы руководились исключительно компасомъ, и раза два-три возникали разногласія между Чалленджеромъ и нашими индѣйцами относительно того, куда идти, и мы, по выражению негодующаго профессора, довѣряли инстинкту невѣжественныхъ дикарей больше, нежели мнѣнію высшаго продукта современной европейской культуры. Однако, на третій день выяснилось, что поступая такъ, мы были правы, ибо Чалленджеръ уздалъ свои же собственные замѣты и зарубки, а въ одномъ мѣстѣ мы наткнулись на четыре обожженныхъ камня—явно, слѣдъ бивака.

Дорога все шла въ гору; два дня мы потратили на то, чтобы перевалить черезъ гребень, усыпанный острыми каменными глыбами. Характеръ растительности снова измѣнился; деревья были теперь приземисты; отъ пышной флоры остались лишь изумительные орхидеи да кустистые папоротники, которыми заросли берега горныхъ ручьевъ съ каменистыми ложами, бѣжавшими изъ ущелей. Близъ такихъ ручьевъ, или маленькихъ горныхъ озеръ мы каждый вечеръ располагались на ночлегъ и, наловивъ пебольшихъ голубовато-спинныхъ рыбокъ, вродѣ нашей форели, которыми кишили эти горные озера, устраивали себѣ превкусный ужинъ.

На девятый день, пройдя, по моему расчету, около ста двадцати миль, мы вышли изъ пояса деревьевъ, перешедшихъ подъ конецъ въ низкій кустарникъ, и очутились въ густыхъ заросляхъ бамбука, такихъ густыхъ, что пробираться сквозь нихъ можно было, только прорубая себѣ дорогу топоромъ. Цѣлый долгій день, съ семи часовъ утра до восьми вечера, лишь съ двумя часовыми промежутками отдохна, ушелъ на то, чтобы преодолѣть это препятствіе. Трудно себѣ представить что-либо болѣе однообразное и утомительное; даже на сравнительно открытыхъ мѣстахъ я не видѣлъ впереди ничего, кроме спины лорда Джона и высокихъ желтыхъ стѣнъ бамбука по бокамъ. Сверху узкой полоской, тонкой, какъ лезвіе ножа, свѣтило солнце, а надъ головами на высотѣ пятидцати футовъ колыхались только головки бамбука, темно синее небо. Не знаю, что за звѣри живутъ въ этой чащѣ, но не разъ мы совсѣмъ близко отъ себя слышали хрюстъ и топотъ какихъ-то крупныхъ, тяжелыхъ животныхъ. По топоту лордъ Джонъ рѣшилъ, что это—дикіе быки, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Только къ ночи мы выбрались изъ этихъ бамбуковъ и сейчасъ же расположились на ночлегъ, такъ какъ всѣ измучились за этотъ безконечный день.

На другой день, чуть свѣтъ, мы были уже на погахъ и созерцали совершенно иную картину мѣстности. Позади насъ стѣною высился бамбукъ, рѣзкой чертой, словно отмѣчавшей берегъ рѣки. Впереди раскинулась широкая равнина, отлого поднимавшаяся, усыпанный кой-гдѣ купами рослыхъ, какъ деревья, папоротниковъ и заканчивавшаяся наверху длиннымъ хребтомъ. До этого хребта мы добрались къ полудню,—лишь для того, чтобы снова спуститься въ неглубокую долину, снова отлого поднимавшуюся, вплоть до низкой, округлой линіи горизонта. Здѣсь-то у первой гряды холмовъ, пересѣкающихъ эту долину, произошелъ инцидентъ, можетъ быть, очень важный, а, можетъ быть, и совсѣмъ не важный—это показѣть будущее.

Профессоръ Чалленджеръ, вмѣстѣ съ двумя индѣйцами шедшими въ авангардѣ, неожиданно остановился и взволнованно указалъ рукой направо. Всѣ мы повернули туда же и увидѣли, на разстояніи мили, или около того, что-то вродѣ большой сѣрой шапки, медленно поднявшейся съ земли и летѣвшей низко надъ камнями, по прямому направлению, пока она не скрылась между зарослями папоротника.

— Вы видѣли?—крикнулъ Чалленджеръ,—Соммерли, вы видѣли?

Его коллега не сводил глаз с того места, куда исчезла птица.

— Это что же, по вашему?

— По моему, это птеродактиль.

Соммерли насторожено фыркнул. Птеродактиль? А, по моему, просто журавль, только и всего!

Чалленджеръ слишкомъ разозлился, чтобы возражать. Онъ только взвалилъ себѣ на спину свой тючекъ и торопливо зашагалъ впередъ. Но лордъ Джонъ поравнялся со мною, съ цейссовскимъ биноклемъ въ рукѣ, и молвилъ такимъ серьезнымъ тономъ, какого я еще не слыхалъ отъ него.

— Я разглядывалъ эту птицу раньше, чѣмъ она поднялась надъ деревьями. Не берусь судить, что это именно за птица, но, рискуя своей репутацией опытнаго спортсмена, решительно утверждаю, что такой птицы я въ жизнь свою нигдѣ не видѣлъ.

Итакъ, вотъ какъ обстоитъ дѣло. Значитъ, мы и вправду, у предѣла невѣдомаго, у порога того потерянаго мира, о которомъ разсказываетъ напѣвъ вожатый?.. Не знаю. Говорю только все, какъ было. Кромѣ того, мы, пока ничего замѣчательнаго не видѣли.

А теперь, друзья-читатели, если только у меня они будуть, мы, значитъ, миновали и Амазонку, и зеленую стѣну камышей, и зеленый туннель, и склонъ, усыпанный пальмами, пробились сквозь бамбуковыя рогатки, пересѣкли равнину, поросшую высокими папоротниками, какъ деревья. Во всякомъ случаѣ, цѣль уже въ виду, передъ нами. Переѣхавши черезъ вторую гряду, мы увидѣли предъ собой неправильной формы равнину, поросшую пальмами, а за нею—гряду высокихъ красныхъ утесовъ, которые я уже видѣлъ на рисункѣ. Вотъ она, я смотрю на нее, когда я пишу: несомнѣнно, это та самая. Отъ теперешняго нашего лагеря до ближайшей точки ея не менѣе семи миль, и она, изгибами уходить въдаль, скрываясь изъ виду. Чалленджеръ ходитъ, напыжившись, какъ призовой пѣтухъ, а Соммерли молчитъ, хотя выраженіе лица у него все же скептическое. Еще день-другой, и сомнѣнія наши разсѣются. А пока, посылаю это письмо съ Хозе, который прокололъ себѣ руку сломаннымъ бамбукомъ и настаиваетъ, чтобы мы отпустили его домой. Будемъ надѣяться, что оно дойдетъ по адресу. При случаѣ напишу опять. Прилагаю грубо начертанную карту нашего пути, которая, можетъ быть, сдѣлаетъ болѣе понятнымъ мой разсказъ о немъ.

Глава IX.

Кто бы могъ это предвидѣть?

Съ нами случилось нечто ужасное. Я не предвижу конца нашимъ затрудненіямъ и огорченіямъ. Чего доброго, намъ до конца жизни придется просидѣть здѣсь, въ этомъ странномъ, недоступномъ снаружи, уголкѣ. Я такъ растерянъ и смущенъ, что не могу ничего какъ слѣдуетъ сообразить. Настоящее ужасно; будущее покрыто мракомъ неизвѣстности.

Врядъ-ли когда-нибудь другіе люди оказывались въ такомъ ужасномъ безвыходномъ положеніи. Если даже мы укажемъ географически точно, гдѣ именно мы находимся, и будемъ просить нашихъ друзей, чтобы они пришли намъ на выручку,—и отъ этого пользы не будетъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, участъ наша рѣшился задолго до того, какъ спасательная экспедиція прибудетъ въ Южную Америку.

Въ сущности, мы такъ же далеки отъ всякой человѣческой помощи, какъ если бы мы вдругъ очутились на лунѣ. Если мы и выберемся отсюда, то лишь собственными силами. Мои три спутника—все замѣчательные люди, огромнаго ума и мужества непоколебимаго. Они такъ спокойны, что, когда я смотрю на невозмутимыя ихъ лица, у меня невольно возникаетъ проблескъ надежды:—неужто такие люди не

умѣютъ придумать выхода? Впрочемъ, по вѣшности и я спокоенъ, но въ душѣ полонъ мрачныхъ предчувствій.

Но позвольте изложить вамъ подробнѣ рѣдѣ событий, приведшихъ насъ къ этой катастрофѣ.

Когда я писалъ свое послѣднее письмо, мы находились въ семи миляхъ отъ огромной гряды красноватыхъ утесовъ, несомнѣнно окаймляющихъ плато, о которомъ говорилъ профессоръ Чалленджеръ. Когда мы подошли къ нимъ ближе, мнѣ показалось, что они мѣстами, выше, чѣмъ онъ думалъ—кой-гдѣ вышиною даже до тысячи футъ—и какъ то странно исполосованы—это, если не ошибаюсь, особенность базальтовыхъ образованій. Нѣчто подобное можно видѣть на Солсберійскихъ скалахъ, близъ Эдинбурга. Вершины ихъ были, повидимому, покрыты роскошной растительностью: края—кустарникомъ, а пониже росли высокія деревья. Но никакихъ признаковъ жизни мы подмѣтить не могли.

Въ эту ночь мы разбили напѣтъ лагерь у самаго подножія утесовъ, въ дикомъ пустынномъ мѣстѣ. Нависшія надъ нами скалы поднимались не только перпендикулярно, но и выгибаясь наружу вверху, такъ что о восхожденіи на нихъ нечего было и думать. Совсѣмъ близко, рукой подать отъ насъ, высились отдельный тонкій, высокій утесъ, о которомъ я, кажется, уже упоминалъ, острый, какъ красный шпиль церковной башни; верхушка его приходилась наравнѣ съ плато, но между нимъ и плато зияла пропасть. На вершинѣ утеса росло одинокое высокое дерево. И плато, и утесъ въ этомъ мѣстѣ были сравнительно невысоки—футовъ пятьсотъ-шестьсотъ.

— Вотъ на этомъ деревѣ,—сказалъ профессоръ Чалленджеръ, указывая на него пальцемъ,—и сидѣлъ мой птеродактиль. Прежде, чѣмъ застрѣлить его, мнѣ пришло вскарабкаться до половины на утесъ. Я—прирожденный горецъ, недурно лазаю по горамъ и могъ бы добраться и до его вершины, но это, разумѣется, ни на йоту не приблизило бы меня къ самому плато.

Когда Чалленджеръ заговорилъ о птеродактиль, я невольно взглянулъ на Соммерли, и въ первыѣ разъ мнѣ показалось, что онъ начинаетъ вѣрить. На такихъ губахъ его не было обычной язвительной усмѣшки; напротивъ, на его худомъ, вытянутомъ лицѣ я читалъ волненіе и удивленіе. Чалленджеръ тоже замѣтилъ это и, разумѣется, возликовалъ.

— Конечно,—продолжалъ онъ,—со свойственнымъ ему тяжеловѣснымъ и неуклюжимъ сарказмомъ,—профессоръ Соммерли подумаетъ, что мой птеродактиль былъ, въ дѣйствительности, журавлемъ,—но только у этого журавля вмѣсто перьевъ, была кожа, крылья у него были перепончатыя, а во рту зубы.

Онъ усмѣхался, подмигивалъ и кланялся, пока его коллега не отвернулся и не отошелъ отъ него.

Утромъ, послѣ скромнаго завтрака, состоявшаго изъ кофе и тапиаковой каши—запасы наши были невелики, и приходилось экономить—мы стали держать военный сдвигъ, какъ намъ взбрѣтѣло на плато.

Чалленджеръ предсѣдательствовалъ и такъ важничалъ, словно онъ былъ лордъ Великій Канцлеръ. Вы только представьте себѣ его сидѣвшимъ на утесѣ, въ нелѣпой дѣтской шляпѣ, сдвинутой на затылокъ, съ развѣвающейся по вѣтру огромной черной бородой, надменно поглядывающимъ на всѣхъ насъ сверху внизъ.

А внизу—мы трое: я—молодой, загорѣлый, окрѣпшій въ долгомъ пути на открытомъ воздухѣ; Соммерли, видимо, сознавшій торжественность момента, хотя все еще критически настроенный, съ неразлучной трубкой въ зубахъ; лордъ Джонъ, гибкій, живой, острый, какъ бритва, опираясь на ружье, зорко глядѣющійся своими орлиными глазами въ лицо говорившаго. Позади насъ сгруппировались наші

двою мулатовъ и кучка индѣйцевъ: впереди громада утесовъ, заслонившихъ намъ дорогу къ цѣли.

— Нечего и говорить,—рассказывалъ Чалленджеръ,—что въ первый мой прѣездъ сюда я испробовалъ всѣ способы взобраться на эти утесы и не думаю, чтобы кому другому это удалось на моемъ мѣстѣ, такъ какъ я самъ горецъ. Но тогда у меня не было никакихъ приспособлений для восхожденія на горы; теперь же я позаботился захватить ихъ съ собою. Съ ними я положительно утѣшился, что я могу взобраться на рѣнцу вотъ-тог о дѣвятоаго утеса,—на другое—ничего и пытаться, такъ какъ они нависаютъ внизъ, но что пользы, когда онъ обособленъ отъ плато. Въ тотъ разъ мнѣ надо было спѣшить съ возвращеніемъ, такъ какъ меня захватилъ сезонъ дождей и припасы мои истощились. Я успѣлъ только пройти около шести миль на востокъ вдоль плато—и не нашелъ мѣста, удобнаго для восхожденія. Какъ же мы постунымъ теперѣ?

— Повидимому, разумный путь только одинъ,—сказалъ профессоръ Соммерли.—Если вы уже изслѣдовали плато съ восточной стороны, намъ остается идти на западъ, вдоль подножія, выискивая, гдѣ бы удобнѣе взобраться на него.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ лордъ Джонъ.—Вѣдь плато не особенно велико; попробуемъ обойти его кругомъ, и мы — либо найдемъ удобное мѣсто для восхожденія, либо вернемся къ тому мѣсту, откуда вышли.

— Я уже объяснялъ нашему молодому другу,—сказалъ Чалленджеръ (онъ всегда говорилъ обо мнѣ, словно я былъ десятилѣтній мальчишка—школьникъ), что удобнаго мѣста для восхожденія здѣсь быть не можетъ, ибо если оно было, вершина плато не могла бы быть изолированной отъ всѣхъ вѣтровъ, совершенно измѣнившими условія жизни на остальной планѣтѣ. Но я допускаю, что могутъ найтись мѣста, гдѣ человѣкъ опытный, искусный въ лазаніи по горамъ, можетъ добраться до вершины, а громоздкое, тяжелое и неуклюжее животное и спуститься не сумѣетъ. Несомнѣнно даже, что имѣется одинъ такой пунктъ, въ которомъ восхожденіе возможно.

— Почему вы знаете?—рѣзко перебилъ его Соммерли.

— Знаю потому, что мой предшественникъ, американецъ Мэпль Уайтъ, совершилъ такое восхожденіе. Какъ же иначе могъ бы онъ увидѣть то чудовище, которое онъ зарисовалъ въ своемъ путевомъ альбомѣ?

— Вы забѣгаєте впередь; это еще не доказано,—вставилъ упрямый Соммерли.—Я признаю существование вашего плато, такъ какъ вижу его своими глазами; но для меня еще не выяснено, есть ли на немъ какія-либо формы жизни.

— Признаете ли вы, или не признасте, это, право, совсѣмъ несущественно. Я радъ ужъ к тому, что вы, наконецъ, сумѣли замѣтить плато—кажется, оно достаточно лѣзетъ въ глаза.

Онъ взглянулъ на плато и вдругъ къ величайшему нашему изумленію, соскочилъ съ утеса, схватилъ за шиворотъ Соммерли и вдернулъ его голову вверху.—Вотъ!—вскричалъ онъ, голосомъ, вдругъ охрипшимъ отъ волненія—вы и теперь еще будете утверждать, что на плато нѣтъ никакой животной жизни?

Я уже говорилъ, что съ краевъ утеса свѣнивалась внизъ густая бахрома зелени. Изъ этой бахромы выдвинулось что-то черное, блестящее. Это была огромная змѣя съ плоской, лопато-образной головой. Съ минуту эта вытянутая голова качалась въ воздухѣ надъ нами, и утреннее солнчишко сверкало на извилистыхъ блестящихъ кольцахъ шеи; потомъ змѣя медленно втянула голову назадъ и скрылась изъ виду.

Соммерли былъ такъ заинтесованъ, что даже не протестовалъ вначалѣ, но, когда змѣя исчезла, онъ оттолкнулъ руку своего коллеги и съ достоинствомъ выговорилъ:

— Я бы радъ, профессоръ Чалленджеръ, еслибы вы научились дѣлать замѣчанія, не хватая людей за шиворотъ.

Даже появленіе обыкновеннѣйшаго пифона не можетъ оправдать подобныхъ вольностей.

— А все-таки на плато есть жизнь,—торжествующе возразилъ Чалленджеръ.—И такъ какъ теперь это ясно для всѣхъ, даже для самыхъ упрямыхъ и предубѣжденныхъ, я предлагаю сняться съ мѣста и ити на западъ, искать способовъ взобраться наверхъ.

Печва у подножія утесовъ была каменистая, съ трещинами и провалами, такъ что подвигаться впередъ можно было только медленно и съ трудомъ. Неожиданно, мы наѣхнулись на нѣчто, весьма порадовавшее настѣ—остатки старого бивака, съ пустыми жестянками изъ-подъ консервовъ, на которыхъ стояла надпись «Чикаго», съ сломаннымъ вскрывателемъ жестянокъ и пр. и пр. Тутъ же валялась скомканная и разорванная газета: «Чикагскій демократъ», числа разобрать было нельзя.

— Это не моя,—сказалъ Чалленджеръ.—Должно быть, это оставлено Мэпль-Уайтомъ.

Лордъ Джонъ внимательно разглядывалъ высокій дрѣвовидный папоротникъ, подъ тѣнью которого былъ разбитъ бивакъ.—Послушайте, господа. Взгляните-ка на это. Помоему, это оставлено нарочно, какъ замѣта.

Къ дереву былъ прибитъ гвоздемъ деревянный клинъ, указывавший на западъ.

— Разумѣется, замѣта,—подхватилъ Чалленджеръ.—А то что же? Понимая всю опасность своей затѣи, нашъ пionerъ оставлялъ всюду замѣты, чтобы тѣ, кто, можетъ быть, послѣдуетъ за нимъ, знали, какимъ путемъ онъ шелъ. Возможно, что мы найдемъ и другое слѣды его пути.

И мы, дѣйствительно, нашли ихъ—но какіе страшные и неожиданные. Неподалеку оттуда, у самаго подножія утесовъ, тянулась снова довольно широкая полоса бамбука, вродѣ той, черезъ которую мы уже прошли. Многіе стебли здѣсь были футою въ двадцать вышины, съ крѣпкими, острыми верхами, словно копья. Обходя ихъ, я замѣтилъ что-то большее внутри. И, просунувъ голову сквозь палки бамбука, увидѣлъ, что это—человѣческий голый черепъ. Неподалеку лежалъ и весь скелетъ, но черепъ отдѣлился отъ него и лежалъ ближе къ краю.

Наші индѣйцы своими *мачтэ* (большими ножами) расчистили проходъ и мы могли разсмотрѣть въ деталяхъ слѣды этой былой трагедіи: на мертвѣцѣ почти все истлѣло, но отъ салогъ еще кое-что осталось, и можно было убѣдиться по пимъ, что мертвѣцъ былъ европеецъ. Среди костей валялись золотые часы съ надписью: «Гудсонъ, Нью-Йоркъ» и, на цѣпочкѣ, стилографическое перо, а также серебряный цѣрт-сигаръ, тоже съ надписью: «Дж. К. сто А. Э. С.» на крышкѣ. По состоянію металла можно было думать, что катастрофа произошла не такъ ужъ давно.

— Кто бы это могъ быть?—спрашивалъ лордъ Джонъ.—Бѣдняга! У него, кажется, все кости переломаны.

— И бамбукъ растетъ сквозь переломанныя ребра,—сказалъ Соммерли.—Правда, бамбукъ—быстро растущее растеніе, но все же трудно себѣ представить, чтобы этотъ трупъ лежалъ здѣсь такъ давно, что бамбукъ успѣлъ вырасти въ двадцать футовъ вышины.

— Касательно личности покойнаго—у меня нѣть никакихъ сомнѣній,—сказалъ Чалленджеръ.—Догоняя васъ на пароходѣ, я навѣрѣ справки о Мэпль-Уайтѣ. Въ Парѣ никто ничего не зналъ. Къ счастью, у меня былъ ключъ—рисунокъ въ его путевомъ альбомѣ, на которомъ сѣкъ изображенъ завтрающимъ съ патеромъ въ Розаріо. Я разыскалъ этого патера, и, хотя онъ оказался страннѣмъ болтуномъ и спорщикомъ, который никакъ не могъ поѣхать, что наука разбиваетъ доводы религіи, все же онъ далъ мнѣ положительныя указанія. Мэпль проѣхалъ черезъ Розаріо четыре года тому назадъ—за два до того, какъ я видѣлъ его мертвымъ. Но онъ тогда былъ по одинъ, а съ пріятелемъ, американцемъ, Джемсомъ Коллеромъ, котораго патеръ

— И бамбукъ растет сквозь переломаныя ребра,—сказалъ Соммерли.

не видаль, такъ какъ онъ оставался на пароходѣ. Я, думаю, что передъ нами смертныя останки этого самаго Джемса Коловера.

— И относительно того, какъ онъ погибъ, тоже не можетъ быть сомнѣній,—замѣтилъ лордъ Джонъ.— Онъ свалился, или былъ сброшенъ съ вершины утеса и пронизанъ насеквоздь бамбукомъ. Иначе, какъ могъ бамбукъ, который выше нашей головы, прорости сквозь его кости?

Что-то прошумѣло надъ нашими головами и упало на мѣсто катастрофы.—огромный камень, свисавшій съ края утеса. Онъ, несомнѣнно, упалъ сверху. Но самъ упалъ—или былъ сброшенъ? Случайность это или?..—Повидимому, въ этой невѣдомой странѣ намъ угрожали самыя непредвидѣнныя опасности.

Мы молча отошли и продолжали огибать линію утесовъ, высившихся непрерывною стѣной, словно чудовищныя ледяныя горы полярныхъ морей, которыхъ тянутся отъ края до края горизонта, и высятся, какъ башни, надъ мачтами кораблей экспедиции. Мы прошли пять миль и не замѣтили даже ни одной трещины. И вдругъ увидали иѣчто, наполнившее наши сердца надеждой. Въ скважинѣ утеса, защищенной отъ дождя, была грубо нарисована мѣдалью стрѣла, указывающая на западъ.

— Снова Мэплъ-Уайтъ,—сказалъ Чалленджеръ.—У него, очевидно, было предчувствіе, что онъ найдетъ себѣ достойныхъ послѣдователей.

— Значить, у него былъ мѣль?

— Цѣлый ящикъ цвѣтныхъ мѣлковъ я нашелъ въ его походномъ ранцѣ. И, помню, бѣлый былъ почти весь испансъ.

— Это, очевидно, правильное указаніе,—сказалъ профессоръ Соммерли.—Намъ остается только слѣдовать ему. И идти дальше на западъ.

Пройдя еще пять миль, мы снова увидали нарисован-

ную на утесѣ бѣлую стрѣлу,—тамъ, где утесы впервые расщеплялись, образуя узкое ущелье. Внутри ущелья была вторая стрѣла, съ кончикомъ, загнутымъ сверху, какъ будто мѣсто, на которое она указывала, было выше поверхности земли.

Жутко было тутъ, въ этомъ ущельѣ! Стѣны такія высокія, а просвѣтъ голубого неба такой узенькой и затемненный двойной бахромой зелени, нависавшей сверху, такъ что на днѣ царилъ полумракъ. Мы уже нѣсколько часовъ ничего не ъѣли и страшно устали отъ долгой ходьбы по неровнымъ и острымъ камнямъ, но первы наши были слишкомъ напряжены для отдыха. Тѣмъ не менѣе мы велѣли нашимъ индѣйцамъ разбить бивуакъ, а сами, вчетверомъ, съ двумя метисами, стали подниматься вверхъ по узкому ущелью.

Возлѣ устья оно имѣло около сорока футовъ ширины, но быстро суживалось и заканчивалось острымъ угломъ, по которому нечего было и думать подняться — стѣны были почти перпендикулярны и совершенно гладкія. Очевидно, нашъ предшественникъ указывалъ не на этотъ путь восхожденія. Мы пошли назадъ — все ущелье было длиной не болѣе четверти мили — и вдругъ зоркіе глаза лорда Джона нашли то, что мы всѣ искали. Высоко надъ нашими головами, въ тѣни, виднѣлся болѣе темный кругъ — очевидно, отверстіе пещеры.

Въ этомъ мѣстѣ основаніе утеса состояло изъ неплотно прилегающихъ одинъ къ другому камней, по которымъ нѣтрудно было вскарабкаться, и скоро всѣ сомнѣнія исчезли. Не только это было устье пещеры, но возлѣ него опять таки виднѣлась бѣлая стрѣла. Ясно, именно этимъ начнѣлось восхожденіе на плато Мэплъ-Уайтъ и его злополучнаго товарища.

Мы были слишкомъ возбуждены, чтобы вернуться въ лагерь, и рѣшили идти сейчасъ же на развѣдки. У лорда Джона было съ собою электрическій фонарикъ, и онъ пошелъ впередъ, отбрасывая отъ себя небольшой кружокъ желтаго свѣта; а мы, по пятамъ, за нимъ.

Пещера эта, очевидно, когда-то подвергалась дѣйствію подземныхъ водъ — стѣны ея были совсѣмъ гладкія, а дно устлано валунами. Ширина и высина ея были какъ разъ такія, чтобы пройти, нагнувшись, одному человѣку. На протяженіи пятидесяти ярдовъ она шла почти прямо, потомъ, поднимаясь сверху, подъ угломъ въ 45 градусовъ. Дальше дорога пошла еще круче, и намъ пришлось карабкаться на рукахъ и на колѣньяхъ, по щебню, осипавшемуся и скользившему подъ ногами. Неожиданно раздался возгласъ лорда Джона:

— Входъ заваленъ!

Сгрудившись позади него, мы увидали при желтомъ свѣтѣ фонаря, стѣну изъ отдѣльныхъ глыбъ базальта, до ходившую до самаго верха.

Верхъ пещеры обвалился.

Мы попробовали было вытаскивать отдѣльные куски, но въ результатахъ только расшатали верхніе, слабо державшіеся камни, и они угрожали свалиться и придавить насъ. Было очевидно, что намъ не по силамъ преодолѣть или устранить это препятствіе. Путь, которымъ Мэплъ-Уайтъ вѣврался на плато, былъ теперь уже недоступенъ.

Слишкомъ удрученные для того, чтобы говорить, мы молча вышли изъ пещеры и вернулись въ лагерь.

Однако, прежде, чѣмъ мы вышли изъ пещеры, произошло нечто, какъ потомъ выяснилось, могшее послужить намъ предостереженіемъ. Мы столпились небольшой группой въ глубинѣ пещеры, футахъ отъ устья, когда огромный камень неожиданно свалился сверху и съ страшной силой ударился о землю. Упавъ онъ чуточку поближе — отъ насъ ничего бы не осталось. Мы не могли даже понять, откуда онъ свалился, но наши метисы, оставшись у входа въ пещеру, говорили, что камень пролетѣлъ мимо нихъ и

что, следовательно, онъ упалъ съ вершины. Мы посмотрѣли наверхъ — тамъ не было никакого движенія, только колыхались зеленые листья на краю утеса. И все же не могло быть никакихъ сомнѣній, что камень былъ направленъ на насъ — следовательно, на плато есть люди и притомъ относящіеся къ намъ враждебно.

Мы поспѣшили выбраться изъ пещеры. Положеніе само по себѣ было довольно затруднительное, но, если къ естественнымъ препятствіямъ присоединить еще сознательное противодѣйствіе человѣка, оно становиться безнадежнымъ. И все же, глядя на эту роскошную бахрому зелени, колыхавшуюся въ нѣсколькохъ стахъ футахъ надъ нашими головами, ни одному изъ насъ не приходило въ голову вернуться въ Лондонъ, не изслѣдовавъ того, что кроется за этой зеленою завѣсой.

Обсудивъ положеніе, мы рѣшили, что самое лучшее — все таки продолжать напѣть обходъ подножія плато, въ надеждѣ найти какой-нибудь иной способъ добраться до его вершины. Линія утесовъ, постепенно понижавшихся, уже начинала загибаться съ запада на сѣверъ, и, если это означало, что плато окружное, поверхность его не могла быть очень велика; въ худшемъ случаѣ, мы черезъ нѣсколько дней вернемся къ нашей исходной точкѣ.

За этотъ день мы прошли въ общемъ болѣе 2½ миль, а положеніе наше ничуть не измѣнилось. Замѣчу кстати, что, по указаніямъ нашего анероида, за весь напѣтъ путь, все время шедшій по уклону, мы поднялись на болѣе ни менѣе, какъ на 3.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Естественно, что температура и характеръ растительности значительно измѣнились въ сравненіи съ нашимъ исходнымъ пунктомъ. Мы избавились отъ большинства гнусныхъ насѣкомыхъ, которыми кишѣт тропическая зона. Вокругъ настъ еще были пальмы и много дрѣводѣльныхъ папоротниковъ, но такихъ деревьевъ, которыя растутъ на берегахъ Амазонки, уже не было. И приятно было видѣть на этихъ негостепріимныхъ утесахъ выюнокъ, бегонію, страстоцвѣтъ, напоминавшіе о родинѣ. Особенно волновала меня одна красная бегонія — совершенно такого цвѣта, какъ та, которая стояла въ вазонѣ на подоконнике одной, хорошо мнѣ знакомой, виллы въ Стрэтгемѣ, — но личная воспоминанія тутъ не умѣста.

Въ этотъ вечеръ — я все еще говорю о первомъ днѣ нашего обхода плато, — произошелъ неожиданный инцидентъ, разсѣявшій всѣ наши сомнѣнія относительно тѣхъ чудесъ, которыхъ могли ожидать насъ наверху.

Читалъ мой разсказъ о немъ, дорогой м-ръ Макъ-Ардэль, вы можете быть впервые убѣдитесь, что «Газета» не напрасно потратила деньги, посылая меня въ эту экспедицію и что такой сенсациіи, какую вызовутъ мои корреспонденціи, еще не бывало въ газетномъ мірѣ. Но теперь ужъ я самъ не хочу опубликовать ихъ, пока я не привезу въ Англію убѣдительныхъ, неопровергимыхъ доказательствъ, потому что я не хочу, чтобы меня прозвали «Мюнхгаузеномъ». Я уверѣнъ, что и вы судите также и не поставите на карту всего престижа нашей газеты, пока у васъ не будетъ въ рукахъ, что противопоставить естественному скептицизму и критическому отношенію, которое неизбѣжно вызовутъ подобныя статьи. И потому, даже описанію изумительного инцидента, изъ котораго вышелъ бы такой чудесный заголовокъ для статьи, придется полежать до времени въ папкѣ запаса.

Это произошло мгновенно. Лордъ Джонъ застѣлилъ адку — маленькое животное, похожее на свинью — и мы отдали половину его индѣйцамъ, а другую половину зажарили себѣ на ужинъ. Послѣ захода солнца здѣсь становится прохладно, и мы все придвигнулись поближе къ огню. Ночь была безлуна; одинъ только звѣзда слабо освѣщала равнину. И вдругъ изъ мрака что-то вылетѣло, прогудѣло надъ нами, словно аэропланъ, и спустилось на насъ. Насъ

всѣхъ, точно шаромъ, накрыли кожаныя крылья; передо мною мелькнули, какъ видѣніе, длинная змѣевидная шея, свирѣпые красные голодные глаза и огромный разинутый клювъ, къ изумлѣнію моему полны маленькихъ блестящихъ зубовъ. Черезъ минуту видѣніе исчезло — и съ нимъ нашъ ужинъ. Въ воздухѣ пакоско поднялась огромная черная тѣнь, распостертыми крыльями заслоняя звѣзды, и скрылась надъ утесами. Мы все сидѣли у костра, онѣмѣвъ отъ удивленія, какъ герой Виргilia, когда на нихъ опустился Гарпія. Соммерли заговорилъ первый:

— Профессоръ Чалленджеръ, — сказалъ онъ торжественнымъ голосомъ, вздрагивавшимъ отъ волненія, — я считаю долгомъ извиниться передъ вами. Я очень виноватъ передъ вами, сэръ; я былъ неправъ и прошу васъ забыть прошлое.

Это было красиво сказано, и оба профессора впервые обмѣнялись рукопожатіемъ. Вотъ что дало намъ наше первое знакомство съ птеродактилемъ. Во всякомъ случаѣ, примиреніе двухъ такихъ людей стоило погибшаго ужина.

Но, если доисторическая жизнь и существовала на плато, то, очевидно, не въ большомъ изобиліи, такъ какъ въ теченіе послѣдніхъ трехъ дней мы никакихъ признаковъ ея не замѣчали. Путь нашъ за эти дни шелъ то каменистой пустыней, то унылыми болотами, кишѣвшими всякой болотной птицей. Съ этой стороны, то-есть съ сѣвера и востока, утесы совершенно недоступны и, еслибы не небольшой выступъ, идущій у самаго подножія надъ пропастью, намъ пришлось бы повернуть назадъ. Не разъ мы увязали по поясъ въ грязи и тинѣ гнилого полутропического болота. Въ довершеніе всѣхъ этихъ золъ, болота эти были, повидимому, излюбленнымъ обиталищемъ змѣй яракокъ, самой ядовитой и злобной изъ всѣхъ змѣй южной Америки. То и дѣло надъ поверхностью вонючей грязи показывалась извивающаяся длинная, шея и голова съ разинутой пастью, злобно шипѣвшіе на насъ, и намъ все время приходилось держать ружья наготовъ. Въ памяти моей навсегда останется кошмаромъ одно воронкообразное углубленіе въ этомъ болотѣ, покрытое ярко зеленымъ мохомъ, должно быть главное гнѣздо всѣхъ этихъ гадинъ. Весь скать близъ этого мѣста кишѣли ими, и все они, извиваясь, тянулись къ намъ, такъ какъ змѣя яракока отличается тѣмъ, что при видѣ человѣка она сразу нападаетъ на него. Ихъ было слишкомъ много, чтобы перестрѣлять ихъ всѣхъ, и потому мы просто-на-просто обратились въ бѣгство и помчались, что было духу. Мнѣ не забыть, какъ мы оглядывались назадъ и видѣли позади себя, межъ камышей, змѣйнаго головы и шеи, злобно поворачивавшіяся въ нашу сторону. На картѣ, которую мы составляемъ, это болото такъ и названо: «Яракока».

Теперь утесы уже утратили свою красноватую окраску и были шоколадного цвѣта. Растительность наверху стала рѣже, и самая вышина утесовъ понизилась до 300—400 футовъ, но сколько-нибудь удобнаго для восхожденія мѣста все не было и не было. Наоборотъ, здѣсь утесы были какъ будто неприступнѣ — они подымались совершенно отвѣсно, какъ вы можете видѣть на прилагаемомъ рисункѣ.

— Но, позволите, — говорилъ я, когда мы обсуждали положеніе, — вѣдь дождь-то долженъ же куда-нибудь стекать? Должны были же образоваться въ этихъ утесахъ ложбины и стоки?

— У нашего молодого друга бываютъ иногда свѣтлые проблески, — сказалъ профессоръ Чалленджеръ, потрепавъ меня по плечу.

— Долженъ-же куда-нибудь дѣваться дождь; не остается же онъ вѣчно на плато, — повторилъ я.

— Нашъ молодой другъ разсуждаетъ вполнѣ разумно. Но, увы, мы своими глазами убѣдились, что никакихъ стокъ и ложбины на плато нѣтъ.

— Да куда же онъ дѣвается? — допытывался я.

— Надо полагать, что если онъ не стекаеть наружу, значитъ онъ уходитъ внутрь.

— Въ такомъ случаѣ въ центрѣ плато должно быть озеро?

— Надо полагать.

— Болѣе чѣмъ вѣроятно, но это озеро не что иное, какъ старинный кратеръ вулкана, — сказалъ Соммерли. — Да и все это образованіе, несомнѣнно, вулканическое. Но, какъ бы то ни было, я увѣренъ, что поверхность плато, постепенно понижаясь къ центру, образуетъ довольно большое внутреннее озеро, изъ которого вода, быть можетъ, какими-нибудь подземными каналами просачивается въ болота Яракока.

— Если только уровень воды въ немъ не регулируется посредствомъ испаренія, — возразилъ Чалленджеръ; и между двумя учеными снова поднялся одинъ изъ ихъ обычныхъ безконечныхъ споровъ, такъ же мало понятныхъ для нась, какъ еслибы они говорили на китайскомъ языке.

На шестой день мы закончили обходъ утесовъ и пришли къ мѣсту первого нашего бивака. Настроеніе наше было не важное, такъ какъ осмотръ подножія мы произвели самый добросовѣстный и безусловно уѣдились, что взобраться на плато не подъ силу человѣку, хотя бы и опытному въ лазаніи по горамъ. Тотъ же путь, которымъ воспользовался Мэпль-Уайтъ, нынѣ былъ непроходимъ.

Что же намъ теперь дѣлать? Провизіи у нась, вмѣстѣ съ тою, которую мы добывали при помощи нашихъ ружей, было достаточно, но можетъ настать день, когда запасы наши истощатся, а пополнить ихъ нечѣмъ. Мѣсяца черезъ два начнется сезонъ дождей, и намъ негдѣ будетъ укрыться отъ нихъ. Утесы были тверже мрамора и прорубить себѣ дорогу на такую высоту у нась не хватитъ ни времени, ни силъ. Не удивительно, что въ этотъ вечеръ мы угрюмо переглянулись между собой и, не обмѣнявшись ни словомъ, поспѣшили залѣзть подъ одѣяла. Помню, засыпая, я видѣлъ Чаллендера сидящимъ, какъ бульдогъ, на заднихъ лапахъ у костра, обхвативъ руками огромную косматую голову, погруженную въ глубокую задумчивость. Я пожелалъ ему доброй ночи — онъ даже не отвѣтилъ: должно быть, и не слышалъ.

Но на другое утро мы увидѣли Чаллендера совсѣмъ другимъ — сияющимъ, самодовольнымъ. Въ глазахъ его свѣтилась напускная скромность, какъ бы говорившая: «Я знаю, что я заслужилъ всѣ ваши похвалы, но прошу васъ ничего не говорить, чтобы не конфузить меня». Борода его радостно щетинилась, грудь была выпячена впередъ, рука засунута въ передний карманъ пиджака. Такимъ, по всей вѣроятности, онъ представлялся самъ себѣ на пьедесталѣ своего будущаго памятника въ Трафальгарѣ-скверѣ.

— Эврика! — крикнулъ онъ, сверкая бѣлыми зубами. — Господа, вы можете поздравить себя и меня. Задача решена.

— Вы нашли способъ взобраться наверхъ?

— Смѣю думать, что такъ.

— Какой же?

Вмѣсто отвѣта, онъ указалъ намъ на копьеобразный утесъ направо.

Наши лица — мое, по крайней мѣрѣ, — вытянулись. Мы готовы были повѣрить нашему товарищу, что взобраться на него возможно, но между нимъ и плато зияла бездна.

— Черезъ эту пропасть намъ не перебраться, — вздохнулъ я.

— Попробуемъ, по крайней мѣрѣ, взобраться на вершину, — возразилъ Чалленджеръ. — А тамъ, авось, ужъ что-нибудь придумаемъ.

Послѣ завтрака мы распаковали ящики, въ которомъ были всѣ принадлежности для восхожденія. Чалленджеръ вытащилъ оттуда свернутую въ кольцо легкую и крѣпчайшую веревку въ полтораста футъ длины, желѣзныя скрѣпы, гвозди для подошвъ и пр. и пр. Лордъ Джонъ былъ опытный

альпинистъ, Соммерли на своеемъ вѣку также совершилъ нѣсколько трудныхъ восхожденій, такъ что новичкомъ въ этомъ дѣлѣ былъ одинъ только я, но зато моя молодость и сила возмѣщали недостатокъ опыта.

Въ сущности, это была не очень трудная задача, хотя моментами у меня, что называется, волосъ становился дыбомъ. Первую половину дороги мы прошли легко, но, чѣмъ дальше, тѣмъ она становилась круче, и послѣдніе 50 футъ въ мы, буквально, карабкались на четверенькахъ, цѣпляясь руками и ногами за каждый выступъ и трещину въ скалѣ. Міѣ и Соммерли ни за что бы не добрались до вершины, еслибы Чалленджеръ, вѣзшій первымъ (удивительно, сколько силы и проворства было въ этомъ неуклюжемъ тѣлѣ), не обвязалъ веревки вокругъ ствола росшаго тамъ дерева и не бросилъ ее намъ. Съ помощью веревки мы кое-какъ вскарабкались по шероховатостямъ почти отвѣсной стѣны и очутились на небольшой, поросшой травой площадкѣ, размѣрами приблизительно въ 25 кв. футъ.

Первое, на что я обратилъ вниманіе, когда отдышился, это необыкнѣтность вида, раскинувшагося передо мною. Отсюда видна была, казалось, вся Бразильская равнина позади нась, тонущая на горизонтѣ въ голубоватомъ туманѣ. На первомъ планѣ тянулся длинный скатъ, усыпанный камнями и кучами древовидныхъ папоротниковъ; дальше, приблизительно по серединѣ, изъ-за холма выглядывали желтозеленые верхушки бамбука, сквозь чащу которого мы прошли; затѣмъ постепенно, растительность становилась все гуще, переходя въ густой лѣсъ, тянувшійся во все стороны, куда глазомъ ни кинь, на дѣбрыхъ 2.000 миль.

Я упивался этой дивной панорамой, когда на плечо мое легла тяжелая рука Чалленджера.

— Не туда смотрите, мой юный другъ. *Vestigia nulla retrorsum.* Никогда не оглядывайтесь назадъ — смотрите только впередъ, на нашу славную цѣль.

Я повернулся лицомъ къ плато. Въ этомъ мѣстѣ оно было совершенно одинаковой вышины съ утесомъ, на которомъ мы стояли, и зеленая кайма кустарника, перемежавшагося кое-гдѣ деревьями, была такъ близка отъ нась, что трудно было даже освоиться съ мыслью о ея недоступности. Насъ раздѣлила пропасть шириной, пожалуй, не болѣе 40 футъ, но для нась это было все равно, что 40 миль. Я ухватился рукой за стволъ дерева и нагнулся надъ бездну. Далеко внизу виднѣлись фигурки нашихъ слугъ, глядѣвшихъ вверхъ на нась. Стѣна была почти отвѣсная, какъ и другая, напротивъ.

— Это чрезвычайно интересно, — произнесъ скрипучий голосъ профессора Соммерли.

Я повернулся и увидѣлъ, что онъ съ большимъ интересомъ разглядывалъ дерево, за которое я держался. Гладкая кора его и небольшие острые листья показались и мнѣ знакомыми.

— Позвольте! — воскликнулъ я, — да это букъ.

— Ну, да, букъ, — подтвердилъ Соммерли. — Можно сказать, соотечественника встрѣтили на чужбинѣ.

— Не только соотечественника, сударь мой, — возразилъ Чалленджеръ, — но и чрезвычайно цѣнного союзника. Этотъ букъ будетъ нашимъ спасителемъ.

— Догадался! Мостъ! — крикнулъ лордъ Джонъ.

— Совершенно вѣрно, друзья, мои, мостъ. Не даромъ же я вчера вечеромъ цѣлый часъ ломалъ себѣ голову надъ этимъ вопросомъ. Помнится, я какъ то уже говорилъ нашему юному другу, что Д. Э. Ч. всего умнѣе, когда его прижмутъ къ стѣнѣ. А согласитесь, вчера всѣ мы были прижаты къ стѣнѣ. Но тамъ, гдѣ умъ и сила воли идутъ рука объ руку, всегда найдется выходъ. И это дерево, перекинутое черезъ бездну, послужитъ намъ мостомъ.

Это была, несомнѣнно, блестящая мысль. Дерево было, по крайней мѣрѣ, 60 футовъ въ длину, и, если только оно упадетъ, какъ слѣдуетъ, оно съ лихвой покроетъ про-

пасть. Чалленджеръ подалъ мнѣ захваченный съ собой топоръ.

— У нашего юнаго друга крѣпкіе мускулы и сухожілія. Я полагаю, что для этой работы онъ изъ настъ всѣхъ пригодіе. Но, все-же, я попросилъ бы его на это время воздержаться отъ всякой инициативы и дѣлать только то, что ему скажутъ.

По его указаніямъ я сдѣлалъ нѣсколько надрѣзовъ по бокамъ дерева, обезпечивающихъ его паденіе въ желаемомъ направлении. Оно и само по себѣ росло наклонно въ сторону плато, такъ что заставить его упасть туда было не трудно. А затѣмъ я принялъ рѣбровъ у подножія, чередуясь въ работѣ съ лордомъ Джономъ. Не больше, какъ черезъ часъ, раздался громкій трескъ, дерево заколыхалось, перепнулось впередъ и рухнуло, покрывъ вѣтвями кусты на противоположной сторонѣ бездны. Отдѣлившійся отъ земли стволъ подкатился почти къ самому краю нашей платформы, и въ теченіе нѣсколькихъ ужасныхъ секундъ мы всѣ думали, что мостъ начнѣтъ рухнуть въ бездну, но онъ все же остановилъся въ нѣсколькихъ вершинахъ отъ края. Дѣло было сдѣлано. Мы проложили путь въ страну невѣдомаго.

Всѣ мы молча пожали руку профессору Чалленджеру, который приподнималъ свою соломенную шляпу, низко кланяясь каждому изъ настъ въ отдельности.

— Я требую для себя чести,—сказалъ онъ,—первому перешагнуть порогъ невѣдомой страны—какой сюжетъ для исторической картины въ будущемъ!

И онъ направился къ мосту, но лордъ Джонъ удержалъ его за фалды.

— Нѣть, голубчикъ, этого я не могу позволить.

— Какъ не можете позволить?!—Голова Чалленджера откинулась назадъ; борода вызывающе поднялась кверху.

— Въ научныхъ вопросахъ я, вѣдь, слушаюсь васъ и слѣдую вашимъ указаніямъ, потому что вы человѣкъ науки. Ну, а въ своей области ужъ я хозяинъ, и тутъ вы изволите слушаться меня.

— Въ какой же это вашей области?

— У каждого изъ настъ своя профессія: вы ученый, я солдатъ. По моему такъ: мы вступаемъ въ неизвѣстную намъ новую страну, которая, можетъ быть, безопасна—можетъ быть, и кишитъ врагами. Соваться туда, очертя голову, потому только, что у насъ не хватаетъ здраваго смысла и терпѣнія, по моему не резонъ.

Доводъ былъ слишкомъ разуменъ, чтобы оставить его безъ вниманія. Чалленджеръ трахнулъ головой и пожалъ плечами.

— Что же вы предлагаете?

— Почемъ я знаю, можетъ быть, за этими самыми кустами,—продолжалъ лордъ Джонъ,—засѣло племя любодѣдовъ и поджидаетъ своего завтра. Можетъ быть, ихъ тамъ и нѣть, но, я полагаю, разумнѣе будетъ поступать, какъ будто они тамъ. Поэтому я предлагаю, чтобы Мэлонъ и я опять спустились внизъ и захватили съ собой наши ружья, а также Гомеца и другого метиса. Затѣмъ, одинъ изъ настъ перейдетъ на ту сторону, подъ прикрытиемъ нашихъ ружей, а затѣмъ, когда онъ уѣдитъ, что тамъ безопасно, мы можемъ и всѣ перебраться туда.

Чалленджеръ сѣлъ на срубленный пень, ворча отъ нестерпѣнія, но Соммерли и я единодушно рѣшили, что въ практическихъ вопросахъ надо слушаться лорда Джона. Теперь, когда веревка свѣшивалась съ утеса, спускаться и подниматься по немъ было много легче. Черезъ часъ мы вернулись съ винтовками и большими ружьемъ, которое лордъ Джонъ называлъ слономъ. Съ нами поднялись и метисы, захвативши, по настоянію лорда Джона, тюкъ съ провизіей—на случай, если наша экспедиція затягнется. На каждомъ изъ настъ были надѣты пояса съ патронами.

Когда всѣ приготовленія были закончены, лордъ

Джонъ обратился къ Чалленджеру:— Ну-съ, если вамъ угодно непремѣнно быть первымъ—пожалуйте!

— Очень вамъ обязанъ за милостивое разрѣшеніе,—сердито буркнулъ Чалленджеръ: онъ совершенно не выполнить никакой власти надъ собой.—Разъ вы такъ добры, что позволяете, я, разумѣется, хочу быть первымъ.

И, усѣвшись верхомъ на бревно, перекинутое черезъ бездну, такъ что ноги его свѣшивались книзу, а топоръ болтался за спину, Чалленджеръ, подскакивая, перебрался черезъ импровизированный мостъ и скоро очутился на той сторонѣ.

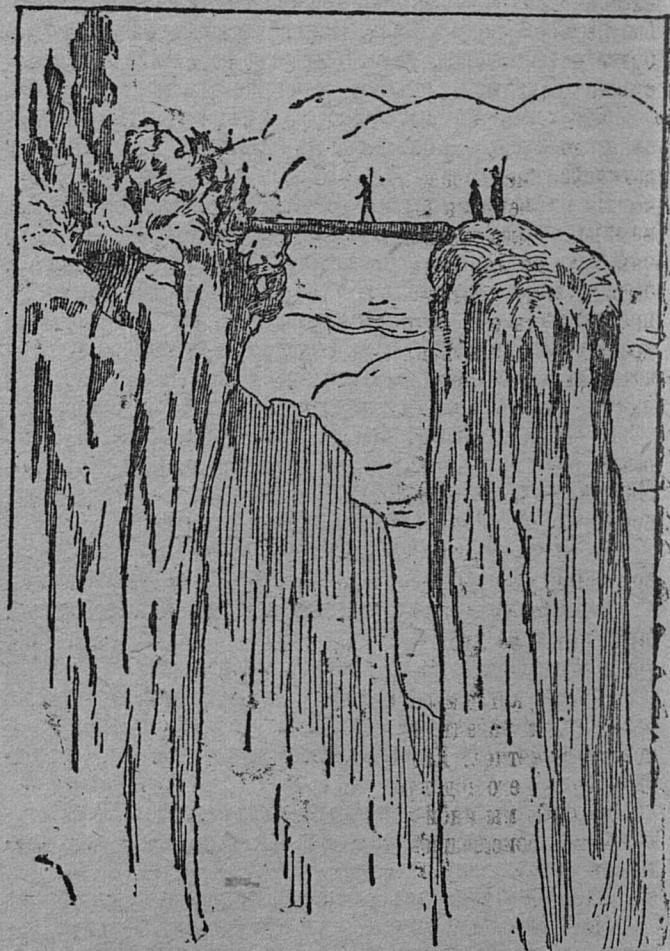
Онъ поднялся на ноги и замахалъ руками.

— Наконецъ!—крикнулъ онъ,—наконецъ!

Я съ испугомъ смотрѣлъ на него, смутно ожидая, что его поразитъ ударъ отъ руки невидимаго врага, скрытаго въ зеленой чащѣ позади него. Но тамъ все было спокойно; только какая-то странная пестрая птица вспорхнула изъ подъ ногъ его и скрылась въ кустахъ.

Вторымъ перебрался Соммерли. И снова я былъ пораженъ его энергией, такой неожиданной въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы мы перекинули ему за плечи двѣ винтовки, такъ что оба профессора оказались вооруженными. Всѣдѣ за нимъ перебрался я, усиливаясь не смотрѣть внизъ, въ страшную бездну, надъ которой я висѣлъ. Соммерли протянулъ мнѣ конецъ своей винтовки и черезъ минуту я уже держалъ его за руку. Что касается лорда Джона, онъ перешелъ—просто—напротивъ перешелъ на другую сторону по нашему мосту, ни за что не держась. Желѣзные нервы у этого человѣка!

Теперь мы всѣ четверо были въ завѣтной странѣ нашихъ грезъ, въ потерянномъ мірѣ, открытомъ Мэпль-Уайтомъ. Всѣмъ намъ эта минута представлялась моментомъ высшаго нашего торжества. Кто бы могъ подумать, что она была пред-

... Что касается лорда Джона, то онъ просто на-просто перешелъ на другую сторону пропасти, ни за что не держась.

двериемъ нашей гибели! Сейчас я расскажу въ нѣсколькихъ словахъ, какой ударъ обрушился на насъ.

Мы были уже шагахъ въ 50 отъ края бѣдны, когда позади насъ раздался страшный трескъ. Всѣ четверо мы моментально кинулись назадъ. Нашъ мостъ исчезъ.

Далеко внизу, у подножія утеса, я видѣлъ обломки ствола и перепутанную массу вѣтвей. Это былъ нашъ буки. Что случилось? Земля на краю обрыва не выдержала тяжести и обвалилась. Въ первый моментъ намъ не пришло на умъ иное объясненіе. Но тотчасъ же по другой сторону бѣдны вынырнуло смуглое лицо нашего метиса Гомеца. Но это былъ уже не нашъ Гомецъ, съ непроницаемымъ, какъ маска, подобострастно улыбающимся лицомъ. Передъ нами было лицо, искаженное ненавистью, злой, глаза, сверкающія дикой радостью удавшейся мести.

— Лордъ Рокстонъ! — кричалъ онъ. — Лордъ Джонъ Рокстонъ!

— Ну? Я здѣсь! — откликнулся лордъ Джонъ.

Надъ бѣдной пронесся злобный хохотъ.

— Да, ты здѣсь, ты, англійскій песь. Здѣсь ты и останешься. Я долго ждалъ удобнаго случая — и, вотъ, дождался. Тебѣ трудно было взобраться туда, но спуститься будетъ по-труднѣе. Проклятые глупцы! Всѣ вы попались въ западню.

Мы онѣмѣли отъ изумленія. На травѣ валялся толстый сломанный сукъ — очевидно, этимъ рычагомъ онъ и подтолкнулъ впередъ нашъ мостъ. Лицо исчезло, но черезъ минуту появилось снова, еще болѣе свирѣпое.

— Мы едва не убили васъ камнемъ въ пещерѣ, — крикнулъ Гомецъ — но это лучше. Это медлительнѣе и ужаснѣе. Ваши кости побѣлѣютъ здѣсь и никто не узнаетъ, где вы и не придетъ похоронить ихъ. Когда ты будешь умирать, вспомни о Лопецѣ, котораго ты застрѣлилъ пять лѣтъ тому назадъ, на берегу рѣки Путомапо. Я — братъ его и, чтобы ни случилось, я теперь умру счастливымъ, такъ какъ братъ мой отомщенъ. — Онъ злобно махнулъ рукой въ нашу сторону; затѣмъ все стихло.

Если-бы метисъ просто-напросто отомстилъ намъ и скрылся, дѣло могло бы кончиться благополучно для него. Его латинское, нелѣпое и неудержимое, пристрастіе къ драматическимъ эффектамъ было причиной его гибели. Рокстонъ не даромъ былъ прозванъ бичемъ божіимъ въ этихъ странахъ: онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно оскорблять безнаказанно. Метисъ уже спускался внизъ съ утеса, но, прежде чѣмъ онъ спустился, лордъ Джонъ подбѣжалъ къ краю утеса, прицѣлился — раздался выстрѣлъ, крикъ — и вдали шумъ паденія тяжелаго тѣла. Рокстонъ вернулся къ намъ съ каменнымъ лицомъ.

— Здорово я опростоволосился! — сказалъ онъ съ горечью. — Это я своей слѣпотой вовлекъ васъ въ такую бѣду. Мнѣ бы слѣдовало имѣть въ виду, что эти люди долго помнятъ обиду и мстятъ за нее кровью, и быть осторожнѣе.

— Ну, а другой какъ же? Вѣдь не столкнуть же ему одному было этого дерева. Навѣрное, и другой помогалъ ему.

— Я бы могъ пристрѣлить и его, но отпустилъ. Можетъ быть, онъ и не при чѣмъ. А, можетъ быть, и лучше было убить его — можетъ быть, онъ и помогалъ.

Теперь, когда мы поняли въ чѣмъ дѣло, каждый изъ насъ, оглядываясь назадъ, припоминалъ что нибудь странное въ поведеніи метиса. Его постоянное желаніе проникнуть въ наши паны, его подслушивание, его полные ненависти взгляды, которые мы иной разъ ловили на себѣ. Мы все еще обсуждали происшедшее, стараясь сообразить, что же намъ теперь дѣлать, когда вниманіе наше привлекла странная сцена, разыгравшаяся внизу, на равнинѣ.

Человѣкъ, одѣтый въ бѣлое — это могъ быть только уѣзжавшій метисъ — мчался во всю прыть, какъ будто за нимъ гналась сама Смерть. А за нимъ, отставая всего на нѣсколько шаговъ, гнался огромный черный негръ, нашъ вѣрный Замбо. На нашихъ глазахъ онъ нагналъ бѣглеца,

...Замбо нагналъ бѣглеца и схватилъ его сзади за шею...

навалился на него сзади и схватилъ за шею; оба покатились на землю. Минуту спустя, Замбо поднялся, посмотрѣлъ на распластерта го на землѣ метиса и затѣмъ, радостно махнувъ рукой, побѣжалъ обратно въ нашу сторону. Вѣла фигура лежала неподвижно посреди равнини.

Оба предателя погибли, но зло, причиненное ими, пережило ихъ. Миръ былъ самъ по себѣ, плato — само по себѣ, и мы были на плato, обосoblенные отъ всего мира. Передъ нами была равнина, черезъ которую лежалъ путь обратно къ нашимъ лодкамъ. Тамъ, за подернутымъ лиловой дымкой горизонтомъ, была рѣка, которая вела назадъ, къ цивилизациѣ. Но сязающее звено исчезло. Между нами и нашей прошлой жизнью вѣла бездна и никакая человѣческая изобрѣтательность не могла перешагнуть черезъ нее. Одна минута измѣнила всѣ условия нашего существованія.

Вотъ тутъ то я узналъ, изъ чего сдѣланы мои товарищи и спутники. Лица ихъ, правда, были серьезны и вдумчивы, но совершенно спокойны. Теперь намъ оставалось только сидѣть въ кустахъ и терпѣливо ждать, пока вернется Замбо. Наконецъ, его честное черное лицо и геркулесовская фигура вынырнули надъ вершиной скалы.

— Что мнѣ теперь дѣлать? — крикнулъ онъ. — Скажите, и я сдѣлаю.

Этотъ вопросъ легче было предложить, чѣмъ отвѣтить на него. Одно было ясно. Замбо былъ единственнымъ надежнымъ звеномъ, связывавшимъ насъ съ остальнымъ міромъ. Онъ долженъ остаться съ нами, не покидать насъ.

— Нѣть, нѣть, — кричалъ онъ. — Я не покину васъ. Что бы ни случилось, вы всегда найдете меня здѣсь. Но иной

цевъ мнѣ не удержать. Они и то говорятъ, что здѣсь слишкомъ много курупур и хотятъ домой. А теперь, когда вы ушли, мнѣ ни за что не удержать ихъ.

Дѣйствительно, въ послѣднее время наши индѣйцы не разъ давали намъ понять, что они устали, измучены и хотѣли бы скорѣй вернуться. Мы видѣли, что Замбо говорить правду, что ему не удержать ихъ.

— Удержи хоть до завтра, Замбо,—крикнулъ я,—чтобы я могъ послать съ ними письмо.

— Хорошо. До завтра удержу,—крикнулъ онъ въ отвѣтъ.—А теперь что мнѣ дѣлать?

Дѣла для него было очень много, и преданный негръ все сдѣлалъ превосходно. Прежде всего, повинувшись нашимъ указаніямъ, онъ отвязалъ веревку отъ срубленного пня и перекинулъ одинъ конецъ ея черезъ пропасть къ намъ. Веревка была не толстая, но очень крѣпкая и, хотя мостомъ она не могла служить, при подъемѣ она могла оказать намъ неоцѣнимыя услуги. Къ другому концу онъ привязалъ привезенный имъ запасъ провизіи, и мы перетянули его на свою сторону. Съ этимъ запасомъ, еслибы даже мы не нашли ничего другого, мы могли бы прожить недѣлю. Затѣмъ онъ спустился и притащилъ еще два узла всякой всячины,—жестянку съ порохомъ и пульами, бѣлье и пр. Все это мы опять таки перетянули къ себѣ по веревкѣ. Былъ уже вечеръ, когда онъ, наконецъ, спустился внизъ, завѣривъ насъ, что до слѣдующаго утра онъ индѣйцевъ, во всякомъ случаѣ, удержитъ. И всю почти первую ночь на плато я провелъ,

описывая вамъ случившееся при свѣтѣ однокаго фонарика.

Мы поужинали и расположились бивакомъ на самомъ краю утеса, утоливъ свою жажду двумя бутылками апоплинариса, оказавшимися въ одномъ изъ ящиковъ. Намъ необходимо найти воду, но кажется даже для лорда Джона приключений на сегодняшний день достаточно, и никто изъ насъ не склоненъ быть пускаться на ночь на развѣдку. Мы не зажгли сгнѣ и всячески старались не шумѣть.

Завтра—или, вѣрѣ, сегодня, такъ какъ сейчасъ уже свѣтѣстъ—мы пойдемъ осматривать это странное плато. Когда я напишу опять—и напишу ли еще когда-нибудь—не знаю. Внизу индѣйцы еще не ушли, и я увѣренъ, что преданный Замбо скоро явится за письмомъ. Только бы оно дошло по адресу.

R. S. Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ болѣе отчаяніемъ представляется мнѣ наше положеніе. Я положительно не вижу возможности вернуться. Еслибы еще вблизи края плато росло высокое дерево, изъ котораго мы могли бы сдѣлать мостъ,—но на разстояніи 50 ярдовъ нѣть ни одного подходящаго. А дальше, если и найдется, памъ даже и соединенными усилиями не удастся дотащить его до края. А веревка слишкомъ коротка, чтобы при помощи ея спуститься. Нѣть, наше положеніе безнадежно, совершенно безнадежно.

(Продолженіе слѣдуетъ.)
Пер. З. Журавская.

Первая

любовь.

Первой юной любви золотая весна!
О, я слышу, я слышу твои голоса!
Какъ горячъ твои росы и плещетъ волна!
Какъ подъ солнцемъ твоимъ расшумѣлись лѣса!
Я иду, улыбаясь, съ цвѣткомъ на груди.
Смотрѣть въ сердце мое утра пламенный лучъ.
Весь невѣдомый міръ предо мной впереди,
И въ дали голубой нѣть тумановъ и тучъ.
Я иду и пою, а цвѣты говорятъ,
Говорятъ про мою молодую любовь.
И на юныхъ устахъ поцѣлуи горячъ,
И огнемъ пламенѣеть кипучая кровь.
Ночь настанетъ—средь синихъ небесныхъ вы-
сотъ.
Ярче звѣздъ разгораются грезы мои,
А весна мнѣ волшебныя пѣсни поетъ
Нѣжнѣмъ шорохомъ травъ и журчаньемъ струи.
Въ лунный вечеръ я темною тѣнью иду

Никого. Тишина. Только звѣзды горячъ
И поеть мое сердце въ весеннемъ бреду
Про косу золотую и ласковый взглядъ.
Жду, тоскую, сгораю—и вотъ въ тишинѣ
Дверь неслышно раскрылась... Качнулась си-
ренъ...

Простучали башмачки—и тихо ко мнѣ
Пробирается милая, стройная тѣнъ.
Страстно нѣжнѣя руки вокругъ шеи легли...
Вновь вездѣ тишина. Только звѣзды горячъ.
Только рослѣя травы весенней земли
Съ голубою луной про любовь говорятъ.
Гдѣ-жь ты, юность моя? Все исчезло, какъ дымъ...
Ахъ, устанетъ ли сердце о прошломъ рѣдать?
Вѣдь такимъ, какъ тогда—полнымъ силь, моло-
дымъ.

Никогда, никогда я не буду опять!

В., Вегеновъ.

Я взбиралась на утесы
И, объята моремъ грезъ,
Я рукой сбивала росы
Съ бѣлоснѣжныхъ альпенро...

На горахъ алѣли краски
Догорающихъ лучей,
Какъ плѣнительныя сказки
Въ звукахъ ласковыхъ рѣчей,

Какъ волшебная сказанья
О невѣдомыхъ цвѣтахъ,
Пыль забытаго преданья
О промчавшихся вѣкахъ...

Я взбиралась на утесы
И, объята моремъ грезъ,
Я рукой вплетала въ косы
Цвѣтъ стыдливыхъ альпенрозъ.

Олегъ Леонидовъ.

ПОГИБШИЙ МИРЬ.

Рассказъ объ изумительныхъ приключенихъ профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Соммерли и м-ра Э. Д. Мэлона изъ «Ежедневной Газеты», Артура Конанъ-Дойля.

Глава X.

Необычайные вещи.

Съ нами происходятъ самыя необычайныя вещи. Бумаги въ моемъ распоряженіи немногі—всего на-всего пять старыхъ записныхъ книжекъ и нѣсколько отдѣльныхъ листковъ, да одинъ единственный стилографический карандашъ; но, пока руки мои не отказались служить мнѣ, я буду записывать свои переживанія и впечатлѣнія, ио, разъ ужъ мы—единственные представители человѣческой расы, которымъ довелось видѣть это, чрезвычайно важно записать все это, пока пережитое свѣжо въ моей памяти и пока на насъ фактически не настигла опасность, которая, все время виситъ надъ нашими головами. Удастся ли Замбо доставить эти записки на берегъ Амазонки, чтобы послать ихъ въ Европу, или же я самъ какимъ-нибудь чудомъ вернусь и привезу ихъ съ собою, или же, наконецъ, ихъ найдетъ какой-нибудь отважный изслѣдователь, идущій по нашимъ стопамъ—во всякомъ случаѣ, то, что я пишу, будетъ бессмертно, какъ классически-правдивый разсказъ о подлинныхъ переживаніяхъ.

На утро послѣ того, какъ мы попались въ ловушку, разставленную подлымъ негодяемъ Гомецомъ, началась новая стадія нашихъ изслѣдований. Первое, что мнѣ довелось испытать здѣсь, не внушило мнѣ особенно благопріятнаго мнѣнія о мѣстѣ, гдѣ мы очутились. Всю ночь я не смыкалъ глазъ, задремалъ только подъ утро и, проснувшись увидѣлъ на собственной ногѣ нѣчто необычайное. Во снѣ брюки мои поднялись кверху, открывъ кусочекъ кожи надъ поясомъ. И на этомъ кусочкѣ кожи сидѣло что-то красное и большое, словно виноградина. Изумленный этимъ зрѣлищемъ, я нагнулся снять его, но, къ ужасу моему, виноградина лопнула у меня между пальцами, разбрзгавъ по всѣмъ направленіямъ высосанную ею кровь. Вырвавшійся у меня крикъ отвращенія привлекъ вниманіе профессоровъ.

— Чрезвычайно интересно,—сказалъ Соммерли, наклоняясь надъ моей ногой.—Изумительно крупная разновидность клопа или клеща. Если не ошибаюсь, не заклассифицированная.

— Первый плодъ нашихъ работъ,—громогласно и, по обыкновенію, педантически подтвердилъ Чалленджеръ.—По моему, намъ слѣдуетъ окрестить его.

Маленькая непріятность быть укушеннымъ, я увѣренъ, молодой мой другъ, не перевѣсить для васъ чести видѣть свое имя вписаннѣемъ въ бессмертные списки зоологии. Къ несчастью, вы раздавили этотъ рѣдкій экземпляръ, какъ разъ въ моментъ его насыщенія.

— Мерзкая гадина!—воскликнулъ я.

Чалленджеръ укоризненно поднялъ брови и успокойтъ потрепалъ меня по плечу.

— Вы должны воспитать въ себѣ научный взглядъ на вещи и способность мыслить отвлеченно. Для человѣка съ философскимъ взглядомъ, какъ я, подобный клопъ съ его неизвѣстно-растяжимымъ желудкомъ,—такое же дивное созданіе природы, какъ и павлинъ, или, ну, скажемъ: свѣрное сіяніе. А вы не цѣните этого. Грустно мнѣ слышать отъ васъ такихъ словъ! Впрочемъ, намъ, вѣроятно, удастся добить другой экземпляръ.

...Чалленджеръ подскочилъ и заревѣлъ, какъ буйволъ, бѣшено срывая съ себя куртку и сорочку... Мы выловили наскѣкомое прежде, чѣмъ оно успѣло укусить профессора...

— Несомнѣнно,—угрюмо подтвердилъ Соммерли,—второй экземпляръ только что залѣзъ къ вамъ за воротникъ рубашки.

Чалленджеръ подскочилъ и заревѣлъ, какъ буйволъ, бѣшено срывая съ себя куртку и сорочку. Мы съ Соммерли такъ хотели, что едва въ состояніи были помочь ему. Наконецъ, мы обнажили чудовищный торсъ (54 дюйма въ обхватѣ), весь заросшій черными волосами и изъ этой чащи выловили наскѣкомое прежде, чѣмъ оно успѣло укусить профессора. Всѣ кусты кругомъ кишѣли этими гадинами, и было очевидно, что намъ слѣдуетъ перенести свой лагерь на другое мѣсто.

Но, прежде всего, надо было уловиться съ вѣрнымъ Замбо, который уже дожидался насъ на вершинѣ цика съ жестянками какао и бисквитовъ, которыя онъ поспѣшилъ переправить намъ на веревкѣ. Изъ оставшихся запасовъ мы велѣли ему оставить себѣ столько, чтобы ему хватило на два мѣсяца, а остальное отдать индѣйцамъ, въ награду за ихъ службу и въ уплату за то, что они отправлять наши письма. Нѣсколько часовъ спустя они уже потянулись гуськомъ по равнинѣ, черезъ которую пришли мы, сюда какъ-жду съ узелкомъ на головѣ. Замбо же занялъ нашу палатку, разбитую у подножья утеса, и останется жить тамъ, въ качествѣ единственной связи нашей съ міромъ, который лежитъ внизу.

А теперь надо было решить, что предпринять. Прежде всего мы перенесли нашъ бивакъ изъ кустовъ, кишащихъ клопами, на небольшую прогалину со всѣхъ сторонъ окруженну деревьями. Посрединѣ ея было нѣсколько боль-

шихъ, плоскихъ камней; по близости превосходный источникъ; насыпныхъ здѣсь никакихъ не было; и тутъ мы комфортабельно расположились вырабатывать планъ завоеванія новой страны. Въ вѣтвяхъ деревьевъ кричали птицы, въ особенности одна, голосъ которой былъ намъ совершенно незнакомъ—но, помимо этого, никакихъ признаковъ жизни не было.

Первымъ дѣломъ мы составили списокъ нашихъ запасовъ, чтобы знать, на что мы можемъ расчитывать. Кое-что мы захватили съ собой; вмѣстѣ съ тѣмъ, что намъ непрерывно замбо, провизии у насъ было вдоволь, ея могло хватить на нѣсколько недѣль. А главное, было четыре ружья и тысяча триста патроновъ, а также картечница, но пуль всего полтораста, средняго калибра. Кроме того, было нѣсколько научныхъ приборовъ, въ томъ числѣ большой телескопъ и хороший полевой бинокль. Все это мы перенесли на прогалину и окружили колючей изгородью изъ кустовъ, срубленныхъ нами при помощи топора и ножей. И порѣшили сдѣлать это мѣсто нашей главной квартирой, где мы будемъ хранить наши запасы и сами укрываться отъ опасности. И назвали его: Фортъ Чалленджеръ.

Былъ уже полдень, когда мы покончили всѣ наши приготовленія, но солнце жгло не очень сильно; и, вообще, на плато и температура, и растительность принадлежали поясу, почти умѣренному. Въ чащѣ деревьевъ, окружавшей насъ, виднѣлись и буки, и дубы, и даже березы. Надъ сооруженнымъ нами фортомъ высилось, превышая ростомъ всѣ другія, огромное дерево джинко, широко раскинувъ свои могучія вѣтви и листья, похожія на женскіе волосы. Въ тѣни его мы и усѣлись. Рѣчь держалъ лордъ Джонъ, снова принявший на себя роль командира, такъ какъ настала пора активныхъ начинаній.

— Пока ни звѣрь, ни человѣкъ не видѣлъ и не слыхалъ насъ, мы въ безопасности,—говорилъ онъ.—Какъ только станетъ извѣстно, что мы здѣсь, начнутся непріятности. Пока еще нѣть основаній думать, что наше присутствіе замѣчено. И намъ прежде всего надо притайтися и понемножку производить рекогносцировки. Надо присмотрѣться къ своимъ сѣдѣмъ, прежде чѣмъ нанести имъ визитъ.

— Но, вѣдь, впередъ то надо итти,—отважился возвратить я.

— Конечно, надо, голубчикъ. Но умнѣнко, осторожно. Не заходить такъ далеко, чтобы нельзя было вернуться назадъ. А, главное, не стрѣлять, если только это не безусловно необходимо для спасенія жизни.

— Однакоже, вы сами вчера стрѣляли,—сказалъ Соммерли.

— Ну, тутъ нельзя было иначе. Впрочемъ, вѣтъ былъ изрядный и дулъ въ другую сторону. Врядъ ли звукъ выстрѣла можно было слышать издали. Кстати, какъ мы назовемъ это плато?

Предлагали разныя названія, болѣе или менѣе удачныя; но Чалленджеръ окончательно разрѣшилъ вопросъ:

— По моему, мы не въ правѣ назвать его иначе, какъ именемъ шонера, который первый открылъ его—Мэпль-Уайтъ-Лэндъ—Земля Мэцль Уайта.

Такъ она и названа на картѣ, которую я составляю. Подъ этимъ же названіемъ она будетъ, современемъ, я надѣюсь, фигурировать и во всѣхъ атласахъ.

Ближайшей нашей цѣлью былъ мирный захватъ Земли Мэпль-Уайта. Мы сами уже убѣдились, что земля эта населена нѣвѣдомыми намъ существами, а по рисункамъ Мэпль-Уайта знали, что можемъ встрѣтить здѣсь и болѣе грозныхъ и опасныхъ чудовищъ. Скелетъ, найденный нами въ тростникахъ, свидѣтельствовалъ о томъ, что здѣсь есть люди, и притомъ враждебно настроенные, такъ какъ скелетъ этотъ, несомнѣнно, былъ сброшенъ сверху.

Очевидно, положеніе наше было очень опасное, тѣмъ болѣе, что бѣжать отъ опасности намъ было некуда, и мы

могли только одобрить мѣры предосторожности, предложенныя лордомъ Джономъ. Но нельзѧ же было намъ оставаться на окраинѣ нѣвѣдомаго мира, когда всѣ мы дрожали отъ нестерпѣнія проникнуть въ него и вырвать его тайну.

Поэтому мы завалили входъ въ нашъ фортъ—или «заребу», какъ зовутъ это индѣйцы—колючими кустами и, медленно, осторожно, двинулись въ страну нѣвѣдомаго, вдоль ручья, вытекавшаго изъ нашего источника; такимъ образомъ мы не могли сбиться съ дороги и всегда могли вернуться въ лагерь.

Не успѣли мы тронуться, какъ убѣдились, что, дѣйствительно, насъ ждутъ чудеса. На протяженіи нѣсколькихъ ярдовъ намъ пришлось пробираться сквозь чащу лѣса, гдѣ было много деревьевъ, совершенно мнѣ незнакомыхъ, но Соммерли сказалъ, что это—*конифера и цикадаца*—древесныя породы, давно исчезнувшія на землѣ внизу. Дальше ручей расширялся, образуя довольно большое болото, съ берегами густо обросшими странного вида тростниками,—*экзистаца*, или *хвоци*, по опредѣленію нашихъ ученыхъ—и деревоидными папоротниками, верхушки которыхъ раскачивались вѣтромъ. Неожиданно лордъ Джонъ, шедшій впереди, остановился и поднялъ руку.

— Смотрите! Клянусь Юпитеромъ, это слѣдъ праотца всей птичей породы.

На мягкому иль передъ нами явственно отпечатался слѣдъ трехъ пальцевъ. Обладатель ихъ, очевидно, перешелъ черезъ болото и скрылся въ лѣсу. Всѣ мы нагнулись намъ этимъ чудовищной величины слѣдомъ. Если это былъ, дѣйствительно, птичій слѣдъ—а какое же животное могло оставить подобный слѣдъ?—значитъ, у этой птицы ноги значительно болѣе, чѣмъ у страуса—значитъ, она и ростомъ значительно выше страуса. Лордъ Джонъ зорко оглядѣлся вокругъ и, на всякий случай, зарядилъ свое ружье двумя пулами.

— Ручаюсь своей охотничьей репутацией, что слѣдъ этотъ свѣжий, недавній. Животное, или птица, что бы это ни было, прошло здѣсь не дѣлѣе, какъ десять минутъ тому назадъ,—смотрите, вонъ въ томъ, другомъ, болѣе глубокомъ слѣду еще просачивается вода. Глядите: да оно не одно, а съ дѣтенышемъ.

Дѣйствительно, рядомъ съ большими шель рядъ другихъ слѣдовъ, поменьше.

— А это что же, по вашему такое?— торжествующе вскричалъ профессоръ Соммерли, указывая на отпечатки какъ будто человѣческой руки о пяти пальцахъ, попадавшіеся мѣстами среди трехпальцевыхъ слѣдовъ.

— Вельденъ!—въ полномъ восторгѣ вскричалъ Чалленджеръ.—Я видѣлъ точно такие слѣды въ вельденской глини. Это существо, идущее на заднихъ ногахъ, снабженныхъ тремя пальцами, но отъ времени до времени уширающееся въ землю одною изъ переднихъ лапъ, о пяти пальцахъ. Не птица, дорогой мой Рокстонъ—о, нѣть! Это не птица.

— А что же такое? Животное?

— Нѣть. Пресмыкающееся—игуанодонъ. Никто иной не могъ оставить подобнаго слѣда. Но кто бы могъ надѣяться—въ наше время—встрѣтить что либо подобное?

Онъ закончилъ почти благоговѣйнымъ шепотомъ. Идя по слѣду, мы вышли изъ болота и миновали заросли кустарника и деревьевъ. За ними было открытое пространство и на немъ пять самыхъ необыкновенныхъ существъ, какія я когда-либо видѣлъ. Мы залегли въ кустахъ и могли на досугъ разглядѣть ихъ.

Какъ я уже сказалъ, ихъ было пять: два взрослыхъ и три маленькихъ. Но и дѣтеныши были ростомъ со слона, а взрослые выше и крупнѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ животныхъ. Кожа у нихъ была асниднаго цвѣта, вся въ чешуйкахъ, какъ у ящерицы, и блестѣла на солнцѣ. Всѣ пятеро сидѣли, раскачиваясь на своихъ мощныхъ широкихъ хвостахъ и на заднихъ лапахъ, о трехъ пальцахъ каждая, а

передними, более короткими и о пяти пальцах, срывали ветки с деревьев и обгладывали их. Не знаю, как и описать их вами; кажется, больше всего они походили на чудовищно огромных кенгуру, футов двадцать в длину, и с кожей, как у черных крокодилов.

...Мы залегли в кустах и могли на досуг разглядеть их... Они походили на чудовищно огромных кенгуру, футов двадцати в длину, с кожей, как у черных крокодилов...

Уж и не знаю, сколько времени мы пролежали в кустах, приглядываясь к этому изумительному зрелищу. Второй дуль в нашу сторону, и спрятаны мы были хорошо, так что могли не опасаться быть открытыми. Маленькие играли и неуклюже прыгали вокруг своих родителей; больше тоже подпрыгивали и глухо ударялись о землю. Силища у них, должно быть, была непоморная, так как, когда одному не сразу удалось оторвать ветку от довольно большого дерева, он, разсердившись, обхватил дерево передними лапами и вырвал его с корнем, словно стебелек травы, — что указывало не только на превосходно развитые мускулы, но и на слабое умственное развитие, так как дерево своей тяжестью обрушилось ему на спину, и он несколько раз вскрикнул, пронзительно и жалобно, видимо, от сильной боли. Очевидно, после этого инцидента, папаша-игуанодонт нашел место пребывания здесь опасным, так как он сейчас же заковылял в лес, а за ним его самка и трое гигантских детенышней. И долго еще их блестящие спины сквозили между стволов, а головы колыхались над кустарником. Потом они скрылись из виду.

Я посмотрел на своих спутников. Лорд Джонстон стоял, положив палец на взвешенный курок ружья, и по глазам его было видно, как горло его охотничье сердце. Чего бы он не дал за то, чтобы повесить такую голову у себя в кабинете над камином. Но все же он

благородно воздержался от выстрела, ибо успеха нашего изслѣдования чудесной страны зависѣл именно от того, удастся ли нам скрыть свое появление от ее обитателей. Оба профессора замерли въ безмолвномъ экстазѣ. Отъ полноты чувствъ они невольно взялись за руки — ни дать ни взять, какъ дѣти передъ елкой. По лицу Чалленджера блуждала ангельская улыбка; обыкновенно насмѣшливое лицо Соммерли приняло чутъ не благоговѣйное выраженіе.

— Нынѣ отпущаешь! — воскликнул онъ, наконецъ. — Что только объ этомъ скажутъ въ Англіи!

— Это я вами, дружище, могу въ точности сказать, что объ этомъ скажутъ въ Англіи, — подхватил Чалленджеръ. — Скажутъ, что вы — враль и шарлатанъ, какъ всѣ, и сами вы, говорили обо мнѣ.

— А, если я покажу имъ фотографические снимки?

— Скажутъ, что вы ихъ поддѣвали.

— А живые экземпляры — или хотя бы чучела?

— Вотъ этимъ, пожалуй, можно взять. Погодите, еще, можетъ быть, когданибудь Мэлонъ и вся его грязная улица будетъ пѣть намъ хвалы. Запишите, молодой человѣкъ, что августа 28-го вы видѣли въ странѣ Мэппъ-Уайта пятерыхъ живыхъ игуанодонов — и дайте знать объ этомъ въ вашу тряпку.

— Да, чтобы ему за это дали по шеѣ носкомъ редакторскаго сапога, — засмѣялся лордъ Джонъ. — Въ Лондонѣ все кажется нѣсколько инымъ, чѣмъ здѣсь, голубчикъ. Многіе даже не рассказываютъ о своихъ приключеніяхъ, потому что знаютъ, что имъ, все равно, не повѣрятъ. И можно ли за это осуждать? Намъ самимъ черезъ два мѣсяца это будетъ казаться сномъ. Какъ, бишь, вы ихъ называли?

— Игуанодоны. Точно такие же отпечатки ихъ ногъ вы найдете въ Кентѣ на Гестингскихъ пескахъ, и въ Суссексѣ. Югъ Англіи кишѣлъ ими въ древности, когда тамъ было много зелени. Условія жизни измѣнились, и игуанодоны вымерли. А здѣсь, повидимому, условія не измѣнились, и они остались жить.

— Если мы выберемся отсюда живыми, я непремѣнно захвачу съ собой хоть одного, — сказалъ лордъ Джонъ. — Господи, какъ бы испугались чернокожіе въ Сомали, или Угандѣ, если увидѣли такое чудище! Не знаю, какъ вы, братцы, а у меня все время такое чувство, какъ будто яхожу по тонкому льду.

У меня было то же чувство окружающей настѣ тайны и опасности. Въ сумракѣ подъ деревьями все время мерещилась угроза, и невольно смутный страхъ закрадывался въ сердце. Правда, чудовищныя ящерицы, которыхъ мы только что видѣли, повидимому, были неповоротливы и безобидны животныя, которая врядъ ли напали бы на насъ, но по чѣмъ знать, какія еще неожиданные встрѣчи ждутъ насъ въ этомъ мірѣ чудесъ, какія чудовища подстерегаютъ насъ въ своихъ берлогахъ между скалами, или въ кустахъ. Доисторическая жизнь мало мнѣ была знакома, но, помню, я читалъ, что тогдашнія животныя могли бы питаться нашими львами и тиграми, какъ кошки мышами. Что, если въ странѣ Мэппъ Уайта есть такие звѣри?

Въ то же утро страхи наши оправдались. Пренепрѣятная это была исторія — противно даже вспомнить. Если, какъ говорить лордъ Джонъ, игуанодоны будутъ вспоминаться намъ, какъ смутный сонъ, то ужъ навѣрное, птеродактили всегда будутъ нашимъ кошмаромъ. Но дайте разсказать по порядку, какъ это было.

Мы пребирались черезъ лѣсъ очень медленно, отчасти потому, что лордъ Джонъ, прежде чѣмъ позволить намъ идти впередъ, самъ отправлялся на разведѣки, отчасти потому, что профессора наши поминутно останавливались, наткнувшись на какую-нибудь новую разновидность растенія или животнаго. Въ общемъ, мы сдѣлали не болѣе двухъ-трехъ миль, держась все время вправо отъ ручья, и вышли, нако-

нечь, на большую прогалину. Но и здесь намъ преградили путь сначала кустарникъ, потомъ камни, нагроможденные одинъ на другой—да и все плато было усыпано огромными валунами. Медленно пролагали мы себѣ дорогу между этиими камнями и кустами, доходившими намъ до пояса, какъ вдругъ спереди, навстрѣчу намъ донесся какой-то странный свистъ и гоготанье. Лордъ Джонъ поднялъ руку, давая намъ знать остановиться, и быстро, согибаясь, почти бѣгомъ, побѣжалъ впередъ. Мы видѣли, какъ онъ вынырнулъ изъ-за камней, словно отъ удивленія разводя руками, и затѣмъ какъ будто позабылъ о насъ (до того онъ былъ захваченъ тѣмъ, что видѣлъ). Въ концѣ концовъ онъ жестомъ подозвалъ насъ, давая намъ въ то же время знать не шумѣть и быть осторожными. По всему его поведенію я почувствовалъ, что впереди нечто изумительное, и въ то же время опасное.

Подкравшись къ нему, мы въ свою очередь выглянули изъ-за камней. Передъ нами была чашеобразная яма—можетъ быть, прежній кратеръ вулкана—и на днѣ этой ямы, въ нѣсколькохъ сотняхъ ярдовъ отъ того мѣста, где мы прятались, стояли лужи загнившей воды, покрытой зеленою плѣсенью и обрамленной тростниками. Эта яма, очевидно, была пріютомъ птеродактилей. Ихъ тутъ были сотни. Въ водѣ у краевъ лужи плескались уродливые птенцы и не менѣе уродливые мамашы, на высокихъ желтыхъ ногахъ, обтянутыхъ кожей. Отъ этихъ то крылатыхъ пресмыкающихся исходило странное басистое гоготанье, слышанное нами, удушливый зловонный запахъ, такой отвратительный, что насъ затошило. Повыше, каждый на особомъ камнѣ, высокие, сѣрые, высохшіе, словно мертвые, а не живые, возвѣдали страшные самцы, совершенно недвижимые, если не считать того, что они вращали красными, налитыми кровью глазами и щелкали челюстями, точно мышеловкой, когда мимо пролетала неосторожная стрекоза. Ихъ огромные перепончатыя крылья, вмѣстѣ съ передними конечностями, были сложены на груди, и въ этой позѣ они походили на старухъ, закутанныхъ въ шали небѣленаго холста, надъ которыми торчали ихъ свирѣпыя головы. Вмѣстѣ съ самцами этихъ отвратительныхъ тварей было тутъ не менѣе тысячи.

Наши профессора готовы были простоять тутъ цѣлый день, до того восхитила ихъ возможность наглядного изученія доисторической жизни. Они указывали на дохлую рыбу и мертвыхъ птицъ, валявшихся между камней, и поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что имъ удалось, наконецъ, разрѣшить вопросъ, почему въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ районахъ, напримѣръ, на Кембриджскихъ Зеленыхъ Пескахъ, находять такое множество костей,—очевидно, птеродактили, подобно пингвинамъ, всегда жили стадами.

Кончилось тѣмъ, что Чалленджеръ, увлекшись споромъ съ Соммерли, высунулъ голову изъ-за камней и едва не навлекъ гибель на всѣхъ насъ. Мгновенно ближайшій самецъ испустилъ пронзительный свистъ и, захлопавъ крыльями, взвился на воздухъ. Самки и дѣтеныши сгрудились вѣсомѣстѣ на краю лужи, между тѣмъ какъ часовые, одинъ за другимъ, поднимались и взвивались къ небу. Это было изумительное зрѣлище,—не менѣе сотни этихъ огромныхъ и уродливыхъ тварей рѣяли, какъ ласточки, надъ нашими головами. Но скоро мы поняли, что заглядываться на нихъ опасно. Вначалѣ они описывали въ воздухѣ большие круги, словно для того, чтобы убѣдиться въ размѣрахъ опасности. Затѣмъ, спускаясь ниже, все болѣе суживали круги и, наконецъ, носились уже вокругъ насъ, и сухой, шуршащій трескъ ихъ крыльевъ напоминалъ звуки на Генонскомъ аэродромѣ въ дни состязаній въ воздушныхъ полетахъ.

— Бѣгите, братцы, въ лѣсъ и держитесь всѣ вмѣстѣ, не разбѣгайтесь,—поднимая ружье прикладомъ вверхъ, крикнулъ лордъ Джонъ.—Эти мерзавцы задумываютъ не-доброе.

Птеродактили уже настолько приблизились къ намъ,

что почти касались нашихъ лицъ своими крыльями. Мы били ихъ ружейными прикладами, но удары звучали глухо, словно мы били по подушкѣ. И вдругъ, изъ жужжащаго аспиднаго цвѣта диска высунулась длинная шея—и Соммерли вскрикнулъ отъ боли. Кровь лилась по лицу его въ томъ мѣстѣ, где клюнулъ птеродактиль. Другой мгновенно укусилъ меня въ шею сзади, и я чуть не свалился отъ удара.

Вмѣстѣ съ самцами этихъ отвратительныхъ тварей было тутъ не менѣе тысячи...

Чалленджеръ свалился и, когда я нагнулся, чтобы помочь ему встать, чудовище снова укусило меня сзади и повалило на Чалленджера...

могучаго клюва. Чалленджеръ свалился и, когда я на-гнулся, чтобы помочь ему встать, чудовище снова укусило меня сзади и повалило на Чалленджера. Въ то же мгновеніе я услыхалъ трескъ ружейного выстрѣла—и одинъ изъ птеродактили съ подстрѣленнымъ крыломъ заметался на землѣ, шипя и плюя на насъ, съ выкатившимися, налитыми кровью глазами, словно дьяволъ на средневѣковыхъ гравюрахъ. Его товарищи, испуганные выстрѣломъ, поднялись выше, но продолжали летать надъ нашими головами.

— Ну, теперь, братцы, бѣги, что есть духу,—не то мы пропали!—крикнулъ лордъ Джонъ.

Мы бросились бѣжать по направлению къ лѣсу, но не успѣли еще добѣжать, какъ эти гарпии снова накинулись на насъ. Они сбили съ ногъ Соммерли, но мы послѣдили поднять его и улечь въ чашу деревьевъ. Здѣсь мы были въ безопаснѣтии, такъ какъ птеродактили, запутывались крыльями въ вѣтвяхъ и не могли спуститься. Израненные и сконфуженные, мы, прихрамывая, брели назадъ, но еще долго видѣли ихъ летающими такъ высоко, что они казались величиной не больше голубя, и, очевидно, слѣдящими за каждымъ нашимъ движеніемъ. Когда деревья стали гуще, они, наконецъ, прекратили полетъ, и больше мы ихъ не видали.

— Чрезвычайно интересный и убѣдительный опытъ,—сказалъ Чалленджеръ, когда мы остановились у ручья,

обмывая распухшее от укуса колено.—Теперь мы с вами, Соммерли, можем сказать, что основательно изучили поездки этих проклятых штеродактилей.

Соммерли вытирая кровь, текшую из раны на лбу; я обмывал и перевязывал укушенную шею; у лорда Джона был оторван рукав пиджака, но зубы чудовища лишь слегка оцарапали ему кожу.

— Обратите внимание,—продолжал Чалленджер.—нашего юного друга онъ несомнѣнно, клюнуль въ шею, между тѣмъ, какъ рукавъ лорда Джона онъ могъ оторвать только зубами. Меня же были крылья по головѣ,—словно хотѣли показать намъ всѣ разнообразные способы ихъ нападенія.

— Да ужъ можно сказать: ушли мы отъ бѣды,—серьезно сказалъ лордъ Джонъ.—Подлѣйшая смерть,—погибнуть отъ такихъ мерзкихъ гадин! Досадно, что пришлось стрѣлять—но, ей Богу, больше ничего не оставалось.

— Мы не были бы здѣсь, еслибы вы не выстрѣлили,—съ убѣжденіемъ подтвердилъ я.

— Авось, не повредить. Въ этомъ дремучемъ лѣсу, должно быть, немало раздается звуковъ, похожихъ на выстрѣлы—ну, хоть бы трескъ отъ паденія большихъ деревьевъ. Но, теперь, если вы, господа, ничего не имѣете противъ,—предложилъ бы я вернуться въ лагерь. Достаточно съ насъ на сегодня треволненій, да и раны не мѣшаютъ промыть карболикой. Чортъ ихъ знаетъ, этихъ гнусныхъ тварей—можетъ быть, укусы ихъ ядовиты.

Но впереди нась ждалъ новый сюрпризъ. Пробираясь вдоль ручья, къ нашей колючей заградѣ, мы думали, что наши приключения кончены на этотъ день. Не тутъ то было. Импровизированный ворота форта Чалленджера были не тронуты, какъ и стѣны его, и, однажоже, здѣсь, несомнѣнно, побывало какое-то странное и могущественное существо. Никакихъ слѣдовъ на землѣ оно по себѣ не оставило; только гвѣздавшаяся вѣтка гигантскаго джинсика указывала, какимъ путемъ оно могло пройти и уйти. Но всѣ наши припасы были разбросаны по землѣ, а одна жестянка съ мясными консервами изломана въ куски—очевидно, стъ цѣлью извлечь оттуда содержимое. Точно такъ же изломанъ былъ въ щепки ящичекъ съ патронами, а одна изъ мѣдныхъ пуль отъ картечницы валялась искрошенной въ мельчайшіе кусочки. Невольный ужасъ овладѣлъ наими. Испуганными глазами мы вглядывались въ надвигающуюся тѣни лѣса, где, казалось намъ, притаилась и подстерегаетъ насть какая-то страшная опасность. Какъ хорошо, что какъ разъ въ это время насть окликнула голосъ вѣрнаго Замбо, и, послѣдивъ на край плато, мы увидали его на вершинѣ противоположнаго утеса!

— Все ладно, масса Чалленджера, все въ порядкѣ,—кричалъ онъ, скаля зубы.—Мой сидить тутъ. Нѣть бояться. Мой всегда тутъ, когда нужно.

Его добродушная черная рожа и безконечная равнина, раскинувшаяся передъ нами, уходя вдаль до притока Амазонки, помогли намъ вспомнить, что все же мы живемъ на землѣ, въ двадцатомъ столѣтіи, а не перенесены волшебной силой на какую-то иную планету въ самой ранней и дикой стадіи ея развитія. Какъ трудно было представить себѣ, что тамъ, за этой равниной, огромная рѣка, по которой ходятъ пароходы, и люди на нихъ толкуютъ между собой о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, въ то время, какъ мы, заброшенные, хуже чѣмъ на необитаемый островъ,—къ существамъ доисторической эпохи, можемъ только смотрѣть вдаль и тосковать по всему, что съ ней связано.

Еще одно воспоминаніе сохранилось у меня отъ этого достопамятнаго дня—имъ я и закончилъ свое письмо. Наши профессора, по всей вѣроятности, раздосадованные нанесенными имъ обидами, поссорились между собой изъ-за того, къ какой породѣ слѣдуетъ отнести нашихъ враговъ—къ породѣ штеродактилей, или же диморфодоновъ. Я, чтобы не мѣшать имъ, отошелъ въ сторонку, и, закуривъ сигару,

присѣлъ на сваленный древесный стволъ. Ко мнѣ подсѣлъ лордъ Джонъ.

— Послушайте-ка, Мэлонъ, вы хорошо помните то мѣсто, где были эти твари?

— Отлично помню.

— Похоже на жерло кратера, не правда ли?

— И очень.

— Замѣтили вы, какая тамъ почва?

— Каменистая.

— Нѣть, вокругъ воды, тамъ, где тростники?

— Голубоватаго цвѣта. Словно глина.

— Вотъ-вотъ вулканическаго происхожденія воронка, наполненная синей глиной.

— Ну такъ что же изъ этого?

— О, ничего, ничего.—И онъ направился въ ту сторону, откуда доносился высокій, визгливый голосъ Соммерли и густой басъ Чалленджера. Я, вѣроятно, и забылъ бы обѣ этихъ словахъ лорда Джона, еслибы ночью не услыхалъ его бормотанья: «Синяя глина—глина въ кратерѣ волкана».

Это были послѣднія слова, слышанныя мною. Совершенно обезсиленный, я уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Глава XI.

Разокъ случилось и мнѣ быть героемъ.

Лордъ Джонъ Рокстонъ былъ правъ, думая, что укусъ отвратительныхъ летучихъ ящерицъ, напавшихъ на насть, можетъ быть ядовитъ. На утро послѣ этого первого нашего приключения на плато, рана Соммерли и моя воспалились, и обоихъ насть стало лихорадить; а у Чалленджера колено такъ распухло, что онъ почти не могъ ходить. И потому мы весь день просидѣли въ лагерь; лордъ Джонъ рубилъ и таскалъ колючие кусты, чтобы увеличить вышину и плотность нашей изгороди—единственной нашей защиты. Помню, весь этотъ долгій день мечи преслѣдовали ощущеніе, что кто-то спрятался по близости и наблюдаетъ за нами—но кто и откуда—этого я угадать не могъ.

И такъ сильно было это ощущеніе, что я сказалъ о немъ профессору Чалленджеру, но тотъ приписалъ его мозговому возбужденію, вызванному лихорадкой. А я все время озирался, въ увѣренности, что увижу что-нибудь, но видѣлъ только темные кусты и мракъ, царившій подъ деревьями, которыя образовали сводъ надъ нашими головами. А, между тѣмъ, меня не покидала эта увѣренность, что кто-то, блѣдѣлъ и враждебно настроенный, тутъ, близко, рукой подать, и слѣдить за нами. При этомъ мнѣ вспомнились сувѣрные индѣйцы, вѣрующіе въ Курпурі—грознаго и недобраго духа лѣсовъ—и для меня было теперь такъ понятно, что его грозный образъ всюду мерещился тѣмъ, кто осмѣялся вступить въ его священное убѣжище.

Ночью—это была третья ночь, проведенная нами на Землѣ Мэпль-Уайта—мы пережили нѣчто ужасное, оставившее по себѣ самое тѣгостное впечатлѣніе, и отъ души благодарили лорда Джона, за то, что онъ весь день работалъ, силясь сдѣлать наше убѣжище недосягаемымъ. Всѣ мы улеглись спать вокругъ погасавшаго костра, но были разбужены ужасающими криками и воплями. Не придумаю даже, съ чѣмъ сравнить эти звуки, доносившіеся какъ будто издали, за нѣсколько сотъ ярдовъ. Они были такие же громкіе и раздирающіе, какъ свистокъ паровоза, но тѣтъ свистъ рѣзкій и чистый, сразу слышишь, что свистѣть машина, тутъ же звуки были полны муки и ужаса. Мы зажи-мали уши, чтобы заглушить эти отчаянныи вопли, страшные, мучительные, какъ вопли грѣшниковъ въ адѣ. И, наряду съ этими пронзительными воплями порою раздавался низкій грудной смѣхъ, воющій и гортанный, словно аккомпанировавшій воплямъ, которые порою заглушали его. Этотъ страшный дѣятъ длился минуты три-четыре; слышно было, какъ перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку, встревоженные птицы. Затѣмъ звуки внезапно прекратились. Напуганные,

мы долго сидели молча. Затем лорд Джонс подбросил сучьевъ въ огонь, который запыльал сильнѣе, и яркий отсвѣтъ его озарилъ тревожные лица моихъ товарищъ и огромные вѣтви, нависшія надъ нашими головами.

— Что это такое было? — шепнула я.

— Утромъ узнаемъ, — отвѣтилъ лорд Джонс. — Это было близко, рукой подать, — не дальше, чѣмъ отсюда до просѣки.

— Намъ посчастливилось стать свидѣтелями какой-нибудь доисторической трагедіи — одно чудовище загрызло другое, — сказалъ Чалленджеръ такимъ торжественнымъ тономъ, какого я еще не слыхала отъ него. — Поистинѣ, счастье для человѣка, что онъ созданъ позже всѣхъ тварей. Въ первые дни творенія земля была населена такими существами, съ которыми ему не справиться бы, при всемъ его мужествѣ и хитрости. Развѣ помогли бы ему его силы, стрѣлы и дротики, въ борьбѣ съ такими силами, какія свирѣпствовали тутъ сегодня ночью? Даже и современное ружье оказалось бы безсильнымъ.

Соммерли пожалъ плечами.

— Тсс... Вы ничего не слышите?

Среди полнаго безмолвія раздавалось регулярное *топъ-топъ*, словно какое-то большое и грунтовое животное осторожно переступало мягкими, но тяжелыми лапами, крадясь вокругъ нашего лагеря. Потомъ остановилось у входа, загражденаго кустами. Мы отчетливо слышали его глухое свистящее дыханіе. Одна лишь изгородь отдала насъ отъ этого кошмара ночи. Всѣ мы схватились за ружья, а лорд Джонс снялъ одну вѣтку, чтобы образовать отверстіе въ изгороди.

— Я, кажется, вижу его, — шепнула онъ.

Я нагнулся черезъ плечо и заглянулъ въ отверстіе. Да, я тоже видѣлъ его. Въ тѣни деревьевъ смутно обрисовывалась иная, болѣе черная тѣнь какого-то невѣдомаго звѣря, пригнувшагося къ землѣ. Онъ былъ не великъ, не больше лошади, но линія его тѣла и поза говорили о грозной силѣ и свирѣости. Громкое дыханіе, со свистомъ вырывавшееся изъ его груди, словно изъ машины, свидѣтельствовало о виновитыхъ размѣрахъ грудной клѣтки и, вообще, о силѣ сложенія. Когда тѣнь шевельнулась — миѣ почудилось, будто сверкнули во мракѣ зеленоватые, злые глаза. Затѣмъ послышался шорохъ вѣтвей, словно животное медленно подкрадывалось.

— Онъ, кажется, хочетъ прыгнуть сюда, — сказалъ я, хватаясь за ружье.

— Не стрѣляйте, ради Бога! Не стрѣляйте, — шепнула лорд Джонс. — Въ ночной тишинѣ выстрѣлъ разнесется далеко. Приберегите эту постыдную карту.

— Если онъ перепрыгнетъ черезъ изгородь, мы погибли, — сказалъ Соммерли, — и голось его дрогнула, перейдя въ отрывистый нервный смѣшокъ.

— Нѣтъ, нельзя дать ему перепрыгнуть. Но стрѣлять, пока, все-таки не надо. Я попробую иначе прогнать его.

Въ жизни своей не видѣла я такого храбреца. Лорд Джонс мгновенно нагнулся, выхватилъ изъ костра пылающую головню и выскоцилъ съ нею черезъ брешь, продѣланную имъ въ нашей заградѣ. Эзѣръ, угрожающе фыркая, шелъ на него. Лорд Джонсъ, не задумываясь, кинулся къ нему и ткнулъ его горячей головней въ самую морду. На мигъ передо мною освѣтилась страшная голова — словно чудовищной жабы — неровная кожа, вся въ наростахъ и бородавкахъ — отвислые губы, вымазанные свѣжей кровью. Затѣмъ, тотчасъ, раздался трескъ сухихъ сучьевъ и вѣтвей. — Нашъ грозный постыдитель уходилъ.

— Я такъ и думалъ, что онъ испугается огня, — сказалъ лорд Джонсъ, вернувшись къ намъ и швырнувъ головню въ костеръ.

— Ну, можно ли такъ рисковать! — ужаснулись всѣ мы.

— Другого средства не было. Еслибы онъ попалъ сюда, мы бы только перестрѣляли другъ друга, пытаясь попасть въ него. А, еслибы мы ранили его, цѣлься въ отверстіе, онъ бы навѣрное ужъ прыгнулъ сюда — не говоря уже о томъ что мы бы сами выдали себя. Да, я думаю, что мы счастливо ушли отъ большой бѣды. Что это за звѣрюга?

Наши ученые нерѣшительно переглянулись.

— Лично я не рѣшалъ высказаться определено по этому поводу, — сказалъ Соммерли, нагибаясь къ огню, чтобы раскурить трубку.

— Отказываясь высказаться определено, вы только выказываете сдержанность, подобающую истинному ученому, — снисходительно похвалилъ его Чалленджеръ. — Я и самъ не рѣшусь пойти дальше общаго предположенія, что мы имѣли дѣло съ одной изъ разновидностей плотояднаго динозавра. Я уже и раньше высказывалъ предположеніе, что такихъ разновидностей, можетъ быть, и существуютъ на плато.

На мигъ передо мною освѣтилась страшная голова — словно чудовищной жабы — неровная кожа, вся въ наростахъ и бородавкахъ — отвислые губы, вымазанные свѣжей кровью.

— Мы должны помнить, — поддержалъ Соммерли, — что многія доисторическія формы вовсе не донесли до насъ. Такъ что вы не должны требовать, чтобы мы умѣли назвать вами всѣхъ животныхъ, которыхъ могутъ намъ повстрѣчаться.

— Совершенно вѣрно. Завтра, можетъ быть, у насъ окажется больше данныхъ для болѣе точной классификаціи. А сейчасъ предлагаю возобновить нашъ прерванный сонъ.

— Да, но только не такъ, какъ раньше, а поставивъ часового, — рѣшительно заявилъ лорд Джонсъ. — Въ такой странѣ, какъ эта, рискъ недопустимъ. На будущее время мы все будемъ дежурить по очереди, по два часа каждый.

— Въ такомъ случаѣ, сегодня я дежурю первый, — сказалъ Соммерли, — я все-равно хотѣлъ выкурить трубку.

Утромъ мы безъ труда открыли причину страшного шума слышаннаго нами ночью. Просыка игуанодоновъ стала ареною чудовищной бойни. На землѣ было столько крови, собравшейся цѣлыми лужами, и столько разорванныхъ кусковъ мяса разбросано было по зеленой травѣ, что можно было подумать: чудовище растерзало нѣсколькихъ животныхъ; но, присмотрѣвшись внимательнѣе, мы убѣдились, что растерзано только одно, и буквально въ куски, хотя

растѣ, развѣшій его звѣрь быть, вѣроятно, не больше его самаго.

Наши профессора внимательно изслѣдовали кусокъ за кускомъ, носившіе слѣды могучихъ зубовъ и когтей.

— Мы можемъ судить лишь приблизительно,—говорилъ профессоръ Чалленджеръ, глядя на лежащій у него на колѣнѣахъ кусокъ бѣловатаго мяса.—Всѣ эти признаки подошли бы и къ сабельно-зубому тигру, скелетъ котораго находить и во многихъ нашихъ пещерахъ; но звѣрь, видѣнныій нами вчера, несомнѣнно, быть крупнѣе и болѣе близокъ къ пресмыкающимся. Я лично, склоненъ предполагать, что быть аллозавръ.

— Или мегалозавръ,—добавилъ Соммерли.

— Совершенно вѣрно. Или любой изъ большихъ плотоядныхъ динозавровъ — величайшихъ и самыхъ грозныхъ хищниковъ, какіе когда-либо были проклятыемъ земли и благословеніемъ музеевъ.—И онъ громко расхохотался, какъ всегда первый смылся своимъ шуткамъ, хотя бы онъ вовсе не были смыты.

— Чѣмъ менѣе вы будете шумѣть, тѣмъ лучше,—остановилъ его лордъ Джонъ.—Мы не знаемъ кто и что можетъ подслушать насъ. Если эта звѣрюга вернется на прогалину позавтракать остатками ужина и застанетъ насъ здѣсь, намъ будеть не до смысла. Кстати, что это за пятно.

На мутно-аспидной, чешуйчатой шкурѣ растерзаннаго животнаго, повыше плеча, было странное черное пятно, какъ будто отъ застывшаго асфальта. Никто изъ насъ не могъ объяснить себѣ его происшествія, хотя Соммерли и вспомнилъ, что нѣчто подобное онъ замѣтилъ и на кожѣ одного изъ дѣтенышъ игуанодона, два дня тому назадъ. Чалленджеръ ничего не говорилъ, но видѣлъ у него былъ напыщенный, какъ бы говорившій: «я знаю, да не хочу сказать», такъ что лордъ Джонъ, наконецъ, прямо обратился къ нему, спрашивая его мнѣніе.

— Если ваша свѣтлость милостиво позволить мнѣ открыть ротъ, я буду счастливъ выскажаться,—отвѣтилъ онъ съ напыщеннымъ сарказмомъ. Я не привыкъ, чтобы со мной обращались такъ, какъ, повидимому, привыкли обращаться съ людьми, ваше сиятельство. Я не зналъ, что надо просить у васъ позволенія, прежде чѣмъ улыбнулся невинной шуткѣ.

И только, когда лордъ Джонъ простиенно извинился передъ нимъ, нашъ обидчивый другъ понемногу утихомирился и съ своего пня прочелъ намъ, по обыкновенію, цѣную лекцію, какъ будто обращался не къ тремъ дорожнымъ спутникамъ, а къ большой аудиторіи.

— Относительно пятна, замѣченнаго вами, я склоненъ поддержать мнѣніе моего друга и коллеги, профессора Соммерли, что пятно это асфальтовое. Въ виду того, что плато это, несомнѣнно, вулканическаго происхожденія, асфальтъ же принято считать однимъ изъ необходимыхъ составныхъ элементовъ царства Плутона, я не сомнѣваюсь, что здѣсь онъ существуетъ въ расплавленномъ состояніи, и животное, останки котораго мы видимъ, какъ нибудь пришло съ нимъ въ соприкосновеніе. Для насъ много важнѣе решить иной вопросъ — много ли здѣсь такихъ чудовищъ, какъ то, которое оставило по себѣ слѣдъ на этой простицѣ. Въ общихъ чертахъ, мы знаемъ, что плато это не больше одного изъ нашихъ среднихъ англійскихъ графствъ. На этомъ ограниченномъ пространствѣ несчетные годы жило извѣстное количество существъ, которыхъ въ остальномъ мірѣ давно перешли въ область легенды. Казалось бы, за такой долгій промежутокъ времени хищники, обитающіе здѣсь, должны были истощить весь свой запасъ пищи, и, либо перейти на травоядѣніе, либо умереть съ голоду. Какъ видите, ни того, ни другого не произошло. Слѣдовательно, остается предположить, что мудрая Природа сама нашла средство ограничить размноженіе этихъ свирѣпыхъ хищниковъ. Вопросъ — что это за средство и какимъ образомъ оно дѣйствуетъ —

одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, подлежащихъ нашему разрѣшенію. Смѣю надѣяться, что намъ еще представится случай ближе изучить этихъ плотоядныхъ динозавровъ.

— А я позволяю себѣ надѣяться, что этого не будетъ,—вразбрѣль я.

Профессоръ только повелъ бровями, какъ строгій учитель, въ отвѣтъ на непочтительную выходку дерзкаго ученика.

— Можетъ быть, мой уважаемый коллега имѣть что нибудь возвразить,—обратился онъ къ Соммерли; и оба снова погрузились въ научный споръ.

Въ это утро мы изслѣдовали и нанесли на карту небольшую часть плато, избѣгая приближаться къ болоту птеродактилей и держась все время къ востоку отъ ручья, тогда какъ раньше шли на западъ. И здѣсь мѣстность сплошь заросла густымъ лѣсомъ съ такимъ изобилемъ нижней поросли, что пробираться черезъ нее можно было только очень медленно.

До сихъ поръ я разсказывалъ только объ ужасахъ Земли Мэпль-Уайта; но въ этой картиныѣ была, вѣдь, и другая, лицевая сторона:—все это утро мы шли среди цвѣтовъ, по большей части, какъ я замѣтилъ, бѣлыхъ и желтыхъ—наши профессора объяснили, что это были излюбленные цвѣта доисторическаго міра. Во многихъ мѣстахъ земля была сплошь покрыта ими; ноги наши тонули по щиколку въ этомъ мягкому цвѣтѣнномъ коврѣ; благоуханія, сладкія и острыя, опьяняли и кружили голову. Вокругъ жужжали родныя англійскія пчелы. Многія изъ деревьевъ, мимо которыхъ мы проходили, гнули вѣтви до земли подъ тяжестью плодовъ; нѣкоторые изъ нихъ были новы для насъ, другие хорошо знакомы. Во избѣженіе опасности отравиться, мы слѣдили за тѣмъ, которые изъ нихъ клюютъ птицы, и это вносило пріятное разнообразіе въ нашъ пищевой режимъ. Въ дѣвственной чащѣ, черезъ которую мы пробирались, было много тропинокъ, вытоптанныхъ дикими звѣрьми, а въ болотистыхъ мѣстахъ несчетное множество слѣдовъ, въ томъ числѣ слѣды игуанодоновъ. Однажды мы даже видѣли не большое стадо ихъ, пасущееся на травѣ, и лордъ Джонъ въ бинокль разглядѣлъ, что у всѣхъ у нихъ были на тѣлѣ пятна отъ асфальта, хоть и не въ тѣхъ мѣстахъ, какъ у растерзаннаго животнаго. Но что это означало, мы такъ и не могли решить.

Видѣли мы также много мелкихъ животныхъ, какъ, напримѣръ, дикообразовъ, чешуйчатаго муравьѣда и дикаго кабана, пѣгаго цвѣта, съ длинными кривыми клыками. Однажды, въ просвѣтѣ между деревьями мы видѣли сѣялѣ зеленый склонъ холма и быстро шагающее по немъ огромное животное темно-коричневаго цвѣта. Оно прошло такъ быстро, что мы не могли разглядѣть его, какъ слѣдуетъ; но, если это былъ олень, какъ увѣрялъ лордъ Джонъ то, должно быть, огромный, какъ тѣ чудовищные ирландскіе лоси, которыхъ и понынѣ иногда выкапываютъ изъ топей моей родины.

Со временемъ загадочнаго визита, нанесенного намъ неизѣдомыми посѣтителями, мы ни разу съ спокойнымъ сердцемъ не возвращались въ свой лагерь. Однако, на этотъ разъ, мы все нашли въ порядкѣ. И въ этотъ вечеръ долго совѣщались о теперешнемъ нашемъ положеніи и нашихъ планахъ на будущее. Эту бесѣду я долженъ изложить подробнѣе, такъ какъ она внушила мнѣ идею, позволившую намъ лучше узнать страну Мэпль-Уайта, чѣмъ мы могли бы это сдѣлать за нѣсколько недѣль изслѣдований. Первымъ открыты дебаты Соммерли. Онъ весь день ко всѣмъ придидался и теперь вопросъ лордъ Джона: что мы будемъ дѣлать завтра, поднявъ въ его душѣ всю накопившуюся горечь.

— И, сегодня, и завтра, и всѣ дни намъ надлежитъ прежде всего искать выхода изъ западни, въ которую мы попали. Вы все придумываете, какъ бы пробраться вглубь страны.

А я говорю, что намъ надо думать о томъ, какъ намъ выйти изъ нея.

— Я удивляюсь, сэръ,—загремѣлъ Чалленджеръ, расправляя свою пышную черную бороду,—что человѣкъ науки способенъ поддаваться такимъ презрѣннымъ чувствамъ, Передъ вами такая арена для честолюбія даровитаго натуралиста, какой еще не видано отъ начала міра, а вы предлагаete покинуть ее, удовольствовавшись самыми поверхностными свѣдѣніями о ней и ея обитателяхъ. Я ждалъ отъ васъ лучшаго, профессоръ Соммерли.

— Не забывайте,—язвительно возразилъ Соммерли,—что въ Лондонѣ у меня обширная аудиторія, оставленная теперь на произволъ бездарнаго замѣстителя. А, слѣдовательно, мое положеніе совершенно иное, чѣмъ ваше, профессоръ Чалленджеръ, такъ какъ, сколько мнѣ известно, вамъ никогда не поручали въ высшей степени отвѣтственного дѣла воспитанія юношества.

— Совершенно вѣрно. Я счелъ бы святотатствомъ отвлечь умъ, способный къ высокимъ изслѣдованіямъ, къ болѣе низменному дѣлу. Вотъ почему я всегда сурово отвергалъ предлагаемыя мнѣ школьныя занятія.

— Напримѣръ? Какія же это занятія вамъ предлагали? — фыркнулъ Соммерли. Но лордъ Джонъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Я долженъ сказать,—вмѣшался онъ,—что мнѣ было бы обидно вернуться въ Лондонъ, не узнавъ больше, чѣмъ я знаю обѣ этой удивительной странѣ.

— Я не посмѣль бы войти въ редакцію и представить передъ лицомъ старика Мак-Арля,—поддержалъ я. (Вы мнѣ простите эту фамильярность?) Редакція не простила бы мнѣ, еслибъ я принесъ ей такія крохи свѣдѣній. Притомъ же, насколько я могу судить, вопросъ этотъ и бесполезно обсуждать, такъ какъ мы все равно не можемъ уйти отсюда, еслибъ и хотѣли.

— Нашъ юный другъ восполняетъ многіе пробѣлы своего образования извѣстной долей здраваго смысла,—замѣтилъ Чалленджеръ.—Интересы его убогой профессіи мы во вниманіе принимать не можемъ, но такъ какъ мы, дѣйствительно, не можемъ и уйти отсюда, то спорить, дѣйствительно, напрасная трата энергіи.

— А я говорю, что все другое—напрасная трата энергіи,—заторчалъ Соммерли.—Позвольте вамъ напомнить, что мы явились сюда съ совершенно опредѣленной миссіей — провѣрить утвержденія профессора Чаллендера—по порученію Зоологическаго Института въ Лондонѣ. Эти утвержденія, какъ я считаю долгомъ признать, оказались вполнѣ достовѣрными. Слѣдовательно, задача наша выполнена. Что же до деталей работы, которую надлежитъ выполнить на этомъ плато, она такъ огромна, что выполнить ее могла бы надѣяться только большая экспедиція, специально экипированная. Если же мы возвьемся за нее сами, единственныи возможный результатъ будетъ тотъ, что мы вовсе не вернемся и не сдѣлаемъ въ наукѣ того, уже весьма значительного вклада, который мы и сейчасъ можемъ сдѣлать. Профессоръ Чалленджеръ нашелъ способъ всѣхъ насы доставить на это плато, казавшееся недоступнымъ: я полагаю, что и теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ нему съ просьбой обнаружить ту же блестящую изобрѣтательность въ доставленіи насы обратно въ тотъ міръ, откуда мы пришли.

Созналось, теперь, когда Соммерли изложилъ ясно свою точку зренія, она показалась мнѣ вполнѣ разумной. Даже Чалленджеръ былъ смущенъ тѣмъ доводомъ, что, если онъ не возвратится, враги его такъ и не будутъ посрамлены.

— Проблема выхода отсюда кажется, на первый взглядъ неразрѣшимой,—началъ онъ,—но я не сомнѣваюсь, что, при надлежащемъ напряженіи ума, разрѣшить ее возможно. Я готовъ согласиться съ моимъ коллегой, что продолжительное пребываніе на Землѣ Мэпль-Уайта въ настоящее время не цѣлесообразно и что скоро передъ нами встанетъ вопросъ

о возвращеніи къ цивилизациі. Но, все же, я наотрѣзъ отказываюсь уйти отсюда, пока мы не получимъ хотя бы поверхностнаго представленія обо всей этой странѣ и че составимъ хотя бы грубой карты ея.

Соммерли нетерпѣливо фыркнулъ.

— Мы потратили уже два дня на изслѣдованія и о географіи ея знаемъ не больше, чѣмъ въ первый день. Очевидно, все плато густо заросло лѣсомъ, и нужны мѣсяцы, чтобы пройти его и установить сношеніе одной части къ другой. Будь здѣсь хоть одинъ центральный пикъ, тогда другое дѣло; но тутъ, куда ни пойдешь,—все скаты. Чѣмъ дальше мы зайдемъ, тѣмъ меньше у насъ будетъ надежды увидѣть общую картину плато.

И вотъ въ этотъ-то моментъ меня и осѣнило вдохновеніе. Случайно я взглянулъ на огромное, суковатое дерево, джинсъ, раскинувшее надѣль нами свои вѣтви. Если стволъ его толще всѣхъ другихъ стволовъ, то, ужъ, навѣрное и вѣшина должно быть соотвѣтствующая. И, если край плато есть высшая точка его, отъ которой оно идетъ, все поникаясь, внутрь, то почему бы не использовать это гигантское дерево въ качествѣ сторожевой башни, съ которой видно все вокругъ. Я съ дѣтства славился по всей Ирландіи своимъ умѣніемъ лазить по деревьямъ. Моя товарищи, можетъ быть, и лучшіе альпинисты, чѣмъ я, но въ этомъ ужъ никто изъ нихъ не превзойдетъ меня. Только бы стать на нижнюю вѣтку, а тамъ ужъ я доберусь до вершины. Товарищи пришли въ восторгъ отъ этой мысли.

— Нашъ юный другъ,—говорилъ Чалленджеръ, надувая свои румяные щеки,—несомнѣнно способенъ на акробатическія упражненія, недоступныя человѣку болѣе солидной, хотя, можетъ быть, и болѣе внушительной внѣшности. Я вполнѣ одобряю его намѣреніе.

— Клянусь Св. Георгіемъ, юноша, вы попали въ самую точку,—говорилъ лордъ Джонъ, хлопая меня по плечу.—И какъ это намъ раньше не пришло въ голову. Теперь осталось не больше часа до сумерокъ, но, все же, если вы захватите съ собой записную книжку, вы можете, въ общихъ чертахъ, сдѣлать набросокъ мѣстности. Давайте поставимъ три ящика, одинъ на другой, я подниму васъ—и айда.

Онъ уже влѣзъ на ящики и осторожно поднималъ меня, когда Чалленджеръ сзади такъ поддалъ мнѣ въ спину ладонью, что я моментально очутился на деревѣ. Я уцѣпился обѣими руками за толстый сукъ и скоро нашелъ опору для ногъ. Надѣ головой моей были три отличныхъ сука, точно три высокихъ ступени лѣстницы, а между мной и ими множество надежныхъ вѣтвей, и я карабкался съ такою быстрой, что скоро потерялъ изъ виду землю и видѣлъ подъ собой только вѣтки. Временами трудно было лѣзть, но въ общемъ, я двигался быстро, и громкій голосъ Чаллендера казалось, доносился издали. И, все же, дерево было такъ огромно, что просвѣта и надѣль собою я еще не видѣлъ. На сукѣ, по которому я карабкался, было впереди что-то вродѣ нароста. Я нагнулся, чтобы снизу посмотретьъ, что это такое—и едва не свалился съ дерева отъ изумленія и ужаса.

На разстояніі какихъ-нибудь одного-двухъ футовъ, на меня смотрѣло человѣческое лицо. Существо, которому оно принадлежало, скорчилось за наростомъ и подняло голову одновременно со мной. Я назвалъ это лицо человѣческимъ — во всякомъ случаѣ, я еще не видѣлъ обезьяны, у которой лицо было бы такъ похоже на человѣческое. Оно было длинное, блесковатое, усѣянное прыщами, съ приплюснутымъ носомъ, съ выдавшейся впередъ нижней челюстью, съ щетинистой бородой, росшей низко на подбородкѣ. Глаза, смотрѣвшіе изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей, были по звѣриному свирѣпы, и, когда невѣдомое существо открыло ротъ и заторчало на меня, словно сердито выругавшись себѣ подъ носъ, я замѣтилъ, что у него кривые и острые собачьи зубы. Злые глаза свѣтились ненавистью и угрозой. Но выраженіе это мгновенно смѣнилось выраженіемъ безум-

наго страха,—и существо нырнуло вниз, в зеленую сень перепутанных ветвей. Я мельком увидел красное, волосатое тело, словно у рыжей сини—и затем неведомое существо скрылось из виду.

— В чем дило?—кричал снизу Рокстон.—Какаянибудь быва стряслась?

— Вы видели?—кричал я ему, цепляясь за ветку и весь дрожа от волнения.

— Мы слышали порох, как будто у вас нога скользнула. В чем дило?

Я был так взволнован и потрясен этим нежданным появлением человека-обезьяны, что уже готов был слезть обратно, чтобы рассказать о нем моим товарищам. Но большая часть дороги была уже сделана, и обидно было бы вернуться, не выполнив своей задачи.

...На расстоянии каких-нибудь одного-двух футов, на меня смотрело человеческое лицо... Злые глаза свелись ненавистью и угрозой...

И, потому, после долгой передышки, собравшись с духом и с силами я продолжал лазить дальше. Один раз я нечаянно ступил на гнилой сук и в продолжение нескольких секунд висел только на руках, но в общем все шло довольно гладко. Постепенно листья наверху рвались, и судя по ветру, дувшему мне прямо в лицо, я был уже выше вершин всех деревьев леса. Но я рвалась не глядя по сторонам, пока не доберусь до высшей точки наблюдения, и продолжала карабкаться, пока ветви не стали гнуться под мою тяжестью. Тут я уселись поудобнее, выбрав разноенную ветку, и, покачиваясь, стала разглядывать удивительнейшую картину, раскинувшуюся передо миими глазами.

Солнце стояло над самым горизонтом; вечер был изумительно ясный и прозрачный, и все плато было передо мной, как на ладони. Отсюда оно представлялось мне овальным, миль тридцать в ширину, и миль двадцать в длину. Оно походило на неглубокую воронку, все стороны которой спускались к большому озеру в центр. Озеро это могло иметь в окружности миль десять; оно было зеленоватое и очень красивое, с густою каймой тростников; в несколько местах, на поверхности воды выступали желтые песчаные отмели, блестевшие, как золотые, при свете заката. По краям этих песчаных отмелей, лежали, въ

большом количестве, какие-то длинные темные предметы, слишком большие, чтобы их можно было принять за крокодилов, и слишком длинные, чтобы счесть их лодками. В бинокль мне было ясно видно, что они—живые, но что это такое, я все-таки сообразить не мог.

С того края плато, на котором находились мы, к центральному озеру спускались лесистые уклоны, лишь местами прерываемые прогалинами. У ног моих лежала «просека игуанодонов»; дальше круглый просвет между деревьями обозначал собой то место, где находилось болото штеродактилей. Но с той стороны, которая лежала против меня, плато имело совсмь иной вид. Там, за лесистым склоном, тянулся ряд базальтовых утесов, точно таких же, как и на краю плато, образуя гряду вышиною футов в двести, и у подножия этих красноватых утесов я разглядел в бинокль много темных отверстий, которые, по моим догадкам, были устьями пещер. В одном таком отверстии было блеск и поблескивало, но я не мог разобрать, что это такое. Пока солнце не зашло, я сидел наверху и наносил на карту все подмеченные мною. Когда же таки стемнело, что я уже не мог различать деталей, я слез с дерева и присоединился к моим спутникам, с кем погружавшимся меня у подножия дерева. На этот раз я был героям. Я сам придумал это сам и выполнил; и теперь в руках у меня была карта, которая могла заменить нам месье блужданий среди неведомых опасностей. Один за другим, мои товарищи подходили и торжественно жали мне руку. Но, прежде чем приступить к обсуждению карты в деталях, я счел долгом разъяснить им о моей встрече с человеком-обезьянкой.

— Он все время сидел там.

— Откуда вы это знаете?—спросил лорд Джон.

— У меня все время было такое ощущение, что чей-то недобрый взор слежит за нами. Я, ведь, говорил вам, профессор Чалленджер.

— Наш юный друг, несомненно, говорил нечто подобное. Он единственный из нас одарен свойственной кельтам восприимчивостью к такого рода впечатлениям.

— Вся теория телепатии...—началь было Сомерли, набивая трубку.

— Слишком обширна, чтобы обсуждать ее сейчас,—решительно прервав его Чалленджер.—Скажите мне лучше,—обратился он ко мне с видом епископа, экзаменующего ученика воскресной школы,—не случилось ли вам замытить—может это существо пригнуть свой большой палец к ладони?

— Право, нет.

— Есть у него хвост?

— Нет, хвоста нету.

— Может он пытаться пальцами ног за ветви?

— Мне кажется, если этого не было, он не мог бы так быстро спуститься с дерева.

— В Южной Америке,—если память не изменяет мне—взражать будете потом, профессор Сомерли,—насчитывается до 36 пород обезьян, но человекоподобная обезьяна здесь неизвестна. Ясно, однако же, что она существует в этой стране и что она не тождественна с волосатой гориллой, которая встречается исключительно в Африке и, вообще, на Востоке. (Я взглянул на него в эту минуту и чуть было не сказал, что близкие родственники гориллы встречаются и в Европе).—Большинство кожек указывает, что эта порода обезьян живет не на севере, а в листьях деревьев. Вопрос в том, к чему она ближе: к обезьянам, или к человеку. В послднем случае, весьма возможно, что это—так называемое «недостающее звено». Прежде всего, мы обязаны разрешить этот вопрос.

— Ничего подобного!—резко возразил профессор

Соммерли.—Теперь, когда благодаря уму и энергии м-ра Мэллона (я не вправе вычеркнуть эти слова) у нас есть карта местности, наша долгая и непосредственная задача наша—постараться благополучно выбраться из этого проклятого места.

— Немногим же вы довольствуетесь,—проворчал Чалленджеръ.

— Наше дело дать отчет о виденном и предоставить дальнейшее исследование другим. В этом все мы согласились еще до того, как м-р Мэлонъ принес нам карту.

— Хорошо,—сказал Чалленджеръ,—я признаю, что на душу и у меня станет спокойнее, когда я буду уверять, что результаты нашей экспедиции не пропадут даромъ. Но какъ выбраться отсюда,—этого я себя пока не представляю. Однако же, донынѣ я еще не встремлялся задачи, съ которой не могъ бы справиться мой деятельный умъ. И я обѣщаю вамъ съ завтрашняго же дня посвятить свое внимание разрешенію этого вопроса.

Больше мы этого вопроса не затрагивали и весь остаток вечера, при свѣтѣ костра и единственной свѣчи, посвятили составленію первой карты погибшаго мѣра,—нанесенію на нее всѣхъ деталей, грубо намѣченныхъ мной съ моей сторожевой башни. Съ карандашемъ въ руки, Чалленджеръ задумался надъ болѣшимъ пустынѣ мѣстомъ, обозначавшимъ собой центральное озеро.

— Какъ же намъ назвать его?

— Почему бы вамъ не воспользоваться случаемъ увѣковѣчить собственное имя?—съ обычной ядовитостью освѣдомился Соммерли.

— Смѣю думать, сэръ, что мое имя и безъ этого сохраниится въ потомствѣ,—строго отвѣтил Чалленджеръ.—Всякий невѣжда можетъ увѣковѣчить свою, ничего не стоящую, память, навязавъ свое имя горѣ, или рѣкѣ. Я въ такихъ памятникахъ не нуждаюсь.

Соммерли, криво усмѣхнувшись, готовъ былъ уже спо-ва напасть на него, но лордъ Джонъ поспѣшилъ встутился.

— Окрестить это озеро надлежитъ нашему юношѣ. Онъ первый увидѣлъ его и, клянусь св. Георгиемъ, имѣть полное право назвать его «Озеромъ Мэлонъ».

— Несомнѣнно. Пусть напиши юный другъ дастъ ему имя.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я, краснѣя,—если позволите, я назову его «Озеромъ Глѣдисъ».

— А вамъ не кажется, что Центральное Озеро было бы лучше?—замѣтилъ Соммерли.

— Я предпочитаю Озеро Глѣдисъ.

Чалленджеръ бросилъ на меня сочувственный взглядъ и покачалъ головою, насыщенно и неодобрительно.—Мальчишки всегда останутся мальчишками. Пусть будетъ Озеро Глѣдисъ.

Глава XII.

„Въ лѣсу было страшно“.

Я, кажется, говорилъ уже,—а, можетъ быть, и не говорилъ, такъ какъ въ послѣднее время я что-то сталъ все забывать,—что изъ явленія призательности моихъ спутниковъ, восхвалявшихъ меня за то, что я выручилъ ихъ, преисполнили меня гордостью. Я былъ младшій изъ всѣхъ насъ, не только годами, но и опытомъ, знаніями, силой характера, и, естественно, что съ самаго начала, я былъ въ тѣни. И вдругъ теперь выдвинулся на первый планъ. Какъ тутъ было не возгордиться? Но, увы! гордыня всегда ведетъ къ паденію. Послѣ такой удачи я преисполнился самоувѣренности и это въ ту же ночь толкнуло меня на такое приключеніе, какого я не пожелаю и злѣйшему моему врагу, закончившееся ударомъ, о которомъ жутко даже вспомнить.

Вышло это такъ. Исторія съ лазаньемъ на дерево и обезьяной взвинтила меня, и уснуть я не могъ. Соммерли дежурилъ, скочившись у небольшого костра, такой чудной, костлявой; винтовку онъ зажалъ между колѣнами и его

остроконечная, козлиная бородка качалась каждый разъ, когда онъ, отъ усталости, начиналъ дремать. Лордъ Джонъ спалъ, закутавшись въ южно-американскій плащъ, *пунчо*, которымъ онъ всегда укрывался; Чалленджеръ хралъ такъ, что храпъ его перекатывался по всему лѣсу. Полная луна свѣтила ярко; ночной холодъ щипалъ шеки. Что за ночь для прогулки. И вдругъ мнѣ пришло на умъ:—А почему бы и неѣть? Что, если я незамѣтно выскользну изъ лагеря, дойду до центрального озера и къ завтрашнему отчету? Не будетъ ли это еще болѣе цѣнной услугой моимъ товарищамъ и спутникамъ? По крайней мѣрѣ, если Соммерли настоитъ на своемъ и мы придумаемъ способъ вернуться обратно, тайна центра плато, все таки, будетъ открыта и открыта благодаря мнѣ. Я одинъ проникну туда, гдѣ до меня еще не ступала нога человѣка. Я подумалъ о Глѣдисѣ, объ ея преклоненіи передъ героями,—о Макѣ-Ардлѣ. Вотъ-то будетъ статья для нашей газеты—въ цѣлыхъ три столбца! Ужъ послѣ этого, я, навѣрное, сдѣлаю карьеру, и меня въ первую же ближайшую войну пошлютъ корреспондентомъ на театръ военныхъ дѣйствій. Я схватилъ ружье—карманы мои были полны патроновъ—и, раздвинувъ колючую изгородь, неслышно выскользнулъ изъ лагеря. Соммерли, побѣжденный дремотой, продолжалъ кивать головою, словно игрушечный китаецъ, у догоравшаго костра.

Не сдѣлалъ я и ста шаговъ, какъ уже раскался въ своемъ необдуманномъ решеніи. Помнится, я уже говорилъ, что у меня слишкомъ сильно развито воображеніе, и это мѣшаетъ мнѣ быть действительно мужественнымъ; но въ то же время я безумно боюсь быть смѣшнымъ. Эта-то боязнь стати смѣшнымъ въ глазахъ товарищей и гнала меня впередъ. Я прямо таки не въ состояніи былъ вернуться съ пустыми руками. Еслибы даже товарищи не хватились меня и не узнали бы о моемъ малодушствѣ, мнѣ все-таки было бы невыразимо стыдно передъ самимъ собой. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лѣсу ночью мнѣ было жутко до нѣльзя, и я отдалъ бы все, что имѣю, за то, чтобы благополучно очутиться снова въ лагерѣ.

Въ лѣсу было страшно. Деревья росли такъ густо, такъ развѣисты были ихъ вѣтви, что я не видѣлъ лунного свѣта; лишь мѣстами сквозь узоръ вѣтвей, виднѣлось звѣздное небо. Когда глаза мои привыкли къ темнотѣ, я стала различать, что не всюду подъ деревьями было одинаково темно—мѣстами я смутно различалъ очертанія стволовъ, мѣстами же были какіе-то черные провалы, словно устья пещеръ, отъ которыхъ я съ ужасомъ отшатывался, проходя мимо. Мнѣ вспомнился отчаянный вопль растерзанного игуанодона—этотъ страшный вопль, разнесшійся по лѣсу. Вспомнилось, какъ лордъ Джонъ ткнулъ горящей головней въ окровавленную бородавчатую морду. Вѣдь, и сейчасъ я иду какъ разъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оно охотится. Каждую минуту оно можетъ выскочить изъ мрака и ринуться на меня—это страшное чудовище, у котораго нѣтъ имени.

Я остановился, вынувъ изъ кармана патронъ, и стала заряжать ружье. Но взвѣль курокъ и ахнуль—вспыхахъ я захватилъ не винтовку, а ружье малаго калибра, для мелкаго зѣбра.

Снова мнѣ захотѣлось вернуться. Вѣдь поводъ вполнѣ основательный—тутъ ужъ никто не осудить меня. И снова глупая ребяческая гордость не позволила мнѣ этого сдѣлать. Въ сущности, вѣдь и отъ винтовки съ такимъ врагомъ было бы мало проку. Если вернуться только съ тѣмъ, чтобы перемѣнить ружье, трудно надѣяться, чтобы мнѣ удалось войти и снова уйти незамѣченнымъ. Пришло бы объяснить въ чёмъ дѣло, и тогда это уже не было бы моему единоличной попыткой. Помедливъ немножко, я набрался храбрости, подвинтилъ себя и пошелъ дальше, держа подъ мышкой бесполезное ружье.

Жутко и тревожно было въ лѣсной темнотѣ, но еще тре-

вожнѣе, пожалуй, на бѣлыхъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ полянахъ. Спрятавшись въ кустахъ, я приглядѣлся, прежде чѣмъ выйти на свѣтъ. Ни одного игуанодона не было видно. Быть можетъ, давешняя трагедія прогнала ихъ съ обычнаго ихъ пастища. Въ серебристомъ туманѣ не замѣтно было никакихъ признаковъ жизни. Собравшись съ духомъ я быстро перебѣжалъ черезъ нес и на той сторонѣ сразу нашелъ ручей, который былъ моимъ проводникомъ. Это былъ пріятный спутникъ, весело журчавшій—ни дать ни взять нашъ милый ручеекъ, въ которомъ я въ дѣствѣ удилъ форелей. Эта ручей непремѣнно приведетъ меня къ озеру и поможетъ мнѣ вернуться обратно въ лагерь, не сбившись съ дороги. Нерѣдко, я терялъ его изъ виду, продираясь сквозь густые кусты, росшіе на берегу, но все время слышалъ его плескъ и журчанье.

По мѣрѣ того, какъ я спускался по уклону, деревья становились рѣже и, наконецъ, смѣнились кустарникомъ. Тутъ было легче ити и можно было видѣть, не будучи видимымъ. Я прошелъ совсѣмъ близко отъ болота птеродактилей, и, должно быть, слугнулъ одного изъ нихъ, такъ какъ совсѣмъ по близости раздался характерный сухой трескъ крыльевъ, и одинъ изъ нихъ—по крайней мѣрѣ, двадцати футовъ въ длину—взмылъ въверху, на мигъ заслонивъ развернутыми крыльями луну. Перепончатыя крылья его на свѣту казались прозрачными и весь птеродактиль—какимъ-то летучимъ скелетомъ. Я пригнулся къ самой землѣ, зная по опыту что достаточно одного предостерегающаго крика птеродактилей, чтобы на меня накинулась цѣлая сотня этихъ мерзкихъ тварей. Только, когда онъ вновь усѣлся на дерево, я рискнулъ продолжать свой путь.

Ночь была на рѣдкость тихая, но постепенно я сталъ различать какой-то глухой и непрерывный звукъ, словно шепотъ, который, чѣмъ дальше, тѣмъ отчетливѣй былъ слышенъ. Похоже было, какъ будто вода кишит и булькаетъ въ большомъ горшкѣ. Вскорѣ я напалъ и на источникъ шума—на небольшой полянкѣ передо мной открылось озеро вѣрнѣе, лужа—не больше обыкновенного бассейна у фонтана—полная какой-то черной жидкости, похожей на смолу, поверхность которой все время поднималась и опадала, покрывалась пузырьками газа. Воздухъ надъ этой лужей весь сверкалъ отъ зноя и земля кругомъ была такъ горяча, что рука съ трудомъ выдерживала. Очевидно, вулканическія силы, нѣкогда поднявши надъ землей это плато, и сейчасъ еще не перестали дѣйствовать. Я и раньше замѣчалъ обожженные камни и кучи лавы, выглядывавшія изъ-подъ пышной растительности, но это озеро кипящаго асфальта было первымъ признакомъ актуальной дѣятельности бывшаго кратера. Однако, разглядывать его мнѣ было некогда; надо было торопиться, чтобы къ завтрау вернуться обратно въ лагерь.

Прогулка была не изъ пріятныхъ, и я до самой смерти не забуду ея. Когда по пути попадались озаренные луной поляны, я обходилъ ихъ, крадучись, переходя же снова въ чащу лѣса, замиралъ отъ страха каждый разъ, какъ слышалъ трескъ сучьевъ—знакъ близости какого-нибудь лѣснаго звѣря. Отъ времени до времени передо мной мелькали тѣни—огромныя и безшумныя, словно съ подушками на ногахъ. Не разъ я готовъ былъ повернуть обратно, но гордость побѣждала страхъ, и я шелъ дальше и дальше.

Наконецъ (часы мои показывали ровно часъ утра), въ просвѣтѣ между деревьями впереди заблестѣла вода; и минутъ десять спустя я былъ ужъ въ тростникахъ, окаймлявшихъ центральное озеро. Во рту у меня совсѣмъ пересохло отъ долгой ходьбы; я легъничкомъ и съ наслажденiemъ напился свѣжей, холодной воды. Къ тому мѣсту, куда я вышелъ, была протоптана широкая дорога со множествомъ разныхъ слѣдовъ—очевидно, это было мѣсто водопоя многихъ животныхъ. У самой воды высилась отдельная боль-

шая глыба лавы. Я вскарабкался на нее и, лежа на верхушкѣ ея, могъ отлично видѣть во всѣ стороны.

Первое, что я увидѣлъ, чрезвычайно изумило меня. Описывая, что я видѣлъ съ вершины дерева джигико, я уже говорилъ, что на дальнѣй, утесистой сторонѣ плато я видѣлъ много темныхъ пятенъ, которыя показались мнѣ устьями пещеръ. Теперь же, глядя на эти утесы, я отчетливо видѣлъ по всѣмъ направлѣніямъ свѣтовые диски, красноватые, рѣзко очерченные, словно пушечные борты корабля, корпусъ котораго скрытъ мракомъ. Въ первый моментъ я подумалъ, что это раскаленная лава отъ недавнаго изверженія—но какъ же могла бы лава подняться такъ высоко? А, если не лава, тогда что же это такое? Остается только предположить, что красноватые диски—отраженія огней, зажженныхъ у входовъ пещеры—огней, которые могли быть зажжены только рукой человѣка. Это было изумительно-необычайно—и въ то же время это не могло быть ничѣмъ инымъ. Слѣдовательно, на плато были люди. Какіе, однако блестящіе результаты дастъ моя единоличная развѣдка. Съ такими новостями не стыдно показаться и въ Лондонѣ.

Долго я лежалъ такъ, слѣдя за красными, вздрагивающими пятнами свѣта. Отъ меня до нихъ было, должно быть, миль десять, но даже и на этомъ разстояніи можно было замѣтить, что временами они тускнѣли, какъ будто кто-то проходя мимо, заслонялъ ихъ. Чего бы я не даль, чѣмъ подкрасться туда, заглянуть хоть однимъ глазкомъ въ пещеры и принести моимъ товарищамъ вѣсть о внѣшнемъ видѣ и обычаяхъ расы, обитавшей въ такомъ странномъ мѣстѣ. Сейчасъ обѣ этомъ ничего было и думать, но не можемъ же мы уйти съ плато, не выяснивъ себѣ въ точности этого вопроса.

На одной изъ песчанныхъ отмелей показался какъ будто огромный лебедь съ неуклюжимъ тѣломъ и длинной гибкой шеей...

Озеро Глэдисъ—мое собственное озеро—серебрилось предо мною, и яркая луна отражалась въ центрѣ его. Было оно, повидимому, неглубокое, такъ какъ во многихъ мѣстахъ изъ воды выдигались песчаныя отмели. Было, на спокойной поверхности его виднѣлись признаки жизни,—то поднимается

рябь и разбьются круги по водѣ; то сверкнетъ серебристы, чешуя большой рыбы, то мелькнетъ выгнутая, аспиднаго цвѣта, спина какого-нибудь водяного чудовища. Однѣ разы, на одной изъ песчаныхъ отмелей показался какъ будто огромный лебедь съ неуклюжимъ тѣломъ и длинной гибкой шеей. Потомъ онъ поплылъ, нырнулъ, и я большое ужъ не видѣлъ его.

Вниманіе мое скоро было отвлечено отъ далекаго и обращено на болѣе близкое, находившееся у самыхъ ногъ моихъ. Пара какихъ-то животныхъ, вродѣ большихъ армадиллосовъ (броненосцевъ) пришли напиться и усѣлись на заднихъ лапахъ, пригибая головы къ водѣ и лакая ее длинными красными языками. Рядомъ съ ними помѣстилась цѣлая семья оленей: самецъ, — великолѣпное, царственное животное съ пышно развѣтвляющимися рогами, самка и двое дѣтенышъ. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ на землѣ, навѣрное, нѣть уже больше такихъ оленей, — всѣ видѣніе мною не доходили бы этому и до плеча. Неожиданно, охъ фыркнуль и мгновенно исчезъ, вмѣстѣ со своею семьей, въ тростникахъ; армадиллосы тоже скрылись. По тропинкѣ приближался новый звѣрь — настоящее лѣсное чудище.

Въ первый моментъ я подивился — эта уродлива фи-
гура показалась мнѣ какъ будто знакомой, но гдѣ же я могъ видѣть эту выгнутую спину, поросшую трехугольной щетиной, эту странную птичью голову, пригнутую къ самой землѣ? Но потомъ я вспомнилъ. Это было стегозавръ — самое животное, которое зарисовалъ Мэпль-Уайтъ въ своемъ дорожномъ альбомѣ и которое сразу обратило на себя вниманіе Чалленджера. Такъ вотъ онъ какъ въ натурѣ! Земля тряслась подъ его страшной тяжестью, и онъ такъ громко хлебалъ воду, что звукъ этотъ разносился по всему лѣсу. Минутъ пять онъ былъ такъ близко отъ меня, что мнѣ достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться отвратительной щетины на его спинѣ. Потомъ, грузно ступая, отошелъ и скрылся между большими камнями.

Я взглянула на часы — была уже половина третьего — пора и въ обратный путь. Сообразить, въ какую сторону идти, было нетрудно, такъ какъ моимъ вожатымъ былъ ручей, впадавшій въ центральное озеро: до сихъ поръ онъ былъ по лѣвую мою руку — значитъ, теперь будешь по правую. Я отдохнула и весело зашагала назадъ, зная, что несъ моимъ товарищамъ интересныя новости, — главное, разумѣется, о пещерахъ, и пещерныхъ жителяхъ. Но и то уже было важно, что теперь я своими глазами видѣла центральное озеро и могъ засвидѣтельствовать, что и на немъ обитаютъ странныя, не свойственныя землѣ созданія, такія формы первобытной жизни, какихъ мы раньше не встрѣчали. Немногимъ людямъ доводилось провести такъ странно ночь и такъ много за одну ночь прибавить къ человѣческому знанію.

Думая объ этомъ, я прошѣлъ ужъ половину дороги назадъ, какъ вдругъ странный шумъ позади меня вернулся мои мысли къ тревогамъ настоящей минуты. Это было что-то среднее между фырканьемъ и ворчаньемъ, глухимъ, басистымъ, угрожающимъ. Очевидно возлѣ меня кто-то есть, но, оглянувшись, я никого не разглядѣлъ и ускорилъ шаги. Пройдя около полумили, я снова услыхала тотъ же звукъ, опять-таки позади себя, но уже болѣе громкій, и еще болѣе угрожающій. Сердце мое замерло отъ страха, кожа похолодѣла и волосы ветали дыбомъ при мысли, что звѣрь, очевидно, гонится за мной. Что такія чудовища разрываютъ другъ друга въ куски — это было естественнымъ результатомъ борьбы за существованіе, но чтобы они охотились на человѣка, да еще цивилизованнаго — съ этимъ трудно было примириться. Передо мной встала страшнѣмъ видѣніемъ окровавленная морда чудовища, прогнаннаго горящую головой тамъ, на прогалинѣ, — и колѣни мои подогнулись. Я остановился и вперилъ взоръ въ освѣщенную луною тропинку позади. Все было спокойно; все кругомъ будто спало. Серебристые просвѣты и темныя пятна кустовъ — больше я ничего не

видѣлъ. Но вотъ, среди безмолвія лѣса и ночи, неотступный и грозный, снова раздался тотъ же звукъ, низкій, гортанный, еще громче, еще ближе. Теперь уже не могло быть сомнѣній. Какой-то страшный звѣрь идетъ за мною и съ каждой минутой настигаетъ меня.

Ошеломленный, не въ силахъ двинуться, я стоялъ и смотрѣлъ на пройденную мною тропинку. И вдругъ, увидавъ его. Отъ кустовъ на дальнемъ концѣ прогалины, черезъ которую я только что перепѣль, отдѣлилась большая темная тѣнь и выпрыгнула на свѣтъ. Я умышленно сказалъ: выпрыгнула, такъ какъ животное это не шагало, а прыгало, на манеръ кенгуру, на могучихъ заднихъ лапахъ, держа переднія согнутыми передъ собою. Росту оно было огромнаго, словно слонъ, поставленный на заднія лапы, но, несмотря на громоздкое тѣло, движенія его были проворны и быстры. Въ первый моментъ, мнѣ показалось что это игуанодонъ, и я обрадовался, такъ какъ уже убѣдился, что игуанодоны безвредны, но вскорѣ увидѣлъ, что это звѣрь совсѣмъ иного сорта. Вмѣсто кроткой, суженой къ концу, оленьей морды, у этого звѣря морда была широкая, почти четырехугольная, жабья, какъ у того, который такъ напугалъ насъ давеча ночью. Теперь я зналъ уже, что это плотоядный динозавръ — одно изъ самыхъ свирѣпыхъ и опасныхъ животныхъ, когда-либо ходившихъ по землѣ. Прыгнувъ, животное тотчасъ опускалось на всѣ четыре лапы и припадало носомъ къ землѣ — обнюхивая мои слѣды. Иной разъ оно не сразу находило слѣдъ, но все-таки, въ концѣ концовъ, находило его и быстро скакало дальше по тропинкѣ, пройденной мною.

Даже теперь, когда я вспоминаю эту погоню, у меня холодный потъ выступаетъ на лбу. Что мнѣ было дѣлать? Въ рукахъ у меня было ружье, но оно было бессильно противъ такого врага. Я озирался въ отчаяніи, ища какого-нибудь камня, или дерева, за которымъ укрыться, но въ виду были только тоненькия молодыя деревца, которыхъ я зналъ, мой преслѣдователь безъ труда вырвѣть съ корнемъ, какъ траву. Единственное мое спасеніе было въ бѣгствѣ. По лѣсу, черезъ кочки и пни я быстро бѣжалъ не могъ, но, оглянувшись, я замѣтилъ идущую впереди довольно широкую и хорошо утоптанную тропинку. Бѣгать я былъ мастеръ, и на такомъ грунѣ, пожалуй, звѣрь и не догонитъ меня. Швырнувшись отъ себя прочь обременительное и бесполезное ружье, я помчался такъ, какъ никогда еще не бѣгалъ. Всѣ нервы мои были напряжены, грудь тяжело вздыхалась, мнѣ казалось: вотъ-вотъ она лопнетъ отъ напряженія и недостатка воздуха — но позади меня былъ такой кошмаръ, что я несся стрѣлой. Когда я, наконецъ, задохнувшись, остановился, чтобы перевести духъ, мнѣ показалось, что звѣрь потерялъ мой слѣдъ. На тропинкѣ позади меня все было тихо. Но затѣмъ, неожиданно, снова донесся топотъ и тяжелое дыханіе моего преслѣдователя. Онъ бѣжалъ за мною по пятамъ. Я погибъ.

Что за безуміе было такъ долго топтаться на одномъ мѣстѣ, прежде чѣмъ броситься бѣжать! До тѣхъ поръ онъ шелъ по слѣду, отыскивая его чутью и потому не быстро. Теперь же, когда онъ увидѣлъ меня, онъ просто бѣжалъ по той же тропинкѣ, по какой и я. Вотъ ужъ онъ выпрыгнулъ на свѣтъ — огромный, страшный, чудовищный. Я отчетливо видѣлъ его большие выпученные глаза, рядъ огромныхъ зубовъ и блестящіе когти на могучихъ переднихъ лапахъ. Съ крикомъ ужаса я повернулся и кинулъ бѣжать дальше по тропинкѣ. Тяжелое прерывистое дыханіе звѣря за мною доносилось все громче. Его тяжелый топотъ раздавался уже совсѣмъ близко. Вотъ-вотъ его когтистая лапа схватить меня за плечо. И вдругъ что-то хрустнуло — и я почувствовалъ, что падаю, лечу куда-то внизъ. И вокругъ меня все вдругъ стало тихо и темно.

Когда я вышелъ изъ безсознательного состоянія — въ которомъ пробылъ, вѣроятно, нѣсколько минутъ — меня пре-

жде всего поразил ужасный и необычайно сильный запах. В темноте я нашупал рукой как-будто большой кусок говядины, другой рукой наткнулся на большую кость? Надо мною виделся кружок звездного неба—очевидно, я лежал на дне глубокой ямы. Медленно я поднялся на ноги и стал ощупывать себя. Все тело мое болело и ныло, но все было цели—ни руки, ни ноги, не сломаны и не вывихнуты при падении. В голове все путалось, мозг плохо работал. Вспомнив, при каких обстоятельствах я попал в эту яму, я со страхом поднял глаза, ожидая увидеть на бледном фоне неба темный силуэт страшной головы чудовища. Но ничего не увидел, и никаких звуков сверху ко мне не доносилось. Я начал, неторопливо обходить странное место, где я так же неожиданно очутился, на благо себе, и ощущать его стени.

Какъ уже сказано, это была яма, съ крутыми, почти отвесными стѣнами и ровнымъ дномъ, футовъ въ двадцать въ диаметрѣ. Все это дно было завалено кусками отвратительно зловоннаго, гниющаго мяса. Воздухъ здѣсь былъ отравленный, ужасный. Скользя и спотыкаясь, обѣ эти вонючие куски, я неожиданно наткнулся на что-то твердое, оказавшееся столбомъ, крѣпко вбитымъ посрединѣ ямы. Столбъ этотъ былъ такъ высокъ, что я не могъ достать рукой его верхушки, и, повидимому, смазанъ жиромъ.

Мнѣ вдругъ пришло на умъ, что въ карманѣ у меня лежитъ коробка восковыхъ сничекъ. Чиркнувъ одной изъ нихъ, я сразу составилъ себѣ болѣе ясное представление о мѣстѣ, где я находился. Это была западня, капканъ—несомнѣнно приготовленный рукою человека. Столбъ посрединѣ, заостренный сверху, саженъ въ три вышины, былъ черенъ отъ загнившей крови животныхъ, пронзенныхъ имъ, въ то время, какъ они лежали въ низъ. Куски гниющаго мяса были останками жертвъ, очевидно, разрѣзанныхъ на куски, чтобы очистить мѣсто на столбѣ для новыхъ. Мнѣ вспомнились слова Чалленджера, что на плато не можетъ быть людей, такъ какъ у нихъ нѣтъ оружія, чтобы справиться съ чудовищами, которыми оно кишитъ. Но теперь для меня было ясно, что человѣкъ все же измыслилъ способы бороться съ ними. Эти люди, кто-бы они ни были, въ своихъ узкогорлыхъ пещерахъ были въ безопасности отъ огромныхъ динозавровъ, которые не въ состояніи были пролѣтѣть туда, и болѣе развитой, чѣмъ у животныхъ, умъ ихъ научилъ изобрѣтать ловушки, въ которыхъ попадались и самые сильные враги ихъ изъ царства четвероногихъ. Видно, въ борьбѣ со звѣремъ, человѣкъ всегда останется побѣдителемъ.

Взбраться по стѣнѣ ямы наверхъ для привычного человѣка было дѣломъ нетруднымъ, но я долго колебался, прежде чѣмъ рискнуть вернуться во владѣнія страшного звѣря, которому я едва не попался въ лапы. Почемъ я зналъ, не спрятался ли онъ гдѣ-нибудь въ кустахъ, поджидая моего выхода. Подъ конецъ, однако, я набрался храбрости, припомнивъ одинъ разговоръ между Чалленджеромъ и Соммерли о динозаврахъ. Оба утверждали, что эти чудовища совершенно лишиены ума, что въ огромномъ черепѣ ихъ нѣтъ места мысли и что, если они исчезли съ лица земли—то только потому что, по глупости, не сумѣли приспособиться къ измѣнившимся условиимъ жизни.

Для того, чтобы сторожить мой выходъ, звѣрю надо было сперва догадаться и осмыслить, что со мной случилось, а это, въ свою очередь, предполагало наличность разума, способного связать послѣдствіе съ причиной. Гораадо вѣроятнѣе было предположить, что безмозглое животное, руководствующее единственно инстинктомъ, какъ только я исчезну, прекратитъ погоню за мной и, постоявъ немногого въ изумлении, уйдетъ въ другое мѣсто, искать другой добычи. Добравшись до края ямы, я высунулъ голову и осмотрѣлся. Звѣзды уже гасли; небо поблѣдѣло; холодный предутренний вѣтеръ такъ пріятно обвѣвалъ лицо. Врага моего было не видно и не слышно. Я неторопливо вылѣзъ и стоялъ на краю ямы,

готовый снова прыгнуть туда, при малѣйшемъ признакѣ опасности. Но, успокоенный абсолютной тишиной и наступлениемъ дня, я взялъ себѣ въ руки, набрался храбрости, и, крадучись, пошелъ обратно по тропинкѣ, которая привела меня къ ямѣ. Неподалеку оттуда я поднялъ свое ружье, валившееся на землѣ, и вскорѣ затѣмъ, услыхавъ плескъ ручья, который былъ моимъ вожатымъ. И, все время испуганно оглядываясь, направился домой.

Неожиданно, въ тихомъ, чистомъ утреннемъ воздухѣ гулко разнесся звукъ выстрѣла. Я насторожился—но выстрѣлъ не повторился. Что это значитъ? Какая опасность угрожаетъ моимъ товарищамъ?.. Но потомъ мнѣ пришло въ голову иное, болѣе простое объясненіе. На дворѣ уже былъ день, а меня нѣтъ. Мое отсутствіе, конечно, замѣчено. Они, навѣрно, вообразили, что я заблудился въ лѣсу, и вотъ дали выстрѣлъ, чтобы указать мнѣ направление въ лагерь. Правда, мы уговорились стрѣлять только въ крайнемъ случаѣ,—но, вѣдь, они могли подумать, что это и есть крайний случай, надо, значитъ, прибавить шагу и поскорѣй успокоить ихъ.

Я страшно усталъ и потому не могъ идти такъ скоро, какъ бы мнѣ хотѣлось; но мѣста начались уже знакомыя. Вотъ нальво отъ меня болото птеродактиль; а впереди просѣка игуанодоновъ. Одна только полоса деревьевъ отдѣляетъ меня отъ Форта Чалленджера. Я крикнулъ, что было силь, чтобы дать знать друзьямъ о своемъ приближеніи. Но отвѣта не было. Сердце мое скжалось тяжелымъ предчувствіемъ. Что то жуткое было въ этой тишинѣ. Я уже не шелъ, а бѣжалъ. Вотъ и наша колючая изгородь, такая же, какой я оставилъ ее, но ворота открыты настежь. Я кинулся внутрь. И, при свѣтѣ холодного, яснаго утра, глазамъ моимъ представилось страшное зрѣлище. Всѣ наши вещи въ беспорядкѣ раскиданы были по землѣ; товарищи мои исчезли, а возлѣ догоравшаго костра, на травѣ была красная лужа крови.

Я былъ такъ ошеломленъ этими неожиданными ударомъ, что, должно быть, на время утратилъ разсудокъ. Смутно помню, какъ помнятся дурные сны, что я бѣгалъ по лѣсу около лагеря, зовя моихъ товарищѣй. Но лѣсныя тѣни были безмолвны и не откликались на мой отчаянныи зовъ. Страшная мысль, что я, можетъ быть, никогда больше не увижу ихъ, что я одинокъ и покинутъ въ этой ужасной странѣ, откуда нѣтъ дороги обратно въ цивилизованный міръ, приводила меня въ отчаяніе. Только теперь я почувствовалъ, какъ мнѣ стали дороги мои товарищи и спутники, какъ я привыкъ полагаться на спокойную самоувѣренность Чалленджера, на властное, насыщенное спокойствіе и находчивость лорда Рокстона. Безъ нихъ я былъ, какъ заблудившійся ребенокъ во мракѣ, безпомощный и безсильный. И не зналъ, за что взяться, что предпринять.

Придя нѣсколько въ себя, я началъ думать и соображать, что за внезапное несчастье могло обрушиться на моихъ товарищѣй. Самое беспорядочное бѣгство ихъ изъ лагеря показывало что на нихъ напали врасплохъ, должно быть, именно тогда, когда я слышалъ выстрѣлъ. Выстрѣлъ былъ только одинъ—очевидно, борьба длилась не долго. Ружья все лежали на землѣ, и только у одного—у винтовки лорда Джона—не хватало патрона. У костра валялись одѣяла Соммерли и Чалленджера,—значитъ, они еще спали, когда произошло нападеніе. Банки и жестянки съ провизіей были раскиданы въ ужасающемъ беспорядкѣ, какъ и наши фотографические аппараты и пластиинки къ нимъ, но все было цѣло—ничего не пропало. Зато провизію, которая лежала на виду—а ея, помнится, было довольно много—унасели всю, безъ остатка. Значитъ, напали не люди, а животныя, потому что люди, ужъ, конечно, ничего не оставили бы за собой.

Но, если это были животныя, или хотя бы одинъ звѣрь, вродѣ того, который гнался за мной—что же стало съ моими бѣдными товарищами? Эти чудовища такъ свирѣпы, что

отъ нихъ могли остатся толькъ клочки, какъ отъ растерзаннаго игуанодона. Правда, о насилии говорила одна толькъ лужа крови на травѣ. Но эти чудовища такъ сильны, что имъ ничего не стоить унести свою жертву, какъ кошка уносить мышь. Если оно схватило только одного, разумѣется, другіе двое бросились за нимъ. Но тогда они захватили бы съ собою ружья. Чѣмъ больше я вдумывался въ это, напрягая свой усталый, измученный мозгъ, тѣмъ болѣе это казалось мнѣ необъяснимымъ. Я обшарилъ весь лѣсъ вблизи, но не могъ найти слѣдовъ пропавшихъ безъ вѣсти товарищей. Одинъ разъ я самъ заблудился и лишь счастливый случай, послѣ часа скитаній въ чащѣ, помогъ мнѣ набрести на лагерь.

Неожиданно, мнѣ пришла мысль, нѣсколько утѣшившая меня. Вѣдь я же не абсолютно одинокъ въ этомъ лѣсу.

Тамъ, внизу, у подножья скалы, ждѣть вѣрный Замбо. Если крикнуть, онъ отзовется. Я подошелъ къ краю плато и заглянулъ внизъ. Дѣйствительно, Замбо сидѣлъ у огня, закутанный въ одѣяло. Но, къ изумленію моему онъ былъ не одинъ. Напротивъ него сидѣлъ еще другой человѣкъ. Въ первый моментъ я безумно обрадовался—вообразивъ, что это кто-нибудь изъ двоихъ товарищей ухитрился спуститься внизъ. Но, приглядѣвшись, при свѣтѣ взошедшаго солнца, я увидѣлъ свою ошибку. То былъ индѣецъ. Я громко крикнулъ и замахалъ платкомъ. Замбо поднялъ голову, махнулъ рукой и началъ карабкаться на утесъ. Черезъ нѣсколько времени онъ уже стоялъ на вершинѣ и выслушивалъ съ глубокимъ огорченіемъ исторію исчезновенія моихъ товарищей.

— Это, навѣрно, дьяволъ унесъ ихъ, масса Мэлонъ. Вы попали въ страну злого духа, сэръ, и онъ всѣхъ вѣсъ утащилъ къ себѣ. Послушайтесь моего совѣта, масса Мэлонъ, и спускайтесь скорѣе, пока онъ не добрался до васъ.

— Какъ же я могу спуститься, Замбо?

— Нарвите съ деревьевъ побольше ліанъ, масса Мэлонъ. Перебросьте ихъ сюда. Я привяжу ихъ къ дереву, и у васъ будетъ мостъ.

Мы думали обѣ этомъ. Но здѣсь нѣтъ никакихъ крѣпкихъ ліанъ, которыя бы могли выдержать нашу тяжесть.

— Пошлите за веревками, масса Мэлонъ.

— Кого послать — и куда?

— Пошлите въ индѣйскія селенія, сэръ. Въ индѣйскихъ деревняхъ куча веревокъ. Тамъ внизу есть индѣецъ,—пошлите его.

— Кто такой?

— Одинъ изъ нашихъ индѣйцевъ. Тѣ, другіе, побили его и отобрали у него его наѣ. Онъ бросилъ ихъ и вернулся къ намъ. Онъ готовъ снести письмо, принести веревокъ, что вы ему прикажете, то и сдѣлаетъ.

Снести письмо? Почему бы и нѣтъ? Можеть быть, его можно послать за помощью. И, ужъ во всякомъ случаѣ, можно отправить съ нимъ письмо. Значить, жизни наши таки и не пропали даромъ, значить, вѣсть о нашемъ открытии дойдетъ до ученаго мира и до нашихъ друзей тамъ, дома. У меня уже лежали два готовыхъ письма. Я рѣшилъ посвятить весь остатокъ дня третьему и описать все происшедшее до этого дня. А затѣмъ, всѣ три отдать индѣйцу. И потому велѣлъ Замбо подъ вечеръ опять вѣзть на скалу, а самъ просидѣлъ весь день съ карандашемъ въ рукѣ, описывая приключения вчерашней ночи. И присоединилъ къ этому записку къ первому бѣлому купцу, или капитану парохода, котораго повстрѣчаетъ нашъ индѣецъ, съ просьбой прислать веревокъ, и покрѣпче, такъ какъ отъ этого зависить спасеніе нашихъ жизней. Все это я вечеромъ вручилъ Замбо, съ добавленіемъ трехъ совереновъ, сохранившихся въ моемъ кошелькѣ,—чтобъ онъ отдалъ индѣйцу и пообѣщалъ ему вдвое больше, если онъ возвратится съ веревками.

Теперь вѣмъ будетъ понятно, дорогой м-ръ Макъ-Ардль, какимъ образомъ я ухитрился переправить вѣмъ это письмо, и вы будете знать правду, въ случаѣ, если вашему злосчастному корреспонденту ужъ не доведется больше писать вѣмъ.

Сегодня я слишкомъ усталъ и слишкомъ утомленъ, чтобы строить какіе либо планы. Завтра надо будетъ придумать какой-нибудь способъ не потерять изъ виду этого лагеря, и въ то же время отправиться на розыски моихъ несчастныхъ друзей.

Глава XVII.

Зрѣлище, котораго я никогда не забуду.

Когда солнце сѣло, я увидѣлъ одинокую фигуру индѣйца на фонѣ широкой равнины—единственную нашу надежду на спасеніе и смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся въ туманѣ, пронизанномъ отсвѣтами заходящаго солнца.

Было уже совсѣмъ темно, когда я вернулся въ нашъ разгромленный лагерь, бросивъ послѣдній взглядъ внизъ, на костеръ Замбо—единственную свѣтлую точку того мра, отъ котораго мы были отрѣзаны, и успокоивъ свою удрученную душу сознаніемъ его близости. Все же у меня было теперь немножко легче на душѣ—по крайней мѣрѣ, память о наѣ не погибнетъ и перейдетъ къ потомству, и трудъ нашъ не пропадетъ даромъ.

Жутко было провести ночь въ этомъ разгромленномъ лагерѣ, но еще страшнѣй блуждать по лѣсу, а иного выбора не было. Благоразуміе подсказывало быть насторожѣ; не ложиться и все время быть на чеку; но природа брала свое, и измученное тѣло требовало отъдыха. Я вѣзъ было на одну изъ вѣтвей дерева джинкго, но устроиться сколько нибудь удобно здѣсь было невозможно; задремли я, непремѣнно свалился бы и сломалъ бы себѣ шею. Поэтому, я слѣзъ съ дерева и стала раздумывать, какъ мнѣ быть. Забаррикадировавъ входъ въ нашу заграду, я зажегъ три небольшихъ костра, расположивъ ихъ треугольникомъ, поужиналъ съ большимъ аппетитомъ, и уснулъ, какъ убитый. Пробужденіе было совершенно неожиданнымъ и чрезвычайно пріятнѣмъ. Рано утромъ, чутъ свѣтъ, чья-то рука легла на мое плечо. Я мгновенно вскочилъ и схватился за ружье, но тотчасъ же радостно вскрикнулъ, увидавъ передъ собою на колѣнѣхъ, лорда Джона.

Это былъ онъ—и въ то же время не онъ. Я оставилъ его, какъ всегда, спокойнымъ, выдержаннѣмъ, опрятно одѣтымъ. Теперь онъ былъ блѣдъ, съ сумасшедшими глазами, и тяжело дышалъ, какъ будто запыхавшись отъ долгаго бѣга. Лицо его было въ кровь исцарапано; платье на немъ висѣло лохмотьями, шляпу онъ потерялъ. Я съ изумленіемъ уставился на него, но онъ, не давая мнѣ времени на разспросы, началъ торопливо собирать наши припасы.

— Живѣ, юноша! Живѣ! Каждая минута на счету. Забирайте винтовки, обѣ. И я возьму два ружья. Теперь забирайте патроны, побольше, сколько можете взять. Набейте ими всѣ карманы. Теперь еще консервовъ надо прихватить. Поплюжини жестянокъ хватить. Ладно. Не задумывайтесь. Разговаривать будемъ потомъ—теперь некогда. Живѣ, милый, или мы погибли.

Совершенно растерявшись съ просонокъ и ничего не понимая, я бѣжалъ за нимъ по лѣсу, съ двумя винтовками за плечами и съ полными руками всякихъ припасовъ. Онъ завелъ меня въ самую чащу лѣса и тутъ только остановился, посреди пустого, колючаго кустарника.

— Ну, вотъ!—задыхаясь, выговорилъ онъ.—Тутъ мы, кажется, въ безопасности. Они, разумѣется, кинутся въ лагерь, первымъ дѣломъ. И будутъ озадачены.

— Кто они? Гдѣ наши профессора? И кто насъ преслѣдуетъ?

— Люди-обезьяны. Боже мой, что за скоты! Говорите тише—у нихъ уши длинныя и глаза зоркіе, но обонянія, повидимому, нѣтъ, насколько я могу судить, и по слѣду они насъ не найдутъ. Куда вы уходили, юноша? Счастье ваше, что вѣсъ не было съ нами!

Въ нѣсколькихъ словахъ я шепотомъ рассказалъ ему, гдѣ я былъ и что дѣлалъ.

— Нехорошо,—покачал онь головой, когда я рассказал ему о динозавре и о капкане.—Тутъ дня спокойно не проживешь. Что? Но все же подобныхъ ужасовъ я не предполагалъ, пока эти дьяволы не захватили насть. Я попалъ однажды въ лапы къ людоедамъ, но тѣ—ангелы въ сравненіи съ этими.

— Какъ же это произошло?

— Это было ранним утромъ. Наши ученые едва глаза прорвали. Не успѣли даже поругаться, какъ вдругъ, съ дерева посыпался градъ обезьянъ—словно яблоки, когда тряхнешь яблоню. Они, должно быть, еще съ ночи засыпали на этомъ деревѣ. Я прострѣлилъ одной изъ нихъ пузо, но, прежде чѣмъ мы успѣли сообразить, въ чѣмъ дѣло, мы всѣ трое уже лежали на землѣ, а они сидѣли на насъ. Я назвалъ ихъ обезьянами, но у нихъ были палки въ рукахъ и они все время трещали, словно переговариваясь между собой, и въ концѣ концовъ связали намъ руки ліанами. Если это животные, такихъ животныхъ мнѣ еще не доводилось видѣть. Должно быть, это и есть «недостающее звено»—питекантропы. Они унесли своего раненаго товарища, изъ котораго кровь лила, какъ изъ зарѣзанной свиньи, и затѣмъ уѣхали вокругъ насъ. Такихъ свирѣпыхъ рожь я еще не видалъ. Всѣ огромныя, съ человѣка ростомъ и, навѣрное, много сильнѣе. Глаза удивительно странные—сѣрые, точно стеклянные, а брови рыжія, кустиками—и все трещать, и все трещать. Уставились на насъ, выпучивъ глаза и глядѣть. Чалленджеръ не изъ робкихъ, но онъ оробѣлъ. Потомъ устыдился, должно быть, вырвался, вскочилъ на ноги—и давай ихъ честить, словно какихъ-нибудь репортеровъ. Ругается, какъ сумасшедшій—я такъ и подумалъ, что онъ рехнулся со страха.

— Ну? И что же они?

— Я ужъ думалъ: конецъ настѣ пришелъ, но, наоборотъ, повидимому, это произвело на нихъ хорошее впечатлѣніе. Они столпились всѣ вмѣстѣ и опять затрещали, видимо, совсѣмъ, что имъ дѣлать съ нами. Потомъ одинъ сталъ рядомъ съ Чалленджеромъ. Не смѣйтесь, юноша, но, ей богу, они были, точно братья родные. Я не бы повѣрилъ, если бы не видѣлъ собственными глазами. Старая обезьяна—должно быть, наибольшій у нихъ—была точь въ точь нашъ профессоръ, только рыжій: то же короткое, приземистое тѣло, могучія плечи, грудь колесомъ, то же отсутствіе шеи, та же рыжая бахрома вмѣсто бороды и густыя кустистыя брови, то же выраженіе глазъ—злобное и надменное. Когда онъ положилъ лапу на плечо Чалленджера, Соммерли не выдержалъ и истерически захочоталъ. И обезьяны тоже захочотали—дьявольски безобразно это у нихъ выходитъ!—и потащили насъ всѣхъ въ лѣсъ. Ружей и прочаго они не тронули—побоялись, должно быть—но провизію, какую заѣмѣтили, всю унесли. Намъ съ Соммерли по дорогѣ солено пришло—вотъ видите, каковъ я сталъ: весь въ лохмотьяхъ и исцарапанъ—это оттого, что они тащили насъ сквозь колючіе кусты; но у нихъ самихъ бока точно кожаные. А Чалленджера четверо изъ нихъ несли на плечахъ: точно римскаго триумфатора—ему и тутъ повезло. Что это?

Издали донесся какой-то странный шумъ, точно трескъ кастаньетъ.

— Это они,—шепнулъ лордъ Джонъ, заряжая ружье.—Скорѣе, юноша, смотрите, чтобы всѣ стволы были заряжены—живыми мы имъ въ руки не дадимся. Ишь, раскричались какъ—это они сердятся. Слышиште?

— Они далеко отсюда.

— Настъ они не найдутъ, но я боюсь, что они рыщутъ по всему лѣсу, отыскивая насъ. Ну, теперь я доскажу вамъ свою исторію. Притаскили они насъ въ свой городокъ—около тысячи хижинъ изъ листьевъ и вѣтвей въ большой кучѣ деревьевъ, что возлѣ самаго края утесовъ. Эти грязныя твари всего меня ощупали, и теперь мнѣ кажется, что я никогда не смою съ себя этой грязи. Тутъ насъ еще крѣпче

связали и положили рядышкомъ подъ деревомъ, и сторожа къ намъ приставили—этакого верзилу, съ дубинкой въ руки. Говоря «настъ», я подразумѣваю себя и Соммерли. Чалленджера они посадили на дерево, дали ему ананасъ, и онъ чувствовалъ себя очень недурно. Впрочемъ, чадо отдать ему честь: онъ и насъ угостили ананасомъ и ослабилъ нѣсколько стягивавшія насъ веревки. Еслибы вы видѣли его, какъ онъ сидѣлъ въ расщепѣ дерева, рядомъ со своими рыжими двойникомъ и распѣвалъ во все горло матросскія пѣсни—музыка, повидимому, благотворно на нихъ дѣйствуетъ—вы хохотали бы до упаду; но намъ въ то время было не до смѣха. Счастье еще, что вы сбѣжали и унесли съ собой нашъ «архивъ».

— А, теперь, юноша, я вамъ скажу нѣчто такое, что вѣсма васъ удивитъ. Вы говорите, что видѣли признаки человѣческихъ жилищъ—огни, капканы и пр. А мы видѣли и самихъ людей. Маленькие, жалкіе, съ убитыми лицами—и не мудрено. Повидимому, тутъ, на плато, обитаютъ дѣвѣ враждующія расы—на одномъ концѣ, гдѣ пещеры,—люди, а въ лѣсу человѣкоподобные обезьяны, и они ведутъ жестокую войну между собою. Такъ, по крайней мѣрѣ, выясняется для меня положеніе. Вчера обезьяны захватили съ полдюжины людей и притаскили ихъ въ свой городокъ, какъ пленныхъ. До чего они трещали и кричали—ужасъ что такое! Несчастныхъ краснокожихъ человѣчковъ они кусали, царапали безжалостно. Двоимъ свернули шею; у третьяго оторвали руку—прямо таки оторвали, какъ звѣри. А тотъ молодчина—даже не вскрикнулъ. Но намъ было нестерпимо тошно на это смотрѣть. Соммерли дурно сдѣлалось, и даже для Чалленджера это было уже черезчуръ... Они, кажется, ушли—а? какъ вы думаете?

Мы прислушались,—кромѣ птичьихъ криковъ ничто не нарушало лѣсной тишины. Лордъ Джонъ продолжалъ рассказывать.

— Очень это вы хорошо сдѣлали, юноша, что сбѣжали. Они, должно быть, въ погонѣ за индѣйцами и позабыли, что насъ было четверо въ лагерѣ, а то бы они сейчасъ же вернулись въ лагерь, за вами. Разумѣется, вы правы: они съ перваго же дня слѣдили за нами и выжидали благопріятный моментъ... Боже мой! Это точно кошмаръ. Вы помните заросли тростниковъ, гдѣ мы нашли скелѣтъ американца. Такъ это какъ разъ подъ обезьяннимъ городкомъ—туда они и сбрасываютъ своихъ пленныхъ. Тамъ, навѣрное, цѣлая куча скелетовъ—мы только не посмотрѣли. У нихъ тамъ наверху расчищенная площадка—точно площадь для парада. Они всѣ собираются и смотрѣть—просто разбился упавшій, или же наткнулся на острый тростникъ. И насъ видѣли смотрѣть. Четверо индѣйцевъ, одинъ за другимъ, прыгали внизъ, и всѣ были пронизаны насквозь—словно кусокъ масла иглой. А мы то дивились, какъ это тростникъ пророс сквозь ребра американца. Это было ужасно—но въ то же время и дьявольски интересно. Смотрѣшь и оторваться не можешь, хоть и знаешь, что черезъ минуту, можетъ быть, и тебя сбросятъ.

— Пока мы, цѣлы, но я думаю, что насъ только прибѣргли на сегодня, вмѣстѣ съ полдюжины индѣйцевъ. Чалленджера они, пожалуй, пощадятъ, но Соммерли и мнѣ не сдѣбровать. Разговариваютъ они не столько словами, сколько знаками, такъ что понять ихъ не трудно. И я рѣшилъ все-таки попытаться спасти себя и другихъ. Только я одинъ и могъ это сдѣлать: отъ Соммерли проку мало, да и отъ Чалленджера тоже. Единственный разъ, что имъ удалось перекинуться словомъ, они подняли споръ о томъ, какое ученое название дать красноголовымъ дьяволамъ, которые завладѣли нами. Одинъ говорилъ, что это—дрюнитеки съ Явы, другой называлъ ихъ питекантропами. Вотъ юродивые! Но я, все-таки, кое-что подмѣтилъ, что можетъ намъ пригодиться. Впервыхъ, бѣгать по открытымъ мѣстамъ эти твари не могутъ такъ быстро, какъ человѣкъ. Ноги у нихъ корот-

кія, кривыя, а туловище тяжелое, грунное. Даже Чалленджеръ можетъ дать любому изъ нихъ двадцать очковъ впередъ, а ужъ за вами, или за мной ни одному изъ нихъ не угинаться. А во-вторыхъ, обѣ огнестрѣльномъ оружіи они понятія не имѣютъ. Едва ли даже они поняли, что приключилось съ тѣмъ, котораго я застрѣлилъ. Еслиъ только намъ добраться до нашихъ ружей, думалъ я, еще посмотримъ, чья возвьметъ.

— И потому, сегодня утромъ я высвободился изъ воровъ, дать своему сторожу такого пинка ногой, что онъ опрокинулся навзничь и удралъ. И вотъ, какъ видите, нашелъ и вѣсъ, и ружья.

— А тѣ двое?

— Надо бѣжать спасать ихъ. Взять ихъ съ собою я не могъ. Чалленджеръ сидѣлъ на деревѣ, а Соммерли совсѣмъ ослабѣ, еле ноги таскаетъ. Это было единственное средство добыть ружья и попытаться спастись. Разумѣется, они могутъ въ отмѣтку сбросить ихъ со скалы. Чалленджера врядъ ли тронутъ, но за Соммерли я не поручусь. Но, вѣдь, ему все-равно бы не уйти отъ нихъ—въ этомъ я увѣренъ. Такъ что я своимъ побѣгомъ не ухудшилъ дѣла. Но насытъ обоихъ, все же, честь обязываетъ возвратиться туда и попробовать выручить товарищъ. И потому, молитесь Богу, юноша, потому что сегодня же вечеромъ, какъ или иначе, все это разрѣшился.

Я старался передать характерную отрывистую, образную рѣчь лорда Джона, полную отваги и презрѣнія къ опасности, но врядъ ли мнѣ это удалось. Онъ былъ рожденъ во-вождемъ. Въ моментъ опасности голось его сразу становился властнымъ, тонъ рѣшительнымъ, холодные глаза загорались яркимъ огнемъ, донъ-кихотскіе усы щетинились отъ радостнаго возбужденія. Его безстрашіе, умѣніе цѣнить драматизмъ приключенія, хотя и бы и самъ онъ былъ близкайшимъ его участникомъ, его взглядъ на опасность, какъ на одинъ изъ видовъ спорта, какъ на поединокъ между человѣкомъ и Судьбой, въ которомъ проигравшій платить смертью, дѣлали его въ такія минуты незамѣнимымъ товарищемъ. Еслиъ не страхъ за участіе тѣхъ двоихъ, я положительно радовался бы, что иду на такое дѣло, съ такимъ человѣкомъ. Мы только стали выѣзжать изъ нашихъ кустовъ, какъ вдругъ онъ схватилъ меня за плечо.

— Это они!

Съ того мѣста, гдѣ мы залегли, видѣнъ былъ темный сводъ, увѣнчанный зеленою, образуемой стволами и вѣтками. Подъ этимъ сводомъ шли всреницей люди-обезьяны, кривоногіе, съ согнутыми спинами, съ длинными руками, порою касавшимися земли; шли они не быстро, мелкими шажками, поворачивая головы то вправо, то влѣво. Отъ этой привычки гнуть спину, они казались менѣе ростомъ, но на мой взглядъ ростъ въ нихъ было футовъ пять, не менѣе. У многихъ въ рукахъ были дубинки и на разстояніи ихъ можно было принять за безобразныхъ и волосатыхъ людей. Только минуту я отчетливо видѣлъ ихъ. Затѣмъ они скрылись между кустами.

— Нѣтъ, сейчасъ лучше не стрѣлять,—сказалъ лордъ Джонъ, схватившійся было за ружье.—Надежнѣй будетъ выждать здѣсь, пока они прекратятъ поиски. Тогда посмотримъ, нельзя ли пробраться въ ихъ городокъ и ударить ихъ въ самое болѣнное мѣсто. Переждемъ тутъ часокъ и тогда пойдемъ.

Чтобы заполнить время, мы откупорили одну изъ жестяночекъ и позавтракали. Лордъ Рокстонъ, у котораго съ утра кромѣ фруктовъ, ничего во рту не было, накинулъся на юду съ аппетитомъ изголодавшагося человѣка. Затѣмъ, съ парой ружей у каждого и съ полными карманами патроновъ, мы отправились на выручку товарищѣ. Но предварительно поставили замѣты, чтобы найти нашъ тайничекъ въ лѣсу и дорогу къ форту Чалленджеръ, на случай, еслиъ онъ намъ опять понадобится. Прячась между кустами, мы подкрадались

наконецъ, къ обезъянскому городку, къ самому краю утесовъ, близъ нашего перваго бивака. Здѣсь лордъ Джонъ остановился и посвятилъ меня въ свои планы.

— Пока мы въ чащѣ, намъ не совладать съ этими тварями. Потому что они съ деревьевъ видѣть насы, а намъ ихъ не видать. Но на открытомъ мѣстѣ будешь перевѣсъ за насы. И бѣгать мы умѣемъ быстрѣе ихъ. Такъ что намъ слѣдуетъ держаться открытыхъ мѣстъ. На краю плато большихъ деревьевъ менѣе, чѣмъ въ центрѣ его. Значить, линія наступленія намѣчена заранѣе. Иди не спѣша, гляди въ оба, ружье держи наготовѣ. А, главное, въ руки имъ не давайся, пока есть въ запасѣ хотя бы одинъ патронъ—вотъ тебѣ, братъ, мое послѣднѣе слово, юноша ты мой милый!

„Рядомъ стояли двѣ фигуры, такія странныя, что, при иныхъ обстоятельствахъ, глядя на нихъ, трудно было бы удержаться отъ смѣха. Одна изъ этихъ фигуръ былъ нашъ товарищъ профессоръ Чалленджеръ... Рядомъ съ нимъ стоялъ его господинъ—король питекантроповъ... (См. столб. 67).

Дойдя до края утеса, я поднялъ глаза—на противоположной скалѣ сидѣлъ съ трубкой въ зубахъ вѣрный Замбо. Я дорого бы далъ за то, чтобы окликнуть его и сказать ему, какъ круто намъ приходится, но это было опасно, такъ какъ насы могли услышать. Лѣсь, повидимому, кишѣлъ питекантропами—то и дѣло до насы доносилась странная трескотня ихъ рѣчей. И каждый разъ мы спѣшили нырнуть въ кусты и пережидали, пока звуки не заглохнутъ вдали. Поэтому подвигались мы впередъ очень медленно и прошло, по крайней мѣрѣ, два часа, пока удвоенная осторожность движений моего спутника не показала мнѣ, что мы близки къ цѣли. Онъ далъ мнѣ знакъ лежать смирино, а самъ поползъ впередъ. И черезъ минуту вернулся, весь дрожа отъ волненія.

— Идемъ! Живѣй! Дай Богъ, чтобы мы не опоздали. Я, самъ дрожа всѣмъ тѣломъ, тоже поползъ впередъ

и лежь рядомъ съ нимъ, сквозь раздвинутые кусты глядя на площадку, открытую передъ нами.

Этого зрѣлища я не забуду до послѣдняго моего вздоха—это было такъ жутко, такъ невѣроятно, что я не знаю, какъ описать вамъ это. Быть можетъ, когда я буду снова сидѣть въ Клубъ Дикихъ—если я доживу до этого—мнѣ и самому будетъ казаться это сквернымъ сномъ, видѣніемъ лихорадочнаго бреда. Но, все таки, я опишу вамъ его, пока онъ свѣжо у меня въ памяти и, по крайней мѣрѣ, одинъ человѣкъ, лежавшій въ мокрой травѣ рядомъ со мною, будетъ знать, что я не лгу.

Передъ нами было большое открытое мѣсто въ нѣсколько сотъ ярдовъ въ диаметрѣ, покрытое зеленымъ дерномъ и низкими напоротниками. Вокругъ него полумѣсяцемъ росли деревья, а на нихъ, въ нѣсколько этажей, одинъ надъ другимъ, выселились странные домики, сплетенные изъ листьевъ и сучьевъ. Видали вы островки, куда слетаются грачи вить свои гнѣзда—такъ вотъ это было нѣчто въ такомъ родѣ, только каждое гнѣзда было шалашемъ. Отверстія шалашей и вѣтви деревьевъ было густо усыпаны питекантропами, поменьше тѣхъ, что я видѣлъ—очевидно, самками и дѣтенышами. Занимая задний планъ картины, онъ съ живѣйшимъ интересомъ приглядывался къ тому же зрѣлищу, которое всецѣло захватило насъ.

На открытомъ мѣстѣ, у самаго края утеса, собралось нѣсколько сотъ рыхихъ, волосатыхъ самцовъ, нѣкоторые изъ нихъ были огромнаго роста и всѣ страшно безобразны. Повидимому, нѣкоторая дисциплина, все-таки, была у нихъ, такъ какъ ни одинъ не пытался прорвать образовавшуюся линію. Впереди стояла небольшая группа индѣйцевъ—маленькихъ, стройныхъ, тонконогихъ, и красная кожа ихъ горѣла на солнцѣ, какъ полированная бронза. И рядомъ съ ними стоялъ бѣлый человѣкъ, съ понурой головой, со сложенными на груди руками; вся поза его выражала ужасъ и отвращеніе. Это былъ профессоръ Соммерли.

Передъ группой плѣнныхъ и по бокамъ ея были питекантропы, очевидно, сторожа, бдительно слѣдившіе за ними, такъ что бѣгство было невозможно. А поодаль отъ другихъ, на краю утеса, рядомъ, стояли двѣ фигуры, такія странныя, что при иныхъ обстоятельствахъ, глядя на нихъ, трудно было бы удержаться отъ смѣха. Одна изъ этихъ фигуръ—нашъ товарищъ, профессоръ Чалленджеръ. Остатки его куртки еще свѣшивались съ плеча лоскутами, но рубашка его была сорвана, и густая черная борода путалась съ густой чашей волосъ на груди. Шляпу онъ потерялъ, и волосы его, успѣвшіе отрасти за это время, развѣвались, спутанные, по вѣтру. За одинъ день высшій продуктъ современной цивилизации превратился въ форменаго дикаря. Рядомъ съ нимъ стоялъ его господинъ—король питекантроповъ. Лордъ Джонъ правду говорилъ: это былъ живой двойникъ Чалленджера, съ той разницей, что тотъ былъ черный, а онъ рыхій. Та-же приземистая, широкая и плотная фигура, тѣ же могучія плечи и сутулая спина, и огромная борода, и густые волосы на груди. Только лобъ у питекантропа былъ низкій, покатый и черепъ сплюснутый, представлявши полный контрастъ съ могучей головой и умнымъ высокимъ лбомъ европейца. Во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ король обезьяны былъ неизбѣжной пародіей на профессора.

Описывать все это долго, но достаточно было нѣсколько секундъ, чтобы эта картина врѣзалась мнѣ въ память. А затѣмъ вниманіе мое было отвлечено другимъ, болѣе важнымъ и трагическимъ. Драма казни плѣнныхъ была въ полномъ разгарѣ. Два питекантропа выхватили изъ группы индѣйцевъ одного и приволокли его на край утеса. Король поднялъ руку—то былъ сигналъ. Питекантропы схватили несчастнаго за руки и за ноги, раскачали его надъ бездной и что было силы швырнули внизъ—съ такой силой, что онъ описалъ кривую въ воздухѣ, прежде чѣмъ

началъ падать. Какъ только онъ скрылся изъ виду, всѣ, кроме стражи, бросились къ самому краю утеса, и наступила пауза—моментъ абсолютной тишины, нарушенной неожиданнымъ крикомъ бѣшенаго восторга. Питекантропы скакали и прыгали, болтая въ воздухѣ длинными неуклюжими руками. Потомъ отхлынули назадъ и снова выстроились въ линію, въ ожиданіи новой жертвы.

Питекантропы схватили несчастнаго за руки и ноги, раскачали его надъ бездной и швырнули внизъ съ такой силой, что онъ описалъ кривую въ воздухѣ...

На этотъ разъ былъ чередъ Соммерли. Двое стражей схватили его за кисти рукъ и грубо потащили къ краю. Тощій, долговязый, онъ бился у нихъ въ рукахъ, но это была борьба цыпленка противъ лстреба. Чалленджеръ повернулся къ королю и, отчаянно жестикулируя, видимо умолялъ его пощадить товарища. Но питекантроп грубо оттолкнулъ его и покачалъ головой. Это былъ его послѣдній сознательный жестъ. Грязнуль выстрѣль—и король грузнымъ краснымъ комомъ рухнулъ на землю.

— Стрѣляй въ самую гущу! Стрѣляй, сынокъ! Не зѣвай!

Есть странныя глубины въ душѣ самаго зауряднаго человѣка. Я отъ природы человѣкъ не злой и не могу безъ слезъ видѣть даже раненаго зайца. Но тутъ во мнѣ прошла такая жажда крови, жажда истребленія, что я безъ счету спускаль курокъ, заряжая ружье снова и снова, и дико вскрикивалъ, какъ настоящій дикарь. Съ нашими четырьмя ружьями мы вдвое произвели въ рядахъ питекантроповъ страшное опустошеніе. Обы питекантропа, державшіе Соммерли, были убиты, и онъ стоялъ, растерянно озираясь и шатаясь, какъ пьяный, не умѣя даже сообразить, что онъ свободенъ. Обезьяны, растерянно метались во всѣ стороны, не понимая, откуда на нихъ свалилась такая напасть и что это означаетъ. Онъ кричали, визжали,

жестокурировали, топтали сами упавших. Потомъ всѣ бросились въ деревья, искать убѣжища въ своихъ плашахъ, оставивъ поле битвы усѣяннымъ трупами убитыхъ товарищъ. Плѣнныя на время остались одни.

Быстрый умъ Чалленджера сразу произвелъ оцѣнку положенія. Онъ схватилъ за руку ошеломленнаго Соммерли и потащилъ его къ намъ. Двое стражей бросились за ними и были свалены пулями лорда Джона. Мы выбѣжали изъ своего прикрытия навстрѣчу друзьямъ и сунули каждому изъ нихъ въ руки по заряженому ружью. Но Соммерли совершенно выбился изъ силъ. Онъ едва ноги волочилъ.

Быстрый умъ Чалленджера сразу произвелъ оцѣнку положенія... Онъ схватилъ ошеломленнаго Соммерли и потащилъ его къ намъ...

А питекантропы уже оправлялись отъ своей паники и бѣжали намъ наперерѣзъ, прыжкомъ черезъ кусты, угрожая отрѣзать намъ отступленіе. Чалленджеръ и я бѣжали, поддерживая съ двухъ сторонъ Соммерли, бѣжавшаго между нами, а лордъ прикрывалъ отступленіе, все время сѣстѣливаясь отъ неприятеля, кидавшагося на насъ изъ-за кустъ. Милъ, если не больше, обезьяны бѣжали за нами по пятамъ; потомъ начали отставать, ибо успѣли сообразить, что мы сильнѣе ихъ и не желали напрасно подставлять свой лобъ подъ пули, бѣюція безъ промаха. Когда, наконецъ, мы добѣжали до лагеря, позади насъ никого не было.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось намъ, но мы ошиблись. Не успѣли мы закрыть за собой дверь нашей загады, и въ изнеможеніи кинулись на землю, какъ услыхали за собою легкій топотъ человѣческихъ ногъ и жалобный плачъ у загады. Лордъ Рокстонъ выбѣжалъ съ винтовкой въ руку и распахнулъ двери. За нами, ницъ, лежали на землѣ четверо уцѣльвшихъ краснокожихъ, дрожа отъ страха передъ нами и, все же, умоляя насъ о защите. Одни изъ нихъ краснорѣчивыми жестами пояснили, что лѣса

эти полны опасностей. Потомъ вскочилъ, подбѣжалъ къ лорду Джону и снова упалъ передъ нимъ ницъ, обхвативъ руками его ноги и прижимаясь къ нимъ лицомъ.

— Послушайте, что же это? Чортъ побери! — Лордъ Джонъ въ смущеніи теребилъ усы. — Послушайте, какого чорта... — что же намъ съ ними дѣлать? Ну, вставай, малышъ, и не трись физіономіей объ мои сапоги.

Соммерли уже сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и набивалъ трубку.

— Придется взять ихъ къ себѣ, подъ свое покровительство, — сказалъ онъ. — Вы всѣхъ насъ вытащили изъ когтей смерти. Честное слово, это было сдѣлано удивительно кстати.

— Великолѣпно! — воскликнулъ Чалленджеръ. — Великолѣпно! Не только мы, какъ отдельныя личности, но и вся европейская наука коллективно у васъ въ неоплатномъ долгу за сдѣланное вами. Не колеблясь, скажу, что исчезновеніе профессора Соммерли и мое оставило бы замѣтную пустоту въ исторіи современного естествознанія. Нашъ юный другъ и вы выказали себѣ прямо съ блестящей стороны.

Онъ взиралъ на насъ, сияя благодушнѣйшей отеческой улыбкой, но что бы сказала европейская наука, еслибы она увидала своего любимца, свою гордость и надежду, полунашимъ, въ изорванномъ грязномъ платѣ, съ голой грудью, растрепаннаго, неумытаго? Между колѣнами у него была замката жестянка съ консервами, а въ пальцахъ — большой кусокъ австралийской баранины. Индѣецъ взглянуль на него и вдругъ, взвизгнувъ, какъ собаченка, снова кинулся на землю и прильнуль лицомъ къ ногамъ лорда Джона.

— Не бойся, миленький, не бойся, голубчикъ! — говорилъ лордъ Джонъ, глядя его по длиннымъ волосамъ, заплетеннымъ въ косички. — Это онъ васъ боится, Чалленджеръ, — не можетъ вынести вашего вида, и ей-Богу-же, меня это нимало не удивляетъ. Не бойся, миленький, онъ только человѣкъ, — такой же, какъ и всѣ мы.

— Позвольте! — крикнулъ профессоръ.

— А, если съ виду и немножко другой, такъ это впослѣдствіе, Чалленджеръ. Не будь вы такъ похожи на короля...

— Честное слово, лордъ Рокстонъ, вы слишкомъ много себѣ позволяете...

— Да, вѣдь, это же фактъ.

— Я бы попросилъ васъ, сэръ, перемѣнить тему разговора. Ваши замѣчанія непочтительны и непонятны. Вопросъ въ томъ, что намъ дѣлать съ этими индѣйцами. Самое простое было бы отвести ихъ домой, еслибы мы знали, гдѣ ихъ домъ.

— На это отвѣтить не трудно, — сказалъ я. — Они живутъ въ пещерахъ по ту сторону центрального озера.

— Нашъ юный другъ знаетъ даже, гдѣ они живутъ. Я полагаю, отсюда туда не близко.

— Добрыхъ двадцать миль.

Соммерли застоналъ.

— Мнѣ ни за что не дойти туда. Вы слышите? Эти мерзавцы все еще гонятся за нами по слѣду.

Дѣйствительно, въ эту минуту изъ глуби лѣса до насъ донеслись трескучіе голоса питекантроповъ. Индѣйцы снова завизжали отъ страха.

— Надо уходить отсюда и живо, — молвилъ лордъ Джонъ. — Юноша, возьмите на свое попеченіе Соммерли. А индѣйцы пусть тащатъ провизію. Ну, шевелитесь, братцы. Надо уйти прежде, чѣмъ они догадаются, гдѣ мы.

Меньше, чѣмъ въ полчаса, мы уже добрались до нашего потайнаго мѣстечка въ кустахъ и спрятались тамъ. Весь день питекантропы перекликались въ лѣсу, вблизи нашего лагеря, но ни одинъ не набрѣлъ на наше убѣжище, и всѣ бѣглцы, бѣлые и краснокожіе, отъ усталости крѣпко уснули. Я самъ спалъ до вечера и проснулся только пото-

му, что кто-то дернулъ меня за рукавъ. Передо мною на колѣнѣхъ стоялъ Чалленджеръ.

— Вы все запосите въ свой дневникъ и, конечно, разсчитываете опубликовать его, м-ръ Мэлонъ,—торжественно началъ онъ.

— Ну, разумѣется. Вѣдь я же здѣсь, какъ представитель печати.

— Правильно. Вы, можетъ быть, слыхали шуточку лорда Джона по поводу—по поводу моего будто бы сходства—съ...

— Да, слышалъ.

— Нечего и говорить, что подобные намеки, подчеркнутые въ вашемъ разсказѣ, были бы чрезвычайно для меня оскорбительны.

— Я буду строго придерживаться истины.

— У лорда Джона слишкомъ много фантазій, и онъ способенъ объяснить самъ нелѣпымъ образомъ то почтение, которое и самыя неразвитыя расы всегда оказываютъ достоинству и силѣ характера. Вы слѣдите за моей мыслью?

— Слѣжу.

— Остальное предоставляю вашей деликатности.—Затѣмъ, послѣ долгой паузы, онъ прибавилъ:—Король питекантроповъ, положительно, выдающееся существо—на рѣдкость красава и интеллигентная личность. Вамъ не кажется?

— Весьма замѣчательное существо,—подтвердилъ я.

И профессоръ, успокоенный, снова улегся.

Съ англійскаго перев. З. Журавская.

(Окончаніе слѣдующемъ номерѣ).

СУМАСШЕДШІЕ ПАПЫ

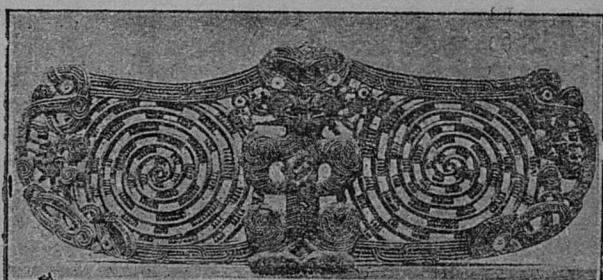
Въ исторіи римско-католической церкви имѣются разсказы о лицахъ, занимавшихъ папскій престолъ, будучи не только лишенными качествъ, которыхъ требуются отъ духовнаго главы сотенъ миллионовъ людей, но прямо-таки сумасшедшими. Были папы, которые по своей безнравственности превосходили худшихъ римскихъ императоровъ дохристіанской эпохи. Въ періодъ съ IX по XI вѣковъ былъ даже по изслѣдованіямъ историковъ, цѣлый рядъ т. н. демоническихъ папъ. Т. напр., папа Стефанъ VI произвелъ свой судъ надъ трупомъ папы Формозы: онъ вынулъ его останки изъ могилы, снялъ съ него облаченіе, отрубилъ два пальца и голову и бросилъ его трупъ въ Тибръ. Папа Сергій III, нравственную личность котораго епископъ Дюшень рисуетъ тремя словами: «Свирипый, ненавистный и повѣсъ», отецъ будущаго Иоанна XI, родившагося отъ его любовной связи со своей служанкой Морозіей, принесъ на папскій престолъ порокъ и прелюбодѣйство. Иоаннъ XII, внукъ Морозіи, родившійся отъ ея второго сына Альбериха, первый папа, перемѣнившій свое имя при вступлении на папскій престолъ, въ конюшняхъ производилъ посвященія въ духовный чинъ; пилъ за здоровье дьявола и все это онъ продѣлывалъ, чтобы досадить Св. Духу. Мало этого, онъ ослѣплялъ или оскоплялъ ненавистныхъ ему кардиналовъ и въ церкви насиловалъ женщинъ. Иоаннъ XIII повѣсилъ за волосы префекта Рима въ наказаніе за одинъ заговоръ противъ него. Бенедиктъ IX, Геліогабаль папства, предназначенный на папскій престолъ еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, едва достигнувъ юношескаго возраста, повелъ настолько ужасную жизнь, что римское дворянство пыталось его задушить на алтарѣ. Продавъ папскую тіару, онъ растратилъ всѣ полученные за нее деньги; потомъ онъ снова ее вернулъ, чтобы вторично бросить. Онъ кончилъ тѣмъ, что удалился въ горы, какъ дикий звѣрь, и умеръ отъ своихъ позорныхъ кутежей.

Всѣ эти ужасные дегенераты въ большинствѣ случаевъ обязаны саномъ Феодоръ и ея ужаснымъ дочерямъ, Морозіи и Феодорѣ. По пѣкоторымъ свѣдѣніямъ, куртизанка Феодора была женою вліятельнаго римлянина Феофилакта и добилась такой власти, что располагала назначениемъ папской тіары. Она сдѣлалась любовницей герцога Тосканскаго Альбериха, и, благодаря ей, Иоаннъ X получилъ папскую тіару. Еще будучи священникомъ, онъ пѣнилъ Феодору и съ ея помощью сдѣлался епископомъ Болоньи, потомъ архіепископомъ Равенны и наконецъ папою. Впрочемъ, пѣкоторые историки приписываютъ это вліянію не Феодоры, а ея дочери, тоже носившей имя Феодоры. Ея дочь Морозія пользовалась такою же властью благодаря примѣненію одинаковыхъ съ нею средствъ. У Морозіи была дочь Феодора (Молодая), которая превзошла

еъ въ своихъ любовныхъ неистовствахъ. Она была настоящей любовницей папы Иоанна X.

Нѣсколько позднѣе признаки умственнаго вырожденія у папъ проявлялись во многихъ случаяхъ. Въ 1294 г. папа Бонифацій VIII прогуливался по Риму въ императорскихъ одеждахъ и съ короной Константина на головѣ. По его приказу, предъ нимъ несли скіпетръ, шапку и царскую державу. Но болѣе злымъ безумцемъ былъ папа Урбанъ VI (1378 г.). Онъ проклялъ казначея, добросовѣтство сдавшаго остатки кассы, ужасно обращался съ кардиналами и нѣкоторыхъ изъ нихъ погубилъ съ помощью такихъ ужасныхъ пытокъ, которыхъ авторы не рѣшаются описывать. Папа Александръ VI былъ еще хуже его. Упоминая о спискахъ папъ, на которомъ папа Пій X уничтожилъ изъ традиціонной номенклатуры имена недостойныхъ папъ, Ф. Дезессаръ говоритъ, что среди нихъ не видно ни Сергія II, ни Иоанна III, ни Иоанна XIII. Напротивъ, онъ возстановилъ три имени, которыхъ тамъ не было, и между прочимъ противника Бенедикта IX. Вообще Пій X зачеркнулъ имена папъ, изображеніе которыхъ было подложно. Онъ считалъ, что всѣ эти недостойные папы, преступные и убийцы, остаются папами въ вѣчности, и что нѣтъ такого синода, святой коллегіи или собора, которые бы могли отрѣшить ихъ.

Ф. Дезессаръ говоритъ, что надо подумать о возможності въ будущемъ подобныхъ явлений со стороны папъ. Быть можетъ, они окажутся опаснѣе прежнихъ, но въ другомъ родѣ. Онъ не думаетъ, что въ наше время возможна серія демоническихъ папъ, но они могутъ оказаться дурными въ другомъ родѣ. Вдругъ подобный папа провозгласитъ себя цезаремъ, всемирнымъ императоромъ, внесетъ беспорядокъ въ литургію, начнетъ отлучать отъ церкви кого вздумаетъ и причислять къ лицу святыхъ по своему желанію. Тѣмъ дальше можетъ увлечь его безуміе, чѣмъ онъ будетъ болѣе чувствовать себя «непогрѣшимымъ». Никто не можетъ его остановить, и всѣ должны его терпѣть до его послѣдняго вздоха. Смѣстить его нельзя, заставить подать въ отставку тоже невозможно, потому что такая отставка недопустима.

ПОГИБШИ МИРЬ.

Рассказъ объ изумительныхъ приключениихъ профессора Джорджа Чалленджа, лорда Джона Рокстона, профессора Соммерли и м-ра Э. Д. Мэлона изъ «Ежедневной Газеты». Артура Конанъ-Дойля.

Глава XIV.

Рѣшительный бой.

Мы думали, что наши преслѣдователи, питекантропы, не подозрѣваютъ, гдѣ мы прячемся, но скоро уѣдились въ своей ошибкѣ. Кругомъ настъ въ лѣсу была тишина, не шелохнѣть и листъ,—но намъ слѣдовало бы, уже по первому опыту знать, какъ хитры наши враги и какъ терпѣливо они умѣютъ выжидать удобнаго случая. Не знаю, что меня ждѣтъ впереди, но знаю одно—что никогда еще я не былъ такъ близокъ къ смерти, какъ въ это утро.

За вчерашній день мы всѣ такъ мало ъли и пережили столько волненій, что проснулись такими же усталыми, какъ и легли. Соммерли такъ ослабѣлъ, что съ трудомъ держался на ногахъ; но этотъ старикъ былъ полонъ своеобразнаго угрюмаго мужества и ни за что не хотѣлъ признавать себя побѣжденнымъ. На общемъ совѣтѣ мы рѣшили подождать здѣсь часокъ-другой, подкрѣпиться пищей, что было намъ всѣмъ очень нужно, а затѣмъ идти напрямикъ черезъ плато и вокругъ центральнаго озера, къ пещерамъ, гдѣ по моимъ наблюденіямъ, должны были жить индѣйцы. Тамъ настъ, вѣроятно, примутъ радушно—вѣдь заступятся же за настъ тѣхъ, которыхъ мы спасли отъ смерти. А затѣмъ, выполнивъ свою миссію и овладѣвъ всѣми тайнами Земли Мэпль Уайта, мы уже посвятимъ все свое вниманіе насущному вопросу: какъ намъ выбраться отсюда и вернуться на родину. Даже Чалленджеъ соглашался съ тѣмъ, что тогда все, за чѣмъ мы пришли сюда, будуть сдѣлано, и въ дальнѣйшемъ первый долгъ нашъ—ознакомить цивилизованный міръ съ нашими изумительными открытиями.

Теперь у настъ было время внимательнѣе приглядѣтъся къ индѣйцамъ, которыхъ мы выручили изъ бѣды. Всѣ они были небольшого роста, крѣпкие, живые, хорошо сложенные, съ мягкими черными волосами, связанными въ пучекъ на затылкѣ кожанымъ ремнемъ; и штаны на нихъ также были кожаные. Лица у нихъ были безволосыя, съ правильными чертами и добродушныемъ выраженіемъ. Ушные мочки, отвислые и окровавленные, показывали, что въ нихъ были продѣты какія-то украшения, вырванныя ихъ мучителями. Рѣчь ихъ была намъ не понятна, но между собой они болтали весьма оживленно и, такъ какъ они все время повторяли слово «Аккала», указывая на себя и другъ на друга, мы рѣшили, что это, должно быть название ихъ племени. Порой, съ искаженнымъ страхомъ и ненавистью лицами, они потрясали кулаками по направлению къ чащѣ лѣса и кричали: «Дода! Дода!»—очевидно, такъ они называли своихъ враговъ.

— Ну, что вы скажите о нихъ, Чалленджеъ?—спрашивалъ лордъ Джонъ.—Для меня ясно только одно—что вотъ этотъ юноша, съ выбритой передней частью головы, стоитъ у нихъ вождемъ.

Это, дѣйствительно, было ясно, такъ какъ маленький индѣйецъ все время держался поодаль отъ прочихъ, и, обращаясь къ нему, они знаками выражали ему свое глубокое уваженіе. Онъ былъ, повидимому, моложе ихъ всѣхъ, но духъ его былъ такъ гордъ и лысокъ, что, когда Чалленд-

жеръ положилъ руку ему на голову, намѣреваясь прочесть намъ маленькую лекцію, онъ рванулся, какъ пришибленная лошадь, свернувшись глазами и отскочилъ отъ профессора. Затѣмъ, прижавъ руку къ груди и выпрямившись съ большимъ достоинствомъ, нѣсколько разъ повторилъ слово: «Марета». Профессоръ, нимало не смущившись, схватилъ за плечо ближайшаго индѣйца и продолжалъ свою лекцію, какъ будто въ рукахъ у него было какое-нибудь чучело, или препаратъ.

— Типъ этого племени,—докладывалъ онъ своимъ гремучимъ басомъ,—если судить по вмѣстимости черепа, лицевому углу и прочимъ признакамъ, не можетъ быть отнесенъ къ низшимъ типамъ; наоборотъ, долженъ быть поставленъ значительно выше многихъ извѣстныхъ мнѣ южноамериканскихъ племенъ краснокожихъ. Эволюція подобнаго племени на этомъ плато совершенно необъяснима. Между этими людьми и питекантропами, которыхъ мы видѣли на этомъ плато, лежитъ такая пропасть, что невозможно допустить, чтобы одни, постепенно развиваясь здѣсь, стали другими.

— Такъ какой-же дьяволъ занесъ ихъ сюда?

— Вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, вызоветъ живѣйшій интересъ и самые оживленные споры во всѣхъ ученыхъ обществахъ Европы и Америки. Насколько я могу судить—онъ выпятилъ грудь и обвелъ надменнымъ взоромъ присутствующихъ—по моему скромному разумѣнію, на этомъ плато, поставленномъ въ совершенно особыя условія развитія, эволюція дошла до позвоночныхъ, причемъ болѣе древніе типы животныхъ уцѣлѣли и продолжали уживаться съ болѣе новыми. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь современныхъ намъ животныхъ какъ, напримѣръ, тапира, имѣющаго за собой весьма длинный рядъ предковъ—большого оленя и муравѣда—и наряду съ ними пресмыкающіхся Юрскаго периода. Это ясно. Но теперь является вопросъ о совмѣстномъ сожительствѣ человѣкоподобныхъ обезьянъ—и вотъ этихъ индѣйцевъ. Какъ можно объяснить это съ научной точки зрѣнія? Я лично могу найти только одно объясненіе—что и тѣ, и другие—пришельцы извѣнія. По всей вѣроятности, въ древнія времена въ Южной Америкѣ существовали человѣкоподобные обезьяны, которая еще въ глубокой древности нашла дорогу на это плато и, развиваясь, превратились въ тѣхъ существъ, которыхъ мы видѣли и которая—онъ пристально и строго смотрѣлъ на меня—по своей вѣнчности и сложенію, еслиъ имъ сопутствовало и соответственное умственное развитіе, сдѣлали бы—я, нѣ колеблясь, утверждаю это—сдѣлали бы честь любой расѣ. Что касается индѣйцевъ, я не сомнѣваюсь, что они пришли снизу на это плато и пришли значительно позднѣе питекантроповъ, гонимые голодомъ или жаждой завоеванія. Встрѣтить здѣсь такихъ свирѣпыхъ звѣрей, какихъ они раньше никогда не видали, они укрылись въ пещерахъ, но безъ сомнѣнія, имъ пришлось вести жестокую борьбу и съ дикими звѣрями и, въ особенности, съ питекантропами, которые ненавидѣли ихъ, какъ незваныхъ гостей, и въ безпощадной войнѣ съ ними проявляли умъ и хитрость, несвойственные и самымъ крупнымъ звѣрямъ. Оттого ихъ здѣсь, повидимому, очень немного. Ну-съ, господа, разрѣшиль я

вамъ загадку, или что-нибудь для васъ еще осталось невыясненнымъ?

Профессоръ Соммерли былъ слишкомъ удрученъ для того, чтобы возражать, но все-же онъ замахалъ головой въ знакъ того, что онъ, вообще, не согласенъ со своимъ коллегой. Лордъ Джонъ только почесалъ себѣ затылокъ и сказалъ, что тутъ онъ мало компетентенъ и спорить ему не приходится. Я лично, какъ всегда, перевелъ рѣчъ на прозаическую и практическую почву, замѣтивъ, что одинъ изъ индѣйцевъ куда-то пропалъ.

— Онъ пошелъ за водой,—сказалъ лордъ Джонъ Рокстонъ.—Взялъ у меня пустую жестянку изъ подъ консервовъ и пошелъ.

— Куда? Въ старый лагерь?

— Нѣтъ, къ ручью. Онъ тутъ недалеко журчить, между деревьями. Въ сотнѣ шаговъ, не больше. Но онъ что-то замѣшился.

— Я пойду за нимъ,—предложилъ я, взялъ свою винтовку и зашагалъ по направлению къ ручью, оставивъ товарищѣ доканчивать скучный завтракъ. Вамъ можетъ показаться большой неосторожностью съ моей стороны, что я рѣшился, хотя бы не надолго, покинуть наше убѣжище, но примите во вниманіе, что обезьяній городокъ былъ далеко отъ настѣ, что враги, поскольку намъ было известно, еще не открыли нашего убѣжища и, во всякомъ случаѣ, съ ружьемъ въ руки мнѣ нечего было бояться ихъ. Тогда я еще не зналъ, какіе они сильные и хитрые.

Ручеекъ журчалъ гдѣ-то совсѣмъ близко, но сквозь чащу деревьевъ и кустарника я не могъ разглядѣть его. Только я потерялъ изъ виду своихъ товарищѣй, какъ замѣтилъ подъ однимъ изъ деревьевъ что-то красное. Подошелъ—и въ ужасѣ отшатнулся: это былъ трупъ пропавшаго индѣйца. Онъ лежалъ на боку, весь вытянувшись, съ неестественно изогнутой шеей, такъ что голова его была повернута лицомъ къ плечу. Я крикнулъ, чтобы предупредить своихъ, подбѣжалъ и нагнулся надъ трупомъ. Должно быть, мой ангелъ хранитель былъ въ эту минуту очень близокъ ко мнѣ, или же, можетъ быть, шелестъ листьевъ встрѣвожилъ меня и заставилъ взглянуть наверхъ. Изъ густой зеленой листвы, нависшей надъ моей головой, медленно спускались внизъ двѣ длинныхъ мускулистыхъ руки. Еще мигъ—и эти руки стиснули бы мое горло. Я отскочилъ назадъ, но какъ я ни былъ проворенъ, эти руки были еще проворнѣе. Одна изъ нихъ все-таки схватила меня за шею сзади, а другая—за подбородокъ. Я инстинктивно обхватилъ руками горло; въ то же мгновеніе огромная лапа скользнула по моему лицу и сжала мнѣ шею поверхъ моихъ рукъ. Я почувствовалъ себя слегка приподнятымъ надъ землей; могучая рука нестерпимо давила мнѣ шею, все больше поворачивая ее назадъ и назадъ, что вызывало нестерпимую боль въ позвоночникѣ. Я готовъ былъ лишился чувствъ, но все же уцѣпился за эту руку и оторвалъ ее отъ своего подбородка. Поднявъ голову, я увидѣлъ страшное лицо и жестокіе свѣтло-голубые глаза, глядѣвшіе на меня пристально, какъ бы гипнотизируя меня. Что-то притягивающее, властное было въ этомъ пристальномъ, недвижномъ взглядѣ. Я не въ состояніи былъ дольше бороться. Когда животное почувствовало, что силы мои ослабѣваютъ, два бѣлыхъ собачьихъ клыка на мигъ сверкнули по обѣимъ сторонамъ уродливаго рта, и мощная рука снова стала надавливать на мой подбородокъ, закидывая мою голову вверхъ и назадъ. Туманъ поплылъ передъ моими глазами; серебристые колокольчики зазвенѣли въ ушахъ. Откуда то глухо, какъ будто издали, донесся звукъ ружейного выстрѣла; я ощущилъ слабый толчокъ, упалъ и остался лежать на землѣ безъ движенія и безъ сознанія.

Очнулся я уже на травѣ въ нашей берлогѣ. Кто-то принесъ воды изъ ручья, и лордъ Джонъ обрызгивалъ ею мнѣ

голову, а Чалленджеръ и Соммерли съ озабоченными лицами поддерживали меня подъ руки. Изъ-подъ масокъ ученихъ вдругъ простили человѣческія лица. Я былъ не столько изувѣченъ, сколько нервно потрясенъ, оттого и упалъ, и черезъ полчаса, несмотря на адскую боль въ спинѣ и невозможность повернуть шею, все же могъ сидѣть и разсуждать, какъ здоровый.

— Ну, и напугали же вы насъ, голубчики!—говорилъ лордъ Джонъ.—Вѣдь это могло стоить вамъ жизни, мальчикъ мой милый. Когда я услышалъ вашъ крикъ, кинулся сюда и увидѣлъ, что ваши ноги болтаются въ воздухѣ, а голова наполовину откручена, я ужъ думалъ: останется насъ только трое. Я выстрѣлилъ настѣхѣ и промахнулся, на этотъ разъ негодяй все-таки струсили, бросилъ васъ и самъ улизнулъ. Ахъ, чортъ. Жалко, что у меня нѣть подъ рукой человѣкъ пятидесяти съ винтовками! Я бы перестрѣлялъ всѣхъ этихъ мерзавцевъ и очистилъ отъ нихъ эту мѣстность.

Теперь ясно было, что питекантропы подмѣтили, куда мы укрылись и что за нами со всѣхъ сторонъ наблюдаютъ. Днемъ намъ особенно нечего было ихъ бояться, но ночью они легко могли напасть на насъ скопомъ; поэтому лучше было поскорѣе убраться отъ такого опаснаго сосѣдства. Съ трехъ сторонъ насъ обстутила густая чаща лѣса, гдѣ мы легко могли очутиться въ засадѣ. Но съ четвертой—отлого спускавшейся къ озеру, росъ только низкій кустарникъ съ разбросанными кой-гдѣ деревьями и мѣстами совсѣмъ открытыми прогалинами. Это былъ тотъ же путь, которымъ я шелъ во время моей одинокой прогулки и который привелъ меня къ пещерамъ индѣйцевъ. Очевидно, намъ и слѣдовало ити этимъ путемъ.

Объ одномъ мы жалѣли—что приходится бросить нашъ старый лагерь—не только потому, что тамъ было еще много припасовъ, но и потому, что уходя оттуда, мы теряли Замбо, единственное звено, связывавшее насъ съ вѣнчимъ міромъ. Все же, ружья наши были при насъ и патроновъ въ запасѣ достаточно, такъ что на время уйти мы могли, а тамъ дѣсть Богъ, можно будетъ и възстановить сообщеніе съ нашимъ вѣрнымъ негромъ. Онъ торжественно обѣщалъ ждать насъ на вершинѣ утеса, и мы не сомнѣвались, что онъ сдержитъ слово.

Едва перевалило за полдень, мы пустились въ путь. Юный вождь шелъ впереди, какъ вожатый, но съ негодованиемъ отказался нести какую-бы то ни было ношу. Всѣдѣ за нимъ шли двое уцѣлѣвшихъ индѣйцевъ, неся на плечахъ наши скучные пожитки. Мы, четверо бѣлыхъ, шли въ арьергардѣ, держа ружья наготовѣ. Когда мы тронулись, всѣдѣ намъ понеслось изъ чащи лѣса громкое улюлюканье питекантроповъ—былъ ли то крикъ торжества, или презрительная насмѣшка надъ нашимъ бѣгствомъ,—мы не знали. Оглядываясь назадъ, мы видѣли лишь густой зеленый наѣвъ, но, судя по гвалту, который несся изъ подъ этого наѣвса, нашихъ враговъ было тамъ много. Однако, пуститься въ погоню за нами они не посмѣли, и вскорѣ мы были уже на открытомъ мѣстѣ, за предѣлами ихъ власти.

Шагая позади товарищѣй, я не могъ не улыбаться, глядя на нихъ. Это ли изысканный щеголь, лордъ Джонъ Рокстонъ, котораго я такъ еще недавно видѣлъ у него дома, въ роскошномъ кабинетѣ, посреди персидскихъ ковровъ и картинъ, тонущихъ въ тѣни розовыхъ абажуровъ? Это ли импозантный профессоръ, массивная фигура котораго на эстрадѣ казалась такой внушительной? Это ли, наконецъ, строгій и чопорный Соммерли? Всѣ трое были въ грязи, въ крови, оборванные, какъ послѣдніе бродяги; всѣ безъ шляпъ, съ головами, повязанными носовыми платками, съ небритыми, неузнаваемыми лицами. И Чалленджеръ, и Соммерли, оба хромали; я отъ слабости еле волочилъ ноги

после утреннего моего приключения, а шея моя была твердая и не гнувшаяся, какъ мраморная доска. Мы представили собой довольно таки жалкое зрѣлище, и я не увидалъ, что индѣйцы оглядывались на насъ порою со страхомъ и изумлениемъ.

Подъ вечеръ мы достигли берега озера, и, когда передъ нами засияла водная глядь, наши краснокожіе спутники подняли радостный крикъ, указывая на что-то впереди. Дѣйствительно, это было дивное зрѣлище. По зеркальной водѣ плыла цѣлая флотилія членковъ, направляясь къ берегу, на которомъ мы находились. Когда мы впервые замѣтили ихъ, они были отъ насъ на разстояніи пѣсколькихъ миль, но подвигались очень быстро, и вскорѣ гребцы и наши индѣйцы могли разглядѣть другъ друга. Съ громкими, восторженными криками они повскакали съ мѣстъ, какъ сумасшедши размахивая въ воздухѣ веслами и копьями. Затѣмъ, съ новою силой налегли на весла, причалили къ берегу и простерлись ницъ передъ юнымъ вождемъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, пожилой человѣкъ въ ожерельѣ и браслетахъ изъ крупныхъ блестящихъ стеклянныхъ бусъ, съ пакинутой на плечи шкурой какого-то красиваго пестрого звѣря, выбѣжалъ впередъ и нѣжно обнялъ спасенаго нами юношу. Потомъ посмотрѣлъ на насъ, задалъ пѣсколько вопросовъ и, получивъ отъ своихъ отвѣты, съ достоинствомъ приблизился къ намъ и каждого изъ насъ по очереди прижалъ къ своей груди. Затѣмъ, по знаку его, все племя пало ницъ передъ нами, воздавая намъ честь и хвалу. Лично я чувствовалъ себя въ эту минуту очень неловко, и читаль то же чувство на лицахъ лорда Джона и Соммерли, но профессоръ Чалленджеръ расцвѣлъ, какъ цветокъ на солнцѣ.

— Можетъ быть, это и недостаточно развитая раса, — молвилъ онъ, самодовольно поглаживая бороду и поглядывая на насъ, — но поведеніе ихъ по отношению къ тѣмъ, кто выше ихъ, могло бы послужить примѣромъ нѣкоторымъ и цивилизованнымъ европейцамъ. Странно, какимъ вѣрнымъ чутью одарены человѣкъ, близкій къ природѣ!

Было очевидно, что туземцы собрались на войну: всѣ они были вооружены копьями — длинными бамбуковыми палками съ костянымъ наконечникомъ — луками и стрѣлами, и, кромѣ того, у каждого еще была привѣшена сбоку дубинка или же каменный топорь. Ихъ мрачные здѣбные взгляды, которые снѣ бросали на лѣсъ вдали, повторяя снова и снова слово: «Дада!», ясно показывали, что это былъ отрядъ, посланный на выручку, или для мести за сына вождя. Все племя усѣлось на четвереньки, въ кружокъ, и припялъся собѣщаться; мы же усѣлись по близости на глыбу базальта, наблюдая за ними. Троє или четверо по очереди говорили; затѣмъ нашъ юный другъ произнесъ краснорѣчивую рѣчь, сопровождавшуюся такими выразительными жестами, чѣ, и не зная языка, мы поняли все имъ сказанное.

— Что пользы возвращаться обратно? — говорилъ онъ. — Рано или поздно это падо будетъ сдѣлать. Наша товарищи умерщвлены. Что изъ того, что я возвратился невредимымъ? Другіе преданы смерти. Никто изъ насъ не можетъ считать себя въ безопасности. Теперь мы всѣ въ сборѣ и готовы. — Онъ указалъ на насъ. — Эти туземцы — друзья намъ. Они доблестные воины и ненавидятъ людей-обезьянъ не менѣе нашего. Они управляютъ громомъ и молнией. — Онъ указалъ на небо. — Отчего бы намъ снова не попытать счастья съ ними? Идемъ впередъ и либо умремъ, либо обезпечимъ себѣ спокойную жизнь на будущее. А иначе, можемъ ли мы вернуться безъ стыда къ нашимъ женамъ?

Маленькие краснокожіе воины съ жадностью впивали каждое слово оратора и, когда онъ кончилъ, восторженными кликами выразили свое одобрение, потрясая копьями въ воздухѣ. Старый вождь подошелъ къ намъ и о чѣмъ

то спросилъ насъ, указывая на лѣсъ. Лордъ Джонъ сдѣлалъ ему знакъ подождать отвѣта и повернулся къ намъ.

— Ну-съ, господа, рѣшайте, что намъ дѣлать. Я лично очень не прочь покончить разъ навсегда съ этими погаными обезьянами и, если онѣ исчезнутъ съ лица земли, мнѣ кажется, землѣ не о чѣмъ будетъ жалѣть. Я иду съ этими краснокожими человѣчками и намѣренъ оказать имъ посильную помощь. А вы что скажете, юноша?

— Разумѣется, я тоже пойду.

— А вы, Чалленджеръ.

— Я, конечно, отъ товарищей не отстану.

— А вы, Соммерли?

— Мы что-то ужъ слишкомъ отдалились отъ цѣли нашей экспедиціи, лордъ Джонъ. Смѣю васъ уѣть, что, покидая свою кафедру въ Лондонѣ, я вовсе не предполагалъ, что мнѣ придется руководить походомъ дикарей на колонію человѣкоподобныхъ обезьянъ.

— Приходится иной разъ браться и за черную работу, — усмѣхнулся лордъ Джонъ. — Ну-съ, такъ какъ же вы рѣшаете?

— Благоразумно ли мы поступаемъ, — это подлежитъ большому сомнѣнію. Но, если вы всѣ пойдете, какъ же мнѣ отстать отъ васъ?

— Значить, вопросъ рѣшентъ, — молвилъ лордъ Джонъ, повернувшись къ старому вождю, кивнувъ головой и щелкнувъ куркомъ ружья. Старикъ скжаль руку, сначала ему, потомъ всѣмъ намъ по очереди, а его подчиненные снова подняли громкій радостный крикъ. Часъ былъ уже поздній, наступленіе пришло отложить, и индѣйцы расположились на ночь бивакомъ. Со всѣхъ сторонъ засверкали и задымились костры. Нѣсколько краснокожихъ скрылись въ чащѣ и вернулись, гоня передъ собой молодого игуанодона. Какъ и у всѣхъ прочихъ, у него было асфальтовое пятно на плечѣ и, только, когда одинъ изъ туземцевъ съ видомъ собственника вышелъ впередъ и, видимо, далъ свое согласіе на закланіе принадлежавшаго ему животнаго, мы поняли, что эти огромныя твари — составляютъ здѣсь частную собственность, какъ у насъ стадо коровъ, и пятна на нихъ — не что иное, какъ мѣтки владѣльцевъ. Тяжелый, неповоротливый и питающійся растительной пищей, съ огромнымъ тѣломъ и крохотнымъ мозгомъ, игуанодонъ былъ кротокъ и послушенъ даже ребенку. Черезъ нѣсколько минутъ колоссальное животное было убито, и куски его мяса жарились падь дюжиной костровъ, вмѣстѣ съ разрѣзанной на куски огромною рыбой, убитой багромъ.

Соммерли прилегъ и уснулъ на пескѣ, но мы трое долго еще бродили по берегу, знакомясь съ этой невиданной, странной землей. Дважды намъ попадались ямы съ голубою глиной, точно такой какую мы видѣли въ болотѣ птеродактилей. Это были воронки потухшихъ вулкановъ, почему то чрезвычайно интересовавшія лорда Джона. Чалленджеръ, наоборотъ, всего больше заинтересовался клокочущимъ и булькающимъ горячимъ грязевымъ источникомъ, гейзеромъ, выдѣлявшимъ какой-то странный газъ; на поверхности его поминутно вскачивали и лопались, какъ мыльные пузыри, шарики газа. Онъ сунулъ въ гейзеръ полынь внутри тростника и, какъ школьникъ, закричалъ отъ радости, когда прикоснувшись къ тростнику замкнутою спичкой, вызвалъ трескъ взрыва и синеватый огонекъ на другомъ концѣ тростниковой трубки. Но еще больше обрадовался онъ, когда кожаная сумка, сунутая имъ въ гейзеръ на концѣ тростника и наполнившаяся газомъ, шипя, взлетѣла на воздухъ.

— Легко воспламеняющійся газъ, много легче атмосферного воздуха. Не боясь ошибиться, я утверждаю, что онъ содержитъ въ себѣ значительное количество водорода въ свободномъ состояніи. Молодой человѣкъ, ресурсы Д. Э. Ч. еще не исчерпаны. Онъ, можетъ быть, еще

показать вамъ, какъ великий умъ умѣеть утилизировать все въ природѣ.—Его видимо, распиралъ какой-то тайный замыселъ, но онъ, все-таки, удержался и ничего не сказалъ намъ.

Мнѣ лично самое озеро казалось гораздо интереснѣе его береговъ. Мы надѣлали столько шуму, что спугнули оттуда все живое и кромѣ нѣсколькихъ птеродактилей, описывавшихъ круги надъ нашими головами, въ ожиданіи падали, въ лагерѣ и вокругъ него все было тихо. Иное дѣло на озерѣ. Розоватыя воды его кипѣли жизнью. Въ нихъ то и дѣло мелькали большія, аспиднаго цвѣта спины съ высокими вѣбчатыми плавниками и вновь исчезали въ глубинѣ. Въ прибрежномъ пескѣ копотились огромныя черепахи и еще какія-то причудливой формы пресмыкающіеся; особенно поразило меня огромное плоское созданіе, похожее на живой вздрагивающій коврикъ изъ черной засаленной кожи, медленно ползшее къ водѣ. Тамъ и сямъ изъ воды высывалась змѣиная голова на длинной высокой шеѣ, быстро разрѣзая воду, отчего спереди у нея получалось какъ-бы ожерелье изъ бѣлой пѣны, а сзади длинный струящійся слѣдъ, словно это проплылъ большой лебедь. Одна изъ этихъ тварей выбросилась на берегъ, неподалеку отъ насъ, обнаруживъ огромное бочкообразное тѣло съ высокими плавниками позади, длинной змѣиной шеей; и наши оба профессора, бросившіеся туда, подняли восторженный крикъ:

— Плезіозавръ! Прѣсповодный плезіозавръ!—воскликнула Соммерли,—думалъ ли я дожить до этого? Ну и повезло же намъ, дорогой мой, Чалленджеръ! Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, еще ни одному зоологу такъ не везло.

Только, когда совсѣмъ смерклось, и огни костровъ засверкали красными звѣздочками во мракѣ, нашихъ ученыхъ удалось увести отъ этого первобытнаго озера, притягивавшаго ихъ неотразимыми чарами. Дажѣ потому, лежа на пескѣ, мы время отъ времени слышали фырканье и тяжелые всплески огромныхъ тварей, обитавшихъ въ водахъ его.

Чуть свѣтъ, всѣ въ нашемъ лагерѣ были уже на ногахъ и, часъ спустя, мы выступали въ походъ. Какъ часто мнѣ хоѣлось быть военнымъ корреспондентомъ. Но могъ ли я думать, что попаду на такую войну? Вотъ первый мой рапортъ съ поля брані.

Въ продолженіе ночи къ намъ все время прибывала подмога—свѣжіе вспомогательные отряды изъ пещеръ, и къ утру наше было уже человѣкъ четыреста или пятьсотъ. Развѣдчиковъ выслали впередъ, а за ними тяжелой колонной выступалъ остальномъ отрядъ, неторопливо поднимаясь по скату, пока не дошелъ до опушки лѣса. Здѣсь онъ вытянулся въ длинную линію, раздѣлившись на копѣюсцевъ и лучниковъ. Рокстонъ и Соммерли помѣстились на правомъ флангѣ; мы съ Чалленджеромъ—на лѣвомъ. Словно каменный вѣкъ живой воскресъ передъ нами, а мы готовились помочь въ битвѣ людямъ каменнаго вѣка съ оружиемъ новѣйшаго образа, купленнымъ въ лучшемъ оружейномъ магазинѣ въ Джемсъ-стритѣ.

Ждать непріятеля пришлось не долго. Изъ лѣсу донесся дикий, пронзительный крикъ, и неожиданно оттуда выскочила цѣлая стая людей-обезьянь, очевидно, съ намѣреніемъ прорвать центръ наступавшихъ. Это было смѣлое, но нелѣпое движение, такъ какъ кривоногіе питекантропы двигались по землѣ неуклюже и медленно, въ то время, какъ противники ихъ были быстры и увертливы, какъ кошки. Страшно было глядѣть, какъ свирѣпые уродливые питекантропы съ пѣней у рта и горящими злой глазами набрасывались на людей, не умѣя во время схватить ихъ, между тѣмъ какъ стрѣла за стрѣлой врѣзывалась въ ихъ ряды, производя жестокое опустошеніе. Возлѣ меня огромный питекантроп, катаясь по землѣ, выль отъ боли—изъ

груди и реберъ его торчали наружу до дюжины стрѣлъ. Изъ состраданія, я пристрѣлилъ его, и онъ растянулся между огромными кактусами. Но только мнѣ, пока, и пришлось стрѣлять, такъ какъ атака была направлена на центръ наступленія, и для того, чтобы отбить ее, индѣйцы не нуждались въ нашей помощи. Изъ всего отряда питекантроповъ, выскочившаго изъ лѣса, едва ли хоть одинъ вернулся обратно.

Но, когда мы очутились между деревьями, дѣло стало серьезнѣе. Загязалась отчаянная борьба, и были моменты, когда мы были увѣрены, что намъ не сдѣлать. Питекантропы съ тяжелыми дубинами въ рукахъ накидывались на индѣйцевъ и нерѣдко успѣвали убить троихъ-четверыхъ, прежде чѣмъ мѣткая стрѣла выводила ихъ изъ строя. Одинъ изъ этихъ страшныхъ ударовъ выпавшихъ во всѣ стороны, раздробилъ въ щепки ружье Соммерли, а другой раздробилъ бы и его черепъ, если-бы стоявшій рядомъ индѣнецъ не угодилъ копьемъ въ самое сердце питекантропу. Другіе люди-обезьяны съ деревьевъ бросали въ насъ камнями и бревнами, иной разъ и сами, свергнувшись съ дерева, падали на индѣйцевъ и пускали въ ходъ свои могучія, цѣпкія руки, душа враговъ, за горло. Былъ моментъ, когда краснокожіе дрогнули, и если-бы не наши винтовки, вѣрное, обратились бы вспять. Но старый вождь сумѣлъ такъ подбодрить ихъ, что они съ новой яростью ударили на питекантроповъ, и тѣ, въ свою очередь, стали отступать. Соммерли стоялъ безоружный, но я едва успѣвалъ спускать курокъ, а на другомъ флангѣ такъ и трещали выстрѣлы нашихъ товарищѣй. Паника напала на питекантроповъ. Съ крикомъ и всомъ они бросились въ разсыпную по лѣсу; индѣйцы же съ дикими кликами торжества устремились за ними въ погоню. Вся вѣковая вражда, вся ненависть и злоба, накопившіяся за сотни лѣтъ, вылились наружу въ этотъ день мести за всѣ вынесенные обиды и гоненія. Наконецъ-то человѣкъ будетъ господиномъ на здѣшней землѣ! Какъ ни спѣшили бѣглецы, все же не уйти имъ было отъ проворныхъ индѣйцевъ, и со всѣхъ концовъ лѣса до насъ доносились ликующіе клики, трескъ ломающихся вѣтвей и тяжелый стукъ паденія, когда питекантропы соскакивали съ деревьевъ, на которыхъ они прятались.

Я бѣжалъ вслѣдъ за другими, но по дорогѣ столкнулся съ лордомъ Джономъ и Чалленджеромъ, бѣжавшими намъ наперерѣзъ.

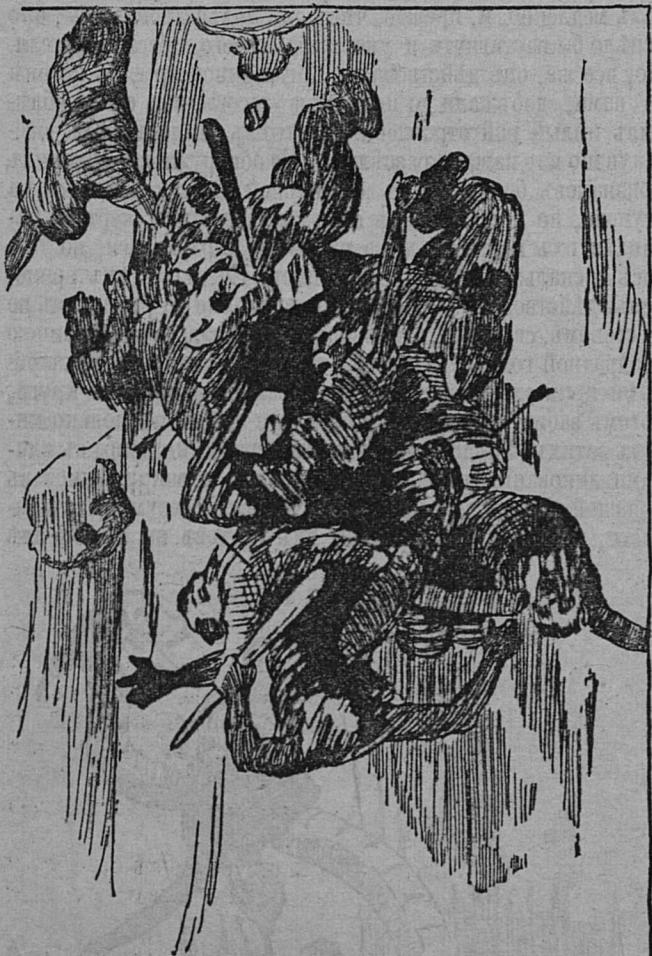
— Все кончено,—сказалъ лордъ Джонъ.—Я думаю, остальное слѣдуетъ предоставить имъ самимъ. Пожалуй, чѣмъ менѣе мы будемъ смотрѣть на эту бойню, тѣмъ лучше мы будемъ спать сегодня.

Но «эта бойня» зажигала яркій блескъ въ глазахъ Чаллендера. Онъ весь напыжился, какъ боевой пѣтухъ.

— Намъ посчастливилось присутствовать при одной изъ рѣшающихъ историческихъ битвъ—битвъ, обусловившихъ собой участъ міра. Что такое, друзья мои, побѣда одной націи надъ другой? Резултатъ безразличенъ. Но эти яростныя битвы, когда, на зарѣ вѣковъ, пещерные жители впервые одолѣли тигровъ, или слоны впервые почувствовали надъ собою господина,—вотъ это настоящія побѣды, которыхъ стоятъ многаго. И надо же было, чтобы намъ довелось сыграть рѣшающую роль въ такой битвѣ! Отнынѣ на этомъ плато будущее принадлежитъ человѣку.

Нужна была сильная вѣра въ конечную цѣль, чтобы оправдать такія жестокія средства. Въ лѣсу намъ то и дѣло попадались груды тѣлъ питекантроповъ, пронзенныхъ копьями или стрѣлами. Мѣстами возлѣ трупа убитаго животнаго лежала и кучка труповъ краснокожихъ—видно было, что здѣсь разъяренный питекантропъ дорого продалъ всю жизнь. А впереди раздавались все тѣ же торжествующіе крики, указывавшіе намъ направлѣніе погони. Людей-обезьянъ загнали обратно въ ихъ городокъ, гдѣ они въ послѣдній

разъ попробовали оказать сопротивление и снова были разбиты. Мы поспѣли какъ разъ во время, чтобы присутствовать при заключительной страшной сценѣ. Около сотни самцовъ питекантроповъ, затравленные, толпились у края утеса, который мы уже видѣли два дня назадъ. Индѣйцы съ копьями въ рукахъ полуокругомъ обступили ихъ—и черезъ милю все было кончено. Штука тридцать-сорокъ были пронзены на мѣстѣ; остальные сброшены въ пропасть, и полетѣли на тѣ самые острые бамбуки, на которые они сбрасывали своихъ враговъ. Чалленджеръ правду сказалъ:

... Остальные были сброшены въ пропасть...

отнынѣ владычество человѣка было обеспечено на Землѣ Мэпль Уайта. Самцы были истреблены, обезьяній городокъ разрушен; самки и дѣтиныши уведены въ плѣнъ и рабство; вѣковой распѣвъ положенъ кровавый конецъ.

Намъ побѣда индѣйцевъ была очень выгодна. Теперь мы могли вернуться въ нашъ лагерь, взять новую одежду и новый запасъ провизіи. Могли повидаться и съ вѣрнымъ Замбо, который издали въ ужасъ глядѣлъ на этотъ ливень обезьянъ, падавшихъ, какъ спѣлья груши, съ деревьевъ.

— Уходите оттуда! Уходите!—кричали они намъ, что есть мочи пяля глаза и вращая синеватыми бѣлками. — Если вы останетесь, вы, навѣрное, попадете къ дьяволу въ лапы.

— Это голосъ благоразумія,—съ убѣжденіемъ подхватилъ Соммерли. Достаточно съ насъ приключений, совершенно не подобающихъ ни положенію нашему, ни нашимъ вкусымъ. Чалленджеръ, помните, вы дали слово. Отнынѣ вы обязаны посвятить всю вашу энергию тому, что найти какой-нибудь способъ вернуться изъ этой страны ужасовъ въ цивилизованный міръ.

Глава XV.

Великія чудеса дано было намъ увидать.

Я пишу каждый день понемножку, но убѣжденъ, что раньше, чѣмъ я кончу, намъ сквозь тучи, наконецъ, заблещетъ солнце. Мы здесь живемъ вродѣ, какъ плѣнны, не зная хорошенько, какъ намъ выбраться отсюда, и это очень огорчаетъ и злить насъ всѣхъ четверыхъ. А, все же, можетъ быть придетъ день, когда мы порадуемся, что насъ удержали тутъ противъ нашей воли, чтобы мы еще могли наглядѣться на чудеса этой единственной въ мірѣ страны и на странныхъ ея обитателей.

Побѣда индѣйцевъ надъ питекантропами и истребление этихъ послѣднихъ были поворотнымъ пунктомъ въ нашихъ здѣшнихъ приключеніяхъ. Съ этого дня мы стали, фактически, господами на плато Мэпль Уайта, ибо, послѣ того, какъ невѣдомыя чары, которыми мы владѣемъ, помогли имъ избавиться отъ своего извѣчнаго врага, они смотрѣть на насъ съ признательностью, смѣшанной со страхомъ. Они, можетъ быть, и сами были бы рады отдѣлаться отъ такихъ грозныхъ союзниковъ, отъ которыхъ не знаешь, чего еще ждать, но до сихъ поръ еще не указали намъ ни единаго способа, какъ спуститься отсюда внизъ, на равнину. Знаками, если только мы правильно поняли ихъ, они намъ показывали, что прежде можно было попасть сюда и обратно че-резъ туннель, нижнее выходное отверстіе котораго мы видѣли въ пещерѣ. Несомнѣнно, и индѣйцы, и питекантропы, въ разное время, попали сюда именно че-резъ этотъ тоннель, че-резъ него же проложили себѣ путь на плато и Мэпль Уайтъ со своимъ товарищемъ. Но въ прошломъ году вѣдѣ было страшное землетрясеніе, и верхній конецъ туннеля заваленъ землей. Когда мы знаками выражали свое желаніе спуститься внизъ и спрашивали, какъ же намъ теперь это сдѣлать, индѣйцы только пожимали плечами и качали головами. Я не знаю въ чёмъ дѣло—не могутъ они, или просто не хотятъ помочь намъ уйти отсюда.

Побѣдоносная кампанія завершилась тѣмъ, что оставшіеся въ живыхъ питекантропы, съ отчаяннымъ, жалобнымъ воемъ были прогнаны че-резъ все плато и поселены вблизи индѣйскихъ пещеръ, где они отнынѣ будутъ жить, въ качествѣ порабощенной расы, подъ присмотромъ своихъ господъ,—какъ евреи въ Вавилонѣ, или въ Египтѣ. По но-чамъ до насъ доносятся изъ-за деревьевъ жалобные, прѣтѣн-ные вопли, словно какой-то первобытный Іезекіиль скор-бить обѣ утраченномъ величіи и славѣ обезьяняго города. Отнынѣ ихъ удѣлъ—быть дровосѣками и водоносами, на службѣ у человѣка.

Два дня спустя послѣ битвы, мы, съ помощью нашихъ союзниковъ перенесли свой лагерь къ подножью утесовъ. Они наставили, чтобы мы поселились съ ними, въ пещерахъ, но лордъ Джонъ рѣшительно воспротивился этому, доказывая, что это можетъ быть опаснымъ: если-бы индѣйцы замыслили какое-либо вѣроломство по отношенію къ намъ, тамъ, въ пещерахъ, мы будемъ всецѣло въ ихъ власти. Поэтому мы остались независимыми и, на всякий случай, держимъ оружіе наготовѣ, хотя отношенія у насъ съ индѣйцами самыя дружественные. Мы часто посѣщаемъ ихъ пещеры, замѣчательныя въ своемъ родѣ, хотя намъ до сихъ порѣ не удалось опредѣлить, чьихъ рукъ онѣ дѣло—человѣка, или природы. Всѣ онѣ выдолблены въ одномъ и томъ же пластѣ мягкаго камня, лежащемъ между вулканическаго про-исхожденія базальтомъ, образовавшимъ красные утесы надъ ними, и твердымъ гранитомъ, составляющимъ ихъ основа-ніе.

Отверстія пещеръ находятся на высотѣ 80 футъ надъ землей, и къ нимъ ведутъ высокія выдолбленные въ камѣ лѣстницы, такія узкія и крутыя, что ни одно крупное живое не могло бы взобраться по нимъ. Внутри онѣ сухія и теплые, идуть прямymi коридорами различной длины

вглубь горы; гладкія сѣрыя стѣны ихъ изукрашены множествомъ превосходныхъ рисунковъ, изображающихъ, по большей части, различныхъ животныхъ, имѣющихъ на плато; рисунки сдѣланы острымъ концомъ обожженного тростника. Если бы даже и все живое на этомъ плато погибло, будущій изслѣдователь Земли Мэпл Уайта найдеть на стѣнахъ этихъ пещеръ убѣдительная доказательства тому, что еще недавно, на землѣ жили причудливой формы животные—динозавры, игуанодоны и земноводныя, представляющія собою помѣсь рыбы съ ящерицей.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали, что огромные игуанодоны совершенно покорены и приручены человѣкомъ и ходятъ стадами, принадлежащими опредѣленнымъ владѣльцамъ, которые ихъ убиваютъ на мясо, мы рѣшили, что человѣкъ, даже при помощи первобытнаго оружія умѣль стать господиномъ на первобытной землѣ. Однако, вскорѣ, мы убѣдились, что это не совсѣмъ такъ и что его все еще только терпятъ здѣсь. На третій день послѣ того, какъ мы перенесли свой лагерь поближе къ пещерамъ, разыгралась трагедія. Чалленджеръ и Соммерлі отправились къ озеру, въ сопровождѣніи нѣсколькихъ туземцевъ, которые, подъ ихъ руководствомъ, убивали гарпуномъ интереснѣйшіе образчики водяныхъ ящерицъ. Мы съ лордомъ Джономъ остались въ лагерѣ; большинство индѣйцевъ покинули свои пещеры и расположились на поросшемъ травою скатѣ передъ пещерами, занимаясь разными своими дѣлами. Неожиданно раздался пронзительный предостерегающій крикъ и слово: «Стоа!», повторяемое сотнею голосовъ заразъ. И мы увидали бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ къ пещерамъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, обезумѣвшихъ отъ страха, торопливо карабкающихся по лѣстницамъ, спасаясь въ надежное убѣжище отъ невѣдомой опасности.

Сверху они махали намъ руками, знаками давая понять, что и намъ надо поскорѣй присоединиться къ нимъ. Мы оба схватили свои ружья и выбѣжали поглядѣть, въ чѣмъ дѣло. Неожиданно изъ ближайшей куши деревьевъ выбѣжало человѣкъ пятнадцать индѣйцевъ; они мчались, что было духу, а за ними по пятамъ—два грозныхъ чудовища, ихъ тѣхъ, которыя оупостили нашъ первый лагерь и гнались за мной во время моей одинокой прогулки. Видомъ они походили на гигантскихъ уродливыхъ жабъ и подвигались впередъ прыжками, какъ жабы, но ростомъ были больше самаго большого слона. До сихъ поръ мы никогда не видали ихъ днемъ, и, въ сущности, они, дѣйствительно, выходятъ изъ своихъ берлогъ только ночью, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ потревожатъ во время дневнаго сна. Мы были прикованы къ мѣсту этимъ изумительнымъ зѣблищемъ, такъ какъ пятнистая и бородавчатая кожа чудовищъ отливала перламутромъ, какъ рыбья чешуя и подъ солнцемъ переливалась всѣми красками радуги.

Однако, наблюдать намъ пришлось недолго, такъ какъ чудовища настигли бѣгущихъ и началось ужасающее опустошеніе. Динозавры наскакивали на каждого по очереди, наваливались на него всей своей тяжестью и, оставивъ его изувѣченнымъ и раздавленнымъ, въ присюку бѣжали дальше, за другими.

Несчастные индѣйцы визжали отъ страха, но, какъ ни напрягали силы, не могли убѣжать отъ неуловимыхъ и проворныхъ, несмотря на свою неуклюжесть, чудовищъ. Одинъ изъ другимъ, они погибали на нашихъ глазахъ, и, прежде, чѣмъ мы съ лордомъ Джономъ, поспѣли имъ на помощь, ихъ осталось уже не болѣе полдюжины. Но помочь то имъ мы не помогли, а сами подвергли себя той же опасности. На расстояніи двухсотъ ярдовъ мы опорожнили свои магазины, всаживая пулью за пулью въ кожу страшныхъ животныхъ, но тѣ принимали это такъ же равнодушно, какъ еслибы мы швыряли въ нихъ комками бумаги. Какъ истыя пресмыкающіяся, они были неуязвимы, такъ какъ центры ихъ жизненной энергіи не были сосредоточены въ мозгу, но разбросаны по всему позвоночнику, и современнымъ оружіемъ съ ними ничего пелья было подѣлать. Самое большое, что мы могли сдѣлать—это отвлечь ихъ вниманіе вспышками огня и громомъ выстрѣловъ и дать время индѣйцамъ и себѣ самимъ добѣжать до лѣстницъ, ведущихъ къ спасенію. Но тамъ, гдѣ были безсильны коническая разрывная пули двадцатаго вѣка, отравленныя стрѣлы туземцевъ, обмокнутыя въ сокъ строфанта и затѣмъ въ разлагающемся гнюще мясо, вполнѣ достигали цѣли. Для охотника, преслѣдующаго чудовище, пользы отъ такихъ стрѣлъ было мало, такъ какъ при медлительности его кроваобращенія, ядъ, дѣйствовалъ медленно, и, прежде, чѣмъ онъ подѣйствовалъ бы, оно успѣло бы настигнуть и умертвить своего преслѣдователя. Но, все же, онъ дѣйствовалъ. Когда динозавры, въ погонѣ за нами, добѣжали до подножья утесовъ, ихъ сразу облѣпилъ цѣлый рой отравленныхъ стрѣлъ, вылетавшихъ ежесекундно изъ каждой разсѣлины. Не обнаруживая никакихъ признаковъ боли, они въ безсильной ярости кидались на ступени, по которымъ отъ нихъ скрылись ихъ жертвы, царапали ихъ когтями, даже начинали карабкаться, но тѣ часъ соскальзывали обратно, внизъ. Но, ядъ, тѣмъ временемъ, дѣйствовалъ. Одинъ съ громкимъ не то рычаньемъ, не то стономъ, свалился, ударившись объ землю своей огромной квадратной головой. Другой, съ пронзительными, жалобными криками завертелся, описывая неправильные круги, потомъ забился въ агонію на землѣ и черезъ нѣсколько минутъ затихъ. Убѣжившись, что оба мертвы, индѣйцы съ кликами ликованія высыпали изъ пещеръ и закружились въ бѣшеной пляскѣ вокругъ мертвыхъ тѣлъ, обезумѣвъ отъ радости, что двое опаснѣйшихъ ихъ враговъ на этой землѣ

съны по всему позвоночнику, и современнымъ оружіемъ съ ними ничего пелья было подѣлать. Самое большое, что мы могли сдѣлать—это отвлечь ихъ вниманіе вспышками огня и громомъ выстрѣловъ и дать время индѣйцамъ и себѣ самимъ добѣжать до лѣстницъ, ведущихъ къ спасенію. Но тамъ, гдѣ были безсильны коническая разрывная пули двадцатаго вѣка, отравленныя стрѣлы туземцевъ, обмокнутыя въ сокъ строфанта и затѣмъ въ разлагающемся гнюще мясо, вполнѣ достигали цѣли. Для охотника, преслѣдующаго чудовище, пользы отъ такихъ стрѣлъ было мало, такъ какъ при медлительности его кроваобращенія, ядъ, дѣйствовалъ медленно, и, прежде, чѣмъ онъ подѣйствовалъ бы, оно успѣло бы настигнуть и умертвить своего преслѣдователя. Но, все же, онъ дѣйствовалъ. Когда динозавры, въ погонѣ за нами, добѣжали до подножья утесовъ, ихъ сразу облѣпилъ цѣлый рой отравленныхъ стрѣлъ, вылетавшихъ ежесекундно изъ каждой разсѣлины. Не обнаруживая никакихъ признаковъ боли, они въ безсильной ярости кидались на ступени, по которымъ отъ нихъ скрылись ихъ жертвы, царапали ихъ когтями, даже начинали карабкаться, но тѣ часъ соскальзывали обратно, внизъ. Но, ядъ, тѣмъ временемъ, дѣйствовалъ. Одинъ съ громкимъ не то рычаньемъ, не то стономъ, свалился, ударившись объ землю своей огромной квадратной головой. Другой, съ пронзительными, жалобными криками завертелся, описывая неправильные круги, потомъ забился въ агонію на землѣ и черезъ нѣсколько минутъ затихъ. Убѣжившись, что оба мертвы, индѣйцы съ кликами ликованія высыпали изъ пещеръ и закружились въ бѣшеной пляскѣ вокругъ мертвыхъ тѣлъ, обезумѣвъ отъ радости, что двое опаснѣйшихъ ихъ враговъ на этой землѣ

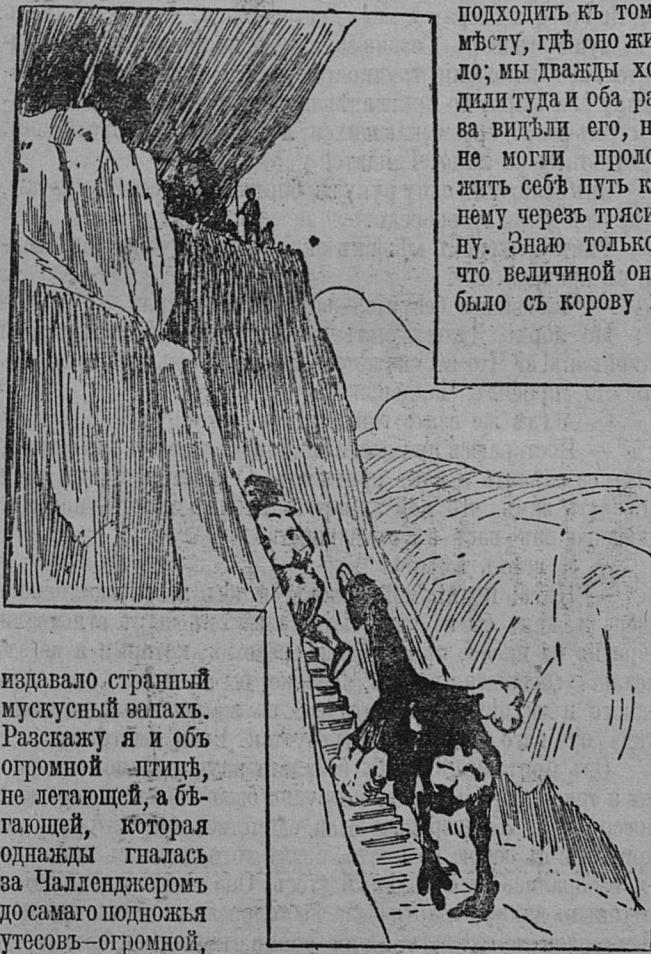

Изъ тростниківъ высунулась зеленая водяная змѣя и мгновенно скжала въ своихъ могучихъ кольцахъ нашего рулеваго... (См. стр. 41).

перестали существовать. Въ ту же ночь они разрушили на части и унесли трупы чудовищ—во избѣжаніе заразы: быть ихъ целью было, такъ какъ ядъ продолжаетъ дѣйствовать и въ мертвыхъ тѣлахъ. Но вырѣзанныя сердца пресмыкающихся, огромныя, какъ подушки, остались лежать на мѣстѣ, гдѣ были убиты ихъ обладатели, и продолжали медленно биться, слегка вздуваясь и опускаясь, живя страшной, независимой жизнью. Только на третій день эти страшные сердца перестали биться.

Когда-нибудь, когда у меня будетъ лучшій письменный столъ, чѣмъ пустая жестянка изъ-подъ мясныхъ консервовъ, и лучшія орудія для письма, чѣмъ обломокъ карандаша и послѣднія странички измѣтой записной книжки, я напишу подробнѣе о нашей жизни у индѣйцевъ Аккала и, вообще, о странныхъ условіяхъ жизни въ странѣ Мэпль Уайта. Память, я увѣренъ, не измѣнитъ мнѣ, ибо все пережитое въ этой странѣ, врѣзалось въ мою душу неизгладимыми чертами, какъ врѣзываются только воспоминанія о первыхъ краинныхъ переживаніяхъ дѣтства, и забыть ихъ я уже не могу. Никакія новыя впечатлѣнія не могутъ изгладить этихъ. Когда придетъ время, я опишу и удивительную лунную ночь на озераѣ, когда молодой ихтіозавръ—изумительное существо, полу-тиленъ, полу-рыба, съ парой глазъ подъ костяными вѣками по обѣ стороны морды и третьимъ во лбу—запутался въ сѣти индѣйцевъ и сдва не опрокинулъ нашего членка, пока мы волокли его къ берегу. Въ ту же ночь огромная зеленая водяная змѣя неожиданно высунулась изъ тростниковъ и утащила рулевого съ лодки Чалленджера. Разскажу я и обѣ удивительномъ бѣломъ существѣ, появляющемся только ночью—мы и до сихъ поръ не знаемъ, было ли то животное, или пресмыкающееся—жившемъ въ гниломъ болотѣ къ востоку отъ озера и мелькавшемъ въ темнотѣ, свѣтясь слабымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Индѣйцы такъ боялись его, что не рѣшались даже близко

подходить къ тому мѣсту, гдѣ оно жило; мы дважды ходили туда и оба раза видѣли его, но не могли проложить себѣ путь къ нему черезъ трясину. Знаю только, что величиной оно было съ корову и

издавало странный мускусный запахъ. Разскажу я и обѣ огромной птицѣ, не летающей, а бѣгающей, которая однажды гнала за Чалленджеромъ до самого подножья утесовъ—огромной, много больше

... Огромная птица гнала Чалленстрауса съ шеи, джера до самыхъ утесовъ...

какъ у коршуна и страшной головой — настоящая ходячая смерть. Когда Чалленджеръ былъ уже въ безопасности, однимъ ударомъ своего изогнутаго клюва она сорвала каблукъ съ подошвы его сапога, словно срѣзала ножницами. На этотъ разъ, однако, и современное оружіе оказалось дѣйствительнымъ и гигантская птица двѣнадцати футъ длины—се зовутъ *форораккусъ*, какъ объяснилъ намъ запыхавшійся, но ликующій профессоръ—забилась на землю, пронзенная пулей лорда Рокстона; и изъ этого вихря разметавшихся перьевъ и зививающихся членовъ на насъ глядѣли безтрепетные, блестящіе, желтые, не мигающіе глаза. Хотѣлось бы мнѣ дождѣть до того дня, когда ся поганый, приплюснутый черепъ будетъ красоваться среди охотничихъ трофеевъ лорда Джона въ улицѣ Альбани. Наконецъ, я непремѣнно опишу подробнѣе токсодона—колоссальную, въ 10 футъ длины, морскую свинку съ торчащими наружу острыми, какъ рѣзецъ, зубами, убитую нами на разсѣтѣ, когда она пришла къ озеру на водопой.

И особенно любопытно буду я описывать тихіе лѣтніе вечера, когда мы одной дружной семьей лежали въ густой травѣ, любуясь глубокимъ синимъ небомъ и разглядывая странныхъ бернатыхъ, копошившихся около насъ и невѣдомыхъ намъ странныхъ существъ, повѣльзавшихъ изъ своихъ норъ и берлогъ, поглядѣть на насъ, а надѣй нами колыхались вѣтки кустовъ, отяжелѣвшіе отъ сочныхъ вкусныхъ плодовъ, подъ нами же, въ травѣ, алѣли и бѣлѣли красивые причудливые цветы;—или долгія лунныя ночи на озераѣ, когда мы часами недвижно лежали въ лодкѣ, съ изумленіемъ и страхомъ вглядываясь въ огромные круги, расходившіеся по водѣ послѣ всплеска какого-то фантастического чудовища. Все это живеть въ моей памяти и когда-нибудь все это я опишу подробно.

Но, спросите вы, зачѣмъ же вы и ваши товарищи, медлите вѣдѣть, занимаясь наблюденіями и опытами, вмѣсто того, чтобы день и ночь придумывать способы, какъ вернуться въ цивилизованный міръ? Я отвѣчу вамъ, что всѣ мы усердно заняты этимъ, каждый по своему, но до сихъ поръ ничего еще не придумали. Въ одномъ только мы скоро уѣдемъ: индѣйцы не намѣрены помогать намъ. Они—наши друзья—могно сказать даже: преданные рабы—но, когда мы стали просить ихъ, чтобы они помогли намъ сдѣлать и перенести къ ущелью мостъ, по которому, мы могли бы перейти, или же дали намъ кожаныхъ ремней, или ланъ, изъ которыхъ мы могли бы сплести веревки и на нихъ спуститься, мы наткнулись на добродушный, но категорический отказъ. Они улыбались, подмигивали, качали головами—и только. Даже и старый вождь не хочетъ слушать насъ, и одинъ только Маретасъ (юноша, спасенный нами отъ питекантроповъ), грустно глядѣть на насъ и знаками даетъ намъ понять, что его огорчаетъ неисполненіе нашихъ желаній. Съ тѣхъ поръ, какъ мы одержали побѣду надъ людьми-обезьялами, индѣйцы смотрѣтъ на насъ, какъ на сверхъ-человѣковъ и убѣждены, что, пока мы съ ними, счастье имъ не измѣнитъ. Каждому изъ насъ предложено получить въ полную собственность маленькую краснокожую жену и отдельную пещеру—только бы согласиться забыть свою родину и оставаться навсегда на плато. Пока всѣ мили съ нами, хотя мы и не приняли ихъ предложения, но, все же наши планы мы держимъ въ секрѣтѣ, боясь, какъ бы они, въ случаѣ чего, не удержали насъ силой.

Несмотря на опасность, грозящую отъ динозавровъ (впрочемъ, она страшна только ночью; днѣмъ они рѣдко покидаютъ свои берлоги), я за послѣднія три недѣли дважды побывалъ въ нашемъ лагерѣ, чтобы повидаться съ вѣрнымъ Замбо, который продолжаетъ сторожить и ждать насъ у подножья утесовъ.

Но напрасно я жадно вглядывался въ широку раскинувшуюся равнину, въ надеждѣ увидать желанную помощь.

Поросшая кактусами равнина пустыни и безмолвна, до самой линии камышей вдали.

— Теперь они уже скоро придут, масса Мэлонь. Не пройдет и недели, как индейцы возвратятся, и принесут веревок и вытащут вас оттуда.

Такъ утешаетъ меня нашъ вѣрный негръ.

Во второй разъ, какъ я ходилъ въ лагерь, у меня было курьезное приключение,—нѣчто странное. Я шелъ обратно по холмъ знакомой дорогѣ и находился уже на разстояніи не болѣе мили отъ болота птеродактилей, какъ, вдругъ, вижу, на меня идеть какое-то чудище,—человѣкъ, но заключенный въ плетеную тростниковую клѣтку, со всѣхъ сторонъ закрытую и имѣющую форму колокола. Подойдя ближе, я съ величайшимъ изумлениемъ узналъ лорда Джона. При видѣ меня, онъ вылѣзъ изъ своего курьезнаго защитнаго аппарата и подошелъ ко мнѣ, смеясь, но все же, видимо, сконфуженный.

— Это вы, юноша? Кто бы могъ ожидать встрѣтить васъ здѣсь!

— А вы что тутъ дѣлаете?—воскликнулъ я.

— Навѣщаю своихъ друзей, птеродактилей.

— Чего ради.

— Интересные звѣрьки—вы не находите? Но ужасно не общительные. Чрезвычайно грубы съ посторонними, не любятъ незваныхъ гостей. Оттого я и укрылся въ эту клѣтку, защищающую меня отъ ихъ наезживааго вниманія.

— Но что же вамъ понадобилось въ этомъ болотѣ?

Онъ пытливо взорвалъся на меня, и во взорѣ его я подѣтиль нерѣшительность.

— Вы думаете, одни только профессора любознательны и охотники наблюдать? Я изучаю нравы птеродактилей. Ну, и будетъ съ васъ. Чего пристали?

— Какъ вамъ угодно. Я не обижуюсь.

Онъ добродушно засмѣялся.

— Не обижайтесь, голубчикъ. Мнѣ хочется добыть одного изъ этихъ чертовыхъ птенцовъ для Чалленджера. Меня это занимаетъ. Но вы уходите отсюда. Я, вѣдь, въ своей клѣткѣ безопасенъ отъ нихъ, а вы нѣтъ. Ну, прощайте, пока; къ вечеру и я вернусь въ лагерь.

И онъ зашагалъ дальше въ лѣсъ, въ своей курьезной защитной оградѣ.

Если лордъ Джонъ странно велъ себя въ это время, то Чалленджеръ и подавно. Надо замѣтить, что онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на индѣйскихъ женщинъ, и онъ лишилъ къ нему, какъ мухи, такъ что онъ всегда носилъ съ собой большую пальмовую вѣтвь, которую и отгонялъ ихъ, когда ихъ вниманіе становилось черезчуръ ужъ назойливымъ. Онъ расхаживалъ, какъ султанъ въ опереткѣ, со знакомъ власти въ рукахъ, съ огромной черной бородой, торчащей впередъ, а за нимъ вился рой большеглазыхъ молодыхъ индѣянокъ, слегка задрапированныхъ одной только дресесной корой; болѣе курьезнаго и забавнаго зрѣлища я не могу себѣ представить. Что касается Соммерли, онъ всецѣло поглощенъ былъ жизнью насѣкомыхъ и птицъ на этомъ плато и все свое время (за исключениемъ тѣхъ часовъ, когда они перебранивались съ Чалленджеромъ) проводилъ въ томъ, что насаживалъ на булавки пойманныхъ насѣкомыхъ.

Чалленджеръ усвоилъ себѣ привычку по утрамъ гулять одинъ, и порой возвращался съ торжественнымъ и впечатлительнымъ видомъ, какъ человѣкъ, сознающій всю тяжесть лежащей на немъ ответственности. Однажды, все съ той же пальмовой вѣткой въ рукахъ и толпой обожательницъ позади, онъ повелъ насъ въ свою потайную мастерскую и посвятилъ насъ въ свои планы.

Мастерская эта помѣщалась на прогалинѣ въ самомъ центрѣ пальмовой рощи, гдѣ былъ одинъ изъ тѣхъ горячихъ грязевыхъ источниковъ, о которыхъ я уже упоминалъ. На землѣ были навалены кучей ремни, вырѣзанные изъ кожи игуанодо-

на, и рядомъ лежала сморщенная перепонка, оказавшаяся вычищеннымъ и высушенымъ желудкомъ одной изъ огромныхъ рыбъ-ящерицъ, водившихся въ озерѣ. Изъ этой перепонки былъ устроенъ мѣшокъ, одно отверстіе котораго было зашито, а въ другое, очень небольшое, вставлено нѣсколько полыхъ тростниковъ, другими концами погруженныхъ въ коническая воронки, гдѣ скоплялся газъ, булькающій на поверхности грязеваго источника. Вскорѣ сморщенная перепонка понемногу стала расплываться и обнаграживать тенденцію подняться на воздухъ; но Чалленджеръ въ ревеками пригналъ ее къ стволамъ сосѣднихъ деревьевъ. Черезъ полчаса образовался изърядныхъ размѣровъ мѣшокъ, наполненный газомъ, и судя по тому, какъ онъ подпрыгивалъ и рвался съ привязи, способный подняться довольно высоко. Чалленджеръ умилъ ульбася и разглаживалъ бороду, любуясь на своего первенца, видимо довольный плодами своихъ думъ и заботъ.

— Неужели вы хотите, чтобы мы взлетѣли кверху въ этой штукѣ, Чалленджеръ?—язвительно освѣдомился Соммерли.

— Я надѣюсь, дорогой мой, демонстрировать передъ вами силу моего аппарата съ такой убѣдительностью, что, я увѣренъ, вы не задумаетесь вѣрить себѣ ему.

— Выкиньте это изъ своей головы. Ничто въ мірѣ не заставитъ меня пойти на такое безуміе. Лордъ Джонъ, надѣюсь, вы не станете поощрять его?

— По моему, это дьявольски хитрая выдумка,—отозвался нашъ лордъ.— Хотѣлъ бы я посмотретьъ, какъ она функционируетъ.

— Вы увидите это,—поспѣшилъ сказать Чалленджеръ.— Послѣдніе дни я все время ломаю себѣ голову надъ тѣмъ, какъ намъ спуститься съ этого плато. Просто слѣзть,—нельзя туннеля нѣтъ; мостъ намъ не падутъ построить. Какъ же быть тѣ? При видѣ водорода, свободно выдѣляющагося съ поверхности этого гейзера, у меня, естественно, возникла мысль о воздушномъ шарѣ. Сознаюсь, я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе трудностью найти подходящую оболочку для шара, но приглядѣвшись къ огромнымъ внутренностямъ этихъ пресмыкающихся, я разрѣшилъ и эту задачу. Результаты на лицо. Глядите!

Онъ заложилъ одну руку за бортъ потрепанной куртки, и другой указалъ впередъ.

Тѣмъ временемъ мѣшокъ округлился и отчаянно рвался съ привязи.

— Чистѣшее безуміе!—ворчалъ Соммерли.

Но лордъ Джонъ былъ въ восторгѣ.—Какой умный стариакъ! а? Что вы скажете?—шепнулъ онъ мнѣ и затѣмъ громко спросилъ Чалленджера.

— А гдѣ же взять гондолу?

— Постараюсь промыслить и это. Я уже думалъ о томъ, какъ ее сдѣлать и какъ привязать. Сейчасъ я просто хочу показать вамъ, что мой аппаратъ вполнѣ можетъ поднять каждого изъ насъ въ отдѣльности.

— И всѣхъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ; планъ мой таковъ, чтобы мы спускались по очереди, какъ бы на парашютѣ, а затѣмъ шаръ втягивали обратно на плато, при помошнѣ средствъ, которыя я не замедлю усовершенствовать. Только бы онъ могъ поднять одного и тихонько спустить его на землю внизу—больше вѣдь, отъ него ничего и не требуется. Вотъ, смотрите!

Онъ притащилъ глыбу базальта внушительной величины и такой формы, что ее нѣтрудно было обвязать веревкой посерединѣ. Эта веревка была единственной, которую мы привнесли съ собою на плато, послѣ того, какъ съ помощью ея взобрались на отдѣльный утесъ. Она имѣла около сотинъ футовъ въ длину, и, хотя была не толстая, но очень крѣпка. Чалленджеръ сдѣлалъ нѣчто вродѣ кожанаго ошейника съ прикрепленными къ нему кожаными ремнями. Ошейникъ онъ падѣлъ на отверстіе шара, а всѣвѣшіе отъ него

ремни соединил внизу, так что давление прикрепленной к ним тяжести должно было распределиться по довольно большой поверхности. Затем к ремням была привязана базальтовая глыба, а свободный конец веревки, оставшийся висеть, профессор трижды обмотал вокруг своей руки.

— Теперь, — сказал Чалленджер, с радостной улыбкой, как будто предвкушая полную удачу, — я покажу вам подъемную силу моего аэростата.

С этими словами он ножем перерезал привязи, на которых держался шар.

Никогда еще мы, все четверо, не были так близки к гибели. Самодельный аэростат взвился на воздух с ужасающей быстротой. Чалленджер мгновенно очутился в воздухе и повис на веревке. Я только успел уцепиться за него руками, как почувствовал, что тоже подымался на воздух. Лорд Джон, как в тисках, зажал руками мои ноги, но я чувствовал, что и его тоже тянет вверх с земли. На миг перед глазами моими мелькнуло видение — четверо авантюристов, болтающихся в воздухе, точно сосиски, над страной, которую они изслѣдуют... Но, к счастью, как ни крѣпка была наша веревка, все же она не выдержала тяжести камня и трех здоровых мужчин. Раздался треск, и мы все трое, барахтаясь друг на друга, очутились на земле. Однако же, подъемной силы этой проклятой машины, повидимому, предела не было. Поднявшись на ноги, мы увидели далеко в поднебесье темное пятнышко — глыбу базальта.

— Великолѣпно! — вскричал нимало не смущенный Чалленджер, потирая ушибленную руку. — Каких же вам еще доказательств надо? Я и не ждал такого успеха. Обѣщаю вам, господа, через неделю будем готовы второй аэростат, и тогда вы можете спокойно и благополучно совершить первую стадию своего обратного путешествия.

До сих пор я подробно описывал каждое отдельное событие, переживаемое нами. Теперь я намѣрел сократить свои рассказы, так как у меня не хватает бумаги. Мы, действительно, спустились благополучно, хотя совсѣм не тѣм путем, как ожидали, и теперь пребываем здравы и невредимы. Через полтора-два мѣсяца мы будем в Лондонѣ и возможно, что даже раньше этого посланія. Мы уже и теперь совсѣм сердцем рвемся домой, в родной городъ, где оставили все, что дорого намъ.

Перемѣна в нашемъ положеніи, которой мы этимъ обязаны, произошла вечеромъ того самого дня, когда Чалленджеръ продѣлал свой рискованный опытъ съ самодѣльнымъ аэростатомъ. Я уже говорилъ, что единственный человѣкъ,

повидимому, сочувствовавшій нашимъ попыткамъ выбраться изъ страны Мэпл-Уайта, былъ спасенный нами юноша, сынъ старого вождя. Онъ одинъ не стремился удержать насъ противъ нашей воли въ этой странѣ, и достаточно ясно показывалъ намъ это знаками. Въ тотъ вечеръ, когда смерклось, онъ пришелъ к намъ, въ нашъ маленький лагерь, и вручилъ мнѣ (почему то со мной онъ былъ особенно ласковъ — можетъ быть, потому, что мы съ нимъ почти одни лѣтъ) небольшой свитокъ коры, съ гажнымъ видомъ указавъ на рядъ пещеръ вверху; затемъ, приложилъ палецъ къ губамъ, въ знакъ того, что это должно хранить въ секрѣтѣ, и безшумно скрылся, возвратившись обратно къ своимъ.

Я поднесъ къ свѣту этотъ свитокъ коры и сталъ разглядывать его. Онъ былъ почти квадратный, и на внутренней сторонѣ его было нѣчто вродѣ странного рисунка изъ линий, который я здѣсь воспроизвожу.

Линии эти были аккуратно начертаны углемъ на бѣлой поверхности и на первый взглядъ показались мнѣ чѣмъ-то вродѣ нотъ.

— Что бы это было, клянусь, что для насъ это страшно важно, — сказалъ я. — По лицу его, когда онъ давалъ мнѣ этотъ свитокъ, я видѣлъ, что это важно.

— Если только это не шуточка дикаря, — вставилъ Соммерли, — что, по моему, вполнѣ возможно, ибо подобные шутки присущи были и первобытному человѣку.

— Это, очевидно, письмена, — сказалъ Чалленджеръ.

— Совсѣмъ точно ребусъ для конкурса, — замѣтилъ лордъ Джонъ, вытягивая шею, чтобы взглянуть поближе на линии. И вдругъ поспѣшилъ къ себѣ кусокъ коры.

— Ей-Богу, я, кажется, догадался, воскликнулъ онъ. — Мальчикъ правду говорить. Смотрите! Сколько тутъ палочекъ нарисовано? Восемнадцать. Пещеръ тамъ наверху, вѣдь, тоже восемнадцать.

— Онъ и указывалъ на пещеры, когда давалъ мнѣ этотъ свитокъ.

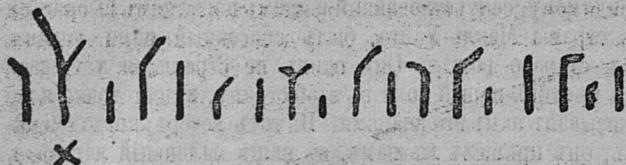
— Ну, вотъ, видите. Значитъ, я вѣрно думаю. Это — карта расположения пещеръ. Смотрите. Ихъ всеѣхъ восемнадцать, все въ рядъ, одинъ полгубже, другія помельче, нѣкоторыя съ развѣтвленіями — таковы онѣ и есть на самомъ дѣлѣ. Вотъ только крестикъ зачѣмъ? Онъ стоитъ подъ самой глубокой и вилкообразной.

— Навѣрно затѣмъ, чтобы указать, что черезъ эту пещеру идетъ сквозной ходъ, — высказалъ я предположеніе.

— Я думаю, что нашъ юный другъ разгадалъ ребусъ, — сказалъ Чалленджеръ. — Еслибы черезъ эту пещеру не было сквозного хода, я не понимаю, зачѣмъ этому дикарю, который имѣть все основанія желать намъ добра, было обращать на нее наше особое вниманіе. Но, если тамъ есть сквозной ходъ, и онъ имѣть соответствующее вымѣненіе отъ

... Лордъ Джонъ изо всѣхъ силъ держалъ меня за ноги, но я чувствовалъ, что и онъ поднимается съ земли..

Чертежъ.

стие на другой сторонѣ, мы очутимся не болѣе, какъ на разстояніи сотни футъ отъ земли.

— Сотня футъ! Легко сказать,—проворчалъ Соммерли.

— Да, вѣдь, у насъ есть веревка длиниѣ сотни футъ—вскричалъ я.—По этой веревкѣ намъ не трудно будетъ спуститься.

— Ну, а какъ же съ индѣйцами? Вѣдь они увидятъ насъ въ пещерѣ.

— Въ тѣхъ пещерахъ, которая надъ нашими головами, никого нѣтъ; эти пещеры служатъ кладовыми. Почему бы намъ не пойти сейчасъ же на развѣдки.

На плато имѣется сухое, смолистое дерево, родъ араукаріи, по словамъ нашего ботаника—изъ котораго индѣйцы всегда дѣлаютъ факелы. Каждый изъ насъ захватилъ съ собой по пучку сучьевъ этого дерева и по заросшимъ травой ступенькамъ мы поднялись въ пещеру, отмѣченную крестомъ на чертежѣ. Какъ я предсказывалъ, пещера оказалась пустой, если не считать огромнѣйшихъ летучихъ мышей, которыхъ, хлопая крыльями, носились надъ нашими головами. Чтобы не привлечь вниманія индѣйцевъ, мы не зажигали огня, пока не отошли достаточно далеко, сдѣлавъ при томъ нѣсколько поворотовъ, и тогда только зажгли свои факелы. Передъ нами былъ чудеснѣйшій сухой туннель, съ сѣрыми гладкими стѣнами, исчерченными туземными рисунками, каменными сводомъ надъ головой и блестящимъ пескомъ подъ ногами. Мы послѣднѣи пробѣжали его весь и со стономъ горькаго разочарованія принуждены были остановиться уткнувшись въ глухую каменную стѣну, безъ единой щели, въ которую могла бы проскользнуть хоть бы мышка. Никакого выхода здѣсь не было.

Этого мы не ждали и очень всѣ огорчились. Тутъ ужъ не землетрясеніе было причиной загражденія входа. Стѣна, преградившая намъ путь, была такая же гладкая, какъ и боковья. Здѣсь всегда былъ тупикъ и ничего больше.

— Ничего, друзья мои,—утѣшалъ насъ непоколебимый Чалленджеръ... Я, вѣдь, обѣщалъ вамъ сдѣлать новый воздушный шаръ.

Соммерли чуть не плакалъ.

— Неужели мы попали не въ ту пещеру?—раздумывалъ я.

— Въ ту, голубчикъ,—возвращалъ лордъ Джонъ, водя пальцемъ по картѣ. Семнадцатая справа, и вторая слѣва. Пещера—та самая.

Я посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ онъ держалъ палецъ—и вскрикнулъ отъ радости.

— Понѣтъ! Идите за мной. Идите всѣ за мной!

И я кинулся бѣжать назадъ, съ факеломъ въ рукѣ.—Вотъ. Здѣсь мы въ первый разъ зажгли факелы.—На землѣ валялось нѣсколько спичекъ.

— Да, здѣсь.

— Ну, вотъ и разгадка. Пещера то, вѣдь развѣтвляется, и въ темнотѣ мы прошли мѣсто развѣтвленія, не замѣтивъ его. Пойдемте дальше. Справа долженъ ити другой рукавъ, подлиннѣе.

Я былъ правъ. Не прошли мы и тридцати шаговъ, какъ увидали чернѣющее въ стѣнѣ большое отверстіе. Разумѣется, мы сейчасъ же свернули вправо. Здѣсь туннель былъ еще шире первого. Мы не шли, почти бѣжали, сгорая отъ нетерпѣнія. И вдругъ, среди нея гладкой тьмы, передъ нами блеснула какъ-будто темно-красный огонь. Мы въ изумлѣніи остановились. Словно полоса огня преградила намъ путь.

Мы подошли бѣже. Ни звука, ни шага, ни движенія; словно свѣтящаяся завѣса пламенѣла передъ нами, серебря стѣны пещеры и превращая песокъ на днѣ ея въ искрящіеся алмазы. Только приблизившись, мы замѣтили, что завѣса была сферической формы.

— Братцы! Да это луна!—воскликнулъ лордъ Джонъ.—Мы вышли наружу, голубчики. Ей Богу, мы прошли насквозь!

Дѣйствительно, въ выходное отверстіе пещеры, выходившее на утесы съ другой стороны плато, едва полная багровая луна. Отверстіе было небольшое, не больше окна, но съ насъ было достаточно и этого. Просунувъ въ него головы, мы убѣдились, что спускъ въ этомъ мѣстѣ не трудный, и что до подножья недалеко. Не удивительно, что снизу мы не замѣтили этого отверстія, обходя вокругъ плато—утесы надъ нимъ нависли такъ грозно, что никому бы и въ голову не пришло попробовать именно здѣсь восхожденіе. Убѣдившись, что, съ помощью нашей веревки здѣсь отлично можно спуститься, мы вернулись въ лагерь и стали готовиться къ завтрашнему вечеру.

Надо было все оборудовать живо и такъ, чтобы индѣйцы не догадались и не удержали насъ силой. Мы рѣшили оставить имъ всѣ пожитки, кромѣ ружей и патроновъ. Только у Чалленджера былъ неудобнѣйшій багажъ, о которомъ мы не хотимъ рас пространяться и который надѣялся намъ кучу хлопотъ. Медленно тянулся этотъ день, но, когда настала вечеръ, у насъ уже все было готово. Съ превеликимъ трудомъ втащили мы свой багажъ вверхъ по ступенькамъ и затѣмъ, въ послѣдній разъ, оглянувшись на фантастическую страну, которая, боюсь, скоро станетъ общеизвѣстной, добѣчей охотника и проектировщика, но которая для насъ была и останется сказочной страной, гдѣ мы много дерзали, много страдали и многому научились—нашей страной, какъ мы всегда любовно будемъ ее называть. Слѣва, со сѣдня пещеры бросали красноватые отсвѣты во мракъ надвигающейся ночи. Съ травянистаго откоса доносились веселые голоса, смѣхъ и пѣсни индѣйцевъ. Вдали тянулся лѣсъ, а въ самомъ центрѣ плато смутно мерцало во тьмѣ огромное озеро, кинувшее фантастическими чудовищами. Звонкій протяжный крикъ, не разберешь: животнаго, или птицы, донесся изъ темноты. Словно голосъ земли Мэпль Уайта, пронаружившись съ нами. Мы повернулись и нырнули въ устье пещеры, которая должна была вывести насъ обратно.

Два часа спустя, нагруженные своими пожитками, мы были уже у подножья утесовъ. Въ общемъ, еслибы не громаднѣйший багажъ Чалленджера, спускъ вышелъ бы совсѣмъ легкій. Разгрузившись, мы первымъ дѣломъ отправились всѣ въ лагерь Замбо. Къ разсвѣту мы добрались до него и съ изумлѣніемъ увидали не одинъ костеръ, а цѣлую дюжину. Это прибылъ отрядъ, посланный намъ на выручку,—двадцать индѣйцевъ съ Амазонки, съ кольями, веревками и всѣмъ необходимымъ для того, чтобы перекинуть мостъ черезъ пропасть. Теперь намъ, по крайней мѣрѣ, не придется самимъ тащить съ багажъ—у насъ будутъ носильщики. Завтра же мы выступаемъ въ обратный путь, къ берегамъ Амазонки.

Съ сердцемъ, полнымъ смиренія и признательности, я закрываю эту тетрадку. Великія чудеса видѣли наши глаза и души наши очистились перенесенными нами линеніями. Каждый изъ насъ, по своему, сталъ лучше и глубже. Можетъ быть, въ Парѣ мы остановимся отдохнуть. Тогда письмо это пойдетъ почтой впередъ. Если нѣтъ, оно придется въ Лондонъ одновременно съ нами. Какъ бы то ни было, дорогой мой мѣръ Макъ Ардль, вскорѣ я надѣюсь лично пожать вамъ руку.

Глава XVI.

Процессія! Процессія!

Мнѣ хочется здѣсь же выразить признательность всѣмъ нашимъ друзьямъ на Амазонкѣ за ихъ гостепріимство и большую доброту къ намъ во время обратнаго нашего путешествія. Особенно признательны мы синьору Пенялозѣ и другимъ чиновникамъ Бразильскаго правительства, сдѣлавшимъ для насъ многое, и синьору Переірѣ въ Парѣ, который позаботился приготовить всѣмъ намъ костюмы и даль памъ возможность появиться въ приличномъ видѣ въ цивилизованномъ мірѣ. Обидно, что въ благодарность за всю эту любезность мы должны обманывать нашихъ хозяевъ и благодѣтелей, но, при данныхъ обстоятельствахъ, у насъ, право же, нѣть выбора, и потому лучше напрямикъ сказать имъ, что они только даромъ потратятъ время и деньги, если вѣдомо пойти по нашимъ слѣдамъ. Не только названія мѣстностей, но даже собственные имена намъ пришло въ своихъ разсказахъ подмѣнить другими, и я убѣжденъ, что, на основаніи нашихъ указаний, никто не сможетъ приблизиться и на тысячу миль къ нашей невѣдомой міру странѣ.

Мы полагали, что интересъ къ гамъ и сенсаціямъ, вызванные нашимъ возвращеніемъ въ Южной Америкѣ, чисто мѣстнаго характера, и, смѣю завѣрить нашихъ друзей въ Англіи, мы даже не подозревали, что слухи о нашей экспедиціи вызвали столько шума въ Европѣ. Только когда «Ивернія» была уже въ пятистахъ миляхъ отъ Соутгемптона, и на насъ посыпалась депеша за депешей по безпроволочному телеграфу отъ разныхъ редакцій и агентствъ, съ предложениемъ крупныхъ суммъ за краткій отчетъ по телеграфу о нашей экспедиції,—тогда только мы поняли, съ какимъ волненіемъ ожидаетъ насъ не только ученый міръ, но и такъ называемая «широкая публика». Однако, мы условились не давать газетамъ никакого материала, пока мы не повидаемся съ совѣтомъ Зоологическаго Института, ибо прямой нашъ долгъ, какъ делегатовъ, былъ—представить свой отчетъ тому учрежденію, которое насъ послало съ цѣлью разслѣдованія. И потому, хотя въ Соутгемптонѣ насъ со всѣхъ сторонъ атаковали представители печати, мы наотрѣзъ отказались дать имъ какія-либо свѣдѣнія; въ результатахъ, это только усилило интересъ публики къ публичному засѣданію Зоологическаго Института, назначенному на 7-е ноября, гдѣ намъ предстояло выступить съ отчетомъ. Зала Зоологическаго Института не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ и засѣданіе было перенесено на этотъ вечеръ въ Квинсъ-Холлъ въ Риджентъ-Стритъ. Теперь ясно, что, еслибы даже мы взяли тогда Альбертъ-Холлъ, и то огромный залъ этотъ оказался бы слишкомъ малымъ.

Это было на второй вечеръ послѣ нашего прибытия въ Лондонъ. Первый, разумѣется, каждый изъ насъ посвятилъ своимъ личнымъ дѣламъ. О своихъ я, пока, умолчу. Сейчашъ мнѣ еще трудно говорить и даже думать объ этомъ спокойно. Въ началѣ своего разсказа я откровенно показалъ читателю, какія пружины управляли мною. Пожалуй, было бы только справедливо показать ему и результаты. Но не сейчасъ. Можетъ быть, настанетъ день, когда я буду радоваться, что это вышло такъ, а не иначе. По крайней мѣрѣ, меня заставили принять участіе въ такомъ приключеніи, которое немногимъ доводится пережить, и я могу быть только признателенъ силѣ, толкнувшей меня на этотъ путь.

А теперь возвращаюсь къ заключительному моменту нашихъ странствій. Въ то время, какъ я ломаю себѣ голову надъ вопросомъ, какъ бы получше разсказать вамъ это, взглядъ мой упалъ на № моей собственной газеты отъ 8-го ноября съ полнымъ и блестящимъ отчетомъ о вчерашнемъ вечерѣ написаннымъ моимъ приятелемъ и товарищемъ-репортеромъ Макдона. Не лучше ли просто на-просто вырѣзать этотъ отчетъ, вмѣстѣ съ заголовкомъ, и вставить сюда. Положимъ, наша газета не поскупилась на похвалы участ-

никамъ экспедиціи, въ виду того, что одинъ изъ нихъ былъ собственный корреспондентъ, но, вѣдь, и другие газетные отчеты грызть тѣмъ же. Итакъ, привожу дословно отчетъ моего приятеля Мака:

Новый міръ.

Большое публичное засѣданіе въ Квинсъ-Холлѣ.

Бурные сцены.

И цидентъ неожиданный и необычайный.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Ночные беспорядки въ Риджентъ-Стритѣ.

(Отъ нашего специального корреспондента).

«Вызвавшій столько толковъ митингъ Зоологическаго Института, созванный для выслушанія отчета Комиссіи разслѣдованія, отправленной въ минувшемъ году въ Южную Америку съ цѣлью прѣврки утвержденій профессора Чалленджа относительно продолжающагося будто-бы существованія доисторической жизни на этомъ материкѣ, состоялся вчера вечеромъ въ большой залѣ Квинсъ-Холла, и мы вправѣ сказать, что день этотъ будетъ вписанъ красными чернилами въ исторію Науки, ибо засѣданіе носило такой необычайный и сенсационный характеръ, что врядъ ли кто, присутствовавшій на немъ, забудеть этотъ вечеръ. (Дружице, Макъ, какъ это ты ухитрился состряпать такую чудовищную по размѣрамъ вступительную фразу!). Билеты, теоретически, раздавались членамъ Института и друзьямъ ихъ, но послѣднее понятіе—растяжимое, и задолго до восьми часовъ—часъ, назначенный для открытия засѣданія, огромная зала была биткомъ набита. Не получившая билетовъ публика совершенно несправедливо обиженнѣа тѣмъ, что ее не пускали въ залу, безъ четверти восемь, взяла приступомъ двери и ворвалась въ залу, послѣ продолжительной свалки, въ которой пострадало много народу, въ томъ числѣ инспекторъ Скобблъ, имѣвшій несчастіе сломать себѣ ногу. Послѣ этого нежданнаго и ничѣмъ не оправдываемаго вторженія, въ результатѣ котораго не только всѣ проходы, но даже и мѣста, отведенныя для представителей печати, были запружены народомъ, въ залѣ, по примѣрному подсчету, оказалось около пяти тысячъ человѣкъ, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ появленія путешественниковъ. Эти послѣдніе появились, наконецъ, и заняли мѣста въ первомъ ряду на эстрадѣ, гдѣ уже находились всѣ свѣтила науки, не только отечественной, но и французской, и иѣменской. Швеція также прислала своего представителя, въ лицѣ профессора Серджиевуса, знаменитаго зоолога изъ Упсальскаго университета. Появленіе четырехъ героевъ дня послужило сигналомъ къ рѣдкой по единодушію привѣтственной демонстраціи: вся зала, какъ одинъ человѣкъ, поднялась, и рукоплесканія не смолкали въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Внимательный наблюдатель, однако, могъ бы различить въ этихъ аплодисментахъ диссонирующія нотки и сдѣлать изъ этого выводъ, что засѣданіе обѣщаетъ быть болѣе оживленнымъ, чѣмъ гладкимъ и мирнымъ. Но можно съ уверенностью сказать, что никто не могъ предвидѣть того необычайнаго оборота, который оно, въ концѣ концовъ, приняло.

«О вѣнчности четырехъ путешественниковъ распространяется незачѣмъ; такъ какъ во всѣхъ газетахъ за эти дни помѣщались ихъ портреты. Труды и лишенія, по слухамъ, перенесенные ими, мало на нихъ отразились. Быть можетъ, борода профессора Чалленджа стала нѣсколько болѣе косматой и взъерошенной, лицо профессора Соммерли приняло еще болѣе аскетический характеръ, а фигура лорда Джона Рокстона стала еще болѣе худощавой, и у всѣхъ троихъ цвѣть лица много смуглѣе теперь, чѣмъ когда они покидали берега родины, но, тѣмъ не менѣе, всѣ они, повидимому, чувствуютъ себя отлично, и вполнѣ здоровы. Что касается нашего собственнаго представителя, извѣстнаго

атлета и футболиста, победителя на международном со стязании в Регби, Э. Д. Мэлона, онь смотреть настоящим богатырем, и когда онь окинуль взоромь переполненную залу, добродушная и довольная улыбка скользнула по его грубоватому, но честному лицу. (Ну ладно же, Макъ!—попадись ты мнъ—ужо я задамъ тебъ!)

«Когда тишина послѣ овации возстановилась и всѣ усѣлись на свои мѣста, предсѣдатель, герцог Дургемскій, обратился къ присутствующимъ съ вступительной рѣчью, говоря, что онь постарается, какъ можно менѣе задерживать аудиторію и отдалить предстоящее ей удовольствіе. Онь не хочетъ предвосхищать того, что скажетъ ей профессоръ Соммерли, имѣющій выступить съ докладомъ отъ имени Комиссіи, но слухомъ полнится земля, и всѣмъ уже извѣстно, что экспедиція ихъ увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. (Рукоплесканія). Повидимому, романтическій вѣкъ не умеръ, и существуетъ общая почва, на которой могутъ столкнуться самыя фантастическія грэзы романиста съ подлинными научными наблюденіями искателя истины. Прежде чѣмъ сѣть на свое мѣсто, онь хочетъ только выразить свою радость—которую, навѣрное, и всѣ раздѣлять съ нимъ—по поводу благополучнаго возвращенія этихъ джентльменовъ здравыми и невредимыми изъ своей трудной и опасной экспедиціи, ибо нельзѧ отрицать, что гибель подобной экспедиціи нанесла бы почти неизгладимый ущербъ зоологической науки. (Шумные аплодисменты, въ которыхъ, какъ было замѣчено, приялъ участіе и профессоръ Чалленджеръ).

«Какъ только профессоръ Соммерли поднялся съ мѣста, послѣдовалъ новый взрывъ энтузиазма, и докладъ его неоднократно прерывали шумныя рукоплесканія. Мы не станемъ дословно приводить его рѣчи, такъ какъ подробный отчетъ объ экспедиціи нашего собственнаго специальнаго корреспондента будетъ печататься полностью въ приложении къ нашей газетѣ. Удовольствуемся общими указаніями. Разсказавъ, какимъ образомъ зародилась идея этой экспедиціи и произнеся маленький панегирикъ профессору Чалленджеру, вмѣстѣ съ извиненіемъ, что вначалѣ его утвержденія, нынѣ вполнѣ доказанныя, приняты были съ недовѣріемъ, онь описалъ ихъ путешествіе, старательно воздерживаясь отъ точныхъ данныхъ мѣста и пространства, которыя позволили бы публикѣ опредѣлить мѣстонахожденіе необычайнаго плато. Зала, затаивъ дыханіе, слушала его разсказъ о трудностяхъ, которыя претерпѣвала экспедиція при попыткахъ восхожденія на плато, и о конечномъ успѣхѣ этихъ отчаянныхъ попытокъ, стоявшихъ жизни двумъ преданнымъ слугамъ, метисамъ (Это ужъ Соммерли счелъ нужнымъ изобразить дѣло въ такомъ видѣ, чтобы не подымать на собраний никакихъ нежелательныхъ вопросовъ).

«Добравшись вмѣстѣ со своими слушателями до вершины плато и напугавъ ихъ разсказомъ о провалѣ моста, по которому они перебрались, профессоръ началъ рассказывать объ ужасахъ и неожиданостяхъ этой замѣчательной страны. О личныхъ переживаніяхъ онь говорилъ мало, но выдвигалъ на первый планъ обильную жатву, собранную Наукой, въ видѣ наблюденій надъ невиданными птицами, насекомыми, животной и растительной жизнью на плато. Онъ собралъ обильнѣйшія коллекціи колеооптеръ и лепидоптеръ—46 и 94 новыхъ видовъ—и это за какъ-нибудь нѣсколько недѣль. Но публика, разумѣется, больше интересовалась крупными животными, и въ особенности, такъ называемыми вымершими. И этихъ онь назвалъ достаточно и по всей вѣроятности, могъ бы перечислить ихъ еще больше, если бы возможно было шире изслѣдовывать эту страну. По крайней мѣрѣ, двѣнадцать разныхъ породъ животныхъ, видѣнныхъ имъ и его спутниками, главнымъ образомъ на разстояніи, не имѣютъ ничего общаго съ животными, нынѣ извѣстными Наукѣ. Напримеръ, змѣя, сброшенная кожа которой, 51 фута длины, была темно-пурпурнаго цвѣта

или бѣлое существо, повидимому, изъ породы млекопитающихъ, свѣтящееся въ темнотѣ фосфорическимъ свѣтломъ; а также большая черная бабочка, укусъ которой, по увѣренію индѣйцевъ, ядовитъ и смертеленъ. Помимо этихъ совершилъ новыхъ формъ жизни, плато изобилуетъ и извѣстными доисторическими формами, доходящими по древности до раннаго Юрскаго периода. Изъ нихъ докладчикъ назвалъ гигантскаго и неуклюжаго стегозавра, однажды видѣнаго м-ромъ Мэлономъ на водопадѣ у озера, и зарисованнаго отважнымъ американцемъ, впервые проникшимъ въ эту невѣдомую страну. Описалъ онъ подробно игуанодона и итеродактиля—первяя два дива, видѣнныя участниками экспедиціи. Съ трепетомъ выслушала аудиторія его разсказъ о странныхъ кровожадныхъ динозаврахъ, неоднократно гонявшихся за смѣлыми путниками, огромнѣйшихъ и са-мыхъ грозныхъ изъ всѣхъ видѣнныхъ ими доисторическихъ животныхъ. Затѣмъ, перешель къ гигантской и свирѣпой птицѣ форораккусу и окончательно восхитилъ слушателей описаніемъ тайнъ и чудесъ центральнаго озера. Нужно было ушинуть себя, чтобы убѣдиться, что это не во снѣ, а на-яву, солидный профессоръ, представитель трезвой научной мысли, спокойнѣй и сдержаннѣй тономъ описываетъ трехглазыхъ рыбъ-ящерицъ и огромнѣйшихъ водяныхъ змѣй, обитающихъ въ водахъ этого волшебнаго озера. Далѣе, онъ перешель къ индѣйцамъ и необычайному поселку, человѣкоподобныхъ обезьянь, которыхъ надо рассматривать, какъ усовершенствованную разновидность яванскааго питекантропа, болѣе всякой другой извѣстной формы приближающуюся къ гипотетическому существу—такъ называемому «недостающему звену». Слушатели весело смеялись, когда лекторъ разсказывалъ объ остроумномъ, но въ высшей степени опасномъ воздухоплавательномъ аппаратѣ, изобрѣтенному профессоромъ Чалленджеромъ, и вздохнули свободнѣ, когда узнали, какимъ образомъ, наконецъ, отважные изслѣдователи нашли путь назадъ, къ цивилизациѣ.

«Мы надѣялись, что на этомъ и покончится докладъ, и затѣмъ,—какъ было намѣчено, по предложению профессора Серджиуса, изъ Уисальскаго университета, собрали выразить благодарность докладчику-лектору и его товарищамъ; но скоро выяснилось, что заѣданію не суждено было протечь такъ гладко. Уже и раньше обнаруживались нѣкоторые симптомы недовольства, и, когда докладчикъ сѣлъ на мѣсто, поднялся д-ръ Иллингвортъ, Эдинбургскаго университета, въ центрѣ залы, спрашивая, нельзѧ ли внести поправку, прежде чѣмъ будетъ вотирована резолюція.

«Предсѣдатель:—Да, сэръ, если вы имѣете предложить поправку, она должна быть внесена раньше резолюціи.

«Д-ръ Иллингвортъ:—Ваша Свѣтлость, я имѣю внести поправку.

«Предсѣдатель:—Такъ вносите, только поскорѣе.

«Профессоръ Соммерли (вскакивая на ноги):—Позвольте вамъ замѣтить, ваша Свѣтлость, что человѣкъ этотъ—мой личный врагъ со временемъ нашей полемики въ «Научномъ Обозрѣніи» относительно истинной природы...

«Предсѣдатель:—Боюсь, что я не въ правѣ принимать къ свѣдѣнію детали личнаго характера. Продолжайте.

«Д-ра Иллингворта было плохо слышно за шумомъ и шкаканьемъ сочувствующихъ и друзей изслѣдователей плато. Выли даже попытки стапитъ его съ эстрады. Но такъ какъ это человѣкъ огромный физической силы и голосъ у него, какъ труба, въ концѣ концовъ, ему удалось покрыть своимъ голосомъ шумъ въ залѣ и договорить до конца. Какъ только онъ поднялся съ мѣста, стало очевиднымъ, что въ залѣ у него достаточно сочувственниковъ и друзей, хотя они и составляютъ меньшинство аудиторіи. Наибольшая часть публики хранила, можно сказать, внимательный нейтралитетъ.

«Д-ръ Иллингвортъ началъ съ заявленія, что онъ высоко цѣнитъ научную дѣятельность какъ профессора Чал-

леджера, такъ и профессора Соммерли, и весьма сожалѣть, что въ его поправкѣ усмотрѣли личные мотивы, тогда какъ имъ руководить исключительно желаніе установить научную истину. Сегодня, снѣ стоить на той самой позиціи, на какой стоялъ прошлый разъ профессоръ Соммерли. Тогда профессоръ Чалленджеръ приводилъ факты неправдоподобные, оспариваемыя его коллегами; теперь профессоръ Соммерли, тогда опровергавшій его, приводить тѣ же факты—и, повидимому, не ждѣть ни вопросовъ, ни возраженій. Вправѣ ли онъ такъ разсуждать? («Да! «Нѣтъ!» и шумъ въ залѣ, среди котораго слышенъ голосъ профессора Чалленджера, спрашивающій у предсѣдателя разрѣшенія вышвырнуть оратора на улицу). Годъ тому назадъ одинъ человѣкъ утверждалъ необычайное. Теперь четверо утверждаютъ еще болѣе необычайное и неувѣроятное, грозящее перевернуть всѣ наши установленныя научныя положенія. Но можно ли считать ихъ утвержденія безспорными доказательствомъ? Мало ли что разсказываютъ путешественники! Развѣ Зоологическій Институтъ можетъ принимать что-либо на вѣру? Онъ согласенъ, что утверждающіе—люди солидные, съ установленной научной репутацией. Но человѣческая природа сложна и многогранна. И даже профессоровъ можетъ ввести въ соблазнъ кажда извѣстности. Какъ мотыльки, всѣ мы летимъ на свѣтъ. Охотники на крупную дичь любятъ рассказывать небылицы о своихъ охотничихъ подвигахъ; журналисты, какъ всѣмъ извѣстно, не прочь приправить факты сенсационнымъ вымысломъ. У каждого изъ членовъ Провѣрочной Комиссіи были свои мотивы преувеличить добытые результаты. (Крики: «Стыдно! Стыдно!» Онъ не имѣетъ желанія кого-либо обидѣть. «Однако-жъ, обижаете!» Шумъ). Всѣ эти сказки, которыхъ они рассказываютъ, чрезвычайно интересны, но всѣ онъ шиты бѣлыми нитками. Гдѣ же доказательства? Нѣсколько фотографическихъ снимковъ? Но развѣ въ нашъ вѣкъ искусственныхъ поддѣлокъ фотографіямъ можно вѣрить? А кромѣ этого, что же? Мы слышали разсказъ о спускѣ на веревкахъ, не позволившемъ захватить съ собою крупные экземпляры мѣстной фауны. Это очень остроумно, но неубѣдительно. Повидимому у лорда Джона Рокстона имѣется черепъ форораккusa. Очень желательно было бы взглянуть на этотъ черепъ.

«Лордъ Джонъ Рокстонъ:—Что же я, по вашему, сорвала что-ли? (Шумъ).

«Предсѣдатель:—Къ порядку! Къ порядку! Д-ръ Иллингвортъ, я попросилъ бы васъ поторопиться съ выводомъ и формулировать вашу поправку.

«Д-ръ Иллингвортъ:—Ваша Свѣтлость, я еще не все сказаъ, но—повинуюсь. Итакъ, предлагаю благодарить профессора Соммерли за интересный докладъ, но все изложенное имъ считать недоказаннымъ и назначить для провѣрки новую комиссию, болѣе многочисленную по составу и возможно болѣе надежную».

«Трудно описать, какое смятеніе въ залѣ вызвала эта поправка. Значительная часть публики выразила свое неодобреніе по поводу обиды, нанесенной путешественникамъ громкимъ шиканьемъ и криками: «Снять поправку». «Не ставить на голосование». «Вывести его изъ залы». Недовольные—нельзя отрицать, что ихъ также было много—съ своей стороны, требовали, чтобы поправка была поставлена на голосование, крича: «Къ порядку!». «Игру надо вести честно». «Вывести ихъ на свѣжую воду!» На заднихъ скамьяхъ, занятыхъ студентами-медиками, дѣло дошло до драки. Только умиротворяющее вліяніе присутствія многихъ дамъ не позволило страсти разгорѣться до общей свалки. Неожиданно по залѣ пронеслось зычное: «Гессы!» и затѣмъ, водворилась тишина. Поднялся профессоръ Чалленджеръ. Его внушительная внешность и манеры всегда оказываютъ свое дѣйствіе, и, когда онъ поднялъ руку въ знакъ того, что хочетъ говорить, всѣ послѣшли усѣсться, чтобы выслушать его.

— «Многіе изъ присутствующихъ,—началь Чалленджеръ,—помнить, разумѣется, что подобная же нелѣпая и неприличная сцена разыгрывалась и на прошломъ публичномъ засѣданіи, на которомъ докладчикомъ выступалъ я. Тогда во главѣ обидчиковъ стоялъ профессоръ Соммерли и, хотя онъ теперь наказанъ и покаялся, все же забыть этого совсѣмъ нельзя. Сегодня предшествующій ораторъ позволилъ себѣ аналогичная и еще болѣе оскорбительная выраженія недовѣрія и, хотя мнѣ стоить большихъ усилий и сознательного самопожертвованія спуститься до умственнаго уровня этого господина, я все же попытаюсь сдѣлать это, для того, чтобы разсѣять всякия сомнѣнія, буде они еще остались у кого-либо изъ слушавшихъ докладъ. (Смѣхъ и шумъ). Мнѣ нѣтъ надобности напоминать почтенному собранию, что, хотя докладчикомъ отъ имени Комиссіи здѣсь и выступилъ профессоръ Соммерли, настоящій инициаторъ всего этого дѣла—я, и, если экспедиція наша прошла успѣшно, заслуга этого должна быть приписана мнѣ. Я доставилъ здравыми и невредимыми этихъ трехъ дже тѣменовъ въ условленное мѣсто, и я же убѣдилъ ихъ въ точности первоначального моего изложенія фактовъ. Мы надѣялись, что, по возвращенію нашемъ, ужъ не найдется въ Англіи такихъ тупицъ, которыхъ бы стали оспаривать совмѣстныя наши утвержденія. Однако-жъ, наученный горькимъ опытомъ, я все же позаботился на этотъ разъ захватить съ собой такія доказательства, которыхъ могутъ убѣдить всякаго здравомыслящаго человѣка. Какъ уже объяснялъ профессоръ Соммерли, во время нападенія человѣкоподобныхъ обезьянъ на нашъ лагерь наши фотографические аппараты были повреждены, и многіе изъ нашихъ негативовъ погибли. (Смѣхъ и крики: «Расскажите это кому другому—не намъ!») Я только что упомянулъ о человѣкоподобныхъ обезьянахъ и не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ, что нѣкоторые звуки, доносящіеся до меня, живо напоминаютъ мнѣ мое знакомство съ этими интересными созданиями. (Смѣхъ). Несмотря на уничтоженіе многихъ цѣнныхъ негативовъ, въ нашей совмѣстной коллекціи все же остается еще достаточное количество фотографій, изображающихъ условія жизни на плато. Что же мы—подѣлали, что-ли, эти фотографіи? (Голосъ: «Да» и страшный шумъ, закончившійся тѣмъ, что нѣсколькихъ человѣкъ удалили изъ залы). Негативы были показаны экспертомъ—и сейчасъ могутъ быть осмотрѣны каждымъ желающимъ. Какая же другія доказательства мы можемъ вамъ дать? При условіяхъ нашего бѣгства, разумѣется, невозможно было захватить съ собой много багажу, но мы все же захватили коллекцію бабочекъ и жуковъ, собранную профессоромъ Соммерли и заключавшую въ себѣ много новыхъ породъ. Или и это не убѣдительно? (Нѣсколько голосовъ заразъ: «нѣтъ». Кто сказалъ: «нѣтъ?»

«Д-ръ Иллингвортъ (поднимаясь съ мѣста):—Такая коллекція могла быть собрана въ разныхъ мѣстахъ, а не непремѣнно на доисторическомъ плато.

«Профессоръ Чалленджеръ:—Безъ сомнѣнія, сэръ, намъ слѣдуетъ преклониться передъ вашимъ научнымъ авторитетомъ, хотя, долженъ сознаться, что имя ваше мнѣ совершенно незнакомо. Итакъ, оставляя въ сторонѣ фотографические снимки и коллекцію насѣкомыхъ, перехожу къ разнообразѣйшимъ и самыми точнымъ свѣдѣніямъ по вопросамъ, которые донынѣ не были разыяснены. Например,—о нравахъ и обычаяхъ птеродактилей. (Голосъ: «Враки!» и шумъ). Повторяю: о нравахъ и обычаяхъ птеродактилей. На этотъ вопросъ мы можемъ пролить потоки свѣта. Въ моемъ портфѣлѣ лежитъ снятый съ натуры портретъ одного птеродактиля, который, безъ сомнѣнія, убѣдить васъ...

«Д-ръ Иллингвортъ:—Никакіе снимки никого не убѣдятъ.

«Профессоръ Чалленджеръ:—Вы предпочли бы увидѣть оригиналъ?

— «Д-р Иллингвортъ:—Конечно.

«Професоръ Чалленджеръ:—И удовлетворились бы эти мъ?

— «Д-р Иллингвортъ (смѣясь)—Безъ сомнѣнія.

Это и былъ сенсационнѣйшій моментъ засѣданія—такой сенсациі еще не бывало въ лѣтописяхъ научныхъ собраний. Профессоръ Чалленджеръ поднялъ руку, и, по знаку его, нашъ сотрудникъ, м-р Мэлонтъ, всталъ и отошелъ въ глубь платформы. И мигъ спустя вернулся, въ сопровожденіи громаднаго негра, помогавшаго ему нести большой четырехугольный упаковочный ящикъ, видимо, очень тяжелый. Ящикъ этотъ поставили передъ стуломъ профессора. Въ аудиторіи наступила мертвая тишина. Всѣ, затаивъ дыханіе, ждали, что будетъ дальше. Профессоръ Чалленджеръ отвинтилъ крышку ящика, опрокинулъ его на бокъ, заглянулъ туда нѣсколько разъ, щелкнулъ пальцами и ласково позвалъ: «Поди сюда, миленъкъ!» Со скамей, гдѣ сидѣли представители печати, отчетливо слышны были эти слова. Тотчасъ же, изъ ящика, царапая когтями и какъ будто треща гремушками, выѣзло уродливое, отвратительное существо и усѣлось, какъ на насѣстіи, на боковой стѣнкѣ ящика. Даже неожиданное паденіе нечаянно оступившагося предсѣдателя съ эстрады въ оркестръ не могло въ этотъ моментъ отвлечь вниманія залы, не отрывавшей глазъ отъ этого страннаго существа. Физиономія у него была самая гнусная, какую только могло создать воображеніе помѣшавшагося средневѣкового скульптора: злая, уродливая, съ двумя маленькими красными глазками, горающими, какъ раскаленный уголъ. Во рту, большомъ, длинномъ, полуоткрытомъ, виднѣлись, два ряда острыхъ зубовъ. На сгорблennыя плечи его какъ-будто наброшена была вышѣвшая сѣрая шаль. Такимъ мы, въ дѣствѣ, представляли себѣ дьявола. Въ залѣ поднялся переполохъ—нѣкоторые визжали отъ страха; двѣ дамы въ первыхъ рядахъ упали въ обморокъ; ча эстрадѣ многие обнаруживали явное желаніе послѣдовать за своимъ предсѣдателемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ можно было опасаться общей паники. Профессоръ Чалленджеръ поднялъ вверхъ обѣ руки съ цѣлью успокоить волненіе, но это движеніе спугнуло урода, сидѣвшаго возлѣ него. Сѣрая шаль, покрывавшая его плечи, неожиданно раздвинулась въ пару крыльевъ, сдѣланыхъ какъ-будто изъ кожи. Хозяинъ чудовища схватилъ его за ноги—но, увы!—слишкомъ поздно. Оно уже взвилось кверху и медленно описывало круги надъ залой, взмахивая крыльями съ сухимъ звукомъ кожи, которая трется о кожу, наводняя всю залу несносной, отвратительной вонью. Крики публики на хорахъ, перепугавшейся этихъ огненныхъ глазъ и близости убийственнаго клюва, окончательно вѣбѣсили чудовище. Все быстрѣй и быстрѣй носилось оно по залѣ, въ испугѣ и яности ударяясь о стѣны и канделябры.—«Окно! Ради Бога, затворите окно!» ревѣлъ съ эстрады профессоръ Чалленджеръ, пляша на мѣстѣ и ломая руки отъ тревожнаго предчувствія. Увы, его предостереженіе опоздало. Въ то же мгновеніе чудовище, стукнувшись о стѣны, словно большая бабочка подъ стекляннымъ колпакомъ, наткнулась на отверстіе, продвинулѣ чѣмъ-нѣтъ свое огромное туловище—и было таково. Профессоръ Чалленджеръ упалъ въ кресло и закрылъ лицо руками; а зала вся вздохнула съ облегченіемъ, убѣдившись, что опасность миновала.

«И тутъ—но гдѣ мнѣ взять слова, чтобы описать, что тутъ произошло,—когда ликованіе и торжество большинства и реакція, наступившая у меньшинства, слились въ единый колоссальный порывъ энтузіазма, который, перекатываясь волною отъ заднихъ рядовъ, залилъ оркестръ, затопилъ эстраду и вынесъ на хребтѣ своимъ всѣхъ четырехъ героевъ? (Недурно, Макъ! Ей Богу, недурно!) Если аудиторія и была несправедлива къ докладчикамъ, въ этотъ моментъ она все загладила. Всѣхъ четырехъ окружили. «Качать ихъ! Качать!»—слышались крики. И мгновенно всѣ

четверо вились наѣмъ толпой. Награно они боролись, съялись вырваться. Ихъ подбрасывали огна и снега. Да и тѣ ужно было бы спустить ихъ на землю, тѣкъ густа была толпа вокругъ нихъ. «На Гигантъ-стричь! На Гигантъ-стричь!»—ревѣла толпа. Въ залѣ началось движеніе и медлительный живой потокъ, иссягающій четырехъ героевъ момента, гѣткѣ изъ волы. На улицѣ разгоралась геостагиа: сцена. Тамъ ждала уже, по крайней мѣрѣ, стоячиа толпа. Громовые привѣтственныя клики и встрѣтили триумфаторовъ, колыхавшихся вѣтромъ въ воздухѣ, подъ яркимъ сѣромъ электрическихъ фонарей у подъѣзда. «Процессію! Процессію!»—поднялся грикъ И, густою флангой, занявший всю улицу, отъ края до края, толпа гаражилась по Риджентъ-стритъ, Погл-Моллъ, Сент-Джейстъ-стритъ и Ник-кадилъ. Все движеніе на этихъ улицахъ (самыхъ людныхъ въ нашей столицѣ), было пріостановлено и немало было столкновеній между демонстраторами съ одной стороны, полиціей и шофферами съ другой. Лишь далеко за полночь, четверо честуемыхъ были отпущенны у подъѣзда квартиры лорда Джона Рокстона въ Альбани. Толпа хоромъ пропѣла общеизвѣстную народную пѣсню: «Наши ребята—славные парни» и заключила национальныи гимнъ. Такъ закончился одинъ изъ замѣтнѣйшихъ вечеровъ, когда либо пережитыхъ Лондономъ».

Вотъ какъ описываетъ этотъ достопамятный вечеръ мой товарищъ Макдона, и отчетъ его вполнѣ точенъ и правдивъ, хотя и изукрашенъ разными фіоритурами. Что касается главнаго инцидента, онъ, разумѣется, былъ спорицомъ только для публики, а не для насъ. Читатель помнить, какъ я повстрѣчался въ лѣсу съ лордомъ Джономъ, который, напяливъ на себѣ плетеную кѣтку въ формѣ крионолина, силился поймать «чортова птенца» для профессора Чалленджера. Намекалъ я и на неудобства, которыя намъ доставлялъ при спускѣ громоздкій багажъ этого самаго профессора. Еслибъ я подробно описывалъ наше путешествіе, я упомянулъ бы, конечно, и о тѣхъ непріятностяхъ, которыя намъ доставляла въ пути прожорливость этого гнуснаго созданія, питавшагося исключительно гнилою рыбой. Если я рапоѣ не распространялся обѣ этомъ, то именно потому, что наши ученые втихомолку готовили спорицъ для посрамленія своихъ враговъ, предвидя, что таковыя явятся на засѣданіе.

Одно слово о судьбѣ нашего птеродактиля. Ничего опредѣленнаго на этотъ счетъ, пока, неизвѣстно. Деѣствительно на крышѣ Квинсъ-холла и просидѣлъ тамъ, какъ статуя дьявола, нѣсколько часовъ. На другой день, въ вечернихъ газетахъ, проскользнуло извѣстіе, что рядовой Майлсъ, Кольдстримскаго гвардейскаго полка, стоявшій на часахъ у Марльборо-хуза, безъ разрѣшенія начальства отлучился съ своего поста и за это преданъ военному суду. Рядовой Майлсъ утверждаетъ, будто онъ, взглянувъ на небо, неожиданно увидѣлъ самого дьявола, заслонившаго отъ него мѣсяцъ, и до того перепугался, что съ перепугу бросилъ ружье и принялъся удирать во всѣ лопатки. Показаніе рядового Майлса не было принято во вниманіе судомъ, а, между тѣмъ, онъ несомнѣнно, могъ одурѣть отъ испуга при видѣ нашего птеродактиля. Далѣе, лоцманъ нѣмецко-американскаго военнаго судна «Фрисландъ» утверждаетъ, будто въ десять часовъ утра, на слѣдующій день, экипажъ этого судна видѣлъ не то летучаго козла, не то чудовищной величины летучую мышь, съ неимовѣрной быстротой летѣвшую по направлению къ юго-западу. Если брошенный инстинктъ направилъ бѣднаго на вѣрный путь, несомнѣнно, послѣдній гъ Европѣ птеродактиль нашелъ свой конецъ гдѣ-нибудь въ волнахъ Атлантическаго Океана.

А Глэдисъ?—О, моя Глэдисъ,—царица волшебнаго озера, названнаго ея именемъ—теперь его снова перенесли въ Центральное, ибо я не хочу, чтобы она по моей

милости достигла бессмертия. Развѣ я не говорилъ, что я и раньше подмѣчалъ въ ея характерѣ какую-то непрѣятную жестокость? Развѣ, даже въ то время, когда я съ гордостью спѣшилъ выполнить ея приказъ, я не чувствовалъ, что плоха та любовь, которая шлетъ любимаго на смертельную опасность? Въ глубинѣ моей души всегда таилась мысль, подсказанная безопибочнымъ чутью сердца—хотѣ и гнать отъ себя эту мысль—что, несмотря на красоту ея лица, на днѣ ея души таится бедна эгоизма, суетности и тщеславія. Вѣдь, и геройство она любила не ради него самаго, не ради его благородной цѣли, а потому только, что это сулило и ее осѣнить ореоломъ славы, которая ей лично ничего не стоила и для которой она ничѣмъ не жертвовала. Или, можетъ быть, эти умныя мысли пришли мнѣ только теперь?.. Какъ бы то ни было, это было для меня тяжкимъ ударомъ. Я на время даже циникомъ сталъ. Но съ тѣхъ поръ прошла уже недѣля; за это время я видѣлся съ лордомъ Рокстономъ и—пожалуй, могло быть и хуже.

Доскажу въ нѣсколькихъ словахъ. Ни письма, ни телеграммы на мое имя въ Соутгемптонѣ я не нашелъ и вечеромъ, изнывая отъ волненія и тревоги, очутился у подъѣзда знакомой маленькой виллы въ Стретгемѣ. Отчего Глэдись молчать? Жива ли она? Куда дѣвались всѣ мои гордые мечты о раскрытыхъ объятіяхъ, нѣжной улыбкѣ и горячей хвалѣ человѣку, ради нея рисковавшему жизнью. Я уже слетѣлъ съ облаковъ на землю, но достаточно было пустяка, чтобы снова возвести меня на седьмое небо. Можетъ быть, у нея были уважительныя причины молчать?.. Я бѣгомъ перебѣжалъ черезъ садъ, забарабанилъ въ дверь, услыхалъ, голосъ Глэдись за дверью, оттолкнулъ изумленную служанку и ворвался въ гостиную. Она сидѣла у пыжини, въ низенькомъ креслѣ, озаренная свѣтомъ лампы подъ зеленымъ абажуромъ. Моментально я очутился возлѣ нея и схватилъ обѣ ея руки, воскликнувъ:

— Глэдись! Глэдись!

Она съ изумленіемъ смотрѣла на меня снизу вверхъ. Въ ней произошла какая-то перемѣна, едва уловимая, но ощущительная. Не то выраженіе глазъ и рта, какая-то жестокость во взорѣ... Она вырвала у меня свои руки.

— Глэдись! Что съ вами? Развѣ вы не моя маленькая Глэдись—Глэдись Хенджертонъ?

— Нѣтъ. Я—Глэдись Поттсъ. Позвольте представить вамъ моего мужа.

Какъ нелѣпо устроена жизнь! Я маниакально раскладывалъ и пожалъ руку маленькому, сѣдѣющему господину, совсѣмъ утонувшему въ огромномъ креслѣ, на которомъ прежде обыкновенно сидѣлъ я. Мы стояли другъ передъ другомъ, перемѣнившись съ ноги на ногу, и сились улыбаться.

— Наша прескіль настѣжь жить здѣсь, у него, пока не будетъ готова, наша собственная квартира,—пояснила Глэдись.

— Ахъ, вотъ что!

— Вы, значитъ, не получили моего письма, въ Парижѣ?

— Я никакого письма не получалъ.

— Ахъ, какъ жаль! Оно все разъяснило бы.

— Мнѣ и такъ все ясно.

— Я рассказывала про васъ Уильяму. У насъ нѣть тайнъ другъ отъ друга. Мнѣ такъ жаль!.. Но, вѣдь, и ваша любовь не могла быть особенно глубока, если вы способны были уѣхать на другой конецъ свѣта и оставить меня здѣсь одну. Вы не очень злитесь—нѣтъ?

— Нѣтъ, ничуть. Я думаю, мнѣ лучше уйти.

— Не выпьете ли вы чего-нибудь?—предложилъ холдинъ. И добавилъ конфиденціально:—Это всегда такъ бываетъ, не правда ли? И должно быть—иначе у насъ были бы полигамі—наизнанку, вы понимаете.—Онъ идіотски расхохотался, а я направился къ двери.

Но неожиданно для самого себя вернулся и подошелъ

прямо къ моему счастливому сопернику, тревожно поглядывавшему на кнопку электрическаго звонка.

— Не отвѣтите ли вы мнѣ на одинъ вопросъ?

— Отчего же, если вопросъ разумный.

— Какъ вы этого добились? Чѣмъ взяли ее? Нашли кладъ или открыли полюсъ, или были пиратомъ, или переплыли черезъ Ламаншъ? Какой романтическій подвигъ вы совершили, чтобы покорить ея сердце?

Онъ уставился на меня съ безнадежно идіотскимъ выражениемъ, въ общемъ добродушного, но глупаго лица.

— Не находите ли вы, что это уже значитъ вторгаться въ область личной жизни?

— Хорошо. Тогда, еще одинъ вопросъ. Скажите мнѣ: что вы такое? Какая ваша профессія?

— Я—клеркъ у нотаріуса.—Джонсонъ Мертивалъ, 41, Чансери-Лэнъ.

— Доброй ночи!—бросилъ я имъ и выбѣжалъ, какъ подобаетъ безутѣшному, съ разбитымъ сердцемъ герою, на улицу, въ мракъ и холодъ, переполненный горемъ и злобой и въ то же время готовый хохотать надъ своей глупостью.

Еще одна маленькая картинка, и я кончу. Вчера вечеромъ мы всѣ ужинали у лорда Джона и послѣ ужина, за трубочкой, съ удовольствіемъ припомнѣли разныя детали нашихъ общихъ приключений. Странно было видѣть знакомыя лица совсѣмъ въ другой обстановкѣ. Вотъ Чалленджеръ, съ его снисходительной улыбкой, опущенными вѣками, соколинымъ взглядомъ, выпяченной впередъ грудью и задорно торчащей бородой—совсѣмъ такой, какимъ онъ въ лагерѣ нашемъ перебранивался съ Соммерли. И Соммерли все тотъ же, со своимъ тощимъ лицомъ, козлиной бородкой и неизмѣнной коротенькой трубкой въ зубахъ. Вотъ, наконецъ, нашъ хозяинъ съ его обѣтаннымъ, орлинымъ лицомъ и холодными голубыми глазами, въ которыхъ, подъ наружнымъ ледянымъ спокойствіемъ всегда искрится лукавство, юморъ и готовность вспыхнуть, какъ порохъ. Такими и останутся ихъ образы въ моей памяти.

Это было послѣ ужина—въ святыни лорда Джона—комнатѣ, озаренной свѣтомъ многихъ лампъ, подъ красными абажурами и увѣшанной несчетными охотничими трофеями. Лордъ Джонъ вынулъ изъ шкафа старый ящикъ изъ-подъ сигаръ и поставилъ его передъ нами на столъ.

— Видите ли, господа: есть одна вещь, которую, можетъ быть, мнѣ и слѣдовало сказать вамъ раньше, но мнѣ не хотѣлось говорить, пока я самъ не зналъ навѣрно. Что пользы будить надежды только для того, чтобы онъ снова увяли? Но, теперь, это уже не надежды, а факты. Помните вы, господа, тотъ день, когда мы наткнулись въ болотѣ на птичникъ птеродактилей—что? Ну-съ, такъ вотъ именно въ этотъ день я запримѣтилъ иѣчто, что, можетъ быть, и ускользнуло отъ вашего вниманія, такъ что я ужъ лучше скажу вамъ. Это была вулканическаго происхожденія ворошка, наполненная синею глиной.

Оба профессора кивнули головами.

— Ну-съ такъ вотъ: въ цѣломъ мірѣ, я только однажды видѣлъ такую же воронку съ синею глиной. И было это въ Большой Де Бееровской Алмазной Розыпи въ Кимберле—что? И вотъ, я забралъ себѣ въ голову, что и здѣсь должны быть алмазы. Сочинилъ себѣ клѣтку изъ прутьевъ, чтобы меня не заклевали проклятые птеродактили, и цѣлыми днями рылся тамъ, въ этой глине. И вотъ, что я нашелъ.

Онъ открылъ сигарный ящикъ и, опрокинувъ его, высыпалъ на столъ около тридцати неотшлифованныхъ камней разной величины, отъ размѣровъ боба до размѣровъ каштана.

— Можетъ быть, вы скажете, что мнѣ слѣдовало тогда же сказать вамъ? Пожалуй, но я знаю, что неопытного человѣка легко одурачить, и что камни, иной разъ и большие, немногаго стоятъ, если они, что называется, не настѣнѣ воды. И цѣвѣть не толь, и составъ. Поэтому, я привезъ

ихъ сюда и тотчасъ по пріѣздѣ снесъ одинъ камень Спинксу, прося хоть наскоро отшлифовать его и оцѣнить.

Онъ вынулъ изъ кармана коробочку изъ-подъ пилюль и досталъ оттуда чудеснѣйшій, дивнаго блеска брильянтъ, одинъ изъ лучшихъ, какіе мнѣ доводилось видѣть на своемъ вѣку.

— Вотъ результатъ. Всѣ камни вмѣстѣ онъ цѣнить минимумъ въ двѣстѣ тысячѣ фунтовъ. Разумѣется, мы подѣлимъ ихъ между собою. Иначе я не согласенъ. Ну-съ, Чалленджеръ, что вы сдѣлаете съ вашими пятьюдесятью тысячами?

— Если вы ужъ такъ великодушны и настаиваете на раздѣлѣ, я желалъ бы основать свой собственный, частный музей—это моя завѣтная мечта.

— А вы, Соммерли?

— Я брошу профессорство, и тогда у меня будетъ время для классификаціи ископаемыхъ, находимыхъ въ мѣловыхъ образованіяхъ.

— Я—объявилъ лордъ Джонъ—на эти деньги спаряжу новую экспедицію, на милое старое плато. А вы, юноши, разумѣется, поспѣшите жениться?

— Пока еще не съ кѣмъ спѣшить,—грустно усмѣхнулся я.—Если вы не противъ, я, пожалуй, поѣхалъ бы съ вами.

Лордъ Рокстонъ ничего не сказалъ, но смуглая рука его черезъ столъ потянулась къ моей.

(Конецъ).

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

Въ слѣдующемъ № «Волнъ» начнется печатаніемъ новый романъ Конанъ-Дойля: «ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯСЪ», въ которомъ дѣйствующими лицами являются тѣ же лица, которыхъ мы уже успѣли оцѣнить и полюбить: профессоръ Чалленджеръ, Соммерли, лордъ Джонъ Рокстонъ и Мэлонъ.

Казнь Маріи Стюартъ.

Аббатъ Пти напечаталъ любопытный очеркъ, гдѣ доказываетъ, что Марія была неповинна въ заговорѣ на жизнь англійской королевы Елизаветы, что этотъ заговоръ былъ придуманъ агентами Елизаветы, поддѣлывавшими документы въ видѣ уликъ противъ несчастной шотландской королевы, которая, однако, на основаніи подобного рода лжесвидѣтельствъ, была приговорена къ смертной казни. Приговоръ этотъ Марія Стюартъ выслушала 7 февраля 1587 г., тѣ замѣчательны спокойствіемъ и отвергла всякое участіе въ какомъ-либо заговорѣ на жизнь Елизаветы.

По уходѣ лордовъ, Марія Стюартъ, утѣшала приближенныхъ и раздала свои деньги, потомъ осталась одна со своими фрейлинами и молилась съ ними Богу. Вечеромъ сѣли за столъ, за которымъ Марія Стюартъ, по обыкновенію, ъла очень мало, и не только говорила о своей смерти, какъ о предметѣ совершенно постороннемъ, но даже шутила.

Послѣ ужина Марія Стюартъ призвала своихъ слугъ, пила за ихъ здоровье и пригласила ихъ выпить за ея будущее спасеніе. Затѣмъ она простилась съ ними и раздѣлила между ними свое бѣлье и свое серебро.

Оставшись одна съ своими фрейлинами, Марія Стюартъ записала письма духовнику и французскому королю и покончила свое духовное завѣщаніе и легла спать. Ее разбудилъ сумъ, который производили рабочіе, воздигая эшафотъ.

Въ шесть часовъ утра Марія Стюартъ встала и приказала одѣтъ себя въ самое богатое платье, а чтобы во время казни не обнажилась ея грудь, вѣлѣла сдѣлать къ своему корсажу надставку. Затѣмъ она еще разъ простилась съ своими приближенными и слугами, мысленно исповѣдалась и сама причастилась. Когда она послѣ этого обратилась къ своимъ фрейлинамъ и слугамъ, вѣтъ были поражены происшедшему въ ней перемѣнѣ. По свидѣтельству одного шотландскаго историка, лицо ея сияло лучезарною красою.

Королева пожелала что-нибудь сѣсть. Докторъ Бургозъ предложилъ ей хлѣба и немного вина. Затѣмъ она просила своихъ фрейлинъ не упускать ни малѣйшей подробности ея казни. Стукнули въ дверь и королева приказала отворить. Вошелъ шерифъ Нортгемптона, одѣтый въ трауръ, съ бѣлымъ жезломъ въ руцѣ, и пригласилъ королеву слѣдовать за нимъ. Бургозъ поднесъ ей свое маленькое Распятіе изъ слоновой кости. Марія Стюартъ, приложившись къ Распятію, вѣлѣла нести его передъ собой, взяла подъ руку доктора и направилась къ двери. Но Бургозъ отказался вести ее на казнь и тогда королева пошла подъ руку съ однѣмъ изъ солдатъ.

Приближеннымъ и прислугѣ королевы не было позволено слѣдовать за нею, вслѣдствіе чего произошла раздирающая душу сцена. Они силою были отброшены въ комнаты королевы и тамъ заперты. Тогда, взявъ Распятіе въ одну руку, а свой молитвенникъ и носовой платокъ въ другую, Марія Стюартъ продолжала идти. Лорды ожидали ее на площадкѣ лѣстницы, нижняго этажа. По просьбѣ королевы, четырьемъ слугамъ и двумъ фрейлинамъ разрѣшено

было слѣдовать за нею. Затѣмъ спустились съ лѣстницы и вошли въ нижнюю залу. Зала эта была обтянута чернымъ. По серединѣ возвышался эшафотъ. Въ глубинѣ залы стояло множество зрителей.

Марія Стюартъ вошла величественно и спокойно. Царила мертвая тишина. Снаружи доносились жалобные звуки мелленной и монотонной музыки. То было старинное паджю, которое обыкновенно играли при сожиганіи колдуніи. Съ помощью смотрителя замка, Аміаса Поля, Марія Стюартъ твердо взошла на эшафотъ. Она сѣла на предназначеннѣе ей мѣсто, по правую руку помѣстились два графа, а по лѣвую клеркъ совѣта и шерифъ; противъ нея стали палачъ и его помощникъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи, вдоль стѣнъ, на колѣнѣхъ четверо слугъ и двѣ фрейлины королевы.

Марія Стюартъ медленно осмотрѣлась; присутствующіе были поражены ея величіемъ и спокойствіемъ; за глубокою тишиною послѣдовалъ шумный взрывъ удивленія.

Марія Стюартъ прочли смертный приговоръ. Королева съ такимъ достоинствомъ и такъ спокойно его выслушала, что графъ Шрефсбюри счѣль долгомъ напомнить ей, что это приговоръ суда. Но Марія Стюартъ казалась какъ-бы отрѣшившись уже отъ сего міра. Затѣмъ она заговорила съ необыкновеннымъ увлеченіемъ: она завѣряла въ своей невинности, радовалась, что умираетъ за свою религію и простила своимъ врагамъ. По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ, красота королевы въ эту минуту была поразительна.

Наконецъ Марія Стюартъ стала раздѣваться: она сняла съ себя вуаль, мантю и осталась въ одной малиновой юбкѣ. Свой маленький золотой крестикъ она хотѣла отдать одной изъ фрейлинъ, но на него заявила свои права палачъ. Королева сказала ему, что ему дадутъ за него гораздо болѣе его стомости.

Затѣмъ королева сѣла на свое мѣсто, благословила своихъ слугъ, простила палачамъ, въ послѣдній разъ поцѣловала фрейлинъ и вѣлѣла завязать себѣ глаза, послѣ чего палачъ приказалъ ей лечь на животъ и положить голову на плаху, но не класть руки подъ подбородокъ, такъ какъ это стѣснитъ его дѣйствія. Королева высвободила руки и помощникъ палача отвѣль ихъ за спину и крѣпко держаль въ своихъ рукахъ.

Во время этихъ приготовленій Марія Стюартъ произносила вслухъ тридцатый псаломъ. Наконецъ графъ Шрефсбюри подалъ знакъ, опустивъ свой жезль. Руки палача дрожали и онъ нанесъ королевѣ жестокую рану. Онъ снова поднялъ топоръ и ударилъ съ такою силой, что топоръ вонзился въ плаху. Въ ту минуту, когда топоръ опускался во второй разъ, весьма ясно послышались слова: «Redemisti me, Domine...» (Ты искупилъ меня, Господи).

Палачъ поднялъ голову королевы, чтобы показать ее публикѣ, но она выскользнула у него изъ рукъ и упала на помостъ.

Отравленный поясъ.

Романъ Конанъ-Дойля.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

Разсказъ о новомъ изумительномъ приключениі профессора Джорджа Э. Чаллендера, лорда Джона Рокстона, профессора Соммерли и м-ра Э. Д. Мэлона, открывшихъ «Потерянный Миръ».

ГЛАВА I.

Расплывшіяся линіі.

Я чувствую, что долгъ мой—записать эти необычайные события, пока они еще свѣжі въ моей памяти, со всюю точностью деталей, которая время можетъ затушевать. Но, садясь за эту работу, я все же не могу опомниться отъ изумленія, что эти необычайныя, изумительныя переживанія выпали на долю именно нашей маленькой группѣ «Потерянного міра»—профессору Чаллендеру, профессору Соммерли, лорду Джону Рокстону и нашему покорному слугѣ.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я описывалъ въ «Ежедневной Газетѣ» наше сенсаціонное, составившее эпопѣху въ наукѣ, путешествіе въ Южную Америку, не думалъ я, что мнѣ доведется быть лѣтописцемъ еще болѣе странныхъ личныхъ переживаній, единственныхъ во всей истории человѣчества и выдѣляющихся, какъ высокій пикъ, среди окружающихъ скромныхъ холмовъ. Саго по себѣ событие всегда останется чудеснымъ, но то обстоятельство, что мы четверо встрѣтили его вмѣстѣ, вполнѣ естественно; иначе, въ сущности, и быть не могло. Постараюсь возможно короче и яснѣ изложить предшествовавшіе ему факты, хотя и знаю, что, чѣмъ подробнѣ и подробнѣ такои разсказъ тѣмъ онъ пріятнѣй для читателя.

Это было въ пятницу, двадцать седьмого августа—памятное число въ истории міра. Я пришелъ въ редакцію нашей газеты просить трехдневнаго отпуска у Макъ-Ардля, попрежнему завѣдывающаго у насъ хроникой. Добрый старикъ покачалъ головой, озабоченно поскребъ свою лысину, опущенную все убывающей рыжеватой бахромкой мягкихъ волосъ, и, наконецъ, выразилъ словами свои соображенія:

— А я было думалъ, м-ръ Мэлонъ, использовать въ какъ разъ на эти дни. Дѣло такое, что никому другому, кроме васъ, поручить его нельзя.

— Очень жаль,—сказалъ я.—Разумѣется, если я нуженъ, обѣ отпускъ не можетъ быть и рѣчи. Но мнѣ бы очень нужно сѣздить. Дѣло интимное и важное. Если вы могли обойтись безъ меня...

— Въ томъ то и штука, что не могу.

Это было горькое разочарованіе, но я постарался примириться съ нимъ. Въ сущности, я самъ былъ виноватъ: далъ слово, не принявъ въ расчетъ, что газетный работникъ не вправѣ располагать собой.

— Въ такомъ случаѣ, не о чемъ и разговаривать,—выговорилъ я, съ напускной безпечностью.—А зачѣмъ я вамъ нуженъ?

— Да вотъ,—проинтервьюировать этого дьявола Ротерфильдскаго.

— Да неужто профессора Чаллендера?

— Ну да, его. Давеча онъ съ милю гналъ передъ собою по шоссе молодаго Алека Симпсона, изъ «Курьера», держа

его за воротъ и за брюки сзади. Да вы, навѣрное, читали обѣ этомъ въ рубрикѣ полицейскихъ извѣстій. Наши репортеры ни за что не хотятъѣхать къ нему—говорятъ: лучше пошлите интервьюировать аллигатора въ Зоологическомъ Саду. Но въѣдь, онъ можетъ быть, и не спустить съ лѣстницы—все-таки, старый другъ и все такое...

Я страшно обрадовался. Да вѣдь это великодѣйно! Мнѣ какъ разъ къ нему и нужно былоѣхать—изъ-за этого я и просилъ отпуска. Дѣло въ томъ, что на днѣхъ исполняется трехлѣтнія годовщина нашего опаснаго приключения на плато, и онъ просилъ насъ всѣхъ прѣѣхать къ нему и отпраздновать это событие.

— Чудесно!—воскликнулъ сияющій Макъ-Ардль, вѣсело потирая руки.—Такъ что, значитъ, вы можете обо всѣмъ разспросить его. Еслиъ это кто другой написалъ, я сказалъ бы просто: враки, но этотъ человѣкъ разъ уже показалъ себя умѣе всѣхъ—кто его знаетъ, можетъ, и еще покажетъ.

— Да въ чёмъ же дѣло? Что я долженъ узнать отъ него?

— Развѣ вы не читали его письма о «Научныхъ Возможностяхъ» въ сегодняшнемъ номерѣ «Таймса»?

— Нѣть, не читалъ.

Макъ-Ардль нырнула подъ столъ и поднялъ съ полу измѣтый номеръ «Таймса».

Онъ цѣлую милю гналъ передъ собой Александръ Симпсона изъ «Курьера»...

— Прочтите вслухъ,—сказалъ онъ, указывая мнѣ пальцемъ на столбецъ. Я не прочь прослушать это еще разъ—боюсь, что я съ первого раза не уяснилъ себѣ, какъ слѣдуетъ, смысла его предостережений.

Вотъ письмо, которое я прочелъ вслухъ завѣдующему хроникой газеты, «Научные Возможности».

«М. Г.—письмо Джемса Вильсона Макъ Фейля по поводу потускнѣнія Фрауенгоферовскихъ линій въ спектрахъ какъ планетъ, такъ и неподвижныхъ звѣздъ, помѣщенное Вами недавно на столбцахъ Вашей газеты,—письмо весьма успокоительное и совершенно безтолковое, немало позабавило меня, хотя не скажу, чтобы къ этому ощущенію смѣшилого у меня не присоединились иныхъ и менѣе лестныхъ эмоцій. Макъ Фейль не придаетъ никакого значенія этому факту. Болѣе развитой умъ, наоборотъ, можетъ усмотрѣть въ немъ весьма важная возможности—настолько важныя, что отъ нихъ можетъ зависѣть благоенствіе и самая жизнь всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей на нашей планетѣ. Не решаясь прибѣгнуть къ научному способу изложенія, ибо не смѣю надѣяться, что меня поймутъ тѣ ничтожные людишки, которые черпаютъ свои мысли и сужденія на столбцахъ ежедневныхъ газетъ. И потому попробую спуститься до ихъ ограниченного пониманія и выяснить положеніе при помощи всѣмъ доступной аналогіи, которая, наѣрное, будетъ понята и вашими читателями.»

— Вотъ чудакъ-то—удивительный чудакъ!—задумчиво покачалъ головой Макъ-Ардль.—Онъ способенъ взбунтовать противъ себя даже квакеровъ. Не удивительно, что въ Лондонѣ ему жить неудобно. Ну, посмотримъ, какая у него тамъ аналогія.

«Предположимъ,—читалъ я,—что небольшая пачка соединенныхъ между собою пробокъ медленно плыветъ чрезъ Атлантический океанъ. Пробки потихоньку уносить все дальше и дальше, но имъ кажется, что условия вокругъ нихъ ничуть не мѣняются. Если бы пробки были одарены разумомъ, онъ могли бы вообразить, что условия эти представляютъ собой нѣчто постоянное и вполнѣ надежное. Но мы, съ нашимъ, болѣе высокаго уровня знаніемъ, знаемъ, что пробкамъ могутъ встрѣтиться многія неожиданности и сюрпризы. Онъ могутъ наткнуться на корабль, или на спящаго кита, или же запутаться въ водоросляхъ. И, во всякомъ случаѣ, вѣроятнѣе всего, путешествіе ихъ кончится тѣмъ, что онъ будутъ выброшены на скалистый берегъ Лабрадора. Но развѣ могутъ это предвидѣть онъ, медлительно плывущія по тому, что имъ кажется безпредѣльными и вездѣ одинаковыми океаномъ?»

«Ваші читатели, можетъ быть, догадаются, что подъ Атлантическимъ Океаномъ въ этой параболѣ слѣдуетъ разумѣть великий океанъ эфира, по которому странствуетъ пачка пробокъ—маленькая и ничтожная планетная система, къ которой принадлежитъ и наша земля. Третъ-разрядное солнце съ хвостомъ ничтожныхъ спутниковъ, она изо дня въ день, въ условіяхъ, съ виду, не мѣняющихся, стремится къ невѣдомому концу, какой-нибудь скверной катастрофѣ, которая можетъ забросить настъ на крайнюю грань пространства, гдѣ мы плаваемъ въ океанѣ эфира, или же выкинуть на берегъ какого-нибудь невообразимаго для настъ Лабрадора. Я не вижу здѣсь основаній для поверхностнаго и невѣжественнаго оптимизма вашего сотрудника, м-ра Джемса Вильсона Макъ Фейля, и наоборотъ, вижу серьезныя основанія для настъ серьезно и внимательно приглядываться ко всяkimъ признакамъ измѣненія въ космическихъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ участъ настъ самихъ и нашей планеты.»

— Какой бы изъ него превосходный вышелъ пропозѣдникъ,—дивился Макъ Ардль.—И голосъ у него гудить, какъ органъ.—Ну, давайте посмотримъ что же его такъ взволновало.

«Перемѣщеніе и потускнѣніе Фрауенгоферовскихъ линій спектра, по моему, указываетъ на широко распространенные космическія измѣненія трудно уловимаго и необычайного характера. Свѣтъ планеты есть отраженный свѣтъ солнца; свѣтъ звѣзды есть свѣтъ, издаваемый, излучаемый самою звѣздой. Но въ данномъ случаѣ измѣненіе наблюдается одинаково какъ въ спектрахъ планетъ, такъ и въ спектрахъ звѣздъ. Чѣмъ же это объяснить. Измѣненіемъ, прошедшемъ въ планетахъ и звѣздахъ. Такое предположеніе для меня совершенно непрѣдлемо. Что же за перемѣна могла произойти одновременно со всѣми ими?—Измѣненіе въ собственной нашей атмосферѣ?—Возможно, но въ высшей степени невѣроятно, ибо никакихъ признаковъ подобныхъ измѣненій мы вокругъ себя же наблюдаемъ. Какая же третья возможность?—Измѣненіе въ составѣ среды, которая служитъ проводникомъ—въ томъ самомъ безконечно тонкомъ эфирѣ, который заполняетъ пространства между звѣздами и всю вселенную? Въ глубинѣ этого океана эфира медленно плыветъ наша земля, уносимая медленнымъ теченіемъ. И развѣ не можетъ случиться, что теченіе это, отклонившись отъ обычаго своего курса, занесетъ настъ въ зоны эфира, новыя для настъ и обладающія свойствами, которыхъ мы и не предполагали? Какая то перемѣна, несомнѣнно происходитъ. Это доказываетъ космическое нарушеніе цвѣта линій спектра. Эта перемѣна можетъ быть къ добру. Можетъ она быть и къ худу. Можетъ оказаться и нейтральной. Мы не знаемъ. Поверхностные наблюдатели могутъ не придавать ей значенія, но болѣе глубокій умъ истиннаго философа пойметъ, что предусмотрѣть всѣ возможности въ измѣненіи судьбъ вселенной немыслимо, и что мудрый всегда долженъ быть готовъ къ неожиданному. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ,—кто рѣшился утверждать, что загадочная и повальная болѣзнь, свирѣпствующая среди туземного населения Суматры—какъ разъ сегодня прочелъ въ вашей газетѣ телеграмму объ этомъ—не имѣть никакого отношенія къ этой космической перемѣнѣ, на которую первобытный организмъ жителей Суматры, быть можетъ, реагируетъ быстрѣ и сильнѣ, чѣмъ болѣе сложный организмъ europейца. Это только мысль, которой я не выдаю за истину. Въ данной стадіи вопроса, утверждать, что это—истина, было бы такъ же неосторожно, какъ и отрицать возможность этого, но нужно быть бараньей головой, лишенной всякаго воображенія, чтобы не понять, что самый фактъ вполнѣ въ границахъ научной возможности.

Преданный Вамъ Джорджъ Эдуардъ Чалленджъ.
Брайарсъ Ротерфильдъ.

— Интересное письмо, которое можетъ заставить призадуматься,—задумчиво сказалъ Макъ Ардль, вставляя папироску въ длинную стеклянную трубочку, служившую ему мундштукомъ.—Какое ваше мнѣніе, м-ръ Мэлонъ?

Къ стыду своему, я долженъ быть сознаться въ полномъ своемъ невѣжествѣ по этому вопросу. Что такое, напримѣръ, Фрауенгоферовскія линіи? Макъ Ардль уже успѣлъ изучить этотъ вопросъ при содѣйствіи нашего лейбъ-ученаго, состоящаго для такихъ случаевъ при редакціи, и тотчасъ вытащилъ изъ ящика своего письменнаго стола двѣ пестрыхъ ленты со всѣми цвѣтами спектра, весьма схожихъ съ тѣми, какія носятъ на шляпахъ юные и честолюбивые члены крикетныхъ клубовъ. Онъ указалъ мнѣ на чернѣю линіи, пересѣкающія рядъ яркоцвѣтныхъ полосъ, отъ красной съ одной стороны до фиолетовой съ другой, проходя черезъ оранжевое, желтое, зеленое, голубое и темно-синее.

— Эти черные полоски и есть линіи Фрауенгофера. Цвѣта—тѣ самые, на которые разлагается свѣтъ вообще, какого бы то ни было происхожденія, если вы его пропустите сквозь призму. Дѣло не въ этихъ цвѣтахъ, а именно

вотъ въ этихъ черныхъ полоскахъ, потому что онъ мѣняется, соответственно источнику срѣта. Вотъ эти-то линіи и измѣнились, потускнѣли за послѣднюю недѣлю, и всѣ астрономы спорятъ между собою о причинѣ. Вотъ фотографический снимокъ съ измѣнившимся линій, приготовленный для нашего завтрашняго номера. Широкая публика до сихъ поръ не интересовалась этимъ, но письмо Чалленджера въ «Таймс», я думаю, заставитъ ее заинтересоваться.

— А про Суматру что онъ такое пишетъ?

— Да, отъ этихъ потускнѣвшихъ линій до больныхъ негровъ на Суматрѣ дистанція изрялая. Но, вѣдь, этотъ чудакъ ужъ показалъ намъ, что, если онъ что говорить, такъ говорить не зря. Тамъ свирѣпствуетъ какая то странная эпидемія; а сегодня пришла каблограмма изъ Сингапура, сообщающая, что всѣ маяки на Зундскихъ проливахъ погасли и въ результатѣ два судна потерпѣли крушеніе у береговъ. Какъ бы то ни было, не мѣшаетъ проинтѣрвьюировать Чалленджера. Если вы добьетесь отъ него толку, въ ваше распоряженіе будетъ предоставленъ цѣлый столбецъ на поперѣльникъ.

Я вышелъ изъ кабинета завѣдующаго хроникой, обдумывая, какъ лучше выполнить данное миѣ порученіе, какъ вдругъ меня окликнули. Въ пріемной дожидался посыльный съ телеграфа съ депешей, пересланной въ редакцію съ моей квартиры въ Стрэтгэмѣ. Телеграмма была отъ самого Чалленджера и гласила:

«Привезите кислороду». Я зналъ нашего друга за большого чудака, способнаго на самыя громоздкія слоновыя шутки, надѣ которыми онъ первый, и порою единственный, хохоталъ, захлебываясь, такъ что глазъ его совсѣмъ не было видно, а видны были только прыгающій ротъ и раскидистая борода. Можетъ быть, и это одна изъ его шуточекъ. Я снова и слова перечитывалъ депешу, но нѣтъ—на шутку это не было похоже. Значитъ, это приказъ, хотя и странный, но требующій немедленнаго выполненія. Ужъ, конечно, не я рискнулъ бы ослушаться профессора Чалленджера. Можетъ быть, онъ затѣялъ какой-нибудь химическій экспериментъ, а можетъ быть... Ну, да это не мое дѣло разсуждать, зачѣмъ ему понадобился кислородъ. Просить—значить, надо везти. До отхода поѣзда съ вокзала Викторія осталось еще болѣе часа. Я взялъ таксо-моторъ, выписалъ изъ телефонной книжки адресъ и помчался на Оксфордъ-стритъ въ помѣщеніе Общества снабженія кислородомъ.

Выйдя изъ экипажа, я чуть не столкнулся съ двумя юношами, выносившими изъ дверей большой желѣзный цилиндръ, который они не безъ труда взгромоздили на ожидающій пустой автомобиль. За ними шелъ пожилой господинъ, поругивая и потопаливая ихъ скрипучимъ, насыпливымъ голосомъ. Онъ обернулся—я не могъ ошибиться: это строгое лицо и козлина борода могли принадлежать только одному человѣку—профессору Соммерли.

— Какъ?—вскричалъ онъ.—И вы тоже получили одну изъ этихъ наглыхъ телеграммъ насчетъ кислорода?

Я вынулъ изъ кармана телеграмму.

— Такъ, такъ. Я тоже получилъ и, какъ видите, хоть и неохотно, исполнилъ просьбу. Нашъ добрый другъ, какъ всегда, предъявляетъ къ своимъ друзьямъ болѣе я требованія. Ужъ не такъ же это ему нужно, чтобы непремѣнно надо было отказаться отъ обычныхъ способовъ доставки и наезживать хлопоты, отнимающія время, тѣмъ, кто въ сущности работаетъ много больше его. Почему онъ не могъ выписать этого прямо изъ Общества?

Я могъ только высказать предположеніе, что, вѣроятно, Чалленджеру нуженъ кислородъ безотлагательно.

— Да, да, или онъ вообразилъ себѣ, что это ему нужно—что не одно и тоже. Но, во всякомъ случаѣ, вамъ нѣтъ надобности покупать, разъ я везу цѣлый цилиндръ.

— Однако-жъ, онъ, повидимому, хочетъ, чтобы и я тоже привезъ свою порцію. Нѣтъ, ужъ я лучше въ точности исполню его просьбу. Этакъ безопаснѣе.

И, несмотря на ворчанье Соммерли, я пріобрѣлъ второй цилиндръ который, въ свою очередь, поставили въ его моторъ, такъ какъ онъ предложилъ довезти меня до вокзала Викторія.

Я отошелъ, чтобы расплатиться съ своимъ шофферомъ, что отняло довольно много времени, такъ какъ шофферъ оказался ужаснымъ грубяномъ и долго пререкался со мною изъ-за платы, и, вернувшись, нашелъ профессора Соммерли въ большомъ волненіи: онъ жестоко ругался съ людьми, которые выносили цилинды, и вся его козлина бородка ходуномъ ходила отъ негодованія. Помню, одинъ изъ этихъ молодцовъ назвалъ его «обѣзлымъ старымъ какаду», и это до такой степени возмутило его шоффера, что тотъ скочилъ на земль и полѣзъ съ кулаками на обидчика своего барина; еле-еле намъ удалось разнять ихъ во время и предотвратить уличную драку.

Всѣ эти мелочи могутъ показаться тривіальными, и мы въ свое время не придали имъ значенія. Только теперь, оглядываясь назадъ, я вижу, насколько онъ связаны съ той исторіей, которую я взялся разсказать.

Шофферъ Соммерли, какъ миѣ показалось, былъ новичекъ въ своемъ дѣлѣ или же слишкомъ взолновался происшедшіемъ, потому что моторомъ управлялъ онъ прескверно. Два раза мы едва не наѣхали на другіе автомобили, управляемые такъ же скверно, и, помню, я замѣтилъ Соммерли, что лондонскіе шофферы сталиѣздить много хуже прежняго. Одинъ разъ мы наѣхали на цѣлую толпу любопытныхъ, глазѣвшихъ на уличную драку. Зѣваки, очень возбужденные, подняли крикъ; одинъ даже вскочилъ на подножку нашего мотора и замахнулся на насть палкой. Я столкнулъ его, но мы все же рады были, когда

Столкновеніе моторовъ...

выбрались изъ этой суголовки и очутились, наконецъ, въ паркѣ, гдѣ проѣздъ былъ свободный. Этотъ рядъ мелкихъ, но непріятныхъ впечатлѣній сильно меня вѣбодоражилъ, да и спутникъ мой ворчалъ и злился, и я подумалъ, что характеръ его не улучшился съ годами.

Но оба мы развеселились, увидавъ лорда Джона Рокстона, дождавшаго насъ на перронѣ, въ широкомъ, дорожномъ жалтомъ пальто, немного висѣвшемъ на его высокой худощавой фигурѣ. Его орлиное лицо съ глазами, которыхъ не могъ уже забыть, кто разъ ихъ видѣлъ, вспыхнуло отъ удовольствія при видѣ насъ. Въ рыжеватыхъ волосахъ уже поблескивала сѣдина, и морщинки на лбу врѣзались глубже, но, помимо этого, передъ нами былъ все тотъ же лордъ Джонъ, умный и славный товарищъ, которому мы были въ прошломъ столькимъ обязаны. Онъ весело расхохотался при видѣ огромныхъ цилиндрѣвъ, которые везли за нами на телѣжкѣ носильщики.

— Ага! И вы тоже!—вскричалъ онъ.—Мой уже въ вагонѣ. На что это они понадобились старикашкѣ?

— А вы читали его письмо въ «Таймсъ»?—спросилъ я.

— А что такое?

— Чушь и ерунда!—рѣзко отвѣтилъ Соммерли.

— Какъ знать. Или я очень ошибаюсь, или это имѣть отношение къ кислороду,—вразумилъ я.

— Чушь и ерунда!—снова воскликнулъ Соммерли, съ совершенно ненужной пылкостью.

Всѣ мы усѣлись въ первый классъ, въ вагонъ для некурящихъ, и старикъ уже закурилъ свою любимую коротенькую трубочку, которая, казалось, вотъ-вотъ обожжетъ кончикъ его длиннаго крючковатаго носа.

— Чалленджеръ—умный человѣкъ,—продолжалъ онъ, все такъ же раздражительно.—Этого никто не оспариваетъ. Отрицать это могутъ только дураки. Посмотрите на его шляпу. Въ ней помѣщается мозгъ вѣсомъ въ 60 унцій—здоровенная машина, которая работаетъ отлично и вырабатываетъ первосортный матерьялъ. Покажите мнѣ помѣщеніе и я вамъ скажу, какой величины машина. Но въ то же время онъ—прирожденный шарлатанъ—я это говорилъ ему въ лицо—прирожденный шарлатанъ—онъ не можетъ обойтись безъ штукъ. Когда все спокойно, ему нужно всѣхъ вѣбугачить, чтобы заставить говорить о себѣ. Не думаете же вы, что онъ серьезно вѣрить во всю эту чепуху относительно измѣнений въ составѣ эфира и опасности, угрожающей человѣческой расѣ. Ну, съханы ли такія небылицы!

Онъ сидѣлъ, какъ старый бѣлый воронъ, весь трясясь отъ скрипучаго старческаго смѣха.

Меня это жестоко злило: какъ онъ смѣеть говорить такъ непочтительно о нашемъ вождѣ, которому мы обязаны и славой, и деньгами, и такими переживаніями, которыхъ, кромѣ насъ, не испытывалъ еще никто. Я только что раскрылъ ротъ, собираясь рѣзко возразить, но лордъ Джонъ предупредилъ меня.

— Вы ужъ попались однажды съ старикомъ Чалленджеромъ, и онъ вмигъ положилъ васъ, что называется, на обѣ лопатки. Мнѣ думается, профессоръ Соммерли, что этотъ орѣшекъ вамъ не по зубамъ, и самое лучшее для васъ не трогать его.

— Къ тому же,—вставилъ я,—онъ былъ добрымъ другомъ всѣмъ намъ. И, каковы бы ни были его недостатки, я не думаю, чтобы онъ позволилъ себѣ дурно отказываться о своихъ друзьяхъ за ихъ спиной.

— Славно сказано, юноша!—воскликнулъ лордъ Джонъ. И, съ ласковой усмѣшкой, пѣтрепалъ по плечу профессора Соммерли.—Полноте, герръ профессоръ, сориться намъ совсѣмъ не пристало. Мы слишкомъ много пережили вмѣстѣ. А, все-таки, вы Чаллендера не задѣвайте, ибо вотъ этотъ милый юноша и я питаемъ къ нему большую слабость.

Но Соммерли былъ не такъ настроенъ, чтобы итти

на уступки. Онъ презрительно и сердито скрипѣлъ губы, выпустивъ большой клубъ дыма изъ своей трубки.

— Что касается васъ, лордъ Джонъ Рокстонъ,—прокричѣлъ онъ,—ваші мнѣнія о научныхъ вопросахъ имѣютъ для меня такую же цѣну, какъ для васъ мое—о новомъ типѣ скорострѣльного ружья. У меня свой разумъ, сэръ, и свои мнѣнія. Если однажды, я ошибся, это еще не причина принимать на вѣру, безъ критики любое утвержденіе этого человѣка. Что же онъ Папа, что ли, въ науки, суждемія котораго непогрѣшими и должны приниматься вѣрными безъ разсужденій? Повторяю, сударь мой, у меня свой царь въ головѣ, и я не желаю быть ничьимъ рабомъ. Если вамъ угодно вѣрить всей этой чепухѣ относительно эфира и фраунгоферовскихъ линій—пожалуйста, сдѣлайте милость, но не требуйте, чтобы люди постарше и поумнѣе васъ поступали такъ же глупо. Да, вѣдь, еслибы составъ эфира подвергся такимъ измѣненіямъ, какъ онъ утверждаетъ, и сталъ бы вреднымъ для здоровья человѣка, развѣ это не отразилось бы прежде всего на насъ самихъ?—Онъ громко захахоталъ,—Да-съ, сударь мой, будь это такъ, мы первые перестали бы быть нормальными людьми и, вмѣсто того, чтобы, сидя въ вагонѣ, спокойно обсуждать научные проблемы, мы бы уже обнаруживали симптомы отравленія ядомъ, дѣйствующимъ внутри насъ. Въ чёмъ же вы видите эти симптомы?

Манера Соммерли выражаться все больше и больше злила меня: въ ней было что-то страшно раздражающее и задорное.

— Я полагаю, что, еслибы вы были болѣе знакомы съ фактами, вы не утверждали бы этого съ такой категоричностью.

Соммерли вынулъ трубку изо рта и уставился на меня каменнымъ взглѣдомъ.

— Позвольте узнать, сэръ, что вы хотите сказать этимъ довольно дерзкимъ замѣчаніемъ?

— А то, что въ редакціи нашей газеты получена телеграмма съ Суматры, подтверждающая извѣстіе о повальной эпидеміи новой и странной болѣзни среди туземнаго населения этого острова и сообщающая, что въ Зундскихъ проливахъ погасли всѣ маяки.

Соммерли окончательно вѣбѣлся.

— Нѣтъ, должны же быть какіе-нибудь предѣлы человѣческой глупости! Да неужели же вы не понимаете—если даже допустить, что Чалленджеръ правъ, хотя это явная нелѣпость—неужели же вы не понимаете, что эфиръ есть субстанція, проникающая всю вселенную, и одинаковая, какъ здѣсь у насъ, такъ и у антиподовъ? Или вы думаете, что есть эфиръ англійскій и эфиръ суматріапскій, и что въ графствѣ Кентъ эфиръ одинъ, а въ Сурреѣ—другой? Что же это, наконецъ, такое! Неужто же и всѣ непосвященные такъ же невѣжественны и довѣрчивы! Да развѣ можно допустить, чтобы на Суматрѣ эта перемѣна убивала, а у насъ, въ Англіи, не оказывала никакого дѣйствія. Лично я могу по совѣсти сказать, что никогда въ жизни не чувствовалъ себя лучше.

— Возможно. Я себя за ученаго не выдаю, хоть и слышалъ, что то, что одно поколѣніе считаетъ научной истиной, слѣдующее обыкновенно признаетъ заблужденіемъ. Но не нужно большого ума для того, чтобы понять, что обѣ эфирѣ мы знаемъ все же очень мало, и, можетъ быть, благодаря мѣстнымъ условіямъ, перемѣна въ его составѣ въ одномъ мѣстѣ можетъ оказаться раньше, чѣмъ въ другомъ.

— Можетъ быть, можетъ быть. Мало ли что можетъ быть. И свинья могла бы летать. Да-съ, могла бы—да вѣдь не летаетъ. Съ вами и спорить то не стоитъ. Чалленджеръ набилъ вамъ головы придуманной имъ чепухой, и вы оба неспособны здраво разсудить. Это все равно, что убѣждать эти вотъ подушки на сидѣніи.

— Я долженъ замѣтить вамъ, профессоръ Соммерли, что ваши манеры отнюдь не улучшились съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ имѣлъ удовольствіе видѣть васъ,—строго

сказал лорд Джонъ.

— Вы, баре, не любите правды и не привыкли ее слышать,—горько усмѣхнулся Соммерли.—Еще бы! Разумѣется, вамъ обидно слышать, что, несмотря на вашъ титулъ, вы все-таки невѣжда.

Лордъ Джонъ сурово выпрямился.—Честное слово сэръ, будь вы моложе, вы не посмѣли бы говорить со мною такимъ тономъ...

Соммерли вздернулъ подбородокъ кверху и заболталь своей козлиной бородой.

— Да будетъ вамъ извѣстно, сэръ, что старость и молодость тутъ ни при чемъ. Я никогда не боялся сказать правду въ лицо невѣжественному нахалу—да-съ, сэръ, невѣжественному нахалу—я повторю это, хотя бы у васъ было столько титуловъ, сколько только способны изобрѣсти рабы, а дураки—усвоить.

Глаза лорда Джона гнѣвно сверкнули, но могучимъ усилиемъ воли онъ сдерживалъ себя и откинулся на спинку сидѣнья, съ горькой усмѣшкой на губахъ, мнѣ жутко и больно было слушать ихъ. Невольно вспоминалось прошлое, наши добрыя товарищескія отношенія, счастливые дни странствій—все, что мы пережили и выстрадали, и чего добились вмѣстѣ. А теперь вотъ до чего дошло—до взаимныхъ оскорблений, чуть не до драки. И я вдругъ разрыдался, такъ мнѣ стало больно—заплачалъ, громко всхлипывая, не въ силахъ удержать рѣдкій. Мои спутники съ изумленіемъ смотрѣли на меня. Я закрылъ лицо руками.

— Ничего. Это пройдетъ,—бормоталъ я.—Но мнѣ такъ жаль!—Такъ жаль!

— Вы нездоровы, юноша,—участливо сказалъ лордъ Джонъ.—Вы сегодня съ самаго начала казались мнѣ немного странными.

Соммерли укоризненно покачалъ головой.—Однако, молодой человѣкъ, вы не исправились, съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ васъ. Мнѣ также сразу бросилась въ глаза ваша странная манера держать себя. Напрасно вы его жалѣете, лордъ Джонъ. Это пыньяныя слезы. Онъ напился съ утра. Кстати, лордъ Джонъ, я, пожалуй, былъ не въ мѣру строгъ, обозвавъ васъ нахаломъ. Но это мнѣ напомнило объ одномъ моемъ талантѣ, нѣсколько триадальномъ, но забавномъ. Вы знаете меня лишь за суроваго человѣка науки. Повѣрите ли вы, что, въ свое время, я пользовался репутацией изумительного пересмѣшника, умѣющаго подражать всѣмъ голосамъ на птичникѣ. Хотите, я посмѣшу васъ,—крикну я Фтихомъ?

— Нѣть, сэръ, меня это не разсмѣшитъ,—отвѣтилъ лордъ Джонъ, все еще чувствовавшій себя оскорблѣннымъ.

— И еще я замѣчательно умѣль подражать клохтанью курицы, снесшей яйцо. Хотите, изображеніе?

— Нѣть, сэръ, не надо,—не имѣю ни малѣйшаго желанія.

Несмотря на это профессоръ Соммерли, положилъ трубку и до конца пути увеселялъ насъ—или думалъ, что увеселялъ,—подражая крику разныхъ птицъ и животныхъ. Это было такъ нелѣпо, что мои истерическія слезы смѣшились неудержимымъ смѣхомъ, который также грозилъ перейти въ истерику, тѣмъ болѣе, что я сидѣлъ напротивъ профессора, а онъ корчилъ уморительнѣйшія рожи, изображая щенка, которому наступили на хвостъ. Лордъ Джонъ не смѣялся; онъ передалъ мнѣ свою газету, на поляхъ которой было написано карандашемъ: «Бѣднаго! Онъ рехнулся». Безъ сомнѣнія, поведеніе Соммерли было чрезвычайно эксцентрично, но птичимъ голосамъ подражалъ онъ, дѣйствительно, въ совершенствѣ.

Не обращая на него вниманія, лордъ Джонъ, нагнувшись ко мнѣ, рассказывалъ мнѣ какую-то безконечную исторію о буйволѣ и объ индійскомъ раджѣ, который я никакъ не могъ взять въ толкъ. Профессоръ Соммерли только что за-

И до конца путешествія Соммерли увеселялъ насъ подражаніемъ крику птицъ и животныхъ...

чирикаль канарейкой, когда побѣдъ неожиданно остановилъся на Джарвисъ-Брукъ—станціи, где сходять щущіе въ Ротерфильдъ.

Чалленджеръ выѣхалъ насъ встрѣтить. Напыщенный и влажный, какъ индюкъ, онъ величаво шагалъ по платформѣ, снисходительно и благосклонно оглядывая всѣхъ вокругъ себя. Если онъ и измѣнился нѣсколько съ тѣхъ поръ, какъ я зналъ его, то тѣмъ лишь разъ, что всѣ его особенности стали болѣе подчеркнутыми. Огромная голова съ крутымъ, выдающимся лбомъ, на который живописно падаю завитокъ черныхъ волосъ, кавалась еще огромнѣе прежняго. Черная борода писпадала на грудь еще болѣе грознымъ каскадомъ, а свѣтло-сѣрые глаза съ дерзкими и насыщливыми вѣками смотрѣли еще болѣе зорко и властно.

Онъ весело пожалъ мнѣ руку, поощривъ меня улыбкой, какъ начальникъ школы новичка и, помогши естальными выгрузить ихъ багажъ и цилинды съ кислородемъ, усадилъ насъ всѣхъ въ большой автомобиль, которымъ правилъ все тѣ же невозмутимый Аустинъ, фигурировавшій въ роли дворецкаго и довѣренного камердинера въ первый мой визитъ къ профессору Чалленджеру. Дорога шла по очень живописной мѣстности, извиваясь по скату холма. Я сидѣлъ на переднемъ мѣстѣ, рядомъ съ шофферомъ; позади меня мои трое товарищей, говорили какъ-будто всѣ сразу. Лордъ Джонъ все еще возился съ своей исторіей про буйвола и раджу, а наши профессора, повидимому, уже снова подняли какой-то неистовый научный споръ. Неожиданно Аустинъ, не отрывая глазъ отъ руля, повернувшись ко мнѣ свое темное, словно изъ дерева вырѣзанное лицо.

— Онъ мнѣ отказалъ отъ мѣста.

— Да не можетъ быть!—вскричалъ я.

Что это за странный день! Всѣ говорятъ такое странное, неожиданное. Мнѣ казалось, что я сплю и вижу сны.

— Это уже сорокъ седьмой разъ,—задумчиво молвилъ Аустинъ.

— Когда же вы уходите,—спросилъ я, не зная, что сказать.

— Я не уйду. Если я уйду, кто же будет смотреть за нимъ?—Онъ мотнул головой по направлению къ своему барину.—Гдѣ же онъ найдетъ себѣ слугу?

— Ну, возьмешь другого.

— Какъ бы не такъ. Другой то не прослужить и недѣли. Если я уйду, этотъ домъ будетъ, какъ часы, въ которыхъ сломана пружина. Я вамъ говорю это, потому что вы другъ ему, и вамъ можно сказать. Какъ же мнѣ уйти-то? Вѣдь они съ барыней все равно, что молодые младенцы. Я же всѣмъ распоряжаюсь. А онъ—на тебѣ,—взялъ, да и отказалъ мнѣ отъ мѣста.

— Почему же вы думаете, что другое не будутъ жить у него?

— Кто же захочетъ терпѣть такое обращеніе? Слова нѣть, баринъ—умный человѣкъ—и другой разъ такой ласковый...—но вы подумайте, что онъ сегодня сдѣлалъ.

— Что же онъ сдѣлалъ?

Аустинъ нагнулся ко мнѣ ближе и шепнулъ на ухо:

— Укусиль экономку.

— Укусиль?

— Ну да. За ногу укусиль. Я своими глазами видѣлъ, какъ она съ плачомъ прыгала на одной ногѣ и потомъ бѣжала, какъ сумасшедшая по аллѣ.

— Господи помилуй! Что вы такое говорите.

— Вотъ тутъ и живи. А съ сосѣдями какъ онъ обращается. Развѣ у него есть хоть одинъ добрый знакомый по сосѣдству? Иные говорятъ про него, что ему только тамъ бы и жить, съ тѣми чудовищами, про которыхъ вы писали. Вотъ какъ про него люди говорятъ. Но я служу у него десять лѣтъ и люблю его, и знаю, что онъ большой человѣкъ, и за честь почтлю служить ему. А, все-таки, иной разъ трудненько приходится. Вотъ поглядите, сэръ. Это какъ, по вашему, гостепріимно? Вы только прочитайте.

Автомобиль медленно вѣзился на крутой, извилистый скат. Надъ изгородью на краю дороги высилась доска съ надписью, большими буквами, гласившей:

Предостереженіе:

Посѣтители, представители печати и пишущие не поощряются. Д. Э. Чалленджеръ.

— Нѣть, это какъ, по вашему радушіемъ зовется?—спрашивалъ Аустинъ, качая головой.—Развѣ потянетъ кого въ такой домъ? Извините, сэръ, что я вдругъ такъ разболтался: сколько лѣтъ молчалъ, а вотъ сегодня не выдержалъ—прорвало. Пусть хоть лопнетъ въ злости, ругая меня, а все-таки не уйду—вотъ не уйду, да и все тутъ. Я его слуга, а онъ—мой господинъ, и такъ оно, думается мнѣ, и останется.

Мы проѣхали между двухъ бѣлыхъ столбовъ у воротъ и стали подниматься по извилистой подъѣздной аллѣ, обсаженной кустами рододендроновъ. Впереди рисовался домъ, невысокое кирпичное зданіе съ бѣлымъ деревяннымъ переплетомъ, очень красивое и уютное. М-ръ Чалленджеръ, маленькая, хорошенъкая, улыбающаяся, встрѣтила насъ на крыльцѣ.

— Ну, вотъ тебѣ, милочка, и наши гости,—сказалъ Чалленджеръ, грузно вываливаясь изъ мотора.—У насъ не часто бываютъ гости, не правда ли? Мы и наши сосѣди не очень-то любимъ другъ друга. Еслибы они могли подсыпать мышьяку въ тѣсто, изъ котораго памъ пекутъ булки, они бы не задумались.

— Ну, что ты такое говоришь. Это ужасно!—воскликнула маленькая женщина, плача и смеясь.—Вотъ Джорджъ всегда такой—во всѣмъ ссорится. У насъ совсѣмъ нѣть друзей въ этой окрестѣ.

— Это позволяетъ мнѣ сосредоточить все мое вниманіе на моей несравненной женѣ,—сказалъ Чалленджеръ, обнимая ее за талию своей короткой и толстой рукой. (Ну, и парочка—словно горилла съ газелью!) Однако, будешь обѣ

втомъ. Наші гости устали, надо ихъ накормить. Что Сара вернулась?

Маленькая женщина сокрушенно покачала головой; профессоръ громко захотѣлъ и погладилъ себѣ по бородѣ.

— Аустинъ! Когда поставишь моторъ въ сарай, помоги, пожалуйста, барынѣ приготовить завтракъ. Ну-съ, господа, не пройдете ли вы въ мой кабинетъ—я имѣю сообщить вамъ нѣчто важное.

Глава II.

Волна смерти.

Въ то время, какъ мы проходили черезъ холлъ, раздался звонокъ телефона и мы стали невольными свидѣтелями бесѣды Чалленджера съ вызывавшимъ его. И не только «мы», но и всѣ находившіеся на разстояніи сотни ярдовъ не могли не слышать этого чудовищнаго баса, разносившагося по всему дому: его отвѣты четко запечатлѣлись въ моемъ мозгу.

— Ну да, да, я—кто же иной... Да, разумѣется, тотъ самый, знаменитый профессоръ Чалленджеръ... Конечно, думаю, иначе бы не написалъ... Это меня не удивляетъ... Всѣ основанія такъ думать... Черезъ денекъ-другой, самое большое... Такъ чѣмъ же я то могу вамъ помочь?.. Очень непріятно, безъ сомнѣнія, но я полагаю, то же будутъ испытывать и болѣе крупные люди, чѣмъ вы. Такъ что пишать нѣть пользы... Нѣть, врядъ ли смогу... Ужъ это вы рѣшайте сами... Достаточно, сэръ. У меня есть болѣе важный дѣла, чѣмъ слушать вашу болтовню.

Онъ съ трескомъ повѣсила трубку и повелъ насъ на-верхъ въ большую просторную комнату, где было много свѣта и много воздуха,—его кабинетъ. На огромномъ, раснаго дерева, письменномъ столѣ лежало 7-8 пераспечатанныхъ телеграммъ. Чалленджеръ взялъ ихъ въ руки.

— Надо будетъ придумать сокращенный адресъ, въ интересахъ кармана моихъ корреспондентовъ. Пожалуй, «Ноу, Ротерфильдъ» былъ бы самымъ подходящимъ.

И, отпустивъ эту загадочную шуточку, онъ, какъ всегда засился смѣхомъ, такимъ неудержимымъ, что руки его тряслись и телеграммы прыгали въ руки, а лицо стало совсѣмъ свѣтольного цвѣта.

Лордъ Джонъ и я сочувственно улыбались, Соммери сердито морщился и моталъ своей клинообразной бородой, словно козель, страдающій гесваренемъ желудка. Чалленджеръ сталъ, наконецъ, читать свои телеграммы, а мы всѣ трое отошли къ окну, чтобы полюбоваться чуднымъ видомъ.

Тутъ, дѣйствительно, было на что посмотреть. Дорога, незамѣтно подымаясь въ гору, привела насъ на сравнительно большую высоту—семьсотъ футовъ надъ уровнемъ моря, какъ мы узнали потомъ!. Домъ Чалленджера стоялъ на самой вершинѣ холма, и съ южнаго фасада, на которомъ помѣщалось окно кабинета, открывался видъ на широкое лѣсистое пространство, примыкавшее на горизонѣ къ отрогамъ горъ. У самыхъ ногъ нашихъ раскинулась равнина, покрытая лиловымъ верескомъ; ярко-зеленая пятна на ней, усыпанные темными точками, опредѣляли площади для игры въ гольфъ, а пятна были игроки. Подальше къ югу, сквозь простиру, въ лѣсу, виднѣлась часть дороги изъ Лондона въ Брайтонъ. Къ дому съ этой стороны примыкалъ не-большой огороженный дворъ, где стоялъ моторъ, привезшій насъ со станціи.

Восклицаніе Чалленджера заставило насъ обернуться. Онъ прошелъ свои депеши и уложилъ ихъ аккуратной пачкой на столѣ. Его большое грубое лицо, по крайней мѣрѣ, та часть его, которую оставляла открытой борода, все пытало и самъ онъ былъ, повидимому, очень взволнованъ.

— Ну-съ, господа,—началъ онъ,—наше собрание объѣщаетъ быть весьма интереснымъ и происходить при необычайныхъ—я бы сказалъ даже: при неимѣющихъ прецедента обстоятельствахъ. Позвольте вѣсѣ спросить: вы ничего особенного не замѣтили по пути сюда изъ Лондона?

Единственно, что я замѣтилъ,—съ кислой усмѣшкой отозвался Соммерли,—это то, что нашъ юный другъ не исправилъ въ своемъ поведеніи за истекшій годъ. Къ сожалѣнію, долженъ замѣтить, что я былъ прямо таки окорбленъ его поведеніемъ въ поѣздѣ, и я былъ бы неискреннимъ, еслиъ не признался вамъ, что оно произвело на меня самое непріятное впечатлѣніе.

— Ну, ладно, ладно, ужъ. Это со всякимъ можетъ случиться успокоительно сказалъ лордъ Джонъ.—Юноша не имѣлъ намѣренія васъ обидѣть. Притомъ же, онъ не англичанинъ и ему извинительно битыхъ полчаса рассказывать обѣ одной партіи въ футболъ.

— Битыхъ полчаса!—съ негодованіемъ воскликнулъ я.—Да, вѣдь, это вы битыхъ полчаса рассказывали какую-то нелѣпую исторію про буйвола. Профессоръ Соммерли свидѣтель—онъ подтвердить мои слова.

— Трудно даже сказать, кто изъ васъ былъ несноснѣе, отозвался Соммерли.—Я теперь всю жизнь, кажется, не въ состояніи буду говорить ни о буйволахъ, ни о футболлѣ.

— Да я же ни слова не говорилъ о футболлѣ!

Лордъ Джонъ свистнулъ; Соммерли печально покачалъ головой.

— И, главное, съ утра,—вотъ что всего обиднѣе. Въ то время, какъ я сидѣлъ молча, погруженный въ грустную задумчивость...

— Молча? Да вы все время подражали птичьимъ головамъ, словно клоунъ въ кафе-шантанѣ—може было подумать, что съ нами ёдеть граммофонъ, а не человѣкъ.

Соммерли жестоко обидѣлся.

— Оставьте ваши шутки, лордъ Джонъ.

— Да что же это за безуміе! Каждый изъ насъ помнить, что дѣлали другіе и не помнить, какъ вѣль себя онъ самъ. Давайте сопоставимъ все вмѣстѣ, съ самаго начала. Мы сѣли въ вагонъ первого класса для курящихъ—такъ вѣдь? Затѣмъ заспорили о письмѣ нашего друга Чалленджера, помѣщенному въ «Таймсѣ».

— Ахъ, вотъ какъ! Вы значить, спорили о немъ?—вмѣшался нашъ хозяинъ, и вѣки его начали опускаться.

— Вы говорили, Соммерли, что въ немъ не можетъ быть ни слова правды.

— Чортъ возьми!—вскричалъ Чалленджеръ, выпячивая грудь и гладя бороду.—Ни слова правды! Каково! Мнѣ не въ диковинку слышать отъ васъ такія слова. Могу я узнать, какими же доводами великій и знаменитый профессоръ Соммерли разбиваетъ утвержденія скромнаго смертнаго, осмѣлившагося высказать свое мнѣніе по поводу одной изъ научныхъ возможностей. Можетъ быть, прежде чѣмъ стереть въ порошокъ эту ничтожную личность, онъ удостоится привести нѣсколько доводовъ въ пользу противоположныхъ сужденій, его собственныхъ.

Отпуская эти тяжеловѣсныя слоновыя шуточки, онъ кланялся и пожималъ плечами и простирая руки, словно призывая всѣхъ въ свидѣтели своего миролюбія.

— Доводы простые,—былъ отвѣтъ.—Если эфиръ, въ которомъ плаваетъ земля, отравленъ настолько, что вызываетъ даже заболѣванія, какъ же мы то трое, нимало не испытываемъ на себѣ дѣйствія отравы?

Чалленджеръ только покатился со смѣху; онъ хотѣлъ такъ громко, что всѣ предметы въ комнатѣ тряслись и дребезжали.

— Нашъ почтенный другъ не замѣчаетъ фактovъ—это ужъ не въ первый разъ,—выговорилъ онъ наконецъ, не-много успокоившись. Видите ли, господа, чтобы пояснить вамъ свою мысль, я лучше всего разскажу вамъ, что сегодня утромъ сдѣлалъ я. Вы охотнѣе допустите извѣстную умственную аберрацію у себя, когда узнаете, что и у меня были моменты нарушенія душевнаго равновѣсія. У насъ уже нѣсколько лѣтъ служить въ домѣ экономка—нѣкая Сара—

фамиліей ея я не счелъ нужнымъ отягощать свою память. Это женщина строгая, чопорная, чинная, очень тихая и такая выдержанная, что никто изъ насъ никогда не видѣлъ ея взволнованной. И вотъ, сегодня утромъ, когда я сидѣлъ одинъ за завтракомъ—м-ръ Чалленджеръ завтракаетъ у себя—мнѣ вдругъ пришло въ голову, что было бы забавно и поучительно удостовѣриться, есть ли предѣлы невозмутимости нашей Сары. Я прибѣгнулъ къ способу простому, но дѣйствительному. Опрокинулъ вазочку съ цветами, стоявшую посерединѣ стола, позвонилъ и самъ заѣхѣлъ подъ столъ. Экономка вошла и, увидавъ, что комната пуста, подумала, что я ушелъ къ себѣ. Какъ я и ожидалъ, она подошла къ столу—поднять вазу и поправить скатерть. Передо мной мелькнула бумажный чулокъ и башмакъ съ резинкой. Я высунулъ голову изъ-подъ стола и укусилъ ее въ икру. Экспериментъ удался чрезвычайно. Съ минуту женщина стояла, какъ парализованная, уставившись на мою голову, торчавшую изъ-подъ стола, потомъ, съ крикомъ бросилась бѣжать. Я побѣжалъ за ней, чтобы объяснить и извиниться, но она мчалась, какъ вѣтеръ; и нѣсколько минутъ спустя я уже могъ разглядѣть ее только въ бинокль. Рассказываю вамъ по чистой правдѣ все, какъ было. Хорошенькая иллюстрація? Вамъ это ничего не напоминаетъ? Что вы скажете, лордъ Джонъ?

Сара мчалась по дорогѣ...

Лордъ Джонъ задумчиво покачалъ головой.

— Вамъ надо отдохнуть. Эта можно серьезно взвѣрять.

— А ваше, Соммерли, какое мнѣніе?

— Бросьте сейчасъ-же всякую работу и поѣзжайте на три мѣсяца въ какой-нибудь нѣмецкій курортъ!

— Превосходно. Въ самую точку попали. Ну-съ, сэръ Мэлонъ, можетъ быть, вы обнаружите ту мудрость, которой, такъ очевидно, не хватаетъ вашимъ старшимъ товарищамъ.

И я это сдѣлалъ. При всей моей скромности, долженъ сказать, что это было такъ. Разумѣется, читателю, который

знати все прошедшее, все было ясно с самого начала, но въ то время совсѣмъ не такъ легко было сообразить. И, все же, у меня убѣжденно вырвалось:

— Отрава!

И отъ одного этого слова мнѣ вдругъ стало ясно, почему лордъ Джонъ разсказывалъ безконечную исторію про буйвола, почему я истерически рыдалъ, а Соммерли и бѣсился, и кричалъ по пѣтушиному. И столкновенія моторовъ, и придиличность шоффера, и скора изъ-за кислорода—все вдругъ объяснилось, сложилось въ одно стройное цѣлое.

— Ну, разумѣется!—вскричалъ я снова.—Это дѣйствіе яда. Мы все отравлены.

— Именно,—подтвердилъ Чалленджеръ, потирая руки.—Мы все отравлены. Наша планета вступила въ отравленный песянѣ эфира и теперь летить черезъ него со скоростью нѣсколькихъ миллионовъ миль въ минуту. Нашъ юный другъ совершенно правильно опредѣлилъ причину всѣхъ нашихъ дикихъ поступковъ. Это дѣйствіе яда.

Мы молча переглянулись. Комментаріи были излишни.

— Всѣ подобные симптомы могутъ быть ослаблены и подавлены силой умственного напряженія, силой воли,—продолжалъ Чалленджеръ.—Я не могу, конечно, ожидать, чтобы у васъ она оказалась настолько же развитой, какъ у меня, ибо интенсивность различныхъ умственныхъ процессовъ обыкновенно оказывается взаимно пропорциональной. Но, безъ сомнѣнія, она скажется въ извѣстной степени даже и у нашего юного друга. Послѣ этой маленькой вспышки, такъ встревожившей моихъ домашнихъ, я сѣль и началъ разсуждать съ самимъ собой. Я допросилъ себя: приходило ли мнѣ раньше когда нибудь желаніе укусить кого-либо изъ моихъ домашнихъ?—Нѣтъ, не приходило. Слѣдовательно, такой импульсъ ненормаленъ. И мгновенно истина озарила меня. Изслѣдовавъ свой пульсъ, я убѣдился, что онъ на десять біеній чаще обычного и рефлексы также повышены. Я возвратилъ къ своему высшему и болѣе трезвому «я», къ подлинному Дж. Э. Ч., остававшемуся спокойнымъ и непоколебимъ, недоступнымъ этому чисто молекулярному разстройству. И убѣдился, что я могу побороть себя, могу распознать въ себѣ признаки умственного разстройства и преодолѣть ихъ. Это была замѣчательная побѣда духа надъ матеріей, ибо это была побѣда надъ той формой матеріи, которая всего тѣснѣе связана съ духомъ. Я бы даже сказалъ, что самый духъ спасовалъ и побѣдительницей оказалась личность. Такъ, когда жена моя сошла внизъ, мнѣ захотѣлось спрятаться за дверью и неожиданно крикнуть, чтобы напугать ее, но я подавилъ въ себѣ желаніе и встрѣтилъ ее сдержанно и съ достоинствомъ. Позже, когда я спустился внизъ, чтобы вѣрѣть подать моторъ, и увидѣлъ Аустина, нагнувшагося надъ колесомъ, поправляя шину, рука моя сама собою поднялась, чтобы дать ему шлепокъ, въ результаѣ котораго онъ, по всей вѣроятности, послѣдовалъ бы за экономкой, но я заставилъ ее опуститься, слегка коснулся его плеча и сказалъ ему, когда надо подать моторъ, чтобы во-время поспѣть на поѣздъ. Въ данный моментъ я едва удерживаясь отъ искушенія взять профессора Соммерли за его дурацкую бороду и трясти его взадъ и впередъ. Но, какъ видите, сдержаныи и въмѣ провѣрить себя.

— Теперь я понимаю, откуда взялся буйволъ.

— А у меня—футболъ.

— Можетъ быть, вы и правы, Чалленджеръ,—молвилъ присмирѣвшій Соммерли.—Сознаюсь, я настроенъ весьма критически и меня не легко убѣдить въ истинности новой теоріи, тѣмъ болѣе такой фантастической и необычной. Однакоже, припоминая события сегодняшняго утра и необычайное поведеніе моихъ спутниковъ въ вагонѣ, я готовъ допустить, что оно объясняется дѣйствіемъ какого-нибудь возбуждающаго яда.

Чалленджеръ хлопнулъ его по плечу.—И за то спасибо. Мы положительно идемъ впередъ.

По моему, это кончина міра...

— Хорошо. Но какъ же вы представляете себѣ дальнѣйшее?—смиренно освѣдомился Соммерли.

— Съ вашего позволенія, я скажу нѣсколько словъ по этому поводу.—Чалленджеръ присѣлъ на стулъ, размахивая коротенькими толстыми ногами, неуклюжими, какъ обрубки.—Мы присутствуемъ при явленіи грозномъ и жуткомъ. По моему, это кончина міра.

Кончина міра! Мы невольно повернулись къ окну, въ которое видѣнъ былъ мирный лѣтній пейзажъ— поля, покрытые верескомъ, дачи, уютные домики—фермы, гуляющіе... Кончина міра. Каждый изъ настѣ слыхалъ эти слова, но, не связывая съ ними непосредственного практическаго значенія, относи осуществоеніе ихъ въ какую-то смутную, отдаленную эпоху—въ такой моментъ, при такихъ обстоятельствахъ, въ устахъ такого человѣка, они пріобрѣтали грозное и страшное значеніе. Пораженные, притихшіе, торжественно настроенные, мы молча ждали продолженія. Внушительная вѣшність и могучій низкій басъ Чалленджера придавали его словамъ такую силу, что на минуту стушевались всѣ его чудачства, и мы чувствовали только, что передъ нами изумительная личность, головою выше обыкновенныхъ смертныхъ.

Однакожъ, я немного успокоился, вспомнивъ, что уже здѣсь, у себя въ кабинетѣ, Чалленджеръ дважды начинай смыться. Всему, вѣдь, есть границы—даже и самообладанію. Если онъ смыется, значитъ, моментъ не такой ужъ критический.

— Представьте себѣ гроздь винограда,—началь онъ,—покрытую безконечно малыми, незамѣтными взору бациллами. То ли садовникъ хочетъ обезвредить ее, то ли ему нужно мѣсто для разводки какихъ-нибудь иныхъ бациллъ, но только онъ погружаетъ ее въ дезинфицирующій растворъ. И бациллы исчезаютъ. То же самое, думается мнѣ, верхов-

ный Садовникъ продължаетъ въ данный моментъ съ нашей солнечной системой, и ~~такъ-послѣ~~ бацилла, стерилизованная, будетъ смыта съ лица земли.

Водворившееся молчание было нарушено рѣзкимъ телефоннымъ звонкомъ.

— Это, навѣрно, пишутъ одна изъ нашихъ бациллъ, умоляя о помощи,—сказалъ Чалленджеръ съ невеселой усмѣшкой.

И ненадолго вышелъ изъ комнаты. Помню, за время его отсутствія, никто изъ насъ не проронилъ ни слова. Да и что тутъ было говорить?

— Медицинскій инспекторъ изъ Брайтона,—пояснилъ Чалленджеръ, вернувшись.—Почему-то на побережье болѣзнь быстрѣе прогрессируетъ. Наше преимущество—то, что мы находимся на высотѣ семисотъ футовъ. Повидимому, въ этомъ вопросѣ я призванъ авторитетомъ. Должно быть, вслѣдствіе моего письма въ «Таймсъ». Давеча, когда вы вошли, ко мнѣ звонилъ мэръ одного провинциального городка. Онъ что-то ужъ слишкомъ высоко цѣнилъ свою жизнь. Пришлось немножко осадить его.

Соммерли всталъ и подошелъ къ окну. Его тощія kostлявыя руки тряслись отъ волненія.

— Чалленджеръ,—началь онъ торжественно,—положеніе слишкомъ серьезно для пререканій и споровъ. И, если я предложу вамъ нѣсколько вопросовъ, не думайте, что я дѣлаю это съ цѣлью позлить васъ. Солнце сияетъ ярко на безоблачномъ небѣ. Верескъ, птицы, цветы—все, какъ всегда. Вонъ молодежь играетъ въ гольфъ, крестьяне жнутъ рожь. А вы говорите, что мы на краю гибели—что наступаетъ грозный день, котораго отъ вѣка ждало человѣчество. На чѣмъ же вы основываете этотъ приговоръ?—На нѣсколькихъ аномальныхъ линіяхъ спектра—на слухахъ съ Суматры—на странныхъ симптомахъ возбужденія, подмѣченныхъ нами другъ въ другѣ. Это послѣднее, однако, не такъ сильно выражено, чтобы вы и я усиливъ воли не могли сдержать его. Съ нами вамъ нечего церемониться, Чалленджеръ. Мы всѣ не разъ лицомъ къ лицу стояли съ смертью. Говорите прямо, объясните толкомъ, чего намъ надо ждать и какіе у насъ шансы на спасеніе.

Это была славная, смѣлая рѣчъ, свидѣтельствовавшая о томъ, что подъ всѣми чудачествами и озлобленностью старого зоолога кроется сильный, стойкій духъ. Лордъ Джонъ всталъ и пожалъ ему руку.

— Вы высказали именно то, что я хотѣлъ сказать. Да, Чалленджеръ, вы должны все толкомъ объяснить намъ. Мы всѣ люди не нервные, это вамъ извѣстно. Но хоть кого огорошить, если онъ приѣдетъ въ гости и неожиданно узнаетъ, что насталъ день Страшного Суда. Объясните, въ чѣмъ опасность и на сколько она велика, и что можно предпринять для борьбы съ нею.

Онъ стоялъ, высокій, сильный, весь на свѣту у окна, положивъ загорѣлую руку на плечо Соммерли. Я сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, съ потухшій папироской въ зубахъ, въ какомъ-то полудремотномъ состояніи, когда всѣ впечатлѣнія становятся необычайно четкими. Можетъ быть, это была новая доза отравленія, но только всякое возбужденіе во мнѣ улеглось, уступивъ мѣсто томному и въ то же время созерцательному настроенію. Я былъ какъ будто зрителемъ, которому, въ сущности, мало дѣла до происходящаго. Но передо мною было трое сильныхъ людей, переживающихъ серьезный кризисъ, и мнѣ въ высшей степени интересно было наблюдать за ними. Прежде чѣмъ отвѣтить, Чалленджеръ наклонилъ голову и погладилъ свою роскошную бороду. Видно было, что онъ взвѣшиваетъ каждое слово.

— Какія были послѣднія извѣстія, когда вы уѣзжали изъ Лондона?

— Я былъ въ редакціи около десяти часовъ,—отвѣтилъ я,—тогда только что получилась телеграмма изъ Синга-

нуро—о новальной эпидеміи на Суматрѣ и о томъ, что погасли маяки.

— Съ тѣхъ поръ событія развивались быстрѣе,—сказалъ Чалленджеръ, беря въ руки пачку телеграммъ.—Я нахожусь въ тѣсномъ общеніи и съ прессой, и съ властями, такъ что получаю извѣстія со всѣхъ сторонъ. Меня настойчиво вызываютъ въ Лондонъ, но я не вижу, кому и на что это можетъ пригодиться. Всѣ извѣстія сходятся въ томъ, что болѣзнь начинается необычайнымъ возбужденіемъ; въ Парижѣ нынче утромъ были чуть ли не кровавыя столкновенія на улицахъ; въ уѣзжихъ угольныхъ копяхъ даже что-то вродѣ буита. Это возбужденіе состояніе, болѣе или менѣе сильное, смотря по расѣ и по человѣку, смыкается тихой экзальтацией и какъ бы ясновидѣніемъ—мнѣ кажется я наблюдаю аналогичные симптомы въ нашемъ юномъ другѣ—которое затѣмъ переходитъ въ коматозное состояніе, или по-просту столбнякъ, быстро переходящій въ смерть. Насколько я знакомъ съ ученьемъ о ядахъ, есть извѣстные растительные яды, дѣйствующіе на нервы.

— Напримѣръ, *датура*,—вставилъ Соммерли. *Датура алла*—дурманъ.

— Превосходно. Съ научной точки зорѣя важно точно обозначить нашъ токсический агентъ? Назовемъ его *датурономъ*. Вамъ, дорогой мой Соммерли, принадлежитъ честь—увы—«посмертная»—но тѣмъ не менѣе единственная въ своемъ родѣ—дать имя всемирному разрушителю вселенной, при помощи котораго великий Садовникъ дезинфицируетъ ее. Итакъ, симптомы *датурина* мною уже перечислены. Что эпидемія охватить весь шаръ земной и врядъ ли кто останется въ живыхъ—это представляется мнѣ несомнѣннымъ, ибо эфиръ—субстанція, охватывающая всю вселенную. Да сихъ поръ она капризно выбирала места, но разница лишь въ нѣсколькихъ часахъ. Она—какъ приливъ, набѣгающій то на одну часть берега, то на другую, пока, наконецъ, волны не хлынутъ и не затопятъ всѣго. Дѣйствіе и распределеніе датуриона, повидимому, управляется своими законами, которые было бы чрезвычайно интересно изучить, если бы мы не могли успѣть это сдѣлать. Насколько они выяснились для меня—онъ бросилъ взглядъ на телеграммы—наименѣе развитыя расы всего легче поддаются его дѣйствію. Изъ Африки вѣсти очень печальные, и туземное населеніе Австралии, повидимому, уже уничтожено. Сѣверные расы, пока, обнаруживаютъ большее сопротивленіе, чѣмъ южные. Вотъ телеграмма изъ Марселя, отъ 9. 45 минутъ утра:

«Проказъ всю ночь провелъ въ бреду. Въ Нимѣ сильное броженіе среди винодѣловъ. Въ Тулонѣ восстаніе соціалистовъ. Съ утра множество случаевъ заболѣванія, кончающагося столбнякомъ и смертью. *Peste foudroyante*. На улицахъ множество труповъ. Паника, застой въ флахъ и разруха».

— А, чѣмъ спустя, оттуда же, другая:

«Намъ угрожаетъ поголовное истребленіе. Соборы и церкви переполнены молящимися о спасеніи. Мертвыхъ больше, чѣмъ живыхъ. Непостижимо и ужасно. Смерть, повидимому, безболѣзенная, но скорая и неизбѣжна».

— Изъ Парижа извѣстія аналогичны, но тамъ болѣзнь еще не дошла до острой формы. Индія и Персія, повидимому, уже вымѣтены начисто. Славянское населеніе Австрии уничтожено; тевтонское едва задѣто. Вообще, насколько я могу судить по тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются у меня подъ рукою, на равнинахъ и на побережье, болѣзнь развилась раньше и быстрѣе, чѣмъ на возвышеностяхъ. Даже небольшая разница въ выстотѣ оказывается благоприятною и, если найдутся пережившіе эту катастрофу, они найдутся на вершинахъ какого-нибудь Араката. Даже нашъ небольшой холмикъ—и то пока оказывается островомъ въ

морь гибели. Но если такъ пойдеть дальше, еще нѣсколько часовъ, и мы тоже погибнемъ.

Лордъ Джонъ Рокстонъ вытеръ вспотѣвшій лобъ.

— Я вотъ что не понимаю,—какъ вы можете смѣяться съ такими телеграммами въ рукахъ. Я не разъ глядѣлъ въ лицо смерти, но смерть всѣхъ людей—это ужасно.

— Что касается смѣха,—вразбрѣлъ Чалленджеръ,—не забудьте, что и я, наравнѣ съ вами, подвергся дѣйствію яда. Но ужасъ кончины міра вы, по моему, преувеличиваете. Если васъ послали въ открытое море въ лодкѣ безъ паруса и безъ снастей, нѣвѣдомо зачѣмъ—я понимаю, тутъ можетъ дрогнуть сердце. Одиночество, неизвѣстность тяготятъ, удручаютъ. Но, если вы путешествуете на хорошемъ кораблѣ и съ вами ёдуть всѣ ваши родные и друзья, хотя бы вы и не знали, куда плыветъ вашъ корабль, все-таки для васъ утѣшеніе, что вы не одни и всѣ, кто дорогъ вамъ, идутъ туда же. Однокакая гибель можетъ быть страшной, но гибель общая, да еще безболѣзная,—по моему, тутъ нечего бояться. Я скорѣе понялъ бы страхъ оставаться въ мірѣ одному, переживъ все славное, талантливое, и высокое, что жило на землѣ.

— Что же вы, въ такомъ случаѣ, думаете дѣлать?—просилъ Соммерли, кивкомъ головы выраживъ полное свое чувствіе довѣдамъ ученаго собрата.

— Сейчасъ—позавтракать,—сказалъ Чалленджеръ, какъ какъ по дому разнесся звукъ гонга.—У насъ чудесная кухарка, которая неподражаемо готовить котлеты и яичницу. Будемъ надѣяться, что космическое разстройство не отразилось на ея кулинарныхъ талантахъ. Мой Шарцбергъ 96-го года также достоинъ вниманія и намъ слѣдуетъ попытаться общими усилиями спасти его отъ бесплоднаго уничтоженія.—Онъ тяжело соскочилъ съ письменного стола, на которомъ сидѣлъ, бесѣдя съ нами и возвѣща гибель вселенной, и молвилъ:—идемте же. Если и намъ осталось мало времени, тѣмъ болѣе подобаетъ провести его разумно и пріятно.

И, дѣйствительно, завтракъ былъ веселый и пріятный. Не сочтите меня хвастуномъ, милый мой читатель. Мы сознавали всю торжественность момента, и сознаніе это, таившееся на днѣ нашей души, умѣряло пылкость нашихъ словъ и мыслей. Но, поистинѣ, только человѣкъ, который ни разу не глядѣлъ смерти въ лицо, боится ея до послѣдней минуты. Изъ насъ же каждый не разъ глядѣлъ въ лицо смерти. Что же касается нашей дамы, она безпредѣльно вѣрила своему мужу и съ нимъ готова была ити, куда угодно. Будущее было въ рукахъ судьбы. Настоящее—въ нашихъ рукахъ, и послѣдняя наши минуты мы провели дружно и весело. Какъ я уже замѣтилъ, мышленіе наше пріобрѣло необычайную ясность и остроту. Даже я подчасъ высказывалъ блестящія мысли; о Чалленджерѣ ужъ и говорить нечего. Онъ былъ изумителенъ. Никогда я не постигаль такъ ясно стихійнаго величія этого человѣка, моши и гигантскаго его ума. Соммерли подстремкалъ его своею ядовитой критикой; лордъ Джонъ и я посмѣивались ихъ спору; маленькая хозяйка, дергала мужа за рукавъ, когда онъ черезчуръ ужъ увлекался. Жизнь, смерть, судьба, назначеніе человѣка—всѣ эти великие вопросы были подняты и обсуждены съ тѣмъ большей смѣлостью, что странное внезапное возбужденіе, охватившее меня, звонъ въ ушахъ и зудъ во всѣхъ членахъ говорили мнѣ, что невидимая рука смерти уже занесена надъ нами. Однажды я замѣтилъ, какъ лордъ Джонъ неожиданно провель рукой по глазамъ, а Соммерли поблѣднѣлъ и откинулся на спинку кресла. Съ каждымъ глоткомъ воздуха мы впивали въ себя отраву. И, однажды, на душѣ у насъ было легко и радостно. Аустинъ принесъ папиросы и сигары, положилъ ихъ на столъ и хотѣлъ удалиться, когда его хозяинъ окликнулъ его:

— Аустинъ!

— Что прикажете, сэръ?

— Благодарю васъ за вѣрную службу.

Улыбка скользнула по суровому лицу камердинера.

— Я исполнялъ мой долгъ, сэръ.

— Сегодня я жду кончины міра, Аустинъ.

— Слушаю, сэръ. Въ которомъ часу?

— Не могу сказать, навѣрно. Аустинъ. Къ вечеру.

— Слушаю, сэръ.

Молчаливый Аустинъ съ поклономъ вышелъ. Чалленджеръ закурилъ папиросу и, подвинувшись поближе къ же-нѣ, взялъ ея руку въ свои.

— Ты знаешь, какъ обстоитъ дѣло, дорогая. Я объяснилъ это и нашимъ друзьямъ. Ты, вѣдь, не боишься?

— Это не будетъ больно, Джорджъ?

— Нѣтъ, не больно, чѣмъ вдыханіе весялящаго газа у зубного врача. Каждый разъ, какъ тебѣ приходилось вдыхать его, ты на время умирала?

— Такъ вѣдь это же пріятное ощущеніе.

— Можетъ быть, и настоящее умираніе будетъ такимъ же. Возможно, что природа построитъ красивую дверь и завѣсить ее роскошными драпировками, чтобы сдѣлать пріятие вступленіе въ новую жизнь для нашей изумленной души. Изслѣдуя живую жизнь до самыхъ корней, я всюду нахожу въ глубинѣ мудрость и доброту, а когда же смертный болѣе нуждается въ добротѣ, какъ не во время рискованного перехода отъ одной жизни къ другой? Нѣтъ, Соммерли, я не материалистъ, какъ вы. Я, по крайней мѣрѣ, считаю себя чѣмъ-то слишкомъ крупнымъ, чтобы по смерти просто напросто распасться на составные части—пачку солей и ведра три воды. Вотъ здѣсь—онъ ударили себя по головѣ огромнымъ волосатымъ кулакомъ—здѣсь обитаетъ нѣчто, пользующееся матеріей, но созданное не изъ матеріи—нѣчто такое, что можетъ разрушить смерть, но чего смерть не можетъ разрушить.

— Точно также и во мнѣ,—молвилъ лордъ Джонъ.—Я по своему, христіанинъ, по мнѣ кажется вполнѣ естественнымъ, что наши предки приказывали зарывать себя вмѣстѣ съ своими стрѣлами луками и топорами, какъ еслибы они и по смерти продолжали жить прежней жизнью. Не знаю—прибавилъ онъ, смущенно озираясь,—можетъ быть, и я бы чувствовалъ себя лучше, еслибы меня похоронили вмѣстѣ съ моими любимыми ружьями и пачками двумя патроновъ—разумѣется, это глупая фантазія, но, признаюсь, бываютъ у меня такія мысли. А вы какъ думаете, герръ профессоръ?

— На меня отъ вашихъ словъ вѣсть каменнымъ вѣкомъ, если не дальше того. Я же человѣкъ двадцатаго вѣка и хотѣлъ бы умереть, какъ цивилизованный человѣкъ. Не думаю, чтобы я боялся смерти больше вѣсіхъ—я уже старый человѣкъ, и не могу расчитывать на долгую жизнь, но это противъ моей природы—сидѣть сложа руки и ждать смерти покорно, какъ овца мясника. Увѣрены ли вы, Чалленджеръ, что мы ничего не можемъ сдѣлать.

— Чтобы спасти себя—ничего. Чтобы продлить нашу жизнь на нѣсколько часовъ и слѣдить за развитіемъ этой великой трагедіи, прежде чѣмъ она захватить и насъ,—это, можетъ быть, и въ моей власти. Я принялъ нѣкоторыя мѣры.

— Кислородъ?

— Да, кислородъ.

— Но развѣ можетъ кислородъ противодѣйствовать отравленію эфиромъ? Между кирпичемъ и газомъ нѣть большей разницы въ свойствахъ, чѣмъ между кислородомъ и эфиромъ.

— Они, такъ сказать, въ разныхъ плоскостяхъ матеріи. Они не могутъ воздѣйствовать другъ на друга. Ну, вполнѣ Чалленджеръ, вы не серьезно говорите.

— Мой добрый Соммерли, это отравленіе мірового эфира, несомнѣнно, вызвано матеріальными факторами. Это видно уже по методамъ распространенія эпидеміи. А ргюї

но по моимъ этого умѣдѣ, но это фактъ. Итакъ я считаю склоненъ думать, что кислородъ, повышающій жизнеспособность и силу сопротивленія нашего тѣла, весьма и весьма можетъ замедлить дѣйствіе яда, который вы такъ удачно назвали датурономъ. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но у меня большая вѣра въ правильность моего сужденія.

— Ну знаете,—сказалъ лордъ Джонъ,—если надо лежать и сосать воздухъ изъ этихъ трубъ, какъ грудные ребята сосутъ рожокъ—я не согласенъ.

— Это не понадобится. Мы устроили такъ—т. е. главнымъ образомъ, моя жена устроила—что ея будуаръ сталъ почти непроницаемъ для воздуха. При помощи матовъ и военной бумаги...

— Господи, Боже, мой! Чалленджеръ! Да неужели же вы надѣетесь не допустить эфира при помощи военной бумаги?

— Мой достойный другъ, вы искажаете смыслъ моихъ словъ и, повидимому, умышленно. Я дѣлаю это не для того, чтобы не допустить внутрь эфира, а для того, чтобы не выпустить наружу кислорода. Я надѣюсь создать въ этой комнатѣ настолько окисленную атмосферу, что въ теченіе нѣкотораго времени мы можемъ надѣяться сохранить сознаніе. У меня было дома два цилиндра съ кислородомъ, да три вы привезли съ собою. Это немного, но все же, кое что.

— На сколько же времени этого хватить?

— Понятія не имѣю. Мы откроемъ ихъ только, когда начнемъ задыхаться. И будемъ выпускать кислородъ по мѣрѣ неотложной надобности. Это дастъ намъ возможность прожить нѣсколько лишнихъ часовъ, а можетъ быть и дней и наблюдать гибель міра.—оставаясь, по всей вѣроятности, единственнымъ арьергардомъ человѣчества на пути его къ невѣдомому. Можетъ быть, вы будете такъ добры помочь мнѣ перенести туда цилинды? Мнѣ кажется, что атмосфера уже становится удушливой.

III. Погибаемъ.

Комната, предназначенная служить ареной этихъ неизбѣженныхъ переживаній, была очаровательнѣйшее гнѣзда, гдѣ когда-либо обитала женщина,—небольшое, но уютное, квадратное, шаговъ семь—восемь въ обѣ стороны. Къ нему примыкала, отдѣленная отъ него красной бархатной портьерой, ниша, служившая профессору уборной. А изъ уборной дверь вела въ большую спальню. Занавѣсъ продолжалъ висѣть, но уборная и будуаръ въ данномъ случаѣ составляли одно цѣлое. Дверь и окно были оклеены прощенной бумагой и, такъ сказать, опечатаны. Надъ другою дверью, выходившей на площадку лѣстницы, былъ вѣланъ въ стѣну вентиляторъ, который можно было открыть съ помощью прикрепленного къ нему шнурка, еслибы явилась безусловная необходимость провѣтритъ комнату. По угламъ стояли большія растенія въ кадкахъ.

Когда всѣ пять цилиндовъ, были поставлены рядышкомъ у стѣны, Чалленджеръ оглѣдѣлся вокругъ.

— Весьма важнымъ вопросомъ было: какъ намъ избавиться отъ избытка углекислоты при выдыханіи, не тратя по-напрасну нашего запаса кислорода. Еслибы у меня было больше времени, я напрягъ бы всю силу своего ума, и, быть можетъ, разрѣшилъ бы этотъ вопросъ удачнѣе, но теперь приходится довольствоваться тѣмъ, что есть. Эти растенія могутъ отчасти сослужить намъ службу. Два цилиндра уже развинчены и могутъ быть открыты моментально, такъ что застигнуть насъ врасплохъ довольно трудно. Но, все-таки, лучше не отходить далеко отъ этой комнаты, такъ какъ кризисъ можетъ наступить внезапно.

Въ комнатѣ было низкое широкое окно, выходившее на балконъ. Видъ изъ него былъ тотъ же, что и изъ кабинета. Я смотрѣлъ въ окно и не замѣчалъ никакихъ признаковъ смятія. Мнѣ видна была вся дорога, извилиами сбѣгавшая

ются теперь лишь въ глухихъ медвѣжьихъ углахъ, медленно карабкался на холмъ. Пониже пняка катила передъ собой колясочку съ ребенкомъ, и вела другого за руку. Голубоватыя струйки дыма надъ коттеджами придавали всему ландшафту видъ пордяка и уютности. Ни въ лазурномъ небѣ, ни на залистой солнцемъ землѣ не замѣтно было никакихъ предѣстниковъ катастрофы. Жнецы мирно работали въ полѣ; играющіе въ гольфъ пары и четверки перебѣгали съ мѣста на мѣсто. Въ моей собственной головѣ была такая сумятица и первы мои были такъ напряжены, что меня поражала безучастность всѣхъ этихъ людей.

— Эти господа, повидимому, ничего не ощущаютъ,—замѣтилъ я, указывая на играющихъ.

— Вы играете въ гольфъ?—спросилъ меня лордъ Джонъ.

— Нѣтъ, не случалось.

— Ну такъ вотъ: еслибы вы играли, вы знали бы по опыту, что развѣ только землетрясеніе можетъ заставить любителя гольфа добровольно прекратить игру. Алло! Опять телефонъ, опять звонять.

Уже не въ первый разъ послѣ завтрака, профессора настойчиво вызывали по телефону. Возвращаясь, онъ каждый разъ вкратцѣ передавалъ намъ полученные извѣстія. Катастрофа была безпрѣмѣрная въ исторіи: съ юга надвигалась на сѣверъ какъ бы гигантская тѣнь—волна смерти. Египетъ уже пережилъ бредовой періодъ и затихъ. Испанія и Португалія, послѣ бѣшеныхъ схватокъ клерикаловъ съ анархистами, тоже стихли. Изъ Южной Америки каблограммъ больше не получалось. Въ Сѣверной Америкѣ разыгрывались жестокія стычки между бѣлыми и неграми. Въ сѣверномъ Мэрилендѣ и въ Канадѣ эпидемія только еще начинала сказываться. Бельгія, Голландія и Данія, по оче-реди, переживали бурный періодъ. Со всѣхъ концовъ сѣвера неслись отчаянныя призывы къ очагамъ знанія и мудрости—къ всемирно извѣстнымъ химикамъ и врачамъ, мольбы о совѣтѣ, о помощи. Астрономъ тоже осаждали со всѣхъ сторонъ. Но помочь было нечѣмъ. Эпидемія была повсемѣстная и недоступная человѣческому знанію. Надвигалась смерть—безabolѣзная, но неминуемая—для старыхъ и молодыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, слабыхъ и сильныхъ, безъ надежды, безъ возможности исцѣленія. Вотъ какія вѣсти сообщалъ намъ телефонъ. Больше города уже знали, что имъ предстоитъ, и готовились встрѣтить неизбѣжное съ достоинствомъ и покорностью. А у насъ здѣсь игроки въ гольфъ бѣгали и прыгали, словно ягната, не чувствующіе, что надъ ними занесенъ ножъ мясника. Это казалось изумительнымъ. Но откуда же имъ было знать? Все это нахлынуло вдругъ, какъ бурный приливъ. Въ утренней газетѣ не было ничего такого, что могло бы ихъ встревожить. А теперь было всего три часа пополудни. Однако, какіе-то тревожные слухи, очевидно, долетѣли и до нихъ: мы видѣли, какъ жнецы вдругъ бросили работу и побѣжали съ поля. Изъ играющихъ въ гольфъ тоже нѣкоторые спѣшили къ зданію клуба, какъ бы спасаясь отъ дождя. Но другіе все-таки продолжали играть. Нянька повернула обратно и торопливо катила дѣтскую колясочку подъ гору, по временамъ прикладывая руки ко лбу. Извозчикъ кѣбъ стоялъ на мѣстѣ и утомленная лошадь отдыхала, свѣшивъ голову на грудь. А надъ всѣмъ этимъ раскинулось яркое лазурное небо, почти безоблачное, если не считать нѣсколькихъ перистыхъ облаковъ надъ дальними холмами. Если человѣчеству суждено окончить нынче свою жизнь, его послѣдній день будетъ красивымъ. Но прелестъ окружающей природы дѣлала мысль о предстоящей гибели еще ужаснѣе. Какъ обидно такъ внезапно и страшно разстаться съ этой милой прекрасной землей!..

Я, кажется, говорилъ уже, что раздался звонокъ по телефону. Неожиданно изъ холла донесся зычный голосъ Чалленджера:

— Малонь! Это весть из Лондона. Я сбежал вниз. Это Мак Ардль говорил со мной из Лондона.

— Это вы, м-р Малонь? — кричал знакомый голос. — М-р Малонь, ради самого Бога, попросите профессора Чалленджера посоветовать что-нибудь!

— Он ничего не может посоветовать, — крикнул я в ответ. — Он считает кризис повсеместным и неизбежным. У нас тут есть немного кислорода, но это может лишь на несколько часов оттянуть развязку.

— Кислороду? Теперь уж его не откуда достать. Что там творилось утром в конторе — чисто сумасшедший дом! А теперь половина служащих лежат без чувств. Я сам еле держусь на ногах, голова такая тяжлая... В окно вижу людей, валяющихся на Флить-стрит. Судя по телеграммам, весь мир...

Голос его, постепенно ослабевший, вдруг умолк. Миг спустя я в трубку телефона услыхал какъ бы звук паденія чего-то тяжелаго — словно мой собесѣдникъ стукнулъ головой объ столъ.

— М-р Мак Ардль! — крикнул я. — М-р Мак Ардль!

Отвѣта не было. И, вѣша трубку на мѣсто, я зналъ, что больше уже не услышу его голоса.

Не успѣлъ я отойти отъ телефона, какъ это обрушилось на насъ. Словно мы стояли по шею въ водѣ и наѣ вдругъ захлестнуло волной. Невидимая рука тихонько стиснула мнѣ горло, выдавливая изъ меня жизнь по каплѣ. Что-то сдавило грудь, стиснуло голову, какъ обручемъ; въ ушахъ звенѣло, передъ глазами мелькали искры. Я пошатнулся и ухватился за перила лѣстницы. Въ то же мгновеніе, сопя и стѣркавшись, какъ раненый буйволъ, мимо меня промчался грознымъ призракомъ Чалленджеръ, съ багровымъ лицомъ и выкатившимися на лобъ глазами: волосы на немъ стояли дыбомъ. Черезъ плечо у него была переброшена его малютка жена, повидимому лишившаяся чувствъ. Онъ спотыкался и стукался колѣнами о ступени, но все же, страшнымъ усилиемъ воли поддерживая въ себѣ силы и сознаніе, вынесъ ее отъ отравленной атмосферы во временно безонастное убѣжище. При видѣ его и я приободрился, бросился къ лѣстницѣ, и, спотыкаясь, оступаясь, цѣнился за перила, карабкался вверхъ, пока не упалъ ничкомъ на верхнюю площадку. Желѣзные пальцы лорда Джона впились въ мой воротникъ; миг спустя я уже лежалъ въ растяжку на спинѣ, не въ силахъ ни двинуться, ни заговорить, на коврѣ, покрывающемъ полъ, будуара. Со мною рядомъ лежала наша хозяйка; Соммерли, весь осѣвшій, сидѣлъ въ креслѣ у окна, уронивъ голову чуть не на колѣни. Какъ во снѣ я видѣлъ Чалленджера, ползущаго по полу, какъ чудовищный жукъ, и, миг спустя, услыхалъ шипѣніе газа, выходящаго изъ цилиндра. Чалленджеръ вдохнулъ въ себя полной грудью живительный газъ, шумно, съ присвистомъ.

— Дѣйствуйте! — вырвался у него ликующій крикъ. — Я не ошибся.

Онъ уже снова былъ на ногахъ, бодрый и свѣжій. Со спасительнымъ цилиндромъ въ рукахъ онъ бросился къ женѣ и поднесъ отверстіе цилиндра къ ея лицу. Черезъ нѣсколько секундъ она вздохнула, пошевелилась и приподнялась. Онъ повернулъ цилиндръ ко мнѣ, и я почувствовалъ, какъ кровь горячей волной побѣжала по моимъ жиламъ. Разумъ твердилъ мнѣ, что это лишь маленькая отсрочка, но раньше мы небрежно говорили о ней, теперь же каждый часъ, каждая минута казались намъ невыразимо цѣнными. Никогда я не ощущалъ такого прилива радости всѣхъ чувствъ, какъ теперь, когда я ожилъ послѣ того, какъ уже началь умирать. Тяжесть свалилась съ груди; легкія дышали свободно, обручъ пересталъ давить голову; всѣмъ существомъ моимъ овладѣло сладкое чувство покоя и нѣги. Не вставая съ полу, я смотрѣлъ, какъ оживили Соммерли,

Шумно, съ присвистомъ, онъ вдыхалъ въ себѣ живительный газъ.

и затѣмъ лорда Джона. Едва вдохнувъ кислороду, этотъ послѣдній вскочилъ на ноги и протянулъ мнѣ руку, чтобы помочь подняться; тѣмъ временемъ Чалленджеръ поднялъ свою жену и положилъ ее на кушетку.

— О, Джорджъ! Зачѣмъ ты оживилъ меня! — говорила она, держа его за руку. — Ты правду говорилъ: врата смерти завѣшены яркими красивыми занавѣсами: когда прошло первое тѣгостное чувство удушья, мнѣ стало вдругъ невыразимо хорошо и сладко. Зачѣмъ ты вернулъ меня къ жизни?

— Затѣмъ, что я хочу, чтобы мы вмѣстѣ совершили этотъ переходъ. Мы столько лѣтъ прожили вмѣстѣ. Было бы грустно разстаться въ послѣднюю минуту.

Въ голосѣ его звучали незнакомы мнѣ нѣжныя нотки. Я видѣлъ передъ собой нового Чалленджера, совсѣмъ не похожаго на шумнаго и дерзкаго буяна, который и дивилъ, и возмущалъ своихъ соотечественниковъ. Здѣсь, подъ сѣнью смертной, передъ нами былъ иной Чалленджеръ — человѣкъ, сумѣвшій завоевать и сохранить любовь женщины. Но тотъ часъ уже настроеніе его измѣнилось — онъ снова былъ нашимъ вождемъ и учителемъ.

— Единственный изъ всѣхъ людей я предугадалъ и предсказалъ эту катастрофу! — вскричалъ онъ съ торжествомъ. — Надѣюсь, мой добрый Соммерли, теперь вы не станете оснаривать значения потускнѣнія линій спектра и увѣрять, что письмо мое въ «Таймсъ» основано на заблужденіи.

Впервые этотъ завзятый спорщикъ не могъ и не хотѣлъ ничего возразить. Онъ только прерывисто дышалъ и вытягивалъ свои длинные тощіе члены, словно силясь убѣдить себя, что онъ еще на этой планѣтѣ. Чалленджеръ подошелъ къ цилинду съ кислородомъ и завернувъ крышку, такъ что вмѣсто громкаго шипѣнія теперь доносилось тихое, чутъ слышное.

— Мы должны беречь нашъ запасъ газа, — молвилъ онъ. Атмосфера этой комнаты теперь насыщена даже сверхъ мѣры кислородомъ, и я надѣюсь, никто изъ насъ не ощущаетъ

удушья. Мы только на опытъ можемъ определить какую долю кислорода надо прибавлять къ воздуху, чтобы нейтрализовать дѣйствіе яда. Будемъ наблюдать.

Минутъ пять мы просидѣли молча, въ нервномъ напряженіи, зорко наблюдая за своими ощущеніями. Мнѣ только начало казаться, что невидимая каска снова начинаетъ стягивать мнѣ лобъ, какъ м-съ Чалленджеръ съ дивана заявила, что ей дурно, что у нея кружится голова. Супругъ ея прибавилъ газу.

— Въ до-научныя времена на подводныхъ судахъ держали всегда бѣлую мышь, хрупкій организмъ которой обнаруживалъ признаки удушья и предупреждалъ объ опасности людей, раньше, чѣмъ они замѣчали, что воздухъ испорченъ. Ты, милая, будешь нашей бѣлой мышкой. Я прибавилъ кислороду, и тебѣ стало лучше—правда?

— Да, теперь мнѣ лучше.

— Можетъ быть, теперь мы напали на вѣрную дозу. Если мы точно установимъ, сколько именно намъ надо кислорода въ воздухѣ, чтобы держаться, мы можемъ вычислить и сколько времени мы еще можемъ просуществовать. Къ несчастью, воскрешая себя, мы уже потратили изрядный запасъ кислороду изъ первого цилиндра.

— Не все ли равно?—сказалъ лордъ Джонъ, стоявшій у окна, заложивъ руки въ карманы.—Если, все-таки, надо умирать, зачѣмъ намъ эти проволочки. Вѣдь вы же говорите, что пѣтъ шансовъ на спасеніе?

Чалленджеръ съ улыбкой покачалъ головой.

— Въ такомъ случаѣ, не почетнѣе ли самимъ сдѣлать прыжокъ, чѣмъ дожидаться, пока нась толкнутъ? Если такъ я предпочелъ бы плотно закрыть цилиндръ, помолиться и отворить настѣнѣ окно.

— Почему бы и нѣтъ?—храбро поддержала его м-ръ Чалленджеръ.—По моему, Джорджъ, лордъ Джонъ правъ. Такъ будетъ лучше.

— Я рѣшительно протестую противъ этого,—сердито крикнулъ Соммерли.—Что-жъ дѣлать—умирать-такъ умирать; но добровольно ити навстрѣчу смерти,—это по моему, нечѣпо и ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

— Что скажетъ на это нашъ молодой другъ?—спросилъ Чалленджеръ.

— Я думаю, что намъ слѣдуетъ держаться до конца.

— И я тоже это думаю.

— Ну, если ты такъ думаешь, Джорджъ, такъ и я съ тобой согласна,—молвила хозяйка дома.

— Да я что-жъ; я только предложилъ,—сказалъ лордъ Джонъ.—Если вы вѣдь противъ, я не настаиваю. Разумѣется, это дьявольски интересно. У меня въ жизни было немало приключений и всякихъ треволненій, но я, что называется, кончу на высокой нотѣ.

— Никто изъ нась,—поучительно сказалъ Чалленджеръ,—не можетъ предсказать, какія наблюденія мы можемъ дѣлать, такъ сказать, изъ области духа въ области матеріи. Для самаго тупого человѣка очевидно, что всего удобнѣе наблюдать матеріальныя явленія на самомъ себѣ. И только, оставаясь въ живыхъ иѣсколько лишнихъ часовъ, мы можемъ надѣяться унести съ собою въ иной міръ ясное представлѣніе о самомъ необычайномъ событии, пережитомъ вселенной. И мнѣ было бы обидно хоть на минуту сократить такой необычайный опытъ.

— Вполнѣ съ вами согласенъ,—крикнулъ Соммерли.

— Резолюція вынесена единогласно,—сказалъ лордъ Джонъ,—смотрите-ка, а бѣдный нашъ шоферъ тамъ во дворѣ уже покончилъ свой земной путь. Не сойти ли намъ внизъ и не втащить ли его сюда?

— Это было-бы безуміемъ,—вразбрѣлъ Соммерли.

— Да, пожалуй,—согласился лордъ Джонъ.—Даже еслибы мы возвратились живыми, нашъ кислородъ разошелся бы по всему дому, а его бы мы уже не оживили. Нѣтъ, вы поглядите на этихъ птичекъ подъ деревьями!

Мы вѣдь четверо придишли свои стулья къ окну. М-ръ Чалленджеръ все еще лежала съ закрытыми глазами на кушеткѣ. Помню, въ головѣ моей промелькнула чудовищная и забавная мысль—быть можетъ, порожденная удушильствомъ воздуха, вдыхаемаго нами—что мы сидимъ въ первомъ ряду кресель и присутствуемъ при послѣднемъ актѣ мировой драмы, заканчивающейся свѣтотпредставлениемъ

(Продолженіе въ слѣдующемъ №). □

съ англійскаго З. Журавская.

Отрабленжкий поясъ.

Романъ Конанъ-Дойля.

Конецъ.

Внизу, подъ окномъ, передъ глазами нашими былъ маленький дворикъ, где стоялъ недочищенный автомобиль. Рядомъ съ колесами его лежалъ на спинѣ Аустинъ, шофферъ, съ огромной темной ссадиной на лбу—падая, онъ ударился о желѣзную скобку. Въ рукѣ у него такъ и остался зажатымъ резиновый рукавъ, съ помощью которого онъ мылъ свою машину. Въ уголѣ двора росли двѣ чинары, и подъ ними валялось нѣсколько трогательныхъ комочковъ взѣршеннѣхъ перьевъ съ поднятыми кверху тоненькими ножками. Смерть, размахнувшись своей косой, захватывала все безъ разбора, большое и малое.

Черезъ ограду двора намъ видна была извилистая дорога, ведущая на станцію. Жнецы, которыхъ мы видѣли бѣгущими съ поля, теперь лежали на землѣ хаотической грудой труповъ. Дальше лежала девяночка, прислонясь головой и плечами къ травянистому пригорку. Она вынула дитя изъ колясочки, и теперь держала въ рукахъ, словно неподвижный узелъ съ плащемъ. Сейчасъ же, вслѣдъ за нею, на дорогѣ тонкой полоской вытянулся мальчикъ, котораго она раньше вела за руку. Еще ближе виднѣлась мертвая извозчичья лошадь, упавшая на колѣни между оглоблями. Старикъ извозчикъ повисъ на козлахъ, словно какое-то пелѣпое чучело, свѣсивъ руки впередъ. Сквозь стекла окна смутно можно было различить силуэтъ молодого человѣка—сѣдока. Дверца кѣба была распахнута, и его рука сжимала ручку дверцы, какъ будто въ послѣдній моментъ онъ хотѣлъ выѣхать изъ экипажа. Потомъ для игры въ гольфъ было усыпано темными точками—фигурами играющихъ, лежавшихъ на травѣ, или въ кустахъ вереска, окаймлявшихъ поле. Въ одиномъ мѣстѣ лежали почти рядомъ цѣлыхъ восемь труповъ—упорныхъ игроковъ, до послѣдней минуты не бросившихъ игры. Подъ голубымъ небеснымъ сводомъ не видно было ни единой птички; на обширномъ пространствѣ, открывавшемся нашему взору,—ни человѣка, ни животнаго. Солнце, склонившееся уже къ закату, сіяло такъ мирно, но надъ всѣмъ пейзажемъ была разлиты тишина и безмолвіе смерти—которая скоро должна была унести и насъ. Въ данный моментъ лишь хрупкое стекло, не пропускавшее паружу кислорода, отдѣляло насъ отъ участія, постигшій всѣхъ остальныхъ людей. Въ теченіе нѣсколькихъ краткихъ часовъ знанія и предусмотрительность одного человѣка могли еще поддержать жизнь въ этомъ маленькомъ оазисѣ среди огромной пустыни смерти, и отвратить отъ насъ общую гибель, но выйтѣть весь запасъ кислорода, и мы будемъ лежать, задыхалась, на этомъ мягкому, вишневаго цвѣта коврѣ, и тогда свершится судьба всего человѣчества и всей земной жизни. Моментъ былъ слишкомъ торжественный для разговоровъ, и мы долго безмолвно взглядывались въ эту трагическую картину.

— Смотрите: вонъ, тамъ, домъ горитъ,—произнесъ, наконецъ, Чалленджеръ, указывая на столбъ дыму, поднявшійся между деревьями.—Теперь надо думать, пожаръ будетъ много—пожалуй, цѣлые города будутъ выгорать,—вѣдь многие задохлись, какъ стягли, съ огнемъ, или папироскою въ рукахъ. Ну да, вонъ и еще пожаръ—на вершинѣ Кроуборо-Хилля. Если не ошибаюсь, это горитъ гольфъ-клубъ. Слышиште, бѣть часы на башнѣ. Философъ заинтересо-

совался ой этой маленькой подробностью—что механизмъ, сдѣланный человѣческими руками, пережилъ человѣка, который его сдѣлалъ.

— А это что?—взволнованно вскричалъ лордъ Джонъ, вскачивая съ мѣста.—Откуда этотъ дымъ? Ей Богу, это поѣздъ идетъ!

Мы услышали грохотъ поѣзда; черезъ мгновеніе показался и онъ, мчавшійся, какъ мнѣ показалось, съ невѣроятной быстротой. Откуда и куда онъ шелъ, мы не имѣли понятія. И то ужъ было чудомъ, что онъ могъ идти, вообще. Но намъ предстояло еще увидѣть его трагический конецъ. На томъ же пути стоялъ безъ движенія товарный поѣздъ. Мы невольно затаили дыханіе. Раздался оглушительный трескъ столкновенія двухъ поѣздовъ. Вагоны и локомотивы—все смыкалось въ кучу изломанныхъ досокъ и согнутаго желѣза. Изъ этого хасса выкинуло нѣсколько огненныхъ языковъ, и скоро все мѣсто крушенія запылало. Съ полчаса мы молча смотрѣли на это изумительное зрѣлище, не въ силахъ выговорить ни слова.

— Бѣдны! Бѣдны!—воскликнула, наконецъ, мѣрсъ Чалленджеръ, упавшись за руку мужа.

— Дорогая моя, вѣдь они были такъ же безчувственны, когда разыгралась эта катастрофа, какъ тотъ уголь, въ который они превращены теперь,—успокаивалъ ее Чалленджеръ, ласково поглаживая ея руку.—Когда этотъ поѣздъ выходилъ со станціи, на немъ были живые люди, но въ моментъ гибели они были давно уже мертвы.

— Навѣрно, и повсюду происходить то же,—сказалъ я. Миѣ рисовались странныя картины.—Подумайте о пароходахъ на морѣ. Они будутъ плавать и плавать, по волѣ вѣтра, пока не выйдетъ все топливо, или пока они не разобьются о береговыя скалы. А парусныя суда. Они будутъ носить свой мертвый грузъ, пока не сгниютъ доски и не разсохнутся днища, и тогда только они начнутъ медленно тонуть. Можетъ быть, еще черезъ столѣтіе Атлантическій океанъ будетъ усыпленъ такими обломками крушения.

— А углекопы въ шахтахъ,—напомнилъ Соммерли, издавъ какой-то странный булькающій звукъ.—Если когда-нибудь на землѣ снова будутъ жить геологи, воображаютъ, какія они будутъ строить странныя теоріи по поводу нахожденія человѣка въ угольныхъ пластахъ.

— Я въ такихъ вещахъ мало смыслу,—вразбранилъ лордъ Джонъ,—но мнѣ кажется, что послѣ этой катастрофы земля опустѣтъ. Вѣдь, если она всѣхъ людей сотретъ съ лица Земли, откуда же они опять возвратятся?

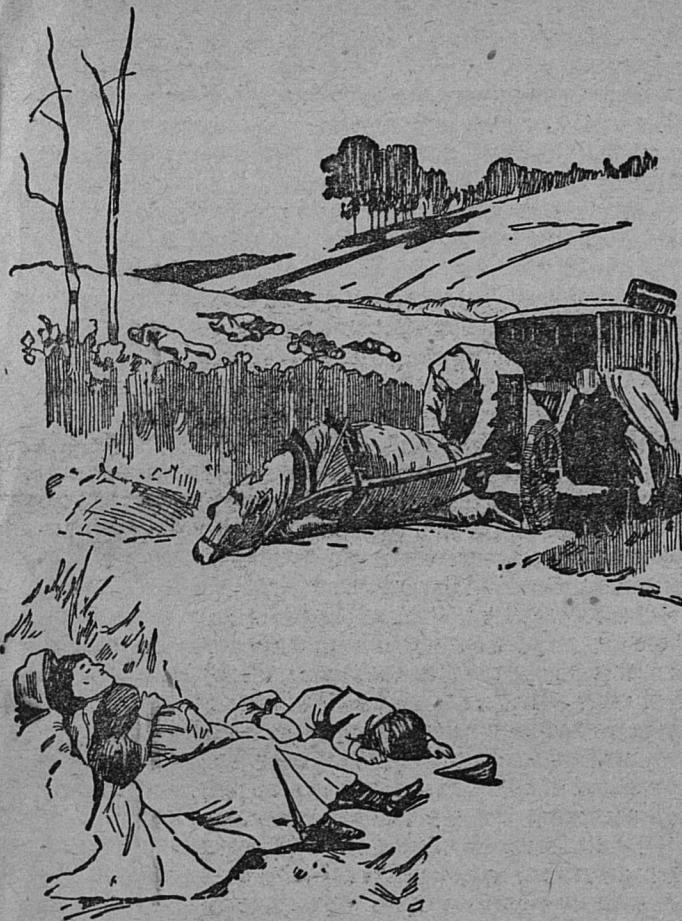
— Земля и раньше была пуста,—серьезно вразбранилъ Чалленджеръ.—Въ силу дѣйствія законовъ, непостижимыхъ для насъ, она стала населенной. Почему же этому процессу и не повториться?

— Дорогой мой Чалленджеръ, что вы такое говорите! Неужели вы это вѣрно думаете?

— Профессоръ Соммерли, я не имѣю привычки говорить то, чего не думаю. Ваше замѣчаніе совершенно неумѣстно.

Пышная борода вздернулась кверху; вѣки опустились книзу.

— Ну, знаете, вы вѣрны себѣ; жили закоренѣлымъ

Тишина и безмолвие смерти.

догматистомъ—такимъ же и умрете,—кисло сказалъ Соммерли.

— А вы, сударь мой, жили въчнымъ спорщикомъ, лишеннымъ воображения, и теперь ужъ, разумѣется, инымъ не станете.

— Да, въ недостаткѣ воображения вѣсъ никогда не упрекали и злѣйшіе ваши критики.

— Ей-Богу, они опять пререкаются!—вскричалъ лордъ Джонъ.—Какъ это похоже на вѣсъ, господа. Стоило ради этого глотать кислородъ! Ну, не все ли вѣсъ равно, будуть на землѣ снова жить люди или нѣтъ? Насъ то, вѣдь, тогда уже не будеть.

— Въ этомъ замѣчаніи, сэръ, только сказывается ваша ограниченность,—строго сказалъ Чалленджеръ. — Истинно-научный умъ не связанъ съ условіями времени и пространства, среди которыхъ онъ живетъ. Онъ ставить свой наблюдательный пунктъ на грани настоящаго, отдаляющей безконечное прошлое отъ безконечнаго будущаго. Съ этого неизбѣлемаго исходнаго пункта онъ дѣластъ вылазки и по направлению къ началу, и по направлению къ концу вѣчей. Что же касается смерти, ученый умираетъ на своемъ посту, до конца работая, нормально и методично. Такую мелкую деталь, какъ собственный физический распадъ онъ также не беретъ въ разсчетъ, какъ и всѣ прочія ограничія, налагаемыя на него вѣнчими условиями. Вы согласны со мной, профессоръ Соммерли?

Соммерли сердито пробормоталъ:

— Съ нѣкоторыми оговорками, согласенъ.

— Идеальный, научный умъ,—продолжалъ Чалленджеръ,—я умышленно говорю въ третьемъ лицѣ, для того, чтобы вы не сочли меня слишкомъ самонадѣяннымъ,—истинно научный умъ, даже въ тотъ моментъ, когда обладатель его падаетъ съ воздушного шара, способенъ работать надъ отвлеченною проблемой. Только такие сильные люди могутъ побѣдить Природу и быть вѣрными хранителями Истины.

— Ну, на этотъ разъ, кажется, побѣдительницей останется Природы,—замѣтилъ лордъ Джонъ, глядя въ окно.— Я читалъ, что вы, господа ученые, умѣете ее обуздывать, но иной разъ она вырывается на волю и береть свое.

— Только временно,—съ убѣжденіемъ возразилъ Чалленджеръ.—Вы видите сами: растительный міръ уцѣлѣлъ. Посмотрите на листья этой чинары. Птицы въ вѣтвяхъ ея мертвы, но дерево живѣтъ. Изъ этой растительной жизни въ болотѣ и прудѣ современемъ возникнетъ движущаяся живая протоплазма, микроскопическіе слизняки, пionеры великой арміи жизни, которой мы пятеро имѣемъ рѣдкую честь быть арьергардомъ. А разъ возникла низшая форма жизни, въ концѣ концовъ появится и человѣкъ—это такъ же вѣрно, какъ то, что дубъ растетъ изъ жолудя. Эволюція снова свершитъ свой старый кругъ.

— А ядъ?—спросилъ я.—Развѣ онъ не отравить за-родышей?

— Возможно, что ядомъ напоенъ лишь одинъ слой эфира—что это своего рода зловонный Гольфштремъ въ могучемъ океанѣ, где плаваетъ наша планета. Возможно и другое—что дѣйствіе яда ослабнѣтъ, и жизнь приспособится къ новымъ условіямъ. Уже одинъ фактъ, что сравнительно небольшое переокисленіе нашей крови позволяетъ намъ безъ вреда для себя существовать въ этой отравленной атмосферѣ, вѣрное доказательство тому, что не нужно большихъ измѣненій въ ея составѣ для того, чтобы живая жизнь могла выносить ее.

Домъ за деревнями, изъ-подъ крыши котораго выбивался дымъ, вдругъ запылалъ. Высоке взвивавшееся огненные языки лизали воздухъ.

— Это прямо ужасно!—пробормоталъ лордъ Джонъ. Никогда еще я не видѣлъ его такимъ подавленнымъ.

— Въ сущности, не все ли равно?—замѣтилъ я.—Міръ уже мертвъ. Сожженіе труповъ—лучшій способъ похребенія.

— Если этотъ домъ загорится—это сократить и нашу жизнь.

— Я предвидѣлъ эту опасность,—сказалъ Чалленджеръ,—и просилъ мою жену позаботиться о томъ, чтобы предотвратить ее.

— Всѣ мѣры приняты, мой дорогой. Но у меня опять начинаетъ шумѣть въ ушахъ. Какой ужасный воздухъ!

— Этому можно помочь,—сказалъ Чалленджеръ. И нагнулся надъ цилиндромъ съ кислородомъ.

— Онъ почти пустъ. Одного цилиндра намъ хватило на три съ половиною часа. Сейчасъ около восьми. Значитъ, конца надо ждать завтра утромъ къ девяты. Еще разъ для насъ взойдетъ солнце—и только для насъ.

Онъ повернулся ко второму цилинду и на минуту пріотворилъ вѣрообразное оконце надъ дверью, чтобы пропустить комнату. Воздухъ сталъ замѣтно лучше, но всѣ мы сразу почувствовали себя хуже. Онъ закрылъ окошко и отвинтилъ крышку цилиндра.

— Кстати, господа, человѣкъ не можетъ питаться однимъ кислородомъ. Обѣденный часъ давно прошелъ. Я приглашалъ васъ къ себѣ на это интересное собрание не для того, чтобы уморить васъ голодомъ. Къ сожалѣнію, здѣсь мы должны довольствоваться малымъ. Я увѣренъ, вы согласитесь со мной, что было бы безуміемъ портить воздухъ, зажигая керосинку. Но у меня припасено холодное мясо, хлѣбъ и пинкули; съ добавленіемъ бутылочки двухъ клякетъ, пожалуй, съ насъ этого хватить. Спасибо, дорогая, ты, какъ всегда—царица всѣхъ хозяекъ.

Дѣйствительно, можно было только удивляться, какъ быстро маленькая женщина—истый образецъ британской хозяйки—накрыла столъ посерединѣ бѣлоснѣжной скатертью, разставила на немъ приборы, положила къ нимъ салфетки и подала нашъ скромный обѣдъ со всѣмъ изяществомъ цивилизации, включая и электрическую лампу надъ стоп-

ломъ. Еще больше надо было удивляться нашему великоклѣпнѣшему аппетиту.

— Это показываетъ, какъ мы волновались,—пояснилъ Чалленджеръ съ той снисходительностью, которая всегда писалася въ немъ, когда этотъ великий ученый удостаивалъ объяснить какой-нибудь простой будничный фактъ.— Мы пережили крупный кризисъ. Значитъ, молекулярной силы затратили много. И природа требуетъ возмѣщенія затраченного. Большое горе и большая радость всегда вызываютъ острый голодъ, а не воздержаніе отъ пищи, какъ увѣряютъ наши романисты.

— Потому то въ провинціи и устраиваютъ поминальные обѣды послѣ похоронъ,—рискнулъ вставить я.

— Совершенно вѣрно. Напиши юный другъ привѣтъ чудеснѣшій примѣръ. Позвольте предложить вамъ еще ломтикъ языка.

— То же самое у дикарей,—сказалъ лордъ Джонъ, нарѣзывая мясо.— Я видѣлъ однажды, какъ негры хоронили вождя на верховьяхъ Аруви—они слопали цѣлаго гипопотама, который вѣсилъ столько же, сколько все племя. А въ Новой Гвинеѣ въ заключеніе для полнаго порядка сѣдѣаютъ самого покойника. Но, надо признаться, изъ всѣхъ похоронныхъ траинъ, справлявшихся на этой землѣ, наша, пожалуй, самая необычайная.

— Странно то,—вставила слово м-ръ Чалленджеръ,— что я какъ то совершенно не могу печалиться о тѣхъ, кто уже умеръ. А вѣдь у меня отецъ и мать въ Бедфордѣ. Я знаю, что ихъ ужъ нѣтъ на свѣтѣ, но передъ лицомъ этой страшной всемирной трагедіи, не могу особенно скорбѣть ни о комъ въ отдѣльности, даже о своихъ близкихъ.

— И у меня старушка мать въ Ирландіи,—сказалъ я.— Я такъ ясно представляю себѣ ее въ ея всѣдашней шали и кружевномъ чепцѣ, прислонившейся къ прямой высокой спинѣ стариннаго кресла у окна; глаза ея закрыты, очки и книга лежать возлѣ нея. Зачѣмъ мнѣ горевать о ней? Она скончалася, и мнѣ осталось жить немного, и, можетъ быть, въ иной жизни я буду ближе къ ней, чѣмъ Англія къ Ирландіи. И, однакоже, мнѣ грустно думать, что моей милой старушкѣ уже нѣтъ на свѣтѣ.

— Что жалѣть о тѣлѣ!—вразбрѣзилъ Чалленджеръ.— Не плачешь же мы о срѣзанныхъ волосахъ, или ногтихъ, а вѣдь и они когда-то были частью насы самихъ. Точно также и калѣка врядъ ли станеть оплакивать свою отрѣзанную ногу. Наше физическое тѣло для насъ скорѣй источникъ боли и усталости, постоянный показатель нашей ограниченности. Такъ стоитъ ли огорчаться, что оно оторвано отъ нашего психического я?

— Если только оно можетъ быть оторвано,—буркнулъ Соммерли.— Но все-таки, гибель вселенной ужасна.

— Какъ я уже объяснилъ,—сказалъ Чалленджеръ,— гибель вселенной менѣе ужасна, чѣмъ гибель отдѣльного человѣка.

— Точно также, какъ въ сраженіи,—подтвердилъ лордъ Джонъ.— Когда вы видите человѣка, лежащаго передъ вами на полу съ проломленной грудью, или съ дыркой на лицѣ, вамъ дѣлается дурно. А я въ Суданѣ видѣлъ десять тысячъ труповъ и ничего подобнаго не испытывалъ; потому что, когда дѣлаешь исторію, жизнь отдѣльного человѣка слишкомъ ничтожна, чтобы сокрушаться о ней. А когда тысяча миллионовъ гибнетъ одновременно, какъ вотъ сегодня, гдѣ ужъ тутъ плакать обѣ одномъ!

— Хоть бы ужъ скорѣе это кончилось!—грустно выговорила м-ръ Чалленджеръ.— О, Джорджъ, я такъ боюсь!

— Когда дѣлать до дѣла, ты будешь храбрѣе насы всѣхъ, моя малютка. Я былъ для тебя очень неудобныи мужемъ, дорогая, но ты помни, что Д.Э.Ч. есть Д.Э.Ч.: таковъ ужъ уродился и передѣлать себя не могъ. Да и ты—развѣ ты хотѣла бы имѣть другого мужа?

— Никого въ цѣломъ мірѣ мнѣ не нужно, кроме тебѣ, мой милый!

Маленькия ручки ласково обвились вокругъ его бычачьей шеи. Мы всѣ трое подошли къ окну и остановились въ изумлѣніи при видѣ зрѣлица, открывшагося нашимъ взорамъ.

Спустились сумерки и мракъ окуталъ мертвый міръ. Но на югѣ поперекъ горизонта тянулась длинная ярко алая полоса, то разгораясь, то какъ будто потухая, то достигая до зенита, то замирая едва видной багряной полоской.

— Львицъ горитъ!—воскликнулъ я.

— Нѣтъ, это Брайтонъ,—сказалъ Чалленджеръ, подходя. Видите, сквозь огонь просвѣчиваетъ извилистая линія дюнъ. Должно быть, весь городъ въ огнѣ.

Зарево пожаровъ видѣлось и въ нѣсколькоихъ другихъ мѣстахъ, и груда обломковъ жѣлѣзодорожной катастрофы еще тлѣла, порою вспыхивая во мракѣ ярче, но все это былоничтожно, въ сравненіи съ чудовищнымъ пожаромъ, пылавшимъ за холмами. Какую блестящую хронику я могъ бы дать въ «Газету»! Случилось ли когда журналисту имѣть въ рукахъ такой чудесный матеріаль и не имѣть возможность записать все видѣнное? Если люди науки могутъ быть до конца вѣрны дѣлу своей жизни, почему бы и мнѣ, въ моей скромной области, не быть стойкимъ до конца. Пусть никто не прочтетъ написанного мною. Вѣдь надо же какъ-нибудь убить время въ теченіе этой долгой ночи, а спать—я, по крайней мѣрѣ, зналъ навѣрно, что не успу. Это поможетъ мнѣ наполнить время и займетъ мысли.

Вотъ какимъ образомъ у меня очутилась въ рукахъ записная книжка, въ которой я кой-какъ записываю эти впечатлѣнія при слабомъ свѣтѣ единственной электрической лампочки. Будь у меня литературный талантъ, эти записи могли бы быть достойны описываемаго событія. Такъ, какъ онѣ есть, онѣ все же, можетъ быть, разскажутъ другимъ людямъ обѣ острыхъ и тѣгостныхъ переживаніяхъ этой страшной ночи.

Глава IV.

Дневникъ умирающаго.

Какъ странно выглядитъ это заглавіе, напаранное сверху пустой страницы моей записной книжки. Еще страннѣе, что его написалъ я, Эдуардъ Мэлонъ,—всего какихъ-нибудь двѣнадцать часовъ тому назадъ вышедший изъ своихъ номеровъ въ Стрэтхемъ-стритъ, даже и не подозрѣвая, какія чудеса мнѣ доведется видѣть въ этотъ день. Оглядываясь назадъ, я отчетливо припоминаю всю цѣнь событій: мой разговоръ съ Макъ Ардлемъ, первая тревожная замѣтка въ «Таймсъ», нелѣпое путешествіе въ поѣздѣ, пріятный завтракъ, катастрофа—и вотъ финалъ: мы сидимъ въ залѣ, единственные живые люди на вымершей планѣтѣ, зная впервые свою судьбу настолько, что на эти строки, написанныя машинально, по привычкѣ профессионала—вѣдь ихъ не сужено увидѣть человѣческому взору—я смотрю, какъ на записи человѣка, который уже умеръ,—такъ близко онѣ стоятъ къ грани страны тѣней, куда ушли ужъ всѣ, кроме этого маленькаго кружка друзей. Я чувствую теперь, какъ мудры и правдивы были слова Чалленджера: что истинной трагедіей для насы было бы, еслибы мы остались жить послѣ того, какъ все доброе, благородное и прекрасное погибло. Но такая опасность не грозитъ намъ. И второй нашъ цилиндръ съ кислородомъ подходитъ къ концу. Мы почти можемъ сосчитать, сколько минутъ намъ остается жить.

Только что Чалленджеръ угостилъ насъ лекціей, длившейся добрую четверть часа. Онѣ такъ волновался, что ревѣль, какъ будто обращался къ своимъ врагамъ въ Кинсихоллѣ, принимавшимъ каждое его утвержденіе скептически. Аудиторія у него была курьезнѣйшая: жена, со всѣмъ согласной и абсолютно ничего не понимающей, сидящій въ тѣни Соммерли, придирчивый и критически настроенный,

но заинтересованный предметом лекции, скучающей лорд Джонъ и я у окна, наблюдающей всю эту сцену съ равнодушныемъ вниманіемъ человѣка, который видѣтъ сонъ наяву, или нѣчто такое, что лично его совершенно не касается. Чалленджеръ сидѣлъ за центральнымъ столомъ, подъ лампой, свѣтъ которой падалъ прямо на стеклышко микроскопа, принесенія имъ изъ своей уборной. Въ яркомъ кружкѣ бѣлого свѣта, отбрасываемаго рефлекторомъ, четко выступала часть его морщинистаго, бородатаго лица, другая же часть оставалась въ тѣни. Послѣднее время онъ, повидимому, работалъ надъ низшими формами жизни и въ данный моментъ его волновало то, что въ микроскопѣ, закрытомъ вчера, онъ нашелъ амебу еще живой.

— Смотрите сами,—возбужденно повторилъ онъ.—Соммерли, будьте добры подойти поближе и удостовѣриться лично. Мэлонъ, привѣтъ, пожалуйста, не ошибайтесь ли я. Крохотная веретенообразная штучка въ центрѣ—діатомы; ихъ вы можете оставить безъ вниманія, такъ какъ онъ, по всей вѣроятности, ближе къ растительному царству, чѣмъ къ животному. Но справа вы увидите несомнѣнно амебу, медленно ползущую черезъ поле зреенія. Крыша моего микроскопа завинчивается очень плотно. Смотрите сами.

Соммерли посмотрѣлъ и подтвердилъ, что амеба живая. Я сдѣлалъ то же и увидѣлъ крохотное созданіе, какъ будто сдѣланное изъ терпаго стекла, линнущее къ освѣщеному кружку на микроскопѣ. Лордъ Джонъ готовъ былъ повѣрить на слово.

— Я не склоненъ ломать себѣ голову надъ вопросомъ, живая она, или мертвая. Мы съ ней даже не знаемъ другъ другъ, такъ чего же ради я стану принимать къ сердцу ея участіе. Не думаю, чтобы она особенно беспокоилась о моемъ здоровьѣ.

Я разсмѣялся; Чалленджеръ холодно и надменно покосился въ мою сторону, бросивъ на меня уничтожающій взглядъ.

— Дерзость недоучекъ больше тормозитъ науку, чѣмъ даже тупость невѣждъ,—язвительно замѣтилъ онъ.—Если лордъ Джонъ удостоится...

— Мой милый Джорджъ, чего же ты язвишь,—замѣтила его жена, погладивъ рукой черную гриву, свѣсившуюся надъ микроскопомъ.—И, въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, жива амеба, или нѣтъ?

— Нѣтъ, это совсѣмъ не все равно,—буркнулъ Чалленджеръ.

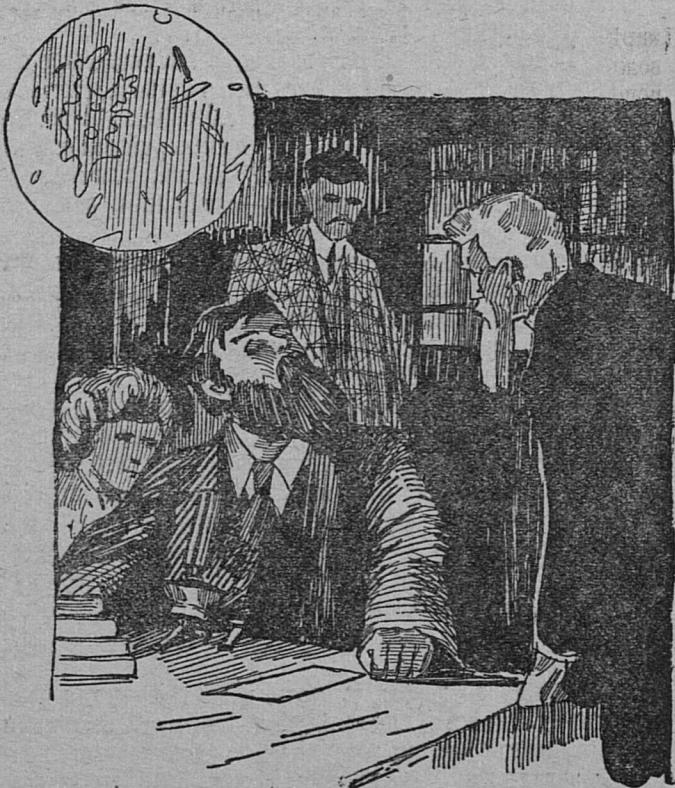
— А вы объясните, почему,—добродушно усмѣхаясь, сказалъ лордъ Джонъ. Надо же о чѣмъ-нибудь говорить,—отчего не поговорить объ этомъ? Если вы находите, что я обидѣлъ эту госпожу, я готовъ извиниться.

— Съ своей стороны,—вставилъ вѣчный спорщикъ Соммерли своимъ скрипучимъ голосомъ:—я не понимаю, почему вы придаете такое значеніе тому, что это существо живетъ. Оно живеть въ одной съ нами атмосферѣ, и, естественно, что ядъ не дѣйствуетъ на него. Если вы поддержали его за окномъ, оно умерло бы, какъ все живое.

— Ваше замѣчаніе, милѣйший Соммерли,—началъ Чалленджеръ (о, еслибы я могъ нарисовать это надменное, задорно-дерзкое лицо въ яркомъ свѣтѣ рефлектора!)—ваше замѣчаніе только показываетъ, какъ вы мало уяснили себѣ положеніе. Эта амеба была положена туда вчера и герметически закрыта. Нашъ кислородъ не могъ проникнуть внутрь микроскопа. Но эфиръ, разумѣется, проникъ туда, какъ онъ проникаетъ всюду. Слѣдовательно, амеба уѣлѣла, испытавъ на себѣ дѣйствіе яда. Отсюда, мы вправѣ сдѣлать выводъ, что и всѣ амебы, находящіяся за стѣнами этой комнаты, вместо того, чтобы погибнуть, какъ вы ошибочно утверждаете, пережили эту катастрофу.

— Ну такъ что же? И теперь у меня нѣтъ желанія кричать ура,—сказалъ лордъ Джонъ.—Какое же это можетъ имѣть значеніе?

— А такое, что міръ, значитъ, живъ, а не умеръ. Еслибы вы обладали фантазіей ученаго, вы бы умѣли заглянуть впередъ, за нѣсколько миллионовъ лѣтъ—одинъ моментъ въ нескончаемомъ лѣтѣ вѣковъ—и увидали бы мысленнымъ взоромъ міръ, полный жизни, и животной, и растительной, которая пойдетъ отъ этого крохотнаго существа. Случалось вамъ видѣть пожаръ въ преріи, когда огонь, какъ будто выжигаетъ всѣ слѣды растительности на землѣ и оставляетъ лишь обугленную пустыню? Можно подумать, что она и навсегда останется пустыней. Однако же корни растеній, скрытые въ землѣ, живы и, если вы черезъ нѣсколько лѣтъ пройдете по этой самой преріи, вы уже не увидите слѣдовъ пожара. Вотъ въ этомъ миниатюрномъ созданіи скрыты корни всей животной жизни и, постепенно развиваясь, по законамъ эволюціи, она когда-нибудь изгладить всякое воспоминаніе о кризисѣ, переживаемомъ нами теперь.

О, еслибы я могъ нарисовать это надменное лицо...

— Дьявольски интересно!—сказалъ лордъ Джонъ, перегибаясь черезъ столъ и заглядывая въ микроскопъ.—Такъ вотъ онъ какой, нашъ первый прадѣдъ,—не мѣшало бы поѣхать и его портретъ въ нашей фамильной галлереѣ. И какая у него большая запонка на груди!

— Этотъ темный предметъ—его ядро, нуклеусъ,—пояснилъ Чалленджеръ, съ видомъ нянки, показывающей ребенку буквы азбуки.

— По крайней мѣрѣ, мы не одиноки,—шутливо продолжалъ лордъ Джонъ.—Кромѣ насъ, есть и еще живыя твари на землѣ.

— Вы, повидимому, не сомнѣваетесь, Чалленджеръ,—вмѣшался Соммерли,—что этотъ міръ только затѣмъ и созданъ, чтобы на немъ могла возникать и поддерживаться человѣческая жизнь.

— А, по вашему, сударь мой, зачѣмъ онъ созданъ?—вопросилъ Чалленджеръ, ощетинившись при первомъ же намекѣ на противорѣчіе.

— Иной разъ мнѣ кажется, что это только чудовищное самомнѣніе человѣчества заставляетъ его думать, будто вся эта огромная арена устроена только для того, чтобы человѣкъ могъ парадировать на ней.

— Мы не можемъ утверждать этого положительно,

но, по крайней мѣрѣ, и не впадая въ то, что вамъ угодно называть «чудовищнымъ самомнѣніемъ», мы, конечно, можемъ сказать, что человѣкъ—высшее изъ существъ, созданныхъ природой.

— Высшее изъ тѣхъ, которыхъ мы знаемъ.

— Я васъ не понимаю, сударь.

— Подумайте о томъ, сколько миллионовъ и, можетъ быть, билліоновъ лѣтъ земля посилаась пустой въ пространствѣ—или, если не пустой, то, во всякомъ случаѣ, безъ всякихъ признаковъ и слѣдовъ существованія человѣка. Несчетные вѣка омываемая дождями, обжигаемая солнцемъ, выметаемая вѣтрами, она жила безъ него. Съ точки зреінія геологии, человѣкъ—существо весьма недавно появившееся на землѣ. Какъ же можно быть увѣреннымъ, что все это было только подготовкой къ его появлению въ природѣ.

— Если не для него, такъ для кого же—или для чего? Соммерли пожалъ плечами.

— Почемъ я знаю. Фактъ налицо, а причина выше нашего постиженія—и человѣкъ могъ возникнуть совершенно случайно, какъ побочный результатъ случайныхъ комбинацій. Это все равно, какъ еслибы пѣна на поверхности океана вообразила себѣ, что океанъ созданъ ради нея, или же церковная мышь думала, что церковь—специально для нея выстроенная—законная ея резиденція.

Я записывалъ дословно весь ихъ споръ, но теперь онъ перешелъ въ шумную перебранку; оба кричать, волнуются, ссыплютъ длиннѣшими научными терминами, а смысла не разобрать непосвященному. Безъ сомнѣнія, это большая часть присутствовавъ при обсужденіи важнѣйшихъ проблемъ науки двумя такими крупными учеными, но такъ какъ они никогда не бываютъ согласны между собой, простые смертные, какъ лордъ Джонъ и я, не могутъ извлечь изъ этого большой пользы для себя. Они, такъ сказать, нейтрализуютъ другъ друга, а мы остаемся все при томъ же. Въ данный моментъ споръ конченъ, и Соммерли сидитъ, весь съезжавшись, въ креслѣ, а Чалленджеръ все еще завинчиваетъ крышку микроскопа, не переставая глухо ворчать, какъ море послѣ бури. Лордъ Джонъ подошелъ ко мнѣ и мы вмѣстѣ смотримъ въ окно.

Взошла луна—первая четверть, новолуние—а для насы послѣдня; небо все усыпано звѣздами. Какія онѣ блестяція сегодня! Даже въ чистомъ воздухѣ южно-американского пла-то я не видѣлъ ихъ болѣе яркими. Можетъ быть, это оттого, что составъ эфира измѣнился. Погребальный костеръ въ Брайтонѣ все еще пылаетъ, а вдали, на западѣ, виднѣются еще какъ будто зарева пожаровъ—быть можетъ, это горить Арундель, или Чайчестеръ, а, можетъ быть, и Портсмутъ. Я сижу и думаю; порою кое-что записываю. Земля при свѣтѣ звѣздъ кажется такой мирной и кроткой. Кто бы могъ подумать, что это—Голгофа, усыпанная трупами людей? Несожиданно я расхохотался.

— Что съ вами, юноша?—изумился лордъ Джонъ.—Повеселите и насы, если у васъ есть что-нибудь смѣшное. Въ чёмъ дѣло?

— Я думалъ обо всѣхъ великихъ неразрѣшимыхъ вопросахъ, которые теперь разрѣшились сами собой. Сколько, напримѣръ, печать судила и рѣшила о томъ, кто возьметъ верхъ въ конкуренціи между Германіей и Англіей, или кому влѣдѣть Персидскимъ Заливомъ, которымъ такъ интересовался мой бѣдный Макъ Ардль. Мы столько спорили и волновались изъ-за нихъ. Кто бы могъ подумать, что они будуть разрѣшены такъ просто!..

Мы снова умолкли. Мнѣ сдается, каждый изъ насъ думалъ о друзьяхъ, ушедшихъ раньше его. М-ръ Чалленджеръ тихонько плакала; Чалленджеръ что-то шепталъ ей, утѣшая. Въ моей памяти вставали самые неожиданные люди, и я представлялъ себѣ ихъ всѣхъ лежащими въ растяжку, бѣлыми и неподвижными, какъ бѣдный Аустинъ во

дворѣ. Ну, напримѣръ, Макъ Ардль. Я точно вижу, какъ онъ лежитъ, упавъ лицомъ на столъ и не снимаю руки съ телефона. Или Бьюмонтъ, редакторъ,—тотъ, навѣрное, лежитъ на коврѣ, турецкомъ, красномъ съ голубымъ, украшающимъ его святыни. А наши репортеры—Макдона, Муррей и Бондъ. Илья нихъ, конечно, каждый умеръ за работой, съ записной книжкою въ рукѣ, полной интереснѣйшихъ замѣтокъ. Одного, разумѣется, отправили по докторамъ, другого—въ соборъ Св. Павла, третьего—въ Вестминстеръ. Одни заголовки чего стоятъ:—«Послѣдняя надежда»—интервью съ д-ромъ Солей Вильсономъ.—«Знаменитый врачъ говоритъ: никогда не слѣдуетъ отчаиваться». —«Нашъ сотрудникъ засталъ великаго ученаго сидящимъ на крышѣ, куда тотъ спасся отъ толпы перепуганныхъ пациентовъ, осаждавшихъ его квартиру. Хоть и явно сознавая всю серьезность положенія, знаменитый физикъ отказывается признать, что никакой надежды больше нѣть». Макъ непремѣнно началъ бы съ этого. А Бондъ —тотъ, конечно, пошелъ бы первымъ дѣломъ въ соборъ Св. Павла. Темъ для него самая подходящая.—Онъ, вѣдь, воображаетъ, что у него блестящій литературный талантъ.—«Стоя на хорахъ, подъ са-мымъ куполомъ собора и глядя внизъ, на плотную массу людей, въ отчаяніи взывавшихъ къ Силѣ, которой они до тѣхъ порь не желали знать, я вдругъ услыхалъ донесшійся до слуха моего такой безумный вопль мольбы и ужаса, такой раздирающій призывъ на помочь, что я...» и т. д.

Да, вотъ гдѣ пожива репортерамъ, хотя всѣ они, подобно мнѣ, умрутъ, не успѣвъ использовать собранныхъ сокровищъ. А чего бы не далъ бѣдный Бондъ за то, чтобы увидеть свою подпись подъ такой замѣткой!

Однако, какой я вздоръ пишу. Но, вѣдь, это только для того, чтобы убить времени. М-ръ Чалленджеръ удалилась въ сосѣднюю уборную, и профессоръ говоритъ, что она уснула. Самъ онъ составляетъ какія-то замѣтки, заглядывая въ книги, лежащія на кругломъ столѣ посреди комнаты, такъ же невозмутимо, какъ еслибы передъ нимъ были годы мирнаго труда.

Соммерли совсѣмъ ушелъ въ свое кресло и отъ времени до времени раздражающе похрапываетъ. Лордъ Джонъ лежитъ на спинѣ, держа руки въ карманахъ, съ закрытыми глазами. Не понимаю, какъ могутъ люди спать при такихъ обстоятельствахъ.

З часа 30 минутъ пополуночи. Я только что проснулся. Было пять минутъ двѣнадцатаго, когда я написалъ послѣднюю строку. Помню, я завелъ часы и посмотрѣлъ на нихъ. Значитъ, и я истратилъ цѣлыхъ пять часовъ изъ тѣхъ немногихъ, что мнѣ еще осталось жить. Кто бы повѣрилъ! Зато теперь я подбодрился и готовъ мужественно встрѣтить свой конецъ—или, по крайней мѣрѣ, стараюсь убѣдить себя, что я готовъ. А, между тѣмъ, чѣмъ талантливѣе человѣкъ, чѣмъ нужнѣе людямъ его жизнь, тѣмъ, казалось бы, больше долженъ онъ бояться смерти. Какъ иудра и милосердна Прѣ-рода, постепенно, малѣпкими подергиваньями ослабляюща якорь, на которомъ держится наша жизнь, незамѣтно уводя насть изъ земной гавани въ великое невѣдомое море!

М-ръ Чалленджеръ все еще въ уборной. Самъ Чалленджеръ уснуль въ креслѣ. Что за картина! Все его огромное тѣло откинулось назадъ, толстыя волосатыя руки сложены на жилетѣ; голова запрокинулась назадъ, такъ что я ничего не вижу, кроме спутанной пышной бороды. При каждомъ всхрапываніи животъ его колышется. Соммерли отъ времени до времени вторить гудящему басу Чалленджера высокимъ, тонкимъ теноркомъ. Лордъ Джонъ также спить; его длинное тѣло перегнулось вдвое на бокъ въ большомъ плетеномъ креслѣ. Первые холодные лучи разсвѣта прокралились въ комнату; все въ ней сѣро и уныло.

Я смотрю въ окно, на солнечный восходъ—сегодня солнце будетъ свѣтить пустой землѣ. Человѣческій родъ въ одинъ

день вымеръ, угасъ, но планеты, какъ прежде, врашаются вокругъ солнца, и въ морѣ тѣ же приливы и отливы, и вѣтеръ шелестить листьями деревьевъ, и вся Природа, вплоть до амебы, продолжаетъ жить, какъ бы даже не замѣчая, что человѣкъ, вѣнецъ творенія, пересталъ существовать. Внизу, во дворѣ, лежитъ мертвый Аустинъ; лицо его чуть блѣдѣтъ, въ рукѣ все еще зажата кишка, съ помощью которой онъ мылъ автомобиль. Все человѣчество какъ бы воплотилось въ этой полу-комической, полу-трагической фигурѣ беспомощно лежащей у машины, которую она привыкла управлять..

На этомъ кончается замѣтки, набросанные мной тогда. Дальнѣйшія события смѣнялись такъ быстро и такъ остро волновали меня, что я уже не могъ писать, но все они до мелочей, такъ врѣзались мнѣ въ память, что врядъ ли я о чёмъ нибудь забуду упомянуть.

Мнѣ сдавило горло, я взглянула на цилинды съ кислородомъ — и былъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ. Минуты нашей жизни были сочтены. За ночь Чалленджеръ отвинтилъ крышки и третьяго, и четвертаго цилиндовъ, и даже въ четвертомъ кислорода осталось очень немного. Но ощущеніе удушья было такъ тягостно, что я поспѣшила къ пятому цилинду и отвинтила крышку. Совѣсть упрекала меня, — еслиъ я удержаналася, все мои бѣдные товарищи, можетъ быть, умерли бы во снѣ. Но въ то же мгновеніе я услыхъ голосъ нашей хозяйки:

— Джорджъ! Джорджъ! Я задыхаюсь.

— Сейчасъ пройдетъ, м-ръ Чалленджеръ, — откликнулся я. — Сейчасъ вамъ станетъ легче дышать.

Мой голосъ разбудилъ другихъ. Всѣ повскакали на ноги. Даже въ эту минуту я не могъ не улыбнуться при видѣ Чалленджера, который, какъ разбуженный ребенокъ, теръ глаза огромнымъ волосатымъ кулакомъ. Соммерли весь дрожалъ мелкой дрожью: человѣческая слабость и страхъ на мигъ побѣдили въ немъ стоицізмъ ученаго. Одинъ лордъ Джонъ вскочилъ такимъ же бодрымъ, какъ еслибы его подняли чуть свѣтъ для того, чтобыѣхать на охоту.

— Пятый и послѣдний, — молвилъ онъ, взглянувъ на цилиндръ. — Скажите, юноша, неужто это вы провели ночь, записывая ваши впечатлѣнія вотъ въ эту тетрадку, которая лежитъ у васъ на колѣньяхъ?

— Такъ, бѣглые замѣтки, чтобы убить время.

— Ну, знаете, кромѣ ирландца никто по моему, на это не способенъ. Я полагаю, вамъ придется подождать пока амеба превратится въ человѣка, прежде чѣмъ найдется кому-прочесть ваши замѣтки. Ну, что г. профессоръ, какія у насъ перспективы?

Чалленджеръ смотрѣлъ въ окно, на густой клубящійся туманъ, окутывающій ландшафтъ. Тамъ и сямъ, изъ этого моря тумана поросли лѣсомъ холмы выглядывали, словно конические острова.

— Словно саванъ, — сказала м-ръ Чалленджеръ, входя въ комнату, въ ночномъ каштакѣ. — Помнишь твою любимую пѣсеньку, Джорджъ? «Гоните старое, впустите новое!» Она была пророческой... Однако, какъ вы всѣ озябли, мои бѣдные друзья. Мнѣ было тепло подъ одѣяломъ, а вы всю ночь провели въ креслѣ. Сейчасъ я васъ согрею.

Храбрая маленькая женщина поспѣшила вышла и черезъ минуту мы услыхали пѣсню котелка. А черезъ нѣсколько минутъ она вернулась, неся на подносе пять дымящихся чашекъ какао.

— Выпейте-ка. Сейчасъ повеселѣете.

И мы вышли. Соммерли попросилъ разрѣшенія закурить трубку; мы закурили папироски. Я думалъ, что это подбодритъ насъ, но вышло иначе — это только окончательно испортило воздухъ въ комнатѣ, и безъ того страшно душной. Пришлось открыть вентиляторъ.

— Сколько еще, Чалленджеръ? — спросилъ лордъ Джонъ.

— Я думаю: часа три.

— Я прежде боялась, — начала м-ръ Чалленджеръ. — Но, чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ я спокойнѣе. Ты не думаешьъ, что намъ слѣдовало бы помолиться, Джорджъ?

— Молись, родная, если хочешь. Каждый изъ насъ молится по своему. Моя молитва — въ томъ, что я всецѣло и съ легкимъ сердцемъ мирюсь съ той участью, которую послала мнѣ Судьба. Это высшая точка, въ которой сходятся наука и религія.

— Не могу, по совѣсти, сказать, чтобы у меня въ душѣ было такое примиреніе, не говоря уже о «легкомъ сердцѣ», — буркнулъ Соммерли. — Я покоряюсь потому, что ничего инѣго мнѣ не остается. Но, сознаюсь, предпочелъ бы прожить еще годикъ, чтобы закончить свой трудъ по классификациѣ ископаемыхъ.

— Вашъ неоконченный трудъ стоить немногаго въ сравненіи съ тѣмъ фактомъ, что мой таинственный орнъ, моя «Лѣстница Жизни» только еще начата. Въ этой книжѣ должно было соединиться все: мой умъ, моя начитанность, мой личный опытъ, мои огромныя познанія — она должна была создать эпоху — и, все же, вы видите, я примиряюсь.

— Я думаю, у каждого изъ насъ останется что-нибудь въ его жизни незаконченнымъ, — сказалъ лордъ Джонъ. — У васъ что, юноша?

— Я работалъ надъ томикомъ стиховъ, — отвѣтилъ я.

— Ну, слава Богу, по крайней мѣрѣ, отъ этого мірѣ избавленъ. Это все же утѣшеніе.

— А вы сами, лордъ Джонъ? — спросилъ я.

— У меня то все устроено, и я совсѣмъ готовъ. Я, вѣдь, собрался въ путь въ Тибетъ, съ Меривалемъ. А вотъ вѣдь жалко, м-ръ Чалленджеръ — вы только что устроили себѣ это хорошенъкое гнѣздышко.

— Мой домъ тамъ, гдѣ мой мужъ. Но чего бы я не дала, чтобы въ послѣдній разъ пройтись съ нимъ вмѣстѣ свѣжимъ утромъ по этимъ чуднымъ дюнамъ!..

Каждый изъ насъ радъ былъ бы сдѣлать то же. Солнце разсѣяло тумантъ, окутывавшій его и весь пейзажъ, былъ залипъ яркимъ свѣтомъ. Изъ этой комнаты, полутемной и съ отравленымъ воздухомъ, этотъ мирный, красивый, яркий деревенскій пейзажъ казался дивно прекраснымъ.

М-ръ Чалленджеръ невольно протягивала къ нему руки. Мы всѣ придинулись къ окну и усѣлись полукругомъ. Дышать становилось трудно. Мнѣ чудилось — уже тѣни смерти рѣють надъ нами — послѣдними изъ людей. Словно невидимая завѣса со всѣхъ сторонъ спускалась на насъ.

— Этотъ цилиндръ что-то плохо дѣйствуетъ, — сказалъ лордъ Джонъ, съ трудомъ переводя духъ.

— Количество кислорода въ каждомъ разное, въ зависимости отъ силы давленія и отъ добросовѣстности того, кто закупоривалъ его, — пояснилъ Чалленджеръ. — Но я соглашусь съ вами, Рокктона: этотъ цилиндръ плоховатъ.

— Такъ что и въ послѣдній часъ нашей жизни насъ надули, — съ горечью молвилъ Соммерли. — Превосходная заключительная иллюстрація къ истории гнуснаго вѣка, въ который мы живемъ. Ну-съ, Чалленджеръ, теперь для васъ самое время приступить къ работѣ, если вы желаете изучить на себѣ лично явленія физического распада.

— Присядь на этотъ пуфикъ возлѣ меня и дай мнѣ твою руку, — сказалъ Чалленджеръ, обращаясь къ женѣ. — Я думаю, друзья мои, что оставаться дольше въ этой невыносимой атмосфѣрѣ врядъ ли благоразумно. Вѣдь ты не хочешь этого, дорогая?

М-ръ Чалленджеръ съ легкимъ стономъ уткнулся ему лицомъ въ колѣно.

— Я видѣлъ, какъ люди купаются зимой, — сказалъ лордъ Джонъ. — Наиболѣе храбрые окунаются сразу, кто послабѣй, стоять, дрожа на берегу, и завидуетъ

тъмь, кто уже въ водѣ. Этимъ приходится всего хуже. Я лично стою за то, чтобы не ждать, а окунуться съ головой.

— То-есть за то, чтобы отворить окно и вдохнуть эфиръ?

— Лучше умереть отравленнымъ, чѣмъ задохнуться.

Соммерли неохотно кивнулъ головой и протянулъ Чалленджера свою худую руку.

— Мы съ вами много спорили, но это дѣло прошлое. Все же, мы были добрыми друзьями, и каждый изъ насъ въ душѣ уважалъ другого. Прощайте.

— Прощайте, юноша,—сказалъ лордъ Джонъ.—Окно замазано. Открыть его нельзя.

Чалленджеръ нагнулся и поднялъ жену, прижавъ ее къ своей груди; она обвила руками его шею.

— Дайте-ка мнѣ этотъ бинокль, Мэлонъ.

Я подалъ ему бинокль.

Онъ ударилъ биноклемъ по стеклу.

— Въ руки Силы, создавшей насъ, мы предаемъ себя!—громовымъ голосомъ рявкнулъ онъ и, размахнувшись, удрилъ биноклемъ по стеклу.

На полѣ посыпались осколки. Въ наши разгорѣвшіяся лица повѣяло свѣжимъ, душистымъ воздухомъ, невыразимо сладостнымъ.

Не умѣю сказать, сколько времени мы сидѣли, онѣмѣвъ отъ изумленія. Затѣмъ, словно во снѣ, я услыхалъ голосъ Чалленджера:

— Мы вернулись къ нормальнымъ условіямъ. Земля вышла изъ отравленного пояса эфира, но изъ всего рода человѣческаго остались въ живыхъ только мы пятеро.

ГЛАВА V.

Мертвый міръ.

Сколько времени мы просидѣли такъ, съ наслажденіемъ вдыхая полной грудью влажный и душистый вѣтеръ съ моря, надувавшій кисейныя занавѣски и охлаждавшій наши разгоряченныя лица, никто изъ насъ впослѣдствіи не могъ сказать. Каждый считалъ по своему. Мы были изумлены, ошеломлены, отъ неожиданности почти потеряли сознаніе. Мы приготовились мужественно встрѣтить смерть, но къ этой страшной неожиданности, къ необходимости жить послѣ того, какъ умерло все человѣчество, мы не были готовы и растерялись, какъ отъ физического удара. Затѣмъ, постепенно, временно прекратившій свою работу механизмъ, снова заработалъ: въ мозгахъ нашихъ сами

собой рождались мысли. Невольно мы сравнили ту жизнь, которой мы жили раньше, съ той, которую намъ придется вести теперь. Въ безмолвномъ ужасѣ каждый изъ насъ обращалъ свой взоръ къ другимъ и находилъ у всѣхъ одинъ отвѣтъ. Вмѣсто радости, которую, казалось бы, должны были испытывать люди, спасшіеся отъ неминучей гибели, мы всѣ впали въ жестокое уныніе. Все, дорогое намъ, потонуло въ великомъ океанѣ невѣдомаго, и мы пятеро очутились, словно на необитаемомъ островѣ, безъ надежды, безъ стремленій. Намъ предстояло въ теченіе еще пѣсколькохъ лѣтъ бродить, точно шакаламъ, вокругъ могилъ человѣчества и ждать, когда же смерть возьметъ и насъ.

— Это ужасно,—Джорджъ! Ужасно!—рыдалъ воскликнула м-ръ Чалленджеръ.—О, зачѣмъ ты спасъ насъ? У меня такое чувство, какъ будто это мы умерли, а всѣ остальные живы.

Густыя брови Чалленджера сдвинулись и нависли надъ глазами, огромная волосатая лапа сжала протянутую ему руку жены. Я замѣтилъ, что въ бѣдѣ она всегда протягивала ему руки, какъ ребенокъ матери.

— Не будучи фаталистомъ вплоть до непротивленія злу,—сказалъ онъ,—я всегда находилъ, что высшая мудрость заключается въ примиреніи съ дѣйствительностью.

Онъ говорилъ медленно; видно было, что мысль его со средоточенно работала; его звучный голосъ дрожалъ отъ волненія.

— Я не согласенъ мириться,—рѣшительно объявилъ Соммерли.

— И совсѣмъ это неважно, согласны вы или не согласны,—сказалъ лордъ Джонъ.—Хотите, падайте ницъ, хотите барахтайтесь—все равно, придется покориться неизбѣжному. Никто не спрашивалъ вашего позволенія передъ тѣмъ, какъ устроить эту катастрофу, и теперь не спросить. Такъ не все ли равно, что мы лично думаемъ обѣ этомъ? Какая разница?

— Разница только въ томъ, какъ мы будемъ чувствовать себя—счастливыми или несчастными,—задумчиво сказалъ Чалленджеръ, гладя руку жены.—Вы можете плѣть по теченію, какъ я, и быть спокойны духомъ, или же плѣть противъ теченія—и выйти на берегъ разбитымъ и усталымъ. Что сдѣлало, того ужъ не измѣнить; примемъ его, какъ оно есть, и перестанемъ говорить обѣ этомъ.

— Но какъ же мы будемъ жить?—воскликнулъ я въ отчаяніи, взыгавъ къ голубымъ безмолвнымъ небесамъ.—Я, напримѣръ,—что я буду дѣлать? Газетъ издавать некому,—значитъ мнѣ некуда дѣлать себѣ.

— А мнѣ нечего стрѣлять и не съ кѣмъ воевать—такъ что и мнѣ здѣсь дѣлать больше нечего,—сказалъ лордъ Джонъ.

— И мнѣ некого будетъ учить, такъ какъ студентовъ больше нѣть,—воскликнулъ Соммерли.

— Слава Богу, у меня есть мой мужъ и мой домъ,—выговорила м-ръ Чалленджеръ,—такъ что у меня то дѣло найдется.

— И у меня тоже,—сказалъ Чалленджеръ.—Ибо наука не умерла, и сама эта катастрофа даетъ намъ богатѣйшій матеріалъ для изслѣдований.

Онъ распахнулъ настежь окна и мы смотрѣли на безмолвный и недвижимый ландшафтъ.

— Дайте сообразить,—продолжалъ онъ.—Это было въ три часа пополудни—или немного послѣ трехъ—окончательное погруженіе земли въ отравленный поясъ эфира. А теперь девять утра. Вопросъ въ томъ, въ которомъ часу мы вышли изъ этого пояса.

— На разсвѣтъ воздухъ былъ очень скверный,—сказалъ я.

— Да и позже тоже,—поправила м-ръ Чалленджеръ.—Въ семь часовъ у меня началось такое же удушье, какъ вчера вечеромъ, въ самомъ началѣ.

— Въ такомъ случаѣ, будемъ считать, что это произошло послѣ восьми утра. Въ теченіе семнадцати часовъ міръ былъ погруженъ въ отравленный эфиръ. За это время Великий Садовникъ счистилъ всю человѣческую плѣсень, выросшую на плодѣ Его трудовъ. Можетъ ли быть, что дѣло Его сдѣлано не до конца, и что остались въ живыхъ не только мы?

— Вотъ и я себя обѣ этомъ спрашиваю,—сказалъ лордъ Джонъ.—Почему бы намъ однѣмъ уцѣлѣть?

— Это нецѣльное предположеніе,—съ убѣжденіемъ отвѣтилъ Соммерли.—Вспомните, что ядъ былъ такъ силенъ, что даже Мэлонъ, который можетъ справиться съ быкомъ и совершенно лишенъ нервовъ, едва въ состояніи былъ взбѣжать на лѣстницу передъ тѣмъ, какъ онъ свалился замертво. Правдоподобно ли, чтобы кто-нибудь могъ прожить въ этомъ отравленномъ воздухѣ семнадцать минутъ,—не говоря уже о семнадцати часахъ?

— Если только онъ не предвидѣлъ катастрофы и не приготовился къ ней, какъ нашъ другъ Чалленджеръ.

— Ну, это врядъ ли,—вразбрѣзъ Чалленджеръ, выставляя впередъ бороду и опуская вѣки.

— Такъ что, вы думаете, что кромѣ насъ, всѣ люди умерли?

— Почти не сомнѣваюсь въ этомъ. Однако же, надо помнить, что ядъ дѣйствовалъ снизу въверхъ, и возможно, что въ верхніхъ слояхъ атмосферы онъ дѣйствовалъ менѣе разрушительно. Это очень странно, и въ будущемъ намъ надо будетъ выяснить причину этого. А, слѣдовательно, если ужъ искать уцѣлѣвшихъ, то надо обращать свой взглядъ къ тибетскимъ селеніямъ, или альпійскимъ фермамъ на высотѣ несколькихъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

— Ну, принимая во вниманіе, что теперь у насъ нѣть ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ для насъ, это все равно, что искать живыхъ людей на лунѣ,—сказалъ лордъ Джонъ.—А я вотъ задаю себѣ другой вопросъ: совсѣмъ это прошло, или только наполовину?

Соммерли вытянулъ шею, какъ журавль, и обвелъ глазами горизонтъ.

— Небо кажется чистымъ и яснымъ, но, вѣдь, и вчера оно было такимъ. Я далеко не увѣренъ, что опасность миновала.

Чалленджеръ пожалъ плечами.

— Опять таки, намъ слѣдуетъ вернуться къ нашему фатализму. Если міръ когданибудь и переживалъ уже нечто подобное,—что не выходитъ изъ предѣловъ возможности—то, во всякомъ случаѣ, это было очень давно. И мы имѣемъ полное основаніе надѣяться, что повториться это можетъ развѣ очень нескоро.

— Все это прекрасно,—сказалъ лордъ Джонъ,—но въ землетрясеніи, однако, за первымъ ударомъ почти всегда слѣдуетъ второй. Я полагаю, что не худо бы намъ было размѣтъ ноги и надышаться воздухомъ, пока онъ не отравленъ. Нашъ запасъ кислорода все равно истощился и, разъ ужъ нужно будетъ умереть, то не все ли равно, въ комнатахъ, или на воздухѣ.

Послѣ непрерывныхъ волненій въ теченіе послѣдніхъ сутокъ, теперь настала реакція—физическая и моральная; кромѣ усталости мы ничего не чувствовали; все было безразлично, все казалось утомительнымъ и безцѣльнымъ. Даже Чалленджеръ поддался этому чувству и уйдя въ свои мысли, витавшія гдѣ-то далеко, сидѣлъ въ креслѣ, облокотясь лохматой головою на руки до тѣхъ поръ, пока лордъ Джонъ и я, подхвативъ его подъ руки, силой не подняли его—за что, вмѣсто благодарности, онъ заворчалъ на насъ, какъ потревоженный сердитый песъ. Тѣмъ не менѣе, когда мы изъ своего тѣснаго убѣжища вышли на свѣтъ и воздухъ, постепенно къ намъ вернулась обычная наша энергія.

Но что начать, что дѣлать въ этой живой могилѣ? Приходилось ли когда человѣку задавать себѣ такой вопросъ?

Правда, физическая наши нужды были обеспечены, даже съ избыtkомъ. Всѣ склады провіанта, всѣ винницы, всѣ скрости искусства были теперь наши. Но намъ то куда было дѣвать себя? Вирочемъ, дѣло оказалось подъ рукой. Мы спустились въ кухню и прежде всего положили двухъ умершихъ служанокъ каждую на ея постель. Онѣ, повидимому, не страдали; одна уснула на табуретѣ у огня, другая на полу въ кладовой. Затѣмъ, перенесли въ домъ со двора бѣднаго Аустина. Всѣ его мускулы окоченѣли въ самомъ неестественномъ положеніи и были тверды, какъ доска, а ротъ былъ перекошенъ жесткой сардонической усмѣшкой. Эту усмѣшку наблюдали у всѣхъ, погибшихъ отъ дѣйствія

У меня есть мой мужъ и мой домъ. (См. стр. 44).

отравы. Куда бы мы ни направились, всюду на насъ смотрѣли тѣ же скалившія зѣбы лица, словно издѣваясь надъ нашей злополучной участью единственныхъ людей, уцѣлѣвшихъ на землѣ.

— Послушайте,—сказалъ лордъ Джонъ,—безпокойно шагавшій по столовой, въ то время, какъ мы подкрѣплялись ъдой,—не знаю, какъ вы, господа, но я прямо не въ состояніи сидѣть здѣсь, сложа руки.

— Можетъ быть, вы будете такъ любезны пояснить, что именно, по вашему, намъ нужно дѣлать,—съ убийственной любезностью выговорилъ Чалленджеръ.

— Прежде всего встрижнуться и узнать толкомъ, что случилось.

— Это бы и самъ я предложилъ.

— Но только не здѣсь, въ глухой деревушкѣ. Кромѣ того, что видно изъ этого окна, мы здѣсь все равно ничего больше не увидимъ.

— Куда же итти?

— Въ Лондонъ.

— Ну, знаете,—вмѣшался Соммерли.—Вы, можетъ быть, и въ состояніи ходить по сорока пяти милю пѣшкомъ, но относительно Чалледжера съ его обрубками вмѣсто ногъ, я въ этомъ не увѣренъ, а о себѣ положительно увѣренъ, что этого я не могу.

Чалледжеръ обозлился.

— Попробовали бы вы, сударь мой, ограничить наши наблюденія вашими собственными физическими особенностями—повѣрьте, что и этого вполнѣ достаточно.

— Да я же не хотѣлъ обидѣть васъ, мой дорогой Чалледжеръ,—воскликнулъ нашъ безтактный другъ.—Человѣкъ не отвѣтственъ за свою физическую внешность. Если природа наградила васъ приземистымъ, тяжеловѣснымъ тѣломъ, ноги у васъ не могутъ быть иными, какъ обрубками.

Чалледжеръ слишкомъ разсвирепѣлъ, чтобы возвращать. Онъ могъ только щетиниться, ворчать и сверкать глазами. Лордъ Джонъ поспѣшилъ вмѣшаться.

— Зачѣмъ же непремѣнно идти пѣшкомъ?—спросилъ онъ.

— А какъ же иначе—по желѣзной дорогѣ, что ли?—фыркнулъ Чалледжеръ.

— А моторъ? Вѣдь онъ не испорченъ. Почему бы намъ не поѣхать на моторѣ?

— Я не специалистъ по этой части,—раздумчиво выговорилъ Чалледжеръ, поглаживая бороду.—Но вы правы, предполагая, что человѣческій интеллекцъ, достигшій высшаго развитія, настолько гибокъ, что можетъ овладѣть и этимъ. Ваша мысль—превосходная, лордъ Джонъ. Я самъ свезу васъ въ Лондонъ.

— Ничего подобнаго вы не сдѣлаете,—рѣшительно заявилъ Соммерли.

— Нѣтъ, Джорджъ. Ты этого не сдѣлаешь! — вскричала м-ръ Чалледжеръ.—Ты только разъ попробовалъ управлять моторомъ, и, помнишь? выломалъ ворота гаража.

— Это потому, что я на одинъ моментъ отвлекся,—снисходительно пояснилъ профессоръ.—Вопросъ рѣшено. Я, конечно, сумѣю доставить васъ въ Лондонъ.

Къ счастью вмѣшавшися лордъ Джонъ:

— У васъ какой моторъ?

— Двадцати-сильный, Гумберъ.

— Да у меня такой же; я ужъ сколько лѣтъ вѣзжу на немъ: Ей-Богу! Не думалъ я дожить до той поры, когда все человѣчество можно будетъ умѣстить въ одномъ автомобилѣ. Помнится, тамъ именно пять мѣстъ. Ну, собирайтесь, господа: къ десяти часамъ машина будетъ у подъѣзда.

Дѣйствительно, въ назначенный часъ автомобиль, пыхтя, уже стоялъ у дверей. Лордъ Джонъ сидѣлъ на рулѣ. Я сѣлъ съ нимъ рядомъ, а даму нашу, въ видѣ маленькаго буфера, помѣстили между двумя раздражительными профессорами. Затѣмъ лордъ Джонъ налегъ на рукоятку рычага, перевелъ скорость съ первой на третью, и мы помчались.

Это была странная прогулка. Представьте себѣ ясный августовскій день, прохладное утро, купающееся въ золотомъ солнечномъ свѣтѣ, безоблачное небо, роскошную зелень, холмы, одѣтые розоватымъ верескомъ. Можна было совсѣмъ забыть о происшедшій катастрофѣ, если бъ не одна зловѣщая черта—торжественная, гробовая тишина. Въ деревнѣ, вѣдь, все время слышишь шумы жизни, только не замѣчаешь ихъ, какъ на морѣ перестаешь слышать рокотъ волнъ. Щебетанье птицъ, жужжаніе насѣкѣмъ, далекіе голоса, мычаніе коровъ, неумолкающій собачій лай, громыханье поѣздовъ и телѣгъ—всѣ эти шумы мы все время слышимъ, хоть и перестаемъ замѣчать ихъ. И теперь намъ ихъ не доставало. И это мертвое безмолвіе было такъ страшно, такъ жутко, такъ зловѣщѣ, что шумъ, производимый нашимъ автомобилемъ, казался святотатственнымъ нарушениемъ этой могильной тишины, леденившей наши сердца, какъ и клубы дыма, подымавшіеся тамъ и сямъ надъ ножа-рищами.

А затѣмъ, мертвцы. Первые, видѣніе мною: пятачка съ ребенкомъ, мальчикъ, Аустинъ, мертвый извозчикъ и мертвая лошадь, упавшая на колѣни между оглоблями, навѣки врѣзались мнѣ въ память. Но природа милосердѣ и скоро переутомленные первы перестали реагировать на такія впечатлѣнія. Слишкомъ много было ужасовъ кругомъ, чтобы переживать ихъ всѣ. Отдѣльные индивидуумы сливались въ группы, группы въ массы, и эти массы мертвцовъ становились уже привычными, какъ пеизѣбѣжная деталь каждой картины. Лишь изрѣдка, когда въ глаза бросалось что-нибудь особенно жестокое, или траги-комичное, мы съ ужасомъ вспоминали, что все это значить.

Всего больше жаль было дѣтей. Ихъ гибель казалась возмутительной несправедливостью. Хотѣлось плакать—м-ръ Чалледжеръ и плакала—когда мы, проѣзжая мимо большой городской школы, увидали рядъ маленькихъ фігурокъ, которыми усыпана была дорога къ школѣ. Испуганные наставники распустили ихъ, и они поспѣшили домой, но ядъ убилъ ихъ на пути. Почти во всѣхъ домахъ были отворены окна, и изъ каждого выглядывало мертвое ухмыляющееся лицо. Въ послѣдній моментъ ощущеніе удушья, потребность въ кислородѣ, которую одни мы въ состояніи были удовлетворить, бросало каждого къ окну. Тротуары также были усыпаны трупами мужчинъ и женщинъ, безъ пласти, одѣтыхъ по домашнему—очевидно, выбѣжавшихъ на улицу, спасаясь отъ удушья. Немало труповъ валялось и прямо на улицѣ. Хорошо, что лордъ Джонъ отлично управлялъ автомобилемъ—мѣстами проѣхать было довольно таки трудно. Въ городахъ и деревняхъ приходилосьѣхать шагомъ, а въ Тенбриджѣ намъ даже пришлось выйти и уратать часть труповъ, заграждавшихъ путь.

Изъ этой обширной панорамы Смерти мнѣ врѣзались въ память нѣсколько отдѣльныхъ черточекъ. Одна изъ нихъ—большой красивый моторъ, стоявшій возлѣ гостиницы въ деревушкѣ Соузборо. Повидимому, въ немъ какая-то веселая компанія возвращалась съ пикника въ Брайтонъ, или Эстборнъ. Тамъ были три нарядныхъ дамы, всѣ молодыя и красивыя; у одной на колѣняхъ была собачка, крохотная китайская болонка. Съ дамами былъ пожилой, сильно таки пожившій господинъ и молодой аристократъ, съ моноклемъ въ глазу, съ папироской, догорѣвшій до самого конца въ пальцахъ его обѣянной щегольской перчаткой руки. Смерть, видимо, застигла ихъ мгновенно, такъ что они остались въ тѣхъ же позахъ, какъ сидѣли. Еслибы пожилой господинъ, задыхаясь, не сорвалъ съ себя воротничка, можно было бы подумать, что они уснули отъ усталости. По одну сторону мотора лежалъ на землѣ лакей, а возлѣ него валялся подносы и разбитые стаканы. По другую сторону двое оборванцевъ, мужчина и женщина, первый съ застывшій въ воздухѣ протянутой рукой—онъ, очевидно, въ моментъ смерти просилъ милости. Одинъ мигъ слышилъ воедино аристократа, лакея и бродягу и всѣхъ ихъ превратилъ въ недвижную и разлагающуюся протоплазму.

Помню еще другую странную картину. На пути въ Лондонъ изъ Севенокса, на горѣ есть большой монастырь. Къ нему ведетъ отлогий изумрудный скатъ. На этомъ скатѣ застыло на колѣняхъ мнѣ къ ство дѣтей. Передъ ними, также на колѣняхъ, рядъ монахинь, а повыше, лицомъ къ нимъ, отдѣльная женская фигура,—должно быть, мать игуменья. Здѣсь, повидимому, предвидѣли опасность и умерли сознательно, красиво, съ молитвой на устахъ, какъ подобаетъ христіанамъ.

Я до сихъ поры не могу опомниться отъ этихъ ужасающихъ впечатлѣній и напрасно ищу словъ, чтобы точно описать ихъ. Можетъ быть, лучше и не пробовать, а лишь вкратце излагать факты. Даже Соммерли и Чалледжеръ были подавлены и не подавали голоса; лишь изрѣдка до насъ доносились изнутри кареты всхлипыванья нашей дамы. Что касается лорда Джона, онъ былъ слишкомъ занятъ

управлением мотором, чтобы глядеть по сторонам, или разговаривать. Онъ только повторялъ все одну и ту же фразу, застрявшую у меня въ памяти, почти съмьшную, до того она не соотвѣтствовала тому, къ чему относилась.

— Нечего сказать. Хорошія дѣла!

На Старой Кентской дорогѣ настѣ ждала неожиданность. Въ окнѣ скромнаго углового дома развѣвался носовой платокъ въ длинной и тонкой человѣческой рукѣ. Ни одинъ мертвецъ не вызывалъ въ настѣ такого остраго волненія, какъ этотъ первый призракъ жизни въ пустынѣ смерти. Сердца наши на мигъ перестали биться и затѣмъ забились съ удвоенной силой. Лордъ Джонъ остановилъ моторъ у подъѣзда дома, и черезъ нѣсколько секундъ мы очутились въ комнатѣ маленькой квартирки во второмъ этажѣ, откуда исходилъ сигналъ.

Въ креслѣ у открытаго окна сидѣла древняя старуха, а рядомъ съ нею, на стулѣ, лежалъ цилиндръ съ кислородомъ, меньше размѣромъ, но такой же формы, какъ и тѣ, которые спасли намъ жизнь. Старуха повернула къ намъ, столпившимся въ дверяхъ, худое, изможденное лицо съ очками на носу.

— Я уже боялась, что меня совсѣмъ тутъ бросили—одну, а я калѣка и не могу двинуться съ мѣста.

■ Я уже боялась, что меня бросили здѣсь совсѣмъ одну.

— Да, сударыня, это счастье для васъ, что намъ случилось проѣхать мимо.

— Господа, умоляя васъ, не скрывайте отъ меня ничего. Отвѣтьте мнѣ на одинъ очень важный вопросъ. Какъ отразятся эти события на шерахъ Сѣверо-Западной желѣзной дороги?

Мы расхохотались бы въ отвѣтъ, еслибы не трагическая серьезность, съ которой старуха ждала нашего отвѣта. М-ръ Берстонъ—такъ ее звали—была вдова преклонныхъ лѣтъ, у которой весь ея скромный капиталъ былъ вложенъ въ эти шеры, и для нея все въ жизни зависѣло отъ того, падаютъ онѣ или поднимаются на биржѣ. Напрасно мы доказывали ей, что теперь богатства всего мира принадлежатъ

ей, да только купить на нихъ ничего нельзѧ—ея старческій умъ не могъ усвоить себѣ этой новой мысли, и она громко рыдала о своихъ погибшихъ шерахъ.

— Это все мое состояніе!—плакала она.—Если оно погибло, лучше было бы и мнѣ погибнуть.

Изъ яжалобныхъ восклицаній мы поняли, какимъ образомъ сохранилось это хрупкое деревцо во время гибели цѣлаго лѣса. Старуха, разбитая параличомъ, была прикована къ креслу и страдала астмой. Ей было предписано врачами вдыхать кислородъ и въ моментъ кризиса возлѣ нея былъ цилиндръ съ этимъ спасительнымъ газомъ. Почувствовавъ удушье, она естественно схватилась за него и, постепенно вдыхая его, она дожила до утра. А затѣмъ уснула и проснулась отъ шума нашего мотора. Взять ее съ собою было невозможно; поэтому мы позаботились, чтобы у нея было подъ рукой все необходимое и обѣщали днѣ черезъ два, самое большое, навѣстить ее. И оставили ее горько плачущей о своихъ утраченныхъ шерахъ.

По мѣрѣ того, какъ мы подъѣзжали къ Темзѣ, улицы становились все загроможденѣе. Лишь съ больнымъ трудомъ удалось намъ перебраться черезъ Лондонскій Мостъ. Всѣ примыкавшія къ нему улицы были заставлены экипажами и телѣгами; устранить это препятствіе намъ было не подъ силу. На одной изъ верфей, возлѣ самого моста горѣлъ пароходъ, и воздухъ былъ полонъ летающей сажи и Ѣдкаго дыма. Такое же облако дыма стояло и надъ зданіемъ Парламента, но отсюда невозможно было опредѣлить, гдѣ именно горитъ.

— Не знаю, какъ вы, господа,—сказалъ лордъ Джонъ, останавливая моторъ,—но, по моему, въ деревнѣ какъ-то веселѣе, чѣмъ здѣсь, въ городѣ. Мертвый Лондонъ дѣйствуетъ мнѣ на нервы. Я бы предложилъ повернуть обратно въ Розер菲尔дъ.

— Сознаюсь, и я не вижу, чего намъ здѣсь еще искать,—сказалъ профессоръ Соммерли.

— А между тѣмъ,—сказалъ Чалленджеръ, и его густой басъ звучалъ такъ странно среди общаго безмолвія,—трудно представить себѣ, чтобы изъ семи миллионовъ населенія уцѣлѣла только одна эта старуха, случайно ухитрившаяся пережить катастрофу.

— Можетъ быть, и есть другое, но какъ же намъ найти ихъ, Джорджъ? Впрочемъ, я согласна съ тобой, что нельзѧ уѣзжать отсюда, не попробовать.

Мы вышли изъ мотора, не безъ труда пробираясь по заваленнымъ трупами тротуарамъ Кингъ Уильямъ-стритъ, и вошли въ отворенную дверь большого зданія страхового агентства. Домъ былъ угловой, и изъ оконъ его открывался широкій видъ во всѣ стороны. Мы поднялись по лѣстницѣ и очутились, должно быть, въ залѣ засѣданій, такъ какъ за длиннымъ столомъ посерединѣ сидѣло восемь пожилыхъ мужчинъ? Большое до полу окно было открыто, и мы вышли на балконъ. Отсюда видны были улицы Сити, расходящіяся по всѣмъ направленіямъ, и почти сплошь загроможденныя недвижимыми моторами. Очевидно, въ послѣдній моментъ, почувствовавъ опасность, дѣльцы поспѣшили къ своимъ близкимъ, жившимъ за городомъ, на дачахъ. Тамъ и сямъ, среди болѣе скромныхъ каретъ виднѣлся роскошный автомобиль какого-нибудь важнаго сановника, безнадежно застрявшій въ хаосѣ экипажей. Какъ разъ подъ окномъ стоялъ такой; владѣлецъ его, пожилой толстякъ, наполовину высыпался изъ окна, и пухлая рука его, вся покрытая бриллиантовыми перстнями, была протянута къ шофферу, которому онъ, должно быть, приказывалъ употребить всѣ усиленія, чтобы выбраться изъ общей кучи.

Автобусы возвышались, какъ острова среди этого моря экипажей; пассажиры имперіала лежали всѣ въ повалку, одинъ на другомъ, какъ куклы въ дѣтской. У фонаря стоялъ солидный полисменъ, прислонившись къ фонарному столбу, въ такой естественной позѣ, что трудно было повѣ-

Прислонившись къ фонарному столбу, стояль полицменъ.

рить, что человѣкъ этотъ не живой; у ногъ его лежалъ оборванный мальчишка газетчикъ и возлѣ него пачка газетъ. Тутъ же неподалеку завязла телѣжка съ объявленіями, и мы читали заглавія газетныхъ статей, огромными буквами, чернымъ по желтому: «Шумныя пренія въ палатѣ лордовъ». — «Правда ли, что это конецъ? Предостереженіе Великаго Учениаго». И рядомъ: «Правъ ли Чалленджеръ? Грозные слухи»

Чалленджеръ указалъ женѣ на этотъ послѣдній плакать, развѣвавшійся, какъ знамя, надъ толпой. И незамѣтно выпятилъ грудь впередъ и погладилъ бороду. Ему, видимо, лѣтило, что Лондонъ умиралъ съ его именемъ на устахъ. Это было такъ ясно, что насыщникъ Соммерли не выдержалъ:

— До послѣдней минуты на виду, Чалленджеръ.

— Да, повидимому.—Однако, я, дѣйствительно, не вижу, зачѣмъ намъ дольше оставаться въ Лондонѣ. Я бы предложилъ вернуться въ Розерфильдъ и тамъ обсудить, какъ намъ полезнѣе употребить оставшіеся намъ годы жизни.

Изъ видѣній нами картинъ мертваго города приведу еще одну—внутренность церкви Св. Маріи. Раздвигая фигуры, распостертыя на ступеняхъ крыльца, мы добрались, наконецъ, до двери и вошли. Это было изумительное зрѣлище. Церковь была сплошь заполнена колѣнопреклоненными фигурами. Въ послѣднюю страшную минуту, очутившись лицомъ къ лицу со Смертью, уже заглядывавшою въ глаза, люди кидались въ церкви, старые храмы Сити, столько лѣтъ почти не посѣщавшіеся прихожанами. И здѣсь, сбившись въ кучу, бросившись на колѣни, гдѣ пришлось, въ страхѣ молились о спасеніи, въ то время, какъ надъ ними молодой человѣкъ въ свѣтскомъ платьѣ съ амвона, повидимому, обращался къ нимъ съ какой-то рѣчью, пока и его не постигла общая со всѣми участъ. Теперь онъ лежалъ, недвижный, перевѣшившись головой и обѣими руками черезъ перила каѳедры. Эта безмолвная, пыльная церковь, эти ряды недвижныхъ людей на колѣняхъ, эта страшная тишина—все это осталось у меня въ памяти, жуткимъ кощма-

ромъ. Уходя оттуда, мы шли на ципочкахъ и говорили шепотомъ.

Неожиданно меня осѣнила мысль. Въ одномъ углу церкви, близъ входной двери, стояла старинная купель, а позади нея, въ нишѣ, виднѣлись веревки отъ колоколовъ. Почему бы намъ не поднять трезвона и не оповѣстить по всему городу, что есть еще живые люди? Я побѣжалъ туда и ухватился за веревку, но, къ изумлению моему, не раздалось ни звука. Раскачать языкъ колокола оказалось, не такъ то легко. Лордъ Джонъ сталъ помогать мнѣ, воскликнав:

— Ей Богу, юноша, вы молодчина! Это дьявольски блестящая мысль. Дайте-ка сюда вонъ ту веревку. Вдвоемъ у насъ дѣло пойдетъ спорѣ.

Но языкъ колокола былъ такъ тяжелъ, что только когда къ намъ присоединились оба профессора, мы услыхали колокольный звонъ. Надъ мертвымъ Лондономъ пронеслась вѣсть надежды и дружескаго привѣта всѣмъ уцѣлѣвшимъ, если только они есть. Намъ сâнимъ отрадно было слышать этотъ мощный, гудящій призывъ, и мы удвоили усилия, взлетая на два фута въверхъ и всей нашей тяжестью повисая на веревкѣ, когда нужно было оттащить ее обратно книзу. Послѣднимъ изъ насть, ниже всѣхъ, подвѣсили Чалленджеръ, пустивъ въ ходъ всю свою гигантскую силу, подыгивая, какъ огромная раздувшаяся лягушка и громко крякая при каждомъ прыжкѣ. Вотъ бы теперь нарисовать, или снять насъ всѣхъ четверыхъ! Съ полчаса мы работали съ такимъ усердіемъ, что потъ катился съ насть градомъ, а плечи и спины мучительно ныли отъ напряженія. Затѣмъ мы вышли на крыльцо, зорко взглядываясь въ тихія, хоть и людныя улицы.—Ни звука, ни шороха—никакого отвѣта на всѣ наши призывы:

— Напрасно. Здѣсь никого нѣть въ живыхъ!—вскричалъ я.

Мы сдѣлали, что могли и больше ничего не можемъ сдѣлать,—взмолилась м-ръ Чалленджеръ.—Джорджъ, ради Бога, поѣдемъ обратно въ Розерфильдъ. Еще часъ въ этомъ страшномъ мертвомъ городѣ,—и я сойду съ ума.

Молча заняли мы свои мѣста въ моторѣ. Лордъ Джонъ повернулся обратно на югъ. Послѣдняя глава исторіи человѣчества, повидимому, была закончена. Не предвидѣли мы, какія неожиданности предстоять намъ впереди.

Глава VI.

Неожиданный финаль.

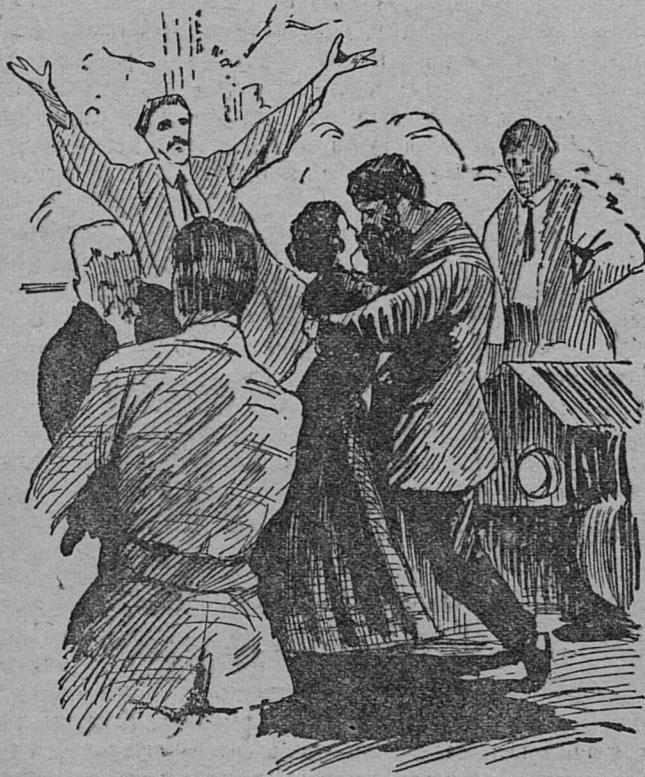
Я, какъ ирландецъ, умѣю въ каждомъ положеніи, даже самомъ тягостномъ, найти юмористическую сторону. Но, когда я остался одинъ въ кабинетѣ Чалленджера, по возвращеніи изъ Лондона—остальные внизу строили планы на будущее—я же такъ усталъ, что попросилъ разрѣшенія остататься одному—настроеніе мое было далеко не веселое. Я сидѣлъ у открытаго окна, опершись подбородкомъ на руку и раздумывая о нашемъ несчастномъ положеніи. Стоить ли намъ жить?—Вотъ какой вопросъ я задавалъ себѣ. Возможно ли существовать на вымершей землѣ? Точно такъ же, какъ въ физикѣ большое тѣло притягивается къ себѣ малыя, не потянутъ ли и насъ за собою властно эти мертвѣцы, ушедшіе въ страну тѣней? Но каковъ же будетъ нашъ конецъ? Повторится ли дѣйствіе яда? Или земля станетъ необитаемой, отравленной продуктами всеобщаго разложенія? Или мы сами, поставленные въ такое необычайное и ужасное положеніе, не выдержимъ и сойдемъ съ ума? Кучка сумасшедшіхъ на мертвѣй землѣ. Я крѣпко задувался надъ этой страшной перспективой и очутился только отъ страннаго шума, оставившаго меня взглянуть на дорогу внизу. И что же я увидѣлъ?—Старая извозчичья кляча поднималась въ гору. Извозчикъ подгонялъ ее кнутомъ, самъ повернувшись къ сѣдоку, который что-то кричалъ ему въ окно.

Одновременно съ этимъ я услыхалъ щебетанье птицъ, и чей-то кашель на дворѣ и замѣтилъ, что весь ландшафтъ

какъ бы ожила. Но больше всего вниманія привлекала эта нелѣпая, изможденная, съ провалившимися боками извозчичья кляча. Тяжело дыша, она все же поднималась на холмъ. И ея возница, и сѣдокъ, несомнѣнно, были живы. И всѣ остальные были живы. На площадкѣ снова играли въ гольфъ. Жнецы снова взялись за работу. Нянѣка отшепела одного ребенка, а другого посадила въ колясочку и принялась подталкивать ее впередъ. Всѣ, сами того не замѣчая, продолжали дѣлать то, что дѣлали въ моментъ, когда ихъ захватали катастрофа.

Что же это такое? Или, можетъ быть, катастрофы и не было? Можетъ быть, все это только приснилось мнѣ? Но нѣтъ, на рукѣ моей вздулся пузырь отъ веревки, которой я натеръ себѣ ладонь, дергая за языкъ колокола. Значить, все, видѣнное мною и пережитое, было на самомъ дѣлѣ. И все же, міръ воскресъ изъ мертвыхъ.

Я кубаремъ скатился съ лѣстницы. Входная дверь была открыта; со двора доносились изумленные и радостные голоса моихъ товарищъ. Боже, какъ мы всѣ были счастливы! Какъ горячо мы поздравляли другъ друга, пожимая другъ другу руки. Славная маленькая м-рсъ Чалленджеръ на радостяхъ расцѣловала насъ всѣхъ, прежде чѣмъ пріютиться въ объятіяхъ своего медвѣдеобразнаго супруга.

М-рсъ Чалленджеръ бросилась въ объятія своего медвѣдеобразнаго супруга.

— Да неужели же они только спали? — воскликнулъ лордъ Джонъ. — Да не можетъ быть! Чортъ побери, Чалленджеръ! — не уѣрите вы меня, что такъ можно спать — съ такими невидящими мертвыми глазами, окоченѣвшими тѣломъ и гримасой смерти на лицѣ.

— Я могу объяснить это только такъ называемой каталепсіей. Въ старину это явленіе встрѣчалось очень рѣдко, и его обыкновенно принимали за смерть. Во время припадка температура падаетъ, біенія сердца различить невозможно, дыханія не слышно — словомъ, фактически, это та же смерть, съ той разницей, что она преходяща. И даже всеобщемлющій умъ — тутъ онъ закрылъ глаза и улыбнулся, — едва ли могъ бы допустить возможность такой одновременной вселенской каталепсіи.

— Зовите это каталепсіей, если хотите, — замѣтилъ Соммерли, — но, въ концѣ концовъ, вѣдь, это только название,

ничего не объясняющее. Мы попрежнему ничего не знаемъ о ядѣ, дѣйствіе котораго вызвало это состояніе. Самое большее, что мы можемъ сказать, — это, что вдыханіе отравленнаго эфира имѣло послѣдствіемъ результатомъ временную смерть.

Аустинъ сидѣлъ на подножкѣ автомобиля, покачивая и покачивая головой, и разсуждалъ самъ съ собой, поглядывая на моторъ.

— Ишь, вѣдь, какъ воображаетъ о себѣ, мальчишка! Непремѣнно все ему надо потрогать.

— Вы это о комъ, Аустинъ?

— Да маслянка не завинчена. Тутъ кто-то безъ меня дурачился съ автомобилемъ. Должно быть, садовниковъ сынушка, сэръ. Я такъ думаю.

Лордъ Джонъ съ виноватымъ видомъ отвернулся.

— Не знаю, что со мной такое было, — продолжалъ Аустинъ, съ трудомъ поднимаясь на ноги. — Должно быть, голова закружилась... Помню, я, какъ стоялъ, такъ и хлопнулся о землю. Но только маслянки я бы не оставилъ незавинченной — это ужъ нѣтъ.

Изумленному Аустину вкрадцѣ объяснили, что случилось съ нимъ самимъ и міромъ. Онъ слушалъ съ видомъ глубокаго недовѣрія, когда мы рассказывали ему, какъ лордъ Джонъ управлялъ его моторомъ, и очень заинтересовался, когда дошло до описанія мертваго Сити. Характеръ его комментарій.

— И въ Англійскомъ Банкѣ вы были, сэръ?

— Были, Аустинъ.

— И всѣ кругомъ спали, а миллионовъ сторожить было некому?

— Конечно, некому.

— Вотъ бы мнѣ туда! — со стономъ вырвалось у него, и онъ печально отвернулся.

Неожиданно мы услыхали скрипъ колесъ по гравію. Старая кляча остановилась у подъѣзда виллы Чалленджера. Изъ экипажа вылѣзъ юный сѣдокъ. Минуту спустя появилась горничная, растрепанная и растрѣянная, какъ будто со сна, съ карточкой на подносе. Чалленджеръ свирѣпо засопѣлъ, увидѣвъ ее; даже густые черные волосы его какъ будто встали дыбомъ.

— Представитель печати? Опять! — заворчалъ онъ. Но тотчасъ же, какъ бы извиняясь, добавилъ: — Впрочемъ, естественно, что весь міръ спѣшить узнать мое мнѣніе о такомъ необычайномъ событии.

— Едва-ли онъ за этимъ, — возразилъ Соммерли. — Вѣдь онъѣхалъ къ вамъ еще до кризиса.

— Я посмотрѣлъ на карточку. «Джемсъ Бекстеръ, лондонскій корреспондентъ «Нью-Йоркскаго Вѣстника».

— Вы примете его?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Джорджъ? Опять? Будь же добрый и снисходительный къ другимъ. Неужели все, пережитое нами, ничему не научило тебя?

Но профессоръ упрямо качалъ головой.

— Поганое племя. Вы не согласны, Мэлонъ? Истые плевелы современной цивилизациіи, прямо мука для уважающаго себя человѣка. Сказалъ ли хоть одинъ изъ нихъ доброе слово обо мнѣ?

— А вы сами сказали доброе слово хоть обѣ одномъ изъ нихъ? Полноте, профессоръ, вѣдь это иностранецъ, совершившій цѣлое большое путешествіе, чтобы увидать васъ. Не будете же вы съ нимъ грубы.

— Ну ладно, ладно ужъ, — проворчалъ онъ. — Идемте вмѣстѣ. Говорите съ нимъ сами. Я заранѣе протестую противъ такихъ оскорбительныхъ вторженій въ мою частную жизнь. — Ворча себѣ подъ носъ, онъ катилъ за мною, какъ обиженній и сердитый бульдогъ.

Юный американецъ вытащилъ записную книжку и сразу окунулся въ суть вопроса.

— Я пріѣхалъ, сэръ, узнать, какъ вы представляете себѣ эту опасность, по вашему мнѣнію, угрожающую миру. У насъ, въ Америкѣ, очень этимъ интересуются.

— Я не вижу, чтобы въ данный моментъ миру угрожала какая-нибудь опасность,—угрюмо проворчалъ Чалленджеръ.

Американецъ воззрился на него съ крѣскимъ изумленіемъ.

— Я имѣю въ виду, сэръ, ту опасность, которая угрожаетъ землѣ вслѣдствіе вступленія ея въ поясь отравленія эфира.

— Такой опасности я не предвижу.

Юный репортеръ былъ озадаченъ.

— Вѣдь вы же профессоръ Чалленджеръ? Надѣюсь, я не ошибся?

— Да. Это я.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю. Какъ же вы говорите, что нѣть опасности? Вѣдь не далѣе, какъ сегодня утромъ въ «Таймсъ» было помѣщено ваше письмо въ редакцію.

Теперь Чалленджеръ былъ какъ-будто озадаченъ.

— Сегодня утромъ?—Сегодня утромъ «Таймсъ» не вышелъ.

— Позвольте, сэръ,—кротко возразилъ американецъ.—Не станете же вы отрицать, что «Таймсъ» газета ежедневная.—Онъ вынулъ номеръ изъ жилетнаго кармана.—Вотъ, письмо о которомъ я говорю.

Чалленджеръ хихикнулъ и потеръ руки.

— Я начинаю понимать. Такъ вы прочли это письмо сегодня утромъ?

— Да, сэръ.

— И сейчасъ же отправились интервьюировать меня?

— Да, сэръ.

— По пути сюда вы ничего особеннаго не замѣтили?

— Правду сказать, вашъ народъ показался мнѣ ожиленіе и болѣе похожимъ на людей, чѣмъ обыкновенно. Носильщикъ началъ мнѣ рассказывать какую-то забавную исторію—этого со мной здѣсь никогда еще не бывало.

— А больше ничего?

— Насколько помню, ничего.

— Теперь скажите, въ которомъ часу вы выѣхали съ вокзала Викторія?

Американецъ усмѣхнулся.

— Я пріѣхалъ сюда интервьюировать васъ, профессоръ, а выходить, что вы какъ будто интервьюируете меня.

— Этотъ вопросъ меня интересуетъ. Вы запомнили, въ которомъ часу отошелъ поѣздъ?

— Конечно, въ половинѣ первого.

— А сюда вы пріѣхали?

— Въ четверть третьяго.

— И панили извозчика?

— Конечно.

— Какъ вы думаете, далеко отсюда до станціи?

— Я думаю, не болѣе двухъ миль.

— Сколько же времени, по вашему, выѣхали?

— Съ полчаса, должно быть,—лошадь попалась очень ужъ плохая.

— Такъ, что теперь должно быть три часа?

— Да, приблизительно. Можетъ быть, немного больше.

— Посмотрите на часы.

Американецъ повиновался, посмотрѣлъ и въ изумленіи уставился на часы.

— Позвольте. Что же это? Двадцать минутъ седьмого. Ну, знаете, ваши извозчики побили всѣ рекорды.ѣхать четыре часа двѣ мили! Да нѣть же, это невозможно. Однако, дѣйствительно, солнце уже клонится къ закату. Позвольте, тутъ что-то не такъ.

— Вы не помните, не случилось ли чего-нибудь особеннаго, когда вы взбирались на гору?

— Какъ будто помню, что меня одолѣвала дремота.

Да, да, теперь припоминаю: я что-то хотѣлъ сказать извозчику,—должно быть, подогнать его, и никакъ не могъ добиться, чтобы онъ повернулся ко мнѣ. Должно быть, это отъ жары, но я таки на минутку задремалъ. Только и всего.

— Очевидно, то же было и со всѣми,—сказалъ Чалленджеръ.—Всѣ они «какъ будто на минутку задремали». Ни одинъ не имѣть понятія о происшедшемъ. И каждый будетъ продолжать свою прерванную игру или работу, какъ Аустинъ продолжаетъ чистить свой моторъ. Вашъ издаватель, Мэлонъ, будетъ продолжать издавать свою газету и очень удивится, замѣтивъ, что одного номера не хватаетъ. Да-съ, молодой человѣкъ,—продолжалъ онъ, добродушно посмѣиваясь и обращаясь теперь уже къ американцу:—вамъ, можетъ быть, не безинтересно будетъ узнать, что міръ благополучно вышелъ изъ ядовитаго воздушнаго теченія, подобно голѣфстрему, клубящемуся въ океанѣ эфира. Будьте любезны также замѣтить себѣ, что сегодня—не пятница 27 августа, а суббота, августа 28-го, и что вы изволили пролежать бѣвъ чувствъ въ вашемъ извозчичьемъ кѣбѣ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ на склонѣ Розельфильдскаго холма.

Вы пролежали безъ чувствъ въ вашемъ кѣбѣ въ теченіе сутокъ.

Однако, пора, прервать этотъ разсказъ. Какъ вы, вѣроятно, догадываетесь, это—лишь полное и детальное изложеніе фактъ, печатное описание которыхъ появилось въ понедѣльничномъ номерѣ «Ежедневной Газеты», разошедшемся ни болѣе ни менѣе, какъ въ трехъ съ половиною миллионахъ экземпляровъ. На стѣнѣ кабинета нашего завѣдующаго хроникой виситъ, вставленный въ рамку великолѣпный заголовокъ:

Міръ въ состояніи небытія въ теченіе 24 часовъ.

Небывалое происшествіе.

ПРЕДСКАЗАНІЯ ЧАЛЛЕНДЖЕРА ОПРАВДАЛИСЬ.

Чудесное спасеніе нашего корреспондента.

Сенсаціонный разсказъ очевидца.

Комната, пропитанная кислородомъ. Страшная пропулка на моторѣ.

Мертвый Лондонъ.

Колоссальные погибы и убытки отъ огня.

БУДУТЪ ЛИ ВЫПЛАЧЕНЫ СТРАХОВЫЕ ПРЕМИИ?

За этимъ колоссальнымъ заголовкомъ слѣдовало девять съ половиною столбцовъ текста, заключавшихъ въ

себѣ первое, послѣднее и единственное изложение истории нашей планеты въ теченіе одного, но, можетъ быть, самаго замѣчательнаго дня ея существованія. Чалленджеръ и Соммерли оба писали объ этомъ въ специальныхъ научныхъ органахъ, но для публики некому было составить отчѣтъ, кроме меня. Постинъ, теперь я могу пропѣть: «Нынѣ отпущающіи». Послѣ этого, о чёмъ еще можетъ мечтать журналистъ!

Но позвольте мнѣ закончить не этимъ сенсационнымъ заголовкомъ, доставившимъ тріумфъ только мнѣ лично, а выдержанной изъ блестящей передовой, помѣщенной по этому поводу въ одной изъ самыхъ почтенныхъ и самыхъ большихъ нашихъ газетъ.

«Вѣдь извѣстно,—пишетъ «Таймсъ»,—что человѣкъ слабъ и ничтоженъ, въ сравненіи съ могучими скрытыми силами Природы, окружающими его. Это слишкомъ извѣстно. И пророки древности, и философы нашего времени не разъ предостерегали насъ. Но, какъ всѣ истины, часто повторяясь, и эта истина съ теченіемъ времени утратила свой смыслъ и стала для человѣчества, какъ бы пустымъ звукомъ. Нуженъ былъ внушительный урокъ, чтобы напомнить намъ, что она—не только звукъ. И этотъ урокъ мы получили. Спасительное, но жестокое испытаніе, черезъ которое мы только что прошли, ошеломило насъ своей неожиданностью,

смирило насъ наглядной демонстраціей нашего бессилія и нашей ограниченности. Эта урокъ обошелся миру очень дорого. Мы еще не можемъ представить себѣ полностью всей картины разрушенія, но уже одни колоссальные пожары въ Нью-Йоркѣ, Орлеанѣ и Брайтонѣ сами по себѣ—величайшія трагедіи въ исторіи человѣчества. Жутко будетъ намъ читать телеграммы о желѣзодорожныхъ катастрофахъ и кораблекрушеніяхъ, хотя, повидимому, въ большинствѣ случаевъ машинисты и корабельные механики успѣвали затормозить свои машины, прежде чѣмъ они подпали дѣйствію яда. Но сейчасть, въ умахъ нашихъ на первомъ планѣ не материальные убытки, какъ бы они ни были огромны. Все это со временемъ забудется. Но не забудется и вѣкъ буде преслѣдоватъ наше воображеніе этотъ день, открывшій намъ невѣдомыя дотолѣ возможности, таящіяся во вселенной, разрушившій наше спокойствіе невѣждѣ, показавшій намъ, какъ ненадежны троны нашего жизненаго пути и какія бездны могутъ развернуться предъ нами. Всѣ мы сегодня переживаемъ настроеніе благовѣйнаго смиренія. Дай Богъ, чтобы оно помогло намъ выработать себѣ болѣе серьезное и вдумчивое отношеніе къ жизни въ будущемъ».

Конецъ.

Какъ-то, въ началѣ лѣта, отправился я съ пріятелемъ въ Зоологію. Вечеръ былъ пасмурный и холодный. Часами къ одиннадцати, насытившись лицерѣніемъ «Орфей», мы перекочевали въ буфетъ и, выбравъ укромное мѣстечко, принялись за чаепитіе. Публики на верандѣ было мало и только кой-гдѣ, за пустыми столами, жались другъ къ другу пророгшія феи. Зорко взглядывались онѣ въ проходящую публику, стараясь заманить къ себѣ «настящаго кавалера», но типичные завсегдатаи буфета равнодушно лавировали между ними.

Въ общемъ, было порядочно таки тоскливо и мы уже собирались домой, какъ вдругъ къ столику подошла довольно потрепанная цыганка и, потупивъ глаза, тихо шепнула мнѣ на ухо:

— Вася! Ты? Я тебя узнала!

Я пристально взглянула въ говорившую;

— Милуша?! Неужели... ты?... Милуша!

Милуша выпрямилась. На поблѣдшихъ щекахъ вспыхнула яркій румянецъ и на когда-то прекрасномъ лицѣ появилась та очаровательная улыбка, которая въ свое время многихъ сводила съ ума.

— Ага! Призналь! — радостно сверкнула она глазами — и за то спасибо! Ты меня прости, что я осмѣлилась подойти... Можетъ быть нельзѧ?.. Это твой сынъ?.. Да!.. Какъ ты постарѣлъ, да и я... старуха!.. Можно присѣсть?.. Неудобно? Ну, ладно!.. Я вотъ тутъ съ подругой... Лялечка!.. Подойди!.. Новенькая она, конфузится!.. Вмѣстѣ служимъ... Холодно, прозябли... Ёсть хочется... Ты... Знаешь что, дай мнѣ рубль на большую «рюмку водки». Я выпью, согрѣюсь, угощу Лялю, а потомъ пойдемъ съ тобой въ садъ, въ «глу-

хое» мѣстечко, тамъ и поговоримъ... Ахъ, вѣдь я много, много могу разсказать тебѣ!..

Я сунула ей деньги въ руку.

— Поди закуси, а я подожду!

— Ты не думай—tronула за плечо сосѣда Милуша,—что это мой прежній любовникъ! Накажи Богъ—нѣть!

Пріятель сконфузился и промолчалъ. Милуша ухватила Лялю подъ руку и побѣжалъ къ «знакомому» лакею.

— Что за «типъ»? — обратился ко мнѣ пріятель?

— Типъ интересный! Когда-то была красавица, богачка, видная помѣщица... Судьба сломила!.. Словомъ, цѣлая драма!

— Разскажи!

— Изволь! Когда-то, въ дни ранней юности, познакомился я съ красавицѣ корнетомъ, Гришой Ветловымъ. Ветловъ попалъ въ Петербургъ на скачки, случайно взялъ первый призъ и, на радостяхъ, жестоко закутилъ. Человѣкъ онъ былъ совершенно одинокій и очень богатый, владѣлецъ болѣе чѣмъ тысячи десятинъ въ полтавской губерніи, а это, братецъ, состояніе громадное! Сначала Ветловъ поселился противъ меня, но, затѣмъ, пустивъ по боку свою квартиру, перебрался ко мнѣ. Прожили мы съ нимъ мѣсяца два и, шатаясь по увеселительнымъ мѣстамъ, попали въ одинъ изъ прекрасныхъ вечеровъ въ Аркадію. Въ прежнюю Аркадію, временъ Родона, Завадской, Чернова, Бѣльской, Крузовай и Кестлеръ, временъ блестящаго расцвѣта оперетки, когда за дирижерскимъ пюпитромъ сидѣлъ король опереточныхъ капельмейстеровъ, знаменитый «Жоржъ»! Тогда въ Аркадію собирался весь шикарный Петербургъ. Золотая молодежь сорила деньгами

Перевод «The Lost World», выполненный З. Н. Журавской и озаглавленный «Погибший мир», был впервые напечатан в №№ 4, 6, 8, 10-12 журнала *Волны* в марте-июле 1913 г. Перевод повести «Отравленный пояс» был впервые напечатан в №№ 14, 16 указанного журнала в августе-сентябре 1913 г. Сканы выполнены сотрудниками Российской национальной библиотеки.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные
цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения
и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.